

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

2

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗЮ СССР
★ 1937 ★

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральный Комитет ВКП (большевиков) с глубоким прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 18 февраля в 5 часов 30 минут вечера в Москве скорпостижно скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный бесстрашный большевик-ленинец, выдающийся руководитель хозяйственного строительства нашей страны — член Политбюро ЦК ВКП(б), Народный Комиссар Тяжелой Промышленности СССР товарищ **ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОРДЖОНИКИДЗЕ**.

Смерть товарища **ОРДЖОНИКИДЗЕ**, дорогого для всей партии, рабочего класса СССР, трудящихся всего мира, безупречно чистого и стойкого партийца, большевика, отдавшего свою славную, героическую жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является тягчайшей потерей для всей партии и Советского Союза.

Образ товарища **ОРДЖОНИКИДЗЕ**, его беззаветная борьба за пролетарскую революцию, за строительство социализма в нашей стране вдохновит всех трудящихся, всех партийцев, всех работников хозяйственного фронта на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новые завоевания советской промышленности, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков).**

Памяти товарища Орджоникидзе

Наша партия понесла тяжелую потерю: 18 февраля от паралича сердца скоропостижно скончался товарищ Григорий Константинович **ОРДЖОНИКИДЗЕ**.

Смерть вырвала из наших рядов выдающегося руководителя, неустоимого борца за дело партии, боевого руководителя и организатора блестящих побед социалистической индустрии, нашего близкого и любимого товарища и друга.

Всю свою светлую жизнь товарищ Орджоникидзе без остатка отдал делу рабочего класса, делу освобождения человечества, делу коммунизма. Еще в юные годы товарищ Орджоникидзе встал под великое знамя Ленина и с тех пор до конца своей жизни честно и преданно нес это знамя в руках, борясь на самых передовых позициях.

Его жизнь была неразрывно связана с революционной борьбой рабочих и крестьян против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего гнета, с борьбой за победу Великой пролетарской революции в СССР, с организацией разгрома белогвардейских армий и иностранных интервентов, с победоносным строительством социализма. И всюду, где протекала его кипучая революционная деятельность, она приносила с собой победу за победой.

Товарищ Орджоникидзе представлял образец большевика, не знавшего страха и препятствий в достижении великих целей, поставленных партией. Пламенная энергия, настойчивость и прямота, таланты выдающегося организатора и руководителя масс сочетались в нем с изумительными качествами той сердечности и товарищеской простоты в отношениях к людям, которые так хорошо известны всем, лично знавшим товарища Серго, и которыми отличается настоящий большевик-ленинец.

Последние семь лет товарищ Орджоникидзе стоял во главе тяжелой промышленности СССР. С его именем связаны величайшие победы социалистической экономики. С его помощью партия разрешила труднейшую задачу построения в нашей стране могучей передовой тяжелой индустрии, перевооружившей сельское хозяйство, транспорт и оборону. Во главе многомиллионной армии работников тяжелой индустрии товарищ Орджоникидзе брал приступом одну за другой труднейшие крепости на фронте борьбы за построение и овладение новой техникой. Он любовно выращивал кадры талантливых деятелей тяжелой индустрии, до конца преданных делу социализма, сплоченных вокруг большевистской партии.

И вот теперь тебя, дорогой товарищ Серго, нет с нами. Тяжесть этой утраты неизгладима. Ее с болью будут переживать все трудящиеся нашей страны. Мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла торжества социализма. В этих победах, завоеванных нами путем великой борьбы, большая доля твоих трудов, твоей энергии, твоей безграничной преданности коммунизму.

Прощай дорогой друг и товарищ Серго!

И. СТАЛИН
В. МОДОТОВ
Л. КАГАНОВИЧ
К. ВОРОШИЛОВ
~~В. ЧУВАРЬ~~
А. МИКОЯН
~~С. КОСИОР~~
Г. ПЕТРОВСКИЙ
~~Р. ЭЙХЕ~~
Я. РУДЗУТАК

М. КАЛИНИН
А. ЖДАНОВ
~~П. ПОСТЫШЕВ~~
А. АНДРЕЕВ
Н. ЕЖОВ
~~И. АКУЛОВ~~
В. МЕЖЛАУК
~~Н. АНТИПОВ~~
М. ШКИРЯТОВ
~~Я. ЯКОВЛЕВ~~

Работники Верховного суда и Прокуратуры СССР направили в Центральный комитет ВКП(б) вождю народов товарищу Сталину И. В. следующее обращение:

Работники Прокуратуры Союза ССР и Верховного суда СССР вместе с партией, рабочим классом и всеми трудящимися глубоко скорбят о тяжелой утрате, постигшей партию, страну и трудящихся всего мира.

Скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный борец за дело коммунизма, непреклонный большевик, один из талантливейших учеников и ближайших соратников тт. Ленина и Сталина.

С именем товарища Орджоникидзе связаны наши героические победы в гражданской войне. С его именем теснейшим образом связана последовательная и непримиримая борьба за единство нашей великой партии — партии Ленина—Сталина.

Он был организатором гигантских побед социалистической тяжелой промышленности, этой могучей основы социализма, мощи и процветания нашей социалистической родины.

Светлый образ товарища Орджоникидзе навсегда останется в сердцах миллионов трудящихся как образец большевика, до конца отдавшего всю свою жизнь за дело пролетарской революции, за дело коммунизма.

Мы заверяем Центральный комитет нашей партии и вождя народов Советского союза товарища Сталина, что мы удесятим наши усилия для выполнения задач, поставленных перед нами партией и правительством.

Последовательно и непреклонно, как учил нас товарищ Орджоникидзе, мы будем и впредь разить врага. Мы будем и впредь следовать примеру товарища Орджоникидзе в сталинской заботе о нашем, советском человеке.

У гроба дорогого и незабвенного Серго мы даем клятву не выпускать из своих рук великого знамени социализма, отсекая мечом пролетарской диктатуры тянувшиеся к нему грязные и кровавые руки фашизма и его подлых троцкистских наемников.

В нашей повседневной работе и борьбе за торжество коммунизма нас будет вдохновлять светлая память о товарище Орджоникидзе примером его безграничной преданности партии Ленина—Сталина.

Памяти товарища Серго Орджоникидзе

Смерть Серго Орджоникидзе явилась огромной потерей для нашей партии, всей нашей страны, для дела освобождения трудящихся и угнетенных всего мира.

Смерть Серго Орджоникидзе явилась тяжелым ударом для дела социалистического строительства в СССР, для дела дальнейшего укрепления и развития нашей социалистической промышленности, под непосредственным и талантливым руководством товарища Серго достигшей высокого уровня своего развития и, в буквальном смысле этого слова, блестящего расцвета. Об этом говорит вся история рождения и роста нашей социалистической промышленности, догнавшей и перегнавшей в целом ряде своих отраслей самые передовые в экономическом и техническом отношении капиталистические страны. Всем этим, несомненно, мы обязаны в огромнейшей степени организаторскому таланту, кипучей энергии, железной настойчивости, преданности делу социализма и умению Григория Константиновича Орджоникидзе быстро и последовательно претворять в жизнь директивы и постановления нашей партии и правительства.

Никто так не умел подметить и открыть новые источники творческой энергии масс, как это умел делать товарищ Орджоникидзе. Он один из первых подхватил инициативу Алексея Стаханова, один из первых помог развернуть стахановское движение, явившееся новой страницей в истории социалистического строительства, ставшее замечательной формой творчества и энтузиазма миллионов масс трудящегося народа нашей страны. Он один из первых понял громадное общественное значение движения среди жен инженеров и техников тяжелой промышленности и сделал все, что, казалось, было необходимым для того, чтобы это движение развернуть вширь и вглубь, используя в интересах дела социализма колоссальные резервы энтузиазма и творчества тысяч и десятков тысяч жен инженерно-технических работников.

Сила организаторского таланта товарища Серго заключалась раньше всего в этой организаторской его связи с народными массами, в умении всегда и во всем чувствовать пульс подлинной народной жизни, находить в себе силы своевременно и немедленно отвечать на требования этой жизни, давать простор новым победам нового социалистического творчества в их радостном росте и развитии.

Эта организаторская сила товарища Серго воспитана была в нем нашей партией, одним из крупнейших строителей которой был товарищ Серго, ближайший ученик Ленина и Сталина, преданнейший борец за дело коммунизма, пламенный строитель нового социалистического общества.

С именем товарища Серго Орджоникидзе связаны самые ранние и самые блестящие страницы истории нашей партии. Его роль в деле укрепления большевистской партии огромна. Партия большевиков товарищ Серго был связан неразрывными узами почти тридцатилетней борьбы. 17 лет товарищ Серго вступил в РСДРП, как большевик, и с тех пор

ни на один день не прекращал своей борьбы в рядах большевиков против царского самодержавия, против помещичьего и капиталистического строя. С его именем связаны прекрасные страницы истории большевистской партии в Закавказье — Грузии и Азербайджане. Уже в 1907 г. товарищ Серго вместе со Сталиным, Шаумяном, Джапаридзе и Спандаряном руководят в качестве членов Бакинского комитета бакинской большевистской организацией.

Бакинский период в жизни и деятельности товарища Серго — это один из блестящих периодов его революционной борьбы. После ряда лет подполья, чередовавшегося с тюрьмой и ссылкой, товарищ Серго принимает активное участие в революционной борьбе персидского народа (1909 г.) и в 1910 г. вновь возвращается в Баку, чтобы через некоторое время отправиться к Ленину в Париж учиться в созданной Ильичом партийной школе. Отсюда, прервав обучение, он, по указанию В. И. Ленина, вновь отправляется в Россию, чтобы заняться подготовкой к созыву общероссийской партийной конференции, которая и состоялась в 1912 г. в Праге, где товарищ Серго участвовал в качестве делегата от тбилисской (тогда тифлисской) большевистской организации.

Роль товарища Орджоникидзе в истории нашей партии действительно огромна. Стоит только вспомнить, что именно он, вместе с Лениным и Сталиным явился организатором знаменитой Пражской конференции, послужившей основой воссоздания большевистской партии.

«Когда время пришло, чтобы большевистская партия окончательно оформилась и окончательно освободилась от меньшевистских попутчиков, товарищ Орджоникидзе становится одним из основных организаторов знаменитой Пражской конференции, с честью выполнившим эту задачу. Он гордился и имел на это полное право, что вся его замечательная работа по строительству партии проходила под непосредственным руководством Ленина и Сталина».

В этих словах, произнесенных товарищем Молотовым в своей речи на траурном митинге, посвященном памяти товарища Орджоникидзе, содержится достойная оценка великих заслуг товарища Серго перед нашей партией, рабочим классом и трудящимися массами всего мира.

Но с еще большим блеском развернулся талант товарища Орджоникидзе как строителя и руководителя пролетарской борьбы, после Октябрьской революции и, особенно, в годы гражданской войны. Совершенно правильно сказал товарищ К. Е. Ворошилов, что «годы борьбы и строительства Рабоче-крестьянской Красной армии неразрывно связаны с именем Серго Орджоникидзе».

«Он был, — сказал Климентий Ефремович, — одним из талантливейших военных организаторов, который своей стойкостью и выдержкой, героизмом и мужеством, беззаветной преданностью делу революции на фронте гражданской войны, заражал верой в силу революции и вдохновлял командиров и бойцов на борьбу и победы».

С именем товарища Серго Орджоникидзе связаны исключительные по своему историческому значению, по своему историческому блеску страницы героических боев с врагами пролетарской революции.

В 1917 г. он, во главе красновардейских пролетарских бойцов, дерется против Краснова и К-ренского.

В начале 1918 г. он бьет немецких интервентов и украинских контрреволюционных националистов.

Летом 1918 г. он организует борьбу против муссаватистов, дашнаков, грузинских меньшевиков, продавшихся иностранным интервентам.

С именем Серго связана слава XI Красной армии.

Летом 1919 г. Серго, тогда уже на Западном фронте, вместе со Сталиным организует XVI армию и дает жестокие уроки белополякам.

В качестве члена Революционного военного совета XIV армии товарищ Серго громит под Орлом белогвардейскую контрреволюцию, освобождает Донбасс и изгоняет белых с территории левобережной Украины.

В 1920 г. он вновь на Северном Кавказе. И в феврале 1921 г. после победоносной борьбы с закавказской контрреволюцией освобождает из муссаватистского плена Баку... А дальше идут годы его неустанной борьбы и работы как председателя ЦКК—РКИ, председателя Высшего совета народного хозяйства СССР, как наркома тяжелой социалистической промышленности.

Товарищ Серго весь и целиком отдается делу партии Ленина—Сталина. Он в труде и борьбе не знает ни усталости, ни умеренности. Всегда глубоко искренний, он волновал и заражал этой искренностью и подлинным партийным энтузиазмом всех тех, кто с ним соприкасался. Ему исключительно близки и дороги были интересы нашей партии, дела социалистического строительства, поэтому он был так страшен и беспощаден к врагам. В гневе и ненависти к врагам революции и партии товарищ Серго также не знал ни усталости, ни умеренности.

На XIV партийном съезде он гневно, беспощадно, сокрушительно обрушивается на изменников и предателей социализма Зиновьева и Каменева. Он громит Пятакова и всю троцкистскую предательскую банду, как изменников и вредителей, как бы предвидя тот позорный и подлый конец, какой спустя почти десять лет после этого ожидал троцкистско-фашистского наймита Пятакова и его сподручных.

Когда пробовала поднять голову правая оппозиция, возглавлявшаяся Бухариным, Томским и Рыковым, смыкалась с троцкистами и договариваясь об объединении всех контрреволюционных сил для борьбы против ЦК и против товарища Сталина, вновь прозвучал гневный голос товарища Серго против этих отщепенцев.

На XVI партийном съезде товарищ Серго говорил о борьбе этих негодяев против Сталина, как о борьбе против генеральной линии ленинского ЦК нашей партии. Устами товарища Серго говорила вся партия, вся наша страна, когда Серго произносил следующие слова: «Партия пошла за своим ЦК. Партия в лице товарища Сталина видит стойкого защит-

ника генеральной линии партии и лучшего ученика Владимира Ильича, и поэтому наша партия и рабочий класс вполне правильно отождествляют товарища Сталина с генеральной линией нашей партии, ведущей СССР от победы к победе».

Верный соратник Ленина и Сталина, верный и ближайший друг нашего великого вождя и учителя товарища Сталина, бесконечно близкий и дорогой нам Серго Орджоникидзе, в этих словах он показал всю свою природу подлинного большевика, последовательного и непреклонного борца за ленинизм. Вот почему Серго Орджоникидзе так глубоко и так трагически переживал особенно в последние годы предательство и измену в наших рядах, так глубоко переживал подлые преступления наших врагов, тайно замышлявших и частично осуществивших свои злодейские преступления. Товарища Орджоникидзе глубоко и мучительно волновала измена Пятакова. Товарищ Серго тяжело переживал это беспрецедентное в истории нашей партии вероломство человека, которому оказано было так много доверия и который сумел так цинично и нагло это доверие нарушить.

Смерть товарища Серго несомненно была ускорена подлыми преступлениями Пятакова, Ратайчака и им подобных, немало сделавших усилий для того, чтобы подорвать здоровье товарища Серго и ускорить роковую развязку.

«Кронштадтцы», как назвал в свое время благородный рыцарь пролетарской революции Феликс Дзержинский троцкистов, во главе с Троцким, Пятаковым и Каменевым, 11 лет назад доканали товарища Дзержинского. Теперь они доканали дорогого Серго, смерть которого до глубины души потрясла всю нашу страну, миллионы рабочих, крестьян и интеллигенции.

В 1926 г. товарищ Дзержинский бросил по адресу Пятакова свои гневные слова: «Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности». Увы, самые худшие предположения ныне сбылись и обнажились в тысячах фактов злодейств и чудовищных преступлений, запятнавших имя Пятакова. В ряду этих злодейств одно из самых подлых и гнусных — это нанесенный пятаковской бандой удар великому и благородному сердцу товарища Серго, которое теперь навсегда остановилось.

На траурном митинге 21 февраля товарищ Молотов сказал: «Враги нашего народа и всех трудящихся, троцкистские выродки фашизма и иные подлые двурушники, изменническая работа которых на службе обреченной на скорую гибель буржуазии вызывала такие острые и всем нам понятные переживания товарища Орджоникидзе, несут ответ за то, что во многом ускорили смерть нашего Серго. Товарищ Орджоникидзе не ожидал, что Пятаковы, которым были предоставлены такие возможности, могут пасть так низко, скатиться в такую грязную, темную яму контрреволюции. Мы знаем, как на это ответить...»

Сам Серго всей своей героической жизнью, без остатка отданной борьбе с врагами трудящихся, борьбе за победу коммунизма, сделал для этого столь много, как лишь немногие.

Образ Серго Орджоникидзе будет всегда стоять перед нами, как светлый пример жиз-

ни славного большевистского борца за дело коммунизма. Память о нем не только нам, но и грядущим поколениям, будет служить призывом к беззаветной борьбе за полное освобождение и счастье всей великой семьи народов, за полное торжество коммунизма».

Светлый образ Серго Орджоникидзе будет всегда служить нам примером преданности, героизма и величия борца за коммунизм, за дело Ленина—Сталина, воспитавших такого замечательного человека, такого верного сына нашей партии и трудового народа...

Г. М. ЛЕПЛЕВСКИЙ

Невозвратимая утрата¹

Товарищи! Вчера, в 5 час. 30 мин. вечера, угасло пламенное сердце великого Григория Константиновича Орджоникидзе. Не стало всем нам близкого, бесконечно дорогого и горячо любимого товарища Серго Орджоникидзе.

Хочется сегодня, в этот день, когда нашу страну, нашу партию, народы нашего великого Союза постигло такое огромное, такое неизъяснимо глубокое горе, развернуть на несколько минут страницы этой поразительно яркой, этой сверкающей красотой и удивительным благородством жизни замечательного борца.

Серго Орджоникидзе представлял собой чистейший образец ленинца-сталинца, большевика. Возьмите эту удивительную жизнь.

Родился он в бедной семье, в семье труженика. Прошел огромный путь страданий и терзаний от призола царских властей. Закованный в кандалы, он сидит годами в крепости, он идет из одной ссылки в другую, он живет в далекой Якутии. Но всюду, всегда и везде это — кристально-честный, чистый, скромный и яркий большевик.

Задолго до 1917 г. он в Париже, на тужбине, встречается и становится плечом к плечу к Владимиру Ильичу Ленину. Он становится, по воспоминаниям Н. К. Крупской, близким человеком в этой железной когорте большевиков.

На Пражской конференции в те годы, когда изменник, ренегат, фашистский наймит и шпион Троцкий сколачивал августовский блок против большевистской партии, товарищ Серго — один из семи избранных в Центральный комитет большевистской партии.

Его революционная большевистская борьба не прерывается ни во время ссылки, ни в период подавления — временного подавления пролетарского революционного движения царским правительством.

1917 год. Февральский переворот. Товарищ Серго спешит из Якутии в центр, в сердце революции — в Ленинград, тогдашний Петроград; он спешит туда, где, по выражению Владимира Ильича, глубже всего залегают корни пролетарской диктатуры. И там, в Ленинграде, он развивает огромную деятельность большевика и партийного руководителя.

Как мужественный и стойкий большевик, он не теряет и в июльские дни, когда наша партия была загнана в подполье, когда палачи — Керенский, Милюков, Родзянко и Ко старались получить в свои руки Владимира

Ильича Ленина, чтобы обезглавить революцию, чтобы, прикрывшись судебной комедией, срезать с могучих плеч российского пролетариата эту гениальную голову. Товарищ Серго Орджоникидзе вместе с товарищем Сталиным против выдачи Ленина Керенскому и палачам, посланным буржуазией.

Товарищ Серго Орджоникидзе проделывает громадный путь своего собственного роста вместе с гигантским ростом рабочего класса нашей страны.

Фронты, гражданская война, разруха. Серго Орджоникидзе там, куда посылает его партия, рабочий класс. Руководя то одной армией, то другой, он венчает победами нашу страну, нашу пролетарскую революцию. Товарищ Серго всюду по предложениям Ленина и Сталина, где только нужен энтузиазм, где нужна воля к победе, где нужен блестящий организаторский талант, на всех фронтах борьбы за установление советской власти, за разгром интервентов, за хлеб, за свободу, за мир, везде и всюду — товарищ Серго Орджоникидзе.

И не случайно, но совершенно закономерно, именно на X съезде партии, тогда, когда троцкисты, рабочая оппозиция, шляпниковцы, и всевозможные ренегаты типа Рязанова обрушиваются на нашу партию, именно тогда, когда Владимир Ильич бросает свои знаменитые слова: «партию лихорадит, надо понизить ее температуру», надо создать железное единство, надо воспитать дисциплину в нашей партии, положить конец шаталиям внутри нашей партии, именно тогда Серго Орджоникидзе избирается в ЦК нашей партии.

1926 год. XIV съезд партии. Новая оппозиция, старые изменники и ренегаты, оставившие пролетариат в октябрьские дни, выдавшие план восстания врагу, — Зиновьев и Каменев во главе этой оппозиции. Один из пламенных борцов с этой оппозицией — товарищ Орджоникидзе. И не случайно партия в это время выдвигает его на пост председателя Центральной контрольной комиссии. Под его руководством она проделала громадную работу по очищению своих рядов для сохранения железного монолитного единства партии, столь нужного нашей и мировой коммунистической революции.

В 1926 г. я впервые увидел этого замечательного человека в домашних условиях. Передо мной был столь знакомый нам всем и всеми любимый товарищ Серго Орджоникидзе, его поразительные глаза, постоянно смеющиеся, умные, пытливые, прекрасные глаза кристально чистого большевика, чистейшим образом которого он остался до конца своих дней, до последнего вздоха. В полутемной комнате в

¹ Речь на траурном митинге работников Прокуратуры и Верховного суда Союза ССР 19 февраля 1937 года, посвященном памяти Г. К. Орджоникидзе.

Кремле, еще на своей старой квартире, он вел со мной длительную беседу. До чего он был полон внимания к новому для него человеку. Никто, как он, не воспринял так глубоко, не впитал так полно того, что составляет самое ценное в нашей жизни, в нашей стране, того, что составляет основу революции — учение Ленина—Сталина. Передо мной был удивительно живой, удивительно ласковый, удивительно внимательный человек, и вместе с тем передо мной был железный большевик.

Мы все сколько раз видели и поражались, всхищались, были полны любви к этому человеку, когда он брал слово на заседании Совета народных комиссаров или СТО. Воцарялось поразительное молчание и тишина, и каждое слово этого страстного борца за коммунизм живо воспринималось всеми слушателями. Он умел с непоколебимой страстностью нападать на своего противника, если он с ним расходился в мнении по тому или иному вопросу. Но кончился спор, и перед вами был все тот же ласковый, все тот же внимательный, все тот же товарищ Серго. Но он решительно поворачивался и навсегда отходил от того, в котором почувствовал, что тот хотя бы на миг изменил делу большевизма, делу революции; в этих случаях он мог отнестись к такому человеку только, как к самому лютому врагу, потому что товарищ Серго был твердый, это был железный большевик.

Я помню в 1933 г. мне было поручено подготовить вопрос о ценах на с.-х. машины. Был поздний час летней ночи. Товарищ Серго Орджоникидзе в своем кабинете слушает внимательнейшим образом детали этого сложного вопроса, а в приемной еще много ответственных работников. В 2 часа ночи я покинул кабинет, а он оставался работать. Частенько Серго Орджоникидзе продолжал работу до самого утра.

Мне довелось через месяц видеть этого же человека отдыхающим среди советских граждан, среди тружеников—рабочих и служащих. Это был скромный большевик, поразительно скромный и чистый человек. Серго Орджоникидзе знал, что он — ответственный руководитель, он знал, что именно ему партией и правительством было поручено ведущее звено

в хозяйстве нашей страны — социалистическая индустрия, то звено, которое составляет основу всей хозяйственной жизни нашей страны, та индустрия, которая превратила нашу страну из отсталой в передовую, та индустрия, которая перевела наше сельское хозяйство на рельсы социалистического земледелия. Это важнейшее, ведущее звено во всей цепи нашего народного хозяйства было вручено товарищу Серго Орджоникидзе, и он прекрасно справился с этим делом.

Возьмите самое недавнее время, когда праздновалось его 50-летие. Посмотрите, какой заботливой лаской, какой любовью ответил наш народ этому достойнейшему своему руководителю. И хозяйственник, и академик, и пролетарий, и колхозник — все пожимали руку товарищу Серго, все горячо, пламенно приветствовали его.

Возьмите стахановское движение. Он учит стахановцев и учится у них. Он — один из возглавляющих стахановское движение. Только только нащупывалось движение жен инженеров и техников — командиров промышленности, Серго становится во главе этого движения. Многие из вас побывали на этом совещании и видели, какими неразрывными нитями и узами этот человек был связан с широчайшими массами народа, как каждый в нем чувствовал и своего человека и своего достойнейшего руководителя.

Партию, страну и народы нашего великого Советского союза постигла огромная печаль, невозвратимая утрата. Не стало товарища Серго Орджоникидзе. Но весь он — живой, умный, внимательный, ласковый, один из достойнейших руководителей нашей страны — перед нами. Весь его жизненный путь — путь страстного борца за дело коммунизма — перед нами. Он с нами. Он служит наилучшим образцом для всех работников нашей страны. Его имя, так же бессмертно, как бессмертны дела ленинско-сталинской эпохи.

Нет с нами больше горячо любимого Серго Орджоникидзе. Но ближе, плечом к плечу, станем друг к другу. Теснее, ближе станем к партии, всем сердцем и душой к Центральному комитету и к вождю нашей партии, к нашему вождю и учителю — товарищу Сталину.

Закончился процесс антисоветского троцкистского центра. Приговор вынесен. Приговор справедливый. Тринадцать изменников уничтожены. Исключительное великодушие и величайшая гуманность советского суда сохранили жизнь четырем предателям, осужденным к длительным срокам заключения в тюрьму.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР — это приговор всего советского народа, приговор трудящихся всего мира, всех честных и передовых людей всех стран.

Исключительное значение этого приговора, как и всего судебного процесса, заключается раньше всего в том, что оказались разоблаченными до конца заклятые и подлейшие враги всего передового, всего прогрессивного, всего лучшего, что существует в человеческом мире. Проклятые агенты фашизма — поджигателя войны, истребителя и насильника, разбойника и палача всего честного и подлинно человеческого, враг народа Л. Троцкий и его подлая царяня — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Муралов, Лившиц и другие, разделявшие с ними их презренную судьбу, на процессе антисоветского троцкистского центра оказались разоблаченными до последней своей черты, — разоблаченными именно как враги передового человечества, как враги мира и демократии, как враги советского строя, олицетворяющего самые высокие принципы, — строя, создавшего подлинную демократию и защищающего ее как величайшее достижение пролетарской революции и пролетарской диктатуры. Враг народа Л. Троцкий и его подлая царяня, осужденная Верховным судом Союза СССР, это враги всех народов, томящихся под пятой фашистских угнетателей. Вот почему во всем мире, во всех уголках земного шара, где дышится свободная человеческая мысль, горит даже теплится огонь человеческой культуры и цивилизации, где светит свет подлинного прогресса, где идет борьба за мир и демократию, — приговор Верховного суда был встречен с величайшим удовлетворением и величайшим одобрением.

Весь мир трудящихся и угнетенных, все лучшее, передовые представители человечества облегченно вздохнули, выслушав этот приговор, устранивший с нашего пути одну из бесчестнейших шаек фашистских бандитов, пылавшихся взорвать Советское государство и установить победный ход нашего социалистического строительства. Они облегченно вздохнули потому, что в лице осужденных они справедливо видели агентуру темных, враждебных интересам человечества, мира и демократии, сил. Не только пролетарии и крестьянская беднота, не только коммунисты, но и люди далекие от коммунистических взглядов — простые люди, все те, кто сохранил в себе честность и чистоту мысли, с одной стороны, и смелое, трезвое понимание действительности — с другой, облегченно вздохнули, выслушав судебный приговор, раздавший эту фашистскую гадину.

Только слепые или окончательно потерянные в моральном отношении люди могут не видеть, что сейчас во всем мире стоят друг против друга две непримиримые, смертельно враждеб-

ные одна другой силы: сила коммунизма и сила фашизма. Только слепые и окончательно погибшие люди не видят, что во всем мире идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя системами общественных и политических отношений, между двумя системами принципов и идей, между стремлением к миру и счастьем миллионных масс, с одной стороны, и стремлением к войне и порабощению народов — с другой. Наоборот, все передовые и честные люди, независимо от их социальных и политических взглядов, должны видеть и видят теперь, что готовившийся фашистами и продолжающий ими готовиться удар против Советского союза есть удар против дела мира, дела культуры всего человечества. Советский союз, как каменный утес, стоит среди бушующих вокруг него волн беснующегося фашистского моря, принимая на свою грудь первые и самые жестокие удары враждебных ему сил. Об эту скалу разбиваются и разлетаются вдребезги эти удары, — так всегда было, так будет и впредь. Советский союз — оплот и твердыня борьбы за мир, борьбы против братоубийственной войны, против потоков крови, слез и безграничного горя, ожидающих миллионы рабочих и крестьян, обреченных быть первыми жертвами темных фашистских сил в случае удачи их замыслов.

Троцкистская организация во главе со своим антисоветским троцкистским центром — это передовой отряд фашизма, это его «пятая колонна», растленная и продававшаяся врагу, предавшая интересы трудящихся, интересы социализма, свою родину.

Вот почему так неудержим гнев нашего народа против троцкистских бандитов, против фашистских разведчиков. Вот почему так негодующи несущие со всех сторон мира крики презрения и проклятия по адресу изменников. Вот почему так живы и горячи бесконечные приветствия труженников всех стран и всех народов по адресу советского правительства и нашей партии, по адресу его великого вождя товарища Сталина, своим мудрым и гениальным руководством обеспечивших неприступность советских твердынь, неприкосновенность советского строя, беспощадность и решительность удара против врагов социализма, трудящихся и всего передового человечества.

Процесс антисоветского троцкистского центра подвел последний итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, сделавших борьбу против советской власти и коммунизма своей профессией и осуществляющих эту борьбу в течение целых десятилетий. Этот процесс показал неизбежность того конца, к которому должны были прийти троцкисты и их вожаки — враги народа Л. Троцкий, Ю. Пятаков, Серебряков, Радек и другие. Политический путь Л. Троцкого и троцкистов завершился черной изменой. Превратившись в одно из отделений Гестапо, став на службу фашистских разведок, троцкистское подполье перешло на путь террора, вредительства, диверсий и шпионажа, этих обычных и излюбленных средств врагов Советского государства, не смеющих действовать открыто, вынужденных действовать исподтишка, бить в спину

пользуясь самыми вероломными и подлыми средствами борьбы.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указаниям иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, является лишь завершением деятельности борьбы Троцкого против рабочего класса и нашей партии, борьбы против Ленина и ленинизма. Превращение троцкистских групп в группы убийц, диверсантов, вредителей и шпионов обусловлено всей предшествующей историей троцкизма, всей историей, всем процессом его развития, как течения, враждебного интересам рабочего класса и делу социализма.

В своей обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра т. Вышинский говорил:

«Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?»

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина—Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

Троцкисты пришли к этому своему позорному концу потому, что они десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в творческие силы рабочего класса, в победу социализма, в победу пролетарской революции. Именно этим объясняется и их презренная программа капиталистической реставрации, их подлая изменническая программа предательства СССР — социалистического государства рабочих и крестьян, подлинного отечества трудящихся всего мира.

Никогда не веря в социализм, хотя постоянно и прикрываясь именем социализма, Иудушка-Троцкий поочередно служил экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму, борясь против Ленина и партии большевиков в прошлом, как теперь служит империализму фашизму, борясь против Сталина, коммунистической партии и СССР.

На заре русского рабочего движения в своей подлой клеветнической и предательской книжонке «Наши политические задачи», вышедшей в свет 32 года назад, Троцкий нагло издевался над ленинизмом, над пролетарской диктатурой, над пролетарской революцией, над партией большевиков, над основными организационными и программными принципами большевистской партии, созданной и выпестованной Ле-

ниним. Этот мастер фашистских заплетных дел уже тогда доходил до беспрецедентной клеветы и цинизма в своих гнусных обвинениях против В. И. Ленина. Иудушка-Троцкий, продавшийся фашистам, уже тогда всячески помогал врагам рабочего класса и врагам пролетарской революции в их борьбе против авангарда пролетариата, учившего рабочих и крестьян тому как надо организовываться для борьбы с капитализмом, как нужно эту борьбу вести, как нужно бороться и побеждать. Этот негодный враг советского народа и всех трудящихся мира Л. Троцкий уже тогда пытался изобрести «революционные традиции партии», как спустя 23 года он осмелился цинично заявить на заседании президиума ИККИ о себе как о хранителе революционных традиций партии.

Этот негодий 10, 20 и 30 лет назад, как всю свою жизнь неустанно боролся, как борется сейчас, против дела социализма, перебегая из одного лагеря врагов рабочего класса в другой, пока, наконец, после окончательной победы в СССР социализма он не нашел своего настоящего места — в гитлеровской передовой претривившей окончательно и бесповоротно последнего лакея фашизма, в откровенного палача дела рабочего класса.

В 1931 г. товарищ Сталин дал исчерпывающую характеристику троцкизма, хотя в 1931 г. нам еще не были известны все те подлые преступления, какие уже тогда не только замыслил, но и начал проводить в жизнь против дела социализма и СССР враг народа Л. Троцкий. В письме в журнал «Пролетарская революция» товарищ Сталин писал:

«На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.»

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевизма и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обогнать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов получила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии» (И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 475—476).

Товарищ Сталин заклеил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

Величайшее значение процесса антисоветского троцкистского центра заключается в том, что он окончательно вскрыл подлости троцкистского подполья и показал весь длительный процесс превращения троцкистской фракции в передовой фашистский отряд — отряд изменников, шпионов, убийц, вредителей и диверсантов.

Величайшее значение этого процесса заключается в том, что он с исчерпывающей полнотой показал и те программные установки — установки на возврат к капитализму в СССР, какие тщательно и упорно скрывали «деятели» троцкистско-зиновьевского объединенного центра — Зиновьев, Каменев, Тер-Ваганян, Смирнов и другие, пытавшиеся уверить нас, что у них не было никакой программы и что ими в их преступной борьбе против Советского государства руководила лишь голая жажда власти. И хотя уже в том процессе Рейнгольд, Дрейцер, отчасти тот же Каменев и некоторые другие обвиняемые говорили о своей программе реставрации капитализма, но только процесс антисоветского троцкистского центра вскрыл эту программу во всей полноте, показав, до каких чудовищных пределов докатились изменники, вступив в союз с врагами советской земли, торгуя и распродавая советскую территорию, предавая интересы социализма и интересы трудящихся.

Заслуга этого процесса заключается еще и в том, что он рассеял ложное представление о таких господах, как Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие, как о старых большевиках, как о «большевиках-ленинцах», какими они себя любили именовать, пытаясь прикрыть свою истинную сущность великим именем Ленина.

Судебный процесс показал, что главари этого центра, не говоря уже о Троцком, фигура которого слишком хорошо и давно известна трудящимся как предателя и изменника делу социализма, — ни Пятаков, ни Радек, ни Серебряков, ни Сокольников, эти основные руководители антисоветского троцкистского центра в СССР, никогда в действительности не были большевиками, что еще задолго до Октябрьской революции, еще при Ленине они из года в год вели борьбу против Ленина и ленинизма, против ВКП(б) и пролетарской диктатуры, против пролетарской революции и социалистического строительства. Судебный процесс показал это со всей исчерпывающей отчетливостью, и ни один из них, даже такой самовлюбленный актер и фразер, как Радек, не осмелился выступить с опровержением брошенного им в лицо обвинения в многолетней борьбе против ленинизма и в изменах, уходящих своими корнями в дооктябрьское время.

Как это было с точностью установлено на суде, Пятаков начал свою борьбу против Ленина еще в 1915 г. и упорно ее вел на протяжении всех последующих лет, вплоть до своего ареста, периодами маскируя эту борьбу.

двурушнически и лицемерно заявляя иногда о своем отказе от борьбы, но продолжая все же эту борьбу вести, и чем дальше, тем все более подло и ожесточенно.

То же можно сказать и о Радеке, и о Сокольникове, и о Серебрякове. В 1918 г. Радек вместе с Пятаковым, Бухариным и другими так называемыми «левыми» коммунистами в момент острейшей опасности для советской страны — во время переговоров о Брестском мире — готовились предать родину, заявляя о том, что лучше пойти на утрату советской власти, ставшей, по словам этих предателей, к тому же чисто формальной, чем идти на заключение Брестского мира. Радек вместе с Пятаковым и Бухариным в 1918 г. вели переговоры с эсерами об аресте Ленина и о захвате Совнаркома в свои руки, пытаясь, таким образом, путь к власти проложить себе через государственный переворот и настоящую измену.

Сокольников всегда был сторонником капитализма, защищая план «дауэсизации» нашей страны, т. е. закабаления СССР капиталистическими странами, превращения СССР в придаток капиталистической системы.

От первых трех не отставал никогда и Серебряков — кадровый троцкист, активный участник троцкистской оппозиции (1920—1921 гг., 1923 г., 1926—1927 гг. и т. д.). Ведь это Серебряков на суде признал, что он, в сущности говоря, никогда не порывал с троцкизмом, хотя и умел периодами пританцовывать потихоньку выжидать, прикрываясь партийным билетом, лучших для троцкизма дней.

Процесс показал, что эти люди, осмелившиеся называть себя «большевиками-ленинцами», никогда в действительности большевиками не были, всегда были троцкистами, всегда боролись против Ленина и его партии при жизни Ленина, как и продолжали бороться против Сталина и партии Ленина — Сталина после смерти Ленина.

Судебный процесс окончательно сорвал с этих негодяев последние маски, изобличил их как врагов народа, как ничтожную, гнусную кучку людей, ставших агентами иностранных разведок.

Несмотря на то, что троцкисты и их главари в лице Пятакова, Радека, Серебрякова и других пытались изображать собою политических деятелей, процесс показал, что они составляли не политическую партию, а простую банду преступников, действовавших обычными методами профессиональной уголовщины, не останавливаясь перед тем, чтобы «снимать» — устранять со своего пути всех, кто им мог помешать, как это было с честным беспартийным специалистом инженером Бояршиновым, отправленным на тот свет по поручению подпольного троцкистского центра бандитской группой Шестова.

Убийства и террор, поджоги и диверсии, крушения поездов и уничтожение ценного государственного имущества, систематическое вредительство и попытки сорвать и пошатнуть обороноспособность нашей страны, тайные связи с представителями некоторых иностранных государств и совместная «работа» с откровенными шпионами и агентами иностранных разведок, обещания «территориальных уступок», т. е. откровенная продажа советской земли, т. е. настоящая самая черная и подлая измена, — вот перечень тех преступлений, кото-

рые составляли все содержание деятельности этой политической партии, в действительности партии уголовных преступников, настоящих бандитов.

Процесс антисоветского троцкистского центра показал вместе с тем всю ничтожность попыток враждебных СССР сил нарушить его покой и благополучие. Вредительские замыслы и отдельные акты троцкистских вредителей оказались бессильными в какой бы то ни было мере ослабить или замедлить победоносный ход развития нашего социалистического хозяйства. На каждую вредительскую вылазку троцкистских преступников наш рабочий класс отвечал десятикратными усилиями, героическим энтузиазмом и новыми победами.

Ни в области промышленности, ни в области железнодорожного транспорта, куда были направлены основные усилия троцкистских вредителей и диверсантов, им не удалось добиться своих целей. Почему?

«Потому, что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому, что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы».

(Вышинский).

Мы приветствуем приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, разоблачившего

и уничтожившего еще один отряд темных фашистских сил.

Мы призываем всех работников советской юстиции, и в первую голову работников суда и прокуратуры, еще зорче всматриваться в то, что происходит вокруг них, еще больше проявлять подлинную большевистскую бдительность, еще энергичнее и настойчивее бороться с врагами советской земли, еще теснее сплотить свои ряды вокруг великого знамени Ленина — Сталина, решительно, последовательно и беспощадно обрушивая свои удары на врагов социализма, врагов пролетарской революции.

Великие жертвы нами принесены и много нашей братской крови нами пролито за дело социализма, за наши победы. Их никто не отнимет у нас, никто не смеет на них посягать, никто не смеет угрожать нашему благополучию.

Работники прокуратуры должны беззаветно и самоотверженно охранять эти великие завоевания пролетарской революции, охранять благо и жизнь наших руководителей, нашего великого вождя товарища Сталина и его славных и мудрых сподвижников, на благо и счастье нашей родины, нашего народа и трудящихся всего мира.

Г. и М. РОГИНСКИЕ

Из зала суда

Октябрьский зал Дома Союзов.

Совсем недавно, в этом же зале, суд народа вынес свой приговор шестнадцати взбесившимся псам, шестнадцати заправилам передового отряда международной контрреволюции, объединившимся в троцкистско-зиновьевский террористический центр. Чудовищны были их преступления, безгранична была их подлость и мерзость, беспредельно было их падение. Но еще большим срадом несет от 17 бандитов из антисоветского троцкистского центра. Еще более чудовищные преступления вскрылись на пролетарском суде. Буквально трудно подобрать соответствующие слова, чтобы выразить всю мерзкую, гнусную и преступную деятельность этих бандитов, пойманных за руку, избалованных и представших перед судом народа.

В течение ряда дней в открытом судебном заседании разбирались перед лицом трудящихся нашей страны, перед лицом всего мира преступления участников антисоветского троцкистского центра, изменников и предателей родины, вредителей, диверсантов, шпионов и убийц. Страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищных измен! Невероятной жутью веяло от показаний подсудимых. Жутко становилось, когда нагло-цинично подручные Троцкого — Пятаков, Радек и др. рассказывали о своих дьявольских планах и делах. Жутко делалось, когда прилизанный Сокольников передавал о своих беседах с представителями фашистских аггессоров. Призрак кровавой войны и ужаса веяло от рассказов и дел фашистских наймитов, действовавших под руководством злейше-

го врага народа — Иудушки-Троцкого, действовавших под руководством врага человечества.

Каждому из присутствовавших в зале суда, от стахановцев социалистических предприятий, ученых и писателей нашей великой родины до иностранных корреспондентов, всему народу и всему миру, было ясно, что на скамье подсудимых рядом с Пятаковым, Радеком, Серебряковым, Сокольниковым и их подручными незримо находится пойманный и избалованный обер-бандит Троцкий.

Судебное следствие с исключительной полнотой вскрыло цели и задачи этой фашистской банды, все методы и формы действий этих бандитов, с исключительным цинизмом и хладнокровием идущих на самые гнусные сделки с наиболее озверелыми врагами Советского союза.

Шайка бандитов, представшая перед судом народа, возглавляемая и руководимая выброшенным за пределы Союза врагом народа и всего передового человечества Л. Троцким, в своей озверелой вражде и ненависти к Советскому союзу, к успехам социалистического строительства не останавливалась перед самыми ужасными, самыми чудовищными преступлениями.

Нет и не было такого злодейства и преступления, на которые не пошли бы растленные подонки и отбросы человеческого общества, троцкистско-фашистские гадины.

Это они — атаманы бандитской шайки, именуемой троцкистским центром, — продавали оптом и в розницу великую страну победившего социализма.

Это они — заключали сделки с представителями фашистских агрессоров и совместно с ними пытались ускорить нападение на Советский союз.

Это они — призывали страшный призрак войны, готовя гибель миллионов людей, ужас и страдание для всего человечества.

Это они — взрывали наши шахты, поджигали наши заводы, разрушали наш транспорт.

Это они — убивали наших лучших рабочих, наших доблестных красноармейцев.

Это они — в зловонной яме троцкистского подполья готовили убийства вождей нашего народа, в именах которых воплощена победа социализма в нашей стране, воплощена счастливая, радостная и свободная жизнь на одной шестой земного шара.

Это они — готовили удар в самое сердце, подготавливая убийство вождя советского народа и мирового пролетариата, великого Сталина.

Это их руки обгажены кровью верного соратника Ленина — Сталина, пламенного борца и трибуна — Сергея Мироновича Кирова.

Суд на гласном процессе разоблачил и навеки заклеил верного цепного пса фашизма — Троцкого и его гнусных выучеников, заврпил антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова и соучастников их бандитской деятельности — Лившица, Муралова, Дробниса, Богуславского и других крупных и малых бандитов троцкистского подполья — к л е й м о м врагов в народа.

Суд вытащил на свет всю механику подготовки и организации злодейств этих 17 бандитов, сидевших на скамье подсудимых.

Пролетарский суд перед всем миром раскрыл готовящиеся и совершенные троцкистскими заговорщиками-изменниками преступления, показал подлинное лицо преступников и их действительных вдохновителей.

Процесс над антисоветским троцкистским центром со всей беспощадностью вскрыл и показал всю безграничную подлость и жестокость врагов пролетарской революции и социализма.

На гласном суде преступники не могли уйти от фактов, от улики, от доказательств, полностью их изобличавших в совершении чудовищных злодеяний.

Прокурор Советского союза т. Вышинский с исключительной четкостью, точностью и безупречностью доказал и обосновал фактами и документами преступления и вину каждого троцкистского бандита в отдельности и всей бандитской шайки в целом.

Сами подсудимые рассказали о том, кому они служили, но еще более красноречиво об этом говорят их злодейские дела, их грязные, кровавые дела контрреволюции.

На XVI съезде партии товарищ Сталин указывал: «Существо троцкизма состоит, прежде всего, в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что если в ближайшее время не подоспелет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемое «революционной»

фразой о победе мировой революции...» И далее, — указывал товарищ Сталин, — «...Существо троцкизма состоит, во-вторых, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Что это значит? Это значит, что рабочий класс не в силах повести за собой крестьянство в деле перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на коллективные рельсы, что если в ближайшее время не подоспелет на помощь рабочему классу победа мировой революции, крестьянство восстановит старые буржуазные порядки. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание сил и возможностей пролетарской диктатуры повести крестьянство к социализму, прикрываемое маской «революционных» фраз о победе мировой революции...» И далее, учит товарищ Сталин, — что «...существо троцкизма состоит, наконец, в отрицании необходимости железной дисциплины в партии, в признании свободы фракционных группировок в партии, в признании необходимости образования троцкистской партии. Для троцкизма ВКП(б) должна быть не единой и сплоченной боевой партией, а собранием групп и фракций со своими центрами, со своей печатью и т. д. А что это значит? Это значит провозглашение свободы политических фракций в партии. Это значит, что вслед за свободой политических группировок в партии должна притти свобода политических партий в стране, то-есть буржуазная демократия. Стало быть, мы имеем здесь признание свободы фракционных группировок в партии вплоть до допущения политических партий в стране диктатуры пролетариата, прикрываемое фразой о «внутрипартийной демократии», об «улучшении режима» в партии. То, что свобода фракционной склоки интеллигентских групп не есть еще внутрипартийная демократия, что проводимая партией развернутая самокритика и колоссальная активность партийных масс являются проявлением действительной и подлинной внутрипартийной демократии, — этого троцкизму не дано понять...»

«Капитулянтство на деле, как содержание, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как форма, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма...» (Политический отчет ЦК на XVI съезде, «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 418—419).

Весь наш народ отверг троцкистско-зиновьевскую платформу, как антисоветскую, контрреволюционную, антисоциалистическую. Троцкий, как враг народа, был изгнан из пределов Союза советских социалистических республик. Троцкистско-зиновьевская контрреволюция была разгромлена; однако она не успокоилась, не сложила своего оружия.

Итти в массы со своей контрреволюционной капитулянтской платформой — реставрации капитализма — троцкистско-зиновьевская банда не могла. Народ стер бы врагов всех до одного проповедников такой программы. Отсюда — безудержная злоба троцкистских извергов к советскому народу.

Отсюда — метод самого гнусного двуринничества, подлого лицемерия и чудовищного обмана партии и рабочего класса начинают особенно широко применяться троцкистскими контрреволюционерами, ушедшими в свое грязное, смрадное подполье.

На XV съезде партии товарищ Сталин указал на двурушничество, как на одну из характерных и основных черт троцкистско-зиновьевского блока. Товарищ Сталин заклеил тогда выступление Каменева, назвал его «самой лживой, самой фарисейской, самой шулерской и мошеннической из всех оппозиционных речей».

К этому времени, к моменту XV съезда партии, троцкистский блок уже представлял собой полностью контрреволюционную бандитскую группу. У этой бандитской группы была своя программа — программа борьбы против социализма, программа борьбы за реставрацию капитализма в нашей стране. Эта группа — троцкистско-зиновьевский блок — ушла в глубокое зловонное, грязное подполье, создала свою бандитскую подпольную организацию, вступив в союз с белогвардейцами всех мастей, со всяким контрреволюционным отребьем внутри и вне нашей страны, привлекая к своей злодейской деятельности и всякий иной уголовный элемент.

Судебный процесс над троцкистско-зиновьевским террористическим центром в августе 1936 года дал яркую иллюстрацию подлой беспринципности и двурушничества троцкистско-зиновьевских изменников.

Зиновьев на процессе говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня фразу «восстание есть искусство», переделали ее по своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Тов. Вышинский в своей речи на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра совершенно правильно указал, что «на скамье подсудимых сидят мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело.

В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица» (из речи т. Вышинского на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра).

Судебный процесс над антисоветским троцкистским центром показал, как подручные врага народа Троцкого — Пятаков и другие атаманы троцкистской шайки проводили в жизнь практику двурушничества. Об этом на суде говорил пятаковский «полпред» по террору и диверсии на Украине — Логинов, это вынужден был признать сам Пятаков и ему подобные «пятаковцы».

Троцкистско-зиновьевские контрреволюционеры старались сорвать победоносное наступление социализма.

За что же боролась троцкистско-зиновьевская контрреволюция и была ли у них программа?

Материалы судебного процесса над антисоветским троцкистским центром говорят о том, что заправили этого центра — Пятаков, Серебряков, Радек, Сокольников и другие точно так же, как и заправили троцкистско-зиновьевского террористического центра, пытались уйти от наличия у них политических программных требований, пытались скрыться за завесу «голой жажды власти».

На суде, однако, была полностью сорвана

маска с этих господ и с полной ясностью было доказано, что их утверждение — об отсутствии определенной политической программы — неправда и что это утверждение не что иное, как еще одна попытка троцкистских бандитов обмануть общественное мнение, чтобы скрыть свое действительное подлое и мерзкое лицо фашистских слуг и капиталистических реставраторов. Программа у них была. Их программа сводилась к капиталистической реставрации в СССР, к разрушению всего того, что было завоевано рабочим классом и трудящимися массами нашей страны за 19 лет пролетарской революции, к уничтожению всего того, что было завоевано кровью миллионов и закреплено Сталинской Конституцией. Их программа сводилась к восстановлению строя нищеты, голода и безработицы.

Программа врага народа Троцкого и его подручных из антисоветского троцкистского центра по реставрации капитализма в качестве одной из составных частей этой программы включала сговор с наиболее озверелыми врагами трудящихся — с фашистскими государstwами, на основе уступок экономических, политических и территориальных.

Подсудимый Сокольников на суде по вопросу о программе признал: «Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Троцкистские изменники понимали, что значит «сговориться с фашизмом», они понимали, кто будет хозяином положения, но их это не смущало. Это соответствовало их капитулянтскому нутру, их реставраторской программе. Радек на процессе говорил: «Хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Иуда Троцкий договаривается с Гессом, правой рукой Гитлера, о распродаже нашей родины.

Иудушка-Троцкий вкупе и при помощи своих атаманов — Пятакова, Серебрякова, Радека и Сокольников — в союзе с фашистскими аггессорами, при содействии иностранных штыков, стремились превратить нашу цветущую великую страну в жалкую, бесправную колонию империалистов, пытались одеть на рабочих и крестьян нашей родины двойное ярмо — российских помещиков, фабрикантов и иностранных купцов и капиталистов.

Враг народа Троцкий на имя подсудимого Радека писал: «Ни о какой демократии речи быть не может, рабочий класс прожил 18 лет революции и у него аппетит громадный...» «...этих рабочих надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет

крутое ухудшение положения рабочего класса...» «...в деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества, и тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто...». В области внешней политики программа троцкистских бандитов предусматривала прямой раздел страны: «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии...»

Помимо территориальных уступок троцкистские контрреволюционеры предусматривали экономические уступки фашистским агрессорам — «уплата контрибуции в виде растянувшихся на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров...» «...все это в совокупности означало полное закабаление страны...».

Насчет Японии говорилось: «Надо не только отдать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки...»

Такова программа троцкистских мерзавцев, изменников, предателей социализма. Процесс над антисоветским троцкистским центром подвел последнюю черту, последний итог и с чрезвычайной яркостью вскрыл и выявил истинное изменническое, капитулянтско-фашистское существо троцкизма.

Этой предательской и изменнической программой врагов народа мы противопоставляем свою программу, программу советского правительства, программу ликвидации капитализма, ликвидации классов, ликвидации эксплуатации человека человеком, программу победы социализма, счастливой, свободной, радостной жизни.

Мы противопоставляем программу укрепления нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности советской земли.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества, — говорил товарищ Сталин в 1931 г., — «но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Вся наша страна громко, на весь мир повторяет эти слова товарища Сталина и готова по первому призыву партии и правительства, как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал: «Наша политика есть политика мира» и что мы «эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Пусть это крепко запомнят наши враги.

Судебный процесс над антисоветским троцкистским центром полностью установил, что одним из пунктов программы троцкистского центра была установка на ускорение нападения фашистских агрессоров на Советский союз и способствование поражению Советского союза в войне.

Этим путем троцкистские торговцы родиной имели в виду притти к власти и использовать свою власть для реставрации капитализма.

На штыках военных интервентов думали троцкистские гады притти к власти. Эти звероподобные бандиты хотели залить кровью нашу страну.

История знает много примеров гнусного

предательства. Но самые ужасающие из них бледнеют перед теми злодеяниями, которые совершали троцкистские наймиты фашизма.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистической партии соглашения было обязательство — «...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Тов. Вышинский в своей обвинительной речи показал, что означала и что означает изменническая программа троцкистов для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа.

«Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.»

Все это хотели уничтожить троцкистские гадины.

Это должен хорошо запомнить каждый трудящийся нашей страны, изучая итоги процесса над антисоветским троцкистским центром.

Добиваясь осуществления своей гнусной реставраторской программы, антисоветский троцкистский центр организовывал и совершал чудовищнейшие злодеяния.

Вредительство и диверсия, шпионаж, организация террористических групп и подготовка террористических покушений в отношении руководителей нашей партии и правительства, убийства рабочих, красноармейцев и детей — такова грязная, кровавая, злодейская деятельность верного лакея фашизма — врага народа Троцкого и его головорезов из антисоветского троцкистского центра.

На процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра, затем на процессе Кемеровской и троцкистско-фашистской вредительской группы, и с особой яркостью на процессе антисоветского троцкистского центра, было вскрыто, что троцкистско-зиновьевские бандиты в своих злодейских делах блокировались, вступали в союз и объединяли вокруг себя все враждебные и антисоветские силы, любые антиобщественные и преступные элементы.

Шантаж, угрозы, убийства из-за угла, грабеж — арсенал средств троцкистских бандитов.

Заведомый вредитель, вор, бандит, шпион, агент иностранной разведки, убийца, авантюрист — вот их кадры.

Чем больше подлости, продажности и мерзости переплеталось в ком-либо, тем большую ценность он представлял для троцкистского «центра».

Вот почему не случайно их друзьями оказались разведчики фашистской охраны — Штейн, Берг, Флесса и другие, вот почему в их рядах оказались авантюристы типа Арнольда, шпионы типа Граше, убийцы типа Че-

репухина, грабители типа Шестова и им подобные.

И это не случайно. Троцкистские контрреволюционеры — не политическая партия, а банда преступников, представляющих собой верных псов и агентов фашистских разведок.

Находясь на службе у фашизма, троцкистская сволочь не только в Советском союзе, но и за пределами Советского союза по всему фронту выполняет прямые задания своих фашистских хозяев, выполняет задания фашистских охранок.

В Испании, Франции и в других странах, везде и всюду троцкистские предатели плетут свою гнусную сеть измен, провокаций, двурушничества. В Испании троцкисты, действуя по прямым указаниям врага народа Троцкого, по прямым директивам его хозяина — германской тайной полиции — Гестапо, делают все от них зависящее, чтобы внести раскол в ряды народного фронта, предать героический испанский народ, сражающийся за свою свободу.

Во Франции троцкисты, выполняя задания гитлеровской Германии, не останавливаются ни перед одной гнусностью и клеветой на Советский союз, добиваются разрыва франко-советского пакта о взаимопомощи. Связь французских троцкистских негодяев с Гестапо уже давно установлена. Процесс над антисоветским троцкистским центром показал, что троцкизм является злейшим врагом трудящихся всего мира, что он является верным агентом и лакеем фашизма, что троцкизм является гнуснейшей разновидностью фашизма, что троцкисты являются провокаторами, убийцами и поджигателями мировой войны, действующими по указанию германского и японского фашизма.

Глубоко прав Мартин Андерсен-Нексе, говоря, что «величайшим позором для западноевропейской демократии является то, что она берет под защиту эту банду преступников, главаря которой — Троцкого следует рассматривать как врага номер 1 всего человечества и демократии. Ведя себя так, западноевропейская демократия становится соучастницей их преступлений» («Правда» № 29 от 30 января 1937 года).

Процесс над антисоветским троцкистским центром еще раз напоминает каждому трудящемуся нашей страны, что ни на одну минуту нельзя забывать, что каждая победа, каждое наше движение вперед происходит в тяжелых условиях классовой борьбы, происходит при ожесточеннейшем сопротивлении классовых врагов, мобилизующих все свои силы для того, чтобы помешать этому движению вперед. Процесс вскрыл, как еще много скрытых врагов нас окружает, готовых каждый день и каждый час продать и предать интересы нашей социалистической родины.

Товарищ Сталин нас учит, что «бесклассовое общество не может прийти в порядок, так сказать, самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся, — путем

усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами, как внутренними, так и внешними». (Из доклада на XVII съезде ВКП(б), stenogr. отчет, стр. 28).

От каждого трудящегося нашей страны требуется высокая революционная бдительность, требуется непримиримость ко всему классово-враждебному. Величайшим преступлением является проявление малейшего благодушия.

Надо твердо помнить слова нашего вождя товарища Сталина: — «чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага...» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 522).

Неустанная борьба с врагами социализма, умение разоблачить их, как бы они ни маскировались, наличие действительной большевистской сталинской бдительности необходимо каждому верному сыну Советской страны, всем честным трудящимся для того, чтобы разоблачить и раздавить без остатка всех врагов социализма.

Бдительность стража Советского государства — органов Наркомвнудела, руководимых сталинским наркомом внутренних дел Союза ССР — тов. Ежовым, разрушила и разоблачила злодейские замыслы врага народа Троцкого и его подручных, разрушила козни передового отряда международной контрреволюции, каким является троцкизм и его троцкистская банда.

17 троцкистских бандитов предстали перед судом народа, который вынес им заслуженное наказание.

Приговор Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР по делу антисоветского троцкистского центра есть не только приговор 17 троцкистским бандитам, представшим перед судом, но и является приговором всему контрреволюционному троцкизму.

Преобразование троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, дивлюющуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

Расчеты фашистских слуг, руководителей штурмового отряда контрреволюционной буржуазии — Троцкого, Пятакова, Серебрякова и им подобных — на восстановление капитализма в нашей стране, полностью провалились. Социализм в нашей стране победил окончательно и бесповоротно. Советский народ под руководством ВКП(б) и вождя народа великого Сталина уверенно идет вперед к коммунизму. Каждый, кто осмелится встать на пути этого движения, будет подобно троцкистским бандитам сметен в мусорную яму истории.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Речь государственного обвинителя — прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского

Особенности настоящего процесса

Товарищи судьи и члены Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик! Приступая к исполнению своей последней обязанности по настоящему делу, я не могу не остановиться на некоторых, в высокой степени важных, особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности троцкистских заговорщиков, боровшихся в течение многих лет, систематически и при помощи самых отвратительных, самых гнусных средств борьбы против советского строя, Советского государства, против советской власти и нашей партии. Этот процесс подводит итог борьбе против Советского государства и партии этих людей, начавших борьбу задолго еще до нынешнего времени, еще при жизни великого нашего учителя и организатора Советского государства — Ленина; людей, боровшихся при Ленине против Ленина, после Ленина — против его гениального ученика, верного хранителя ленинских заветов и продолжателя его дела — Сталина.

Особенности настоящего процесса заключаются еще и в том, что именно этот процесс, как лучами прожектора, осветил самые потаенные уголки, тайные закоулки, отвратительные углы троцкистского подполья.

Этот процесс показал и доказал, с каким тупым упорством, с каким змеиным хладнокровием, с какой расчетливостью профессиональных преступников троцкистские бандиты вели и ведут против СССР свою борьбу, не вступая ни перед чем — ни перед вредительством, ни перед диверсиями, ни перед шпионажем, ни перед террором, ни перед изменой родине.

Когда несколько месяцев назад в этом самом зале, на этих самых скамьях подсудимых сидели члены так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, когда Верховный Суд в лице Военной Коллегии судил тех преступников, — каждый из нас при виде преступлений, которые кошмарной картиной проходили перед нашими глазами, не мог не отпрянуть с ужасом и отвращением.

Каждый честный человек нашей страны, каждый честный человек в любой стране мира не мог тогда не сказать:

Вот бездна падения!

Вот предел, последняя черта морального и политического разложения!

Вот дьявольская безграничность преступлений!

Каждый честный сын нашей родины думал: такие гнусные преступления не могут

повторяться. Таких низко павших, таких подло предавших нас людей больше в нашей стране нет.

И вот теперь вновь нас охватывает недавно пережитое нами чувство! Вновь проходят перед нашим встревоженным и негодующим сознанием страшные картины чудовищных преступлений, чудовищных предательств, чудовищной измены.

Этот процесс, где сами подсудимые сознались в своей вине; этот процесс, где рядом с руководителями так называемого параллельного троцкистского центра — обвиняемыми Пятаковым, Сокольниковым, Радеком, Серебряковым сидят на той же скамье подсудимых такие видные троцкисты, как Муралов, Дробнис, Богуславский, Лившиц; где рядом с этими троцкистами сидят просто шпионы и разведчики — Ратайчак, Шестов, Строилов, Траше, — этот процесс показал, до чего докатились эти господа, в какой омут окончательно и бесповоротно погряз контрреволюционный троцкизм, давно уже превратившийся в передовой и злейший отряд международного фашизма.

Этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики. Он еще раз показал лицо настоящего, подлинного троцкизма — этого исконного врага рабочих и крестьян, исконного врага социализма, верного слуги капитализма.

Этот процесс показал еще раз, кому служат Троцкий и его сподручные, что представляет собой троцкизм в действительности, на практике.

Здесь, в этом зале, перед судом, перед всей страной, перед всем миром прошла вереница преступлений, совершенных этими людьми.

Кому на пользу их преступления? Во имя какой цели, во имя каких идей, во имя, наконец, какой политической платформы или программы действовали эти люди? Во имя чего? И, наконец, почему стали они предателями родины — изменниками делу социализма и международного пролетариата?

Настоящий процесс ответил, на мой взгляд, с исчерпывающей полнотой на все эти вопросы, ответил ясно и точно, почему и как они дошли до жизни такой.

Как кинематографическая лента, пущенная обратным ходом, этот процесс нам напомнил и показал все основные этапы исторического пути троцкистов и троцкизма, потратившего 30 с лишним лет своего существования на то, чтобы подготовить в конце концов свое окончательное превращение в штурмовой отряд фашизма, одно из отделений фашистской полиции.

Сами обвиняемые рассказывали о том, кому они служили. Но еще более красноречиво

говорят об этом их собственные дела, их грязные, кровавые, преступные дела.

Много лет назад наша партия, рабочий класс, весь наш народ отвергли троцкистско-зиновьевскую платформу, как платформу антисоветскую, антисоциалистическую. Троцкого наш народ выбросил из пределов страны, его пособников вышвырнули из рядов партии, как изменивших делу рабочего класса и социализму. Троцкий и Зиновьев были разгромлены, но они не успокоились, не сложили своего оружия.

Троцкисты ушли в подполье, накинута на себя маски раскаявшихся и якобы разоружившихся людей. Следуя указаниям Троцкого, Пятакова и других руководителей этой банды преступников, ведя двурушническую политику, маскируясь, они вновь проникли в партию, вновь проникли на советскую работу, кое-кто пролез даже и на ответственные государственные посты, припрятав до поры до времени, как это теперь с очевидностью установлено, свой старый троцкистский антисоветский груз на своих конспиративных квартирах, вместе с оружием, шифрами, паролями, связями и своими кадрами.

Начав с образования антипартийной фракции, переходя все более и более к обостренным методам борьбы против партии, став особенно после изгнания из партии главным рупором всех антисоветских групп и течений, они превратились в передовой отряд фашистов, действующий по прямым указаниям иностранных разведок.

Судебный процесс объединенного троцкистско-зиновьевского центра уже разоблачил связи троцкистов с Гестапо и фашистами. Настоящий процесс пошел в этом отношении дальше. Он дал исключительной доказательной силы материал, еще раз подтвердивший и уточнивший эти связи, подтвердивший полностью и уточнивший в процессуально-доказательном смысле и в полном объеме предательскую роль троцкизма, полностью и безоговорочно перешедшего в лагерь врагов, превратившегося в одно из отделений «СС» и Гестапо.

Путь троцкистов, путь троцкизма завершен. На всем протяжении своей позорной и печальной истории троцкисты старались бить и били по самым чувствительным и опасным местам пролетарской революции и советского социалистического строительства.

Та директива, о которой здесь говорил Пятаков, полученная им от Троцкого — «бить самыми чувствительными способами по самым чувствительным местам», — эта директива представляет собой старую троцкистскую установку в отношении советской власти, в отношении социалистического строительства в нашей стране.

Особенной активностью, особенной решительностью, упорством, настойчивостью троцкистов в борьбе с советской властью отличается тот период, который совпал с окончательной победой в СССР социализма. И это вполне естественно. Эта победа далась нам не без преодоления громадных трудностей. Трудности и, в частности, те, которые мы встретили на своем пути в период 1929—1931 гг., особенно в деревне, эти трудности открыли троцкистско-зиновьевское подполье, зашевелившееся, приведшее в движение свои шупальцы, пытавшееся ударить, по указанию Троцкого, в самое чувствительное место.

Чуя свою неминуемую гибель, остатки уничтоженных пролетарской диктатурой эксплуататорских классов и их агента перешли к новой тактике, к новым формам, к новому курсу борьбы с советской властью, о которых здесь достаточно обстоятельно излагали и говорили суду обвиняемые.

Рост сопротивления враждебных пролетарской диктатуре классов открыл троцкистско-зиновьевскую банду, которую к тому же воодушевляло и подстрекало на преступления против СССР и существующее до сих пор капиталистическое окружение СССР.

В расчете на ослабление советского тыла международная контрреволюция ускорила подготовку интервенции. Известно, ведь, что интервенты готовят удар против Советского Союза каждый год. Осколки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировки знали, что рядом с ними действуют другие защитники реставрации капитализма, другие отряды капиталистической агентуры в нашей стране. «Промпартия», кондратьевская «Трудовая крестьянская партия» — кулацкая партия. «Союзное бюро меньшевиков», деятельность которых была рассмотрена в свое время в судебном заседании Верховного Суда, — все эти организации были вскрыты как организации вредителей и группы диверсантов, которые приветствовали борьбу Троцкого с нашей партией, с советской властью, зная, что в лице троцкистов они действительно имеют подобных себе, но более циничных, более наглых защитников свержения диктатуры пролетариата.

Что такое реставрация капитализма в нашей стране? В 1932 году троцкисты усиливают консолидацию с контрреволюционными антисоветскими группами, они завязывают связи с правой оппозицией для совместной борьбы против партии, против советской власти. Действительное содержание этой связи товарищ Сталин разоблачил на XVI и XVII партсъездах, показав, что контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев с «капитулянтами без маски», как он выразился, объединяет стремление к реставрации в СССР капитализма. Эту программу товарищ Сталин назвал тогда программой презренных трусов и капитулянтов контрреволюционной программой восстановления капитализма в СССР.

В свете сегодняшнего дня особенно ясно, какое огромное историческое дело сделал товарищ Сталин, показавший в 1931 году подлинное существо троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации в ее «новом» качестве. Товарищ Сталин в письме в журнал «Пролетарская Революция» писал:

«На самом деле троцкизм есть передовой отряд контр-революционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР».

Товарищ Сталин заклеил троцкизм как передовой отряд контрреволюционной буржуазии, получившей именно из рук троцкистов духовное, тактическое и организационное оружие для своей борьбы с большевизмом, со строительством социализма.

В свете нынешнего процесса особенно ясно, какое исключительное историческое значение имеет это указание. В свете настоящего процесса особенно ярко представляется роль подпольных антисоветских троцкистских групп

этого основного канала всяких антисоветских настроений, надежд и чаяний, основного рычага, тарана, которым враги советов пытаются пробить брешь в стенах нашего государства, сокрушить воздвигнутую нами крепость социализма.

Эту роль авангарда антисоветских фашистских сил троцкисты играли отнюдь не случайно. Уход троцкизма в антисоветское подполье, превращение его в фашистскую агентуру — только завершение его исторического развития.

Превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия. Отвратительной борьбой троцкизм начал свой путь, на этом пути троцкизм стоит и сейчас, по этому пути идет все дальше и дальше, не зная в борьбе никаких пределов ненависти и злобы. Вся история политической деятельности троцкистов представляет собой сплошную цепь измен делу рабочего класса, делу социализма.

В 1904 году Троцкий выступил, как известно, с подлейшей брошюрой под заглавием «Наши политические задачи». Эта брошюрка была наполнена грязными инсинуациями по поводу нашего великого учителя, вождя международного пролетариата Ленина, великого ленинского учения о путях большевистской победы, победы трудящихся, победы социализма. В этой брошюрке Троцкий брызжет ядовитой слюной, оплевывая великие идеи марксизма-ленинизма. Он пытается отравить этим ядом пролетариат, пытается свернуть пролетариат с пути непримиримой классовой борьбы, он клеветает на пролетариат, клеветает на пролетарскую революцию, клеветает на большевизм, на Ленина, называя Ленина «Максимиллианом» — именем Робеспьера — героя буржуазной французской революции, желая этим унизить великого вождя международного пролетариата.

Этот господин позволил себе называть Ленина вождем реакционного крыла рабочего движения, не зная никаких пределов в своей наглости и политическом бесстыдстве. В то время как Ленин и Сталин отбирали лучших людей, воспитывая их в политических боях с самодержавием, с царизмом, с буржуазией, скалачивая из них ядро большевистской партии, Иудушка-Троцкий сплывал единый фронт лакеев капитализма для борьбы против дела пролетариата. В 1911—12 году Троцкий организовал тоже блок, подобно тому, как организовал затем троцкистско-зиновьевский блок, организовал так называемый «августовский блок» из прислужников капитала, из меньшевиков, из выброшенных из рядов большевистской партии, из размагниченных интеллигентов и отбросов рабочего движения. Об этом блоке Сталин писал: «Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии».

Ленин писал, что этот блок «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». Троцкий и его сподручники отвечали потоком грязной клеветы, чернили Ленина и большевиков, называли их «варварскими», «сектантски-ненстовыми» азиатами. О Троцком Ленин писал:

«Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...»

Против такого «типа», как называл Троцкого тогда Ленин, он предупреждал 20 лет тому назад партию и рабочий класс. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» Ленин писал:

«Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело».

Наш процесс помогает миллионам и миллионам молодых рабочих и крестьян, трудящихся всех стран, ясно и отчетливо представить себе, с кем действительно мы имеем дело. Разрушить большевистскую партию, конечно, презренному троцкистскому блоку не удалось, но троцкисты не переставали и после провала блока нападать на большевистскую партию, как только могли. Весь период с 1903 года по самый канун революции в истории нашего рабочего движения наполнен борьбой Троцкого и троцкистов с крепнущим и растущим в России революционным настроением масс, борьбой против Ленина и против его партии.

В 1915 году Троцкий выступает против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, уже 20 с лишним лет тому назад капитулируя, таким образом, полностью перед капитализмом.

Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму и национал-шовинизму в борьбе против Ленина, как теперь служит империализму и фашизму в борьбе против СССР.

Случайно ли, что троцкисты в конце концов превратились в гнездо и рассадник перерожденчества и термидорианства, как об этом в свое время говорил товарищ Сталин? Случайно ли, что Троцкий, очутившись после революции в рядах нашей партии, опять сорвался, скатился на контрреволюционные позиции, оказался выброшенным за пределы нашего государства, за пределы Советского Союза? Случайно ли троцкизм превратился в штурмовой отряд капиталистической реставрации?

Не случайно, потому что к этому шло дело с самого зарождения троцкизма. Не случайно, потому что и до Октябрьской революции Троцкий и его друзья боролись против Ленина и ленинской партии так, как теперь борются против Сталина и партии Ленина — Сталина.

Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране.

И здесь на суде с исключительной полнотой и ясностью была вскрыта именно эта подлая сущность троцкизма. Они пришли к своему позорному концу потому, что десятки лет шли по этому пути, славословя капитализм, не веря в успехи социалистического строительства, в победу социализма. Вот почему они пришли в конце концов к развернутой программе капиталистической реставрации, вот почему они пошли на то, что стали предавать и продавать нашу родину.

К этому делу шло уже тогда, когда Троцкий, как это было в 1922 году, предлагал разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были лужны советскому государству.

Это предложение Троцкого уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство «все более и более сращивается с капиталистическим хозяйством», т. е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что «мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства», т. е. утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы.

Товарищ Сталин тогда разоблачил эту вредительскую позицию троцкизма, говоря:

«Капиталистический контроль — это значит, прежде всего, финансовый контроль... Финансовый контроль — это значит насаждение в нашей стране отделений-крупных капиталистических банков, это значит образование так называемых «дочерних» банков. Но разве есть у нас, — говорил Сталин, — такие банки? Конечно, нет! И не только нет, но и не будет их никогда, пока жива Советская власть».

Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти, сидящие здесь на скамье подсудимых, главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Вот что означал этот так называемый капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых так называемого антисоветского троцкистского центра.

Товарищ Сталин, разоблачая антисоветскую сущность подобных предложений говорил:

«Если речь идет о таком действительном капиталистическом контроле... то я должен заявить, что такого контроля у нас нет, и не будет его никогда, пока жив наш пролетариат и пока есть у нас диктатура пролетариата».

Вот почему не случайно, почему так органически связаны эти две задачи — подготовка капиталистической реставрации с борьбой против диктатуры пролетариата.

Случайно ли, что, начав с капиталистического контроля, эти люди доказали до откровенной платформы капиталистической реставрации, до открытой борьбы, во имя осуществления этой платформы в союзе с капиталистами, против диктатуры пролетариата!

Известно, что троцкистские лидеры в переломные моменты нашей борьбы, на крутых подъемах нашей пролетарской революции, всегда, как правило, оказывались в стане наших врагов, по ту сторону баррикад.

Отрицание социалистического характера на-

шей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло и предопределяло враждебную позицию троцкистов к делу социалистического строительства в СССР.

Это, однако, не мешало троцкистам прикрываться именем социализма, как не мешало и не мешало в настоящее время многим врагам социализма прикрываться этим именем.

Так бывало всегда в истории. Известно, что меньшевики и эсеры, эти злейшие враги социализма, всегда прикрывались именем социализма. Но ведь это им не мешало валяться в ногах у буржуазии, у помещиков, у белых генералов. Мы помним, как меньшевики в петлюровской Раде призывали на Украину войска Вильгельма II, как они торговали свободой и честью украинского народа;

как под вывеской эсеровского правительства Чайковского орудовали в Архангельске интервенты;

как так называемое «социалистическое» правительство Комитета Учредительного Собрания привело к власти Колчака;

как меньшевицкое правительство Ноя Жордания верой и правдой служило иностранным интервентам!

Все эти господа называли себя социалистами, все они прикрывались именем социализма, но всем известно, что не было и нет более последовательных и более жестоких, озверелых врагов социализма, чем меньшевики и эсеры.

Троцкий и троцкисты всегда были капиталистической агентурой в рабочем движении. Они превратились теперь в передовой фашистский отряд, в штурмовой батальон фашизма.

В 1926—27 году они перешли на путь открытых антисоветских, уже караемых в уголовном порядке преступлений. Они перенесли на улицу, пытались, по крайней мере, это сделать, свою борьбу против руководства нашей партии, против советского правительства. Это было трудное и сложное время в жизни Советского государства. Это было время перехода от восстановительного периода к периоду перестройки нашей промышленности и сельского хозяйства на основе высокой техники. В этот период не могло не быть ряда серьезных трудностей, отражавших собой сложность борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства.

«Оппозиционный блок», так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Каменевым с участием почти всех сидящих здесь подсудимых — обвиняемых Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольников, Мурадова, Дробиниса, Богуславского, — пытались тогда использовать эти трудности для того, чтобы еще раз попытаться ударить в спину Советского государства, и притом как можно крепче.

Троцкистско-зиновьевский блок 1926 года был блоком, повернувшим все острие своей борьбы против дела социализма в нашей стране, за капитализм. Под прикрытием лживых, иногда внешне «левых» фраз о «сверхиндустриализации» и пр., троцкистско-зиновьевская банда с 1926—27 гг. выдвинула такие предложения, которые подрывали и срывали союз рабочих и крестьян, подрывали основу Советского государства. Она выдвигала такие требования, как усиленный нажим на крестьянство, как «первоначальное социалистическое накопление» за счет разорения и ограбления крестьян.

ства, она выставляла ряд требований, которые должны были привести к срыву смычки между городом и деревней и тем самым сорвать возможность действительной индустриализации. Это были, в сущности говоря, те же диверсионные и вредительские меры. В сущности говоря, между вредительскими и диверсионными мерами 1926—27 гг. и теперешними разница только в форме. И тогда оппозиционный блок пытался сорвать смычку между рабочим классом и крестьянством своими как-будто «левыми», а на самом деле контрреволюционными предложениями, в форме, которая соответствовала условиям классовой борьбы того времени. Это тоже была особая форма диверсии, форма подрывных актов, направленных против диктатуры пролетариата и дела социалистического строительства. Эти предложения тогдашней оппозиции были лишь особой формой борьбы против Советского государства, соответствовавшей тогдашней исторической обстановке. Прошло 10 лет, и мы видим, что они становятся на путь прямых диверсий, на путь вредительства, на путь подрывной работы. Но уже в гораздо более острых формах, соответствующих новым условиям, — условиями ожесточенной классовой борьбы с остатками капиталистических элементов.

«Новая оппозиция», как назывался этот блок, объединила не случайно такого «сверхиндустриализатора», каким был Троцкий, с таким противником индустриализации, каким был 10 лет назад Сокольников и каким он остался и до сих пор. «Новая оппозиция» по существу вещей стояла за определенную политическую и социально-экономическую программу, которая не могла не привести, неминуемо должна была привести к ликвидации диктатуры пролетариата, что в свою очередь неминуемо должно было привести к реставрации в СССР капитализма.

Товарищи судьи, когда теперь мы слышим на суде в показаниях главарей этой банды, главарей троцкистской подпольной организации признание в том, что они действительно получали от Троцкого установки на реставрацию в СССР капитализма, приняли эти установки и во имя их осуществления вели вредительскую, диверсионную, разведывательную работу, — может стать вопрос, который кое у кого и возникает: как эти люди, которые столько лет боролись за социализм, люди, которые кощунственно называли себя большевиками-ленинцами, — как можно их обвинять в этих чудовищных преступлениях? Не доказательство ли это того, что обвинение предъявлено неправильно, что эти люди обвиняются в том, в чем не могут быть обвинены по самому существу всей своей прошлой социалистической, революционной, большевистской деятельности?

Я на этот вопрос отвечаю. Подсудимым по настоящему процессу предъявлено обвинение в том, что они действительно пытались всякими, самыми отвратительными и бесчестными мерами вернуть нашу страну под иго капитализма. Мы обвиняем этих господ в том, что они — предатели социализма. Это обвинение мы аргументируем не только тем, что они совершили сегодня, — это предмет обвинения, — но мы говорим, что история их падения начинается задолго до организации ими так называемого «параллельного» центра, этого отростка преступного троцкистско-зиновьевского объединенного блока. Органическая связь — налицо.

Связь историческая — налицо. И достаточно было бы ограничиться тем, что я сказал, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что основное обвинение, предъявляемое государственной прокуратурой сидящим здесь на скамье подсудимых, в попытке восстановления в нашей стране низвергнутого девятнадцать лет назад капиталистического строя, — обосновано полностью, доказано документально, и этим обвинением сидящие здесь преступники пригвождены к вечному позору и вечному проклятию со стороны всех честных тружеников, честных людей нашей страны и всего мира.

От платформ 1926 года, от уличных анти-советских выступлений, от нелегальных типографий, от союза с белогвардейскими офицерами, на который они тоже тогда шли, до диверсий, до шпионажа, до террора, до измены родине в 1932—1936 гг. — один шаг. И этот шаг они сделали!

Это мы видели уже на примере троцкистско-зиновьевского объединенного блока, на примере политической судьбы Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна и др., позорно кончивших свою жизнь с клеймом наймитов иностранных разведок.

Это же мы видим теперь и на примере судьбы обвиняемых по настоящему делу, большинство которых многие годы и до и после Октябрьской революции боролись против Ленина и ленинизма, против партии Ленина—Сталина, против строительства социализма в нашей стране.

Пятаков, К. Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Муралов, Лившиц, Богуславский, Шестов — все они ряд лет боролись против дела социализма, против дела Ленина—Сталина.

Эти господа уже тогда направляли свои силы на то, чтобы, как говорил Сталин, «переломить партии хребет» и вместе с тем переломить хребет и советской власти, от гибели которой не уставали каркать все контрреволюционные вороны.

В этой борьбе против советской власти эти господа пали так низко, как, кажется, еще не падал никто и никогда.

Ленин предвидел неизбежность такого позорного конца, к которому пришли обвиняемые, к какому должен притти всякий, кто станет на тот путь, на который стали они. В резолюции X съезда нашей партии, тогда еще называвшейся Российской Коммунистической Партией, принятой по предложению Ленина, было грозное предостережение, что тот, кто настаивает на своей фракционности и на своих ошибках при советском строе, неминуемо должен скатиться в лагерь врагов рабочего класса, в лагерь белогвардейцев и империалистов. Эти господа доказали всей своей деятельностью всю справедливость этого исторического предсказания.

Как они боролись против Ленина

Что собою представляют члены центра в своем политическом прошлом? Пятаков и Радек, Серебряков и Сокольников, Богуславский и Дробнис, Муралов и Шестов долгие годы воспитывали в себе ненависть к советскому строю, к социализму. Они умели маскировать, они умели скрывать свои настоящие чувства и взгляды, двурушничали, обманывали, в чем все они сейчас и признаются. Некоторые утверждают, что в некоторые периоды вре-

мени у них был отход от троцкизма. Трудно поверить. Мы знаем, что вся деятельность обвиняемых по настоящему делу была в высокой степени последовательной. Такие, я бы сказал, заслуженные деятели троцкизма, как Пятаков, Радек, Дробнис, Серебряков, Богуславский, маскировались, шантажировали, надували и своих и чужих. Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки, — эти беспринципнейшие, окончательно ответные люди, использовавшие свое высокоответственное положение в советской государственной системе для обдывания своих позорных, грязных и кровавых преступлений, и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива такие авантюристы и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше.

Вы, товарищи судьи, видели здесь этих господ, вы их слушали, вы их изучали. Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут. Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет. Человек, который, будучи заместителем председателя губернского совета народного хозяйства на Волыни, не только покрывает грабительство, воровство и спекуляцию своего подчиненного, но вместе с ним участвует в прямых корыстных преступлениях. По его собственным словам, он состоит на содержании этого вора, растратчика и спекулянта. И вот, этот Ратайчак, со всеми своими замечательными, вскрытыми следствием судом, качествами, становится ближайшим помощником Пятакова по химической промышленности. Химик замечательный! (Движение в зале.)

Пятаков знал, кого выбирал. Можно сказать, на ловца и зверь бежит. Ратайчак пробирается к большим чинам. Он молчит о двигающих им мотивах и не говорит так болтливо, как это сказал, пожалуй, Арнольд, признавший, что его мучила — «тяга к высшим слоям общества». (Смех, движение в зале.) Об этом Ратайчак молчит. Он, конечно, хитрее Арнольда. Он знает, что слово — серебро, а молчание — золото. И вот этот Ратайчак, со всеми своими моральными качествами, оказывается человеком, сумевшим добиться степеней известных. Он начальник Главхимпрома! Надо только вдуматься в то, что значит эти слова: начальник Главного управления всей химической промышленности нашей страны!

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, то только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, — его надо было привлечь к самой суровой ответственности.

На ответственном посту начальника Главхимпрома Ратайчак, этот обер-вредитель, разворачивает свои преступные таланты, пускается в широкое преступное плавание, раздувает паруса во-всю, — взрывает, уничтожает плоды трудов народа, губит и убивает людей.

Или возьмите Дробниса, старого профессионального троцкиста, этого истребителя рабочих по формуле — «чем больше жертв, тем лучше». Или возьмите Князева, японского разведчика, пускавшего под откос не один десяток маршрутов. Или Лившица — бывшего зам.

наркома путей сообщения и одновременно заместителя Пятакова по преступным делам на транспорте. Совместительство было в ходу у этой компании... Наконец, троцкистский «солдат» Муралов, один из самых преданных и закоренелых адъютантов Троцкого, — он также признал, что был вредителем и диверсантом. И рядом — Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раск, он же Кюльпенен и, как еще его там звали, — никому неизвестно. Этот прожженный пройдоха, прошедший огонь, воду и медные трубы, жулик и авантюрист, тоже оказывается троцкистским доверенным человеком... И первым бандитом. Или Граше, человек не только трех измерений, но, по крайней мере, трех подданств, сам определивший свою основную профессию очень красноречиво, хотя не особенно приятным словом, — шпион, и, добавивший, что ему, как шпиону, по положению иметь убеждений не полагалось... (Смех в зале.)

Вот беглая характеристика тех кадров, которые здесь продефилировали перед судом, перед всей страной, перед всем миром, — кадров, которые собрал «параллельный» центр, армии, которую организовал этот самый «параллельный» центр по указанию Троцкого, воспитал и бросил на троцкистскую борьбу против советской власти и Советского государства.

Говоря об этих кадрах, конечно, особо надо сказать об их главарях, об атаманах. Начнем, конечно, с Пятакова, — после Троцкого первого, атамана этой бандитской шайки. Пятаков не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти. Проследите политический путь Пятакова.

В 1915 году он выступает вместе с Бухарином П. Киевского выступает, как сложившийся о праве наций на самоопределение, по вопросу, имеющему важнейшее принципиальное значение в определении позиции большевизма, кстати, обругав Ленина находку «талмудистом самоопределения».

В 1916 году этот же человек под псевдонимом П. Киевского выступает, как сложившийся уже идеолог троцкизма. Он доказывает, что социальный переворот (он говорит — социальный процесс) можно выслить лишь, как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающее границы буржуазного государства, сносящее пограничные столбы. Внешне ультра-«левая», в действительности — чисто троцкистская постановка вопроса. Пятаков полностью здесь повторяет троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Он выступает против Ленина. Ленин разоблачает антимарксистский характер этого пятаковского выступления. Ленин квалифицирует эту статью уже тогда как статью, способную нанести «серьезнейший удар нашему направлению и нашей партии», как статью, которая могла скомпрометировать партию изнутри, из ее собственных рядов, «превращала бы ее, — как писал Ленин, — в представительницу карикатурного марксизма».

1917 год. Пятаков опять выступает против ленинского тезиса о праве наций на самоопределение. Он называет это право «бессодержательным правом», увлекательным революционную борьбу на ложный путь. Он высказывается против возможности построения социализма в

одной стране. Пятаков в 1917 году — против апрельских тезисов Ленина

В 1918 году он опять против Ленина. Это был тяжелый год героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, отстаивавших в неимоверно сложных и трудных условиях, с оружием в руках, свою независимость. Это был год, когда, по словам Ленина, мы впервые «вошли в сердцевину революции». Это был год, когда Ленин призывал «лучше пережить и перетерпеть и перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

Позиция Пятакова вместе с Радеком — против этого тезиса, против Ленина. Они — эти «левые» коммунисты — готовы даже идти на утрату советской власти. Еще в 1918 году, засев в бюро Московского комитета партии, эти господа говорили о необходимости, хотя бы ценою утери советской власти, превратившейся, как они говорили, в формальное понятие, сорвать Брестский мир. Заключение Брестского мира Сталин справедливо называл образом ленинской стратегии, давшей силы для подготовки к отражению банд Деникина и Колчака.

Пятаков, Радек и их единомышленники думали и действовали уже тогда так, как их уже позже метко и крепко назвал Феликс Дзержинский, бросивший по адресу троцкистов и зиновьевцев — «кронштадцы!» Пятаковы и Радеки не дорожили советской властью. Они дошли в своей борьбе против Ленина до такого остервенения, что поговаривали о смене существовавшего тогда Совета Народных Комиссаров и о замене его Совнаркомом из людей, входящих в состав группы «левых». Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства — председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические авантюристы путь к власти!

А сейчас что делают они? Через попытки свержения советской власти, через террористические акты против руководителей нашей партии и Советского государства — против товарища Сталина и его соратников — они прокладывают тот же путь к реставрации капитализма при помощи иностранных интервенционистских, агрессорских штыков, при помощи террора, диверсий, шпионажа, вредительства и всех возможных тяжких государственных преступлений. Историческая преемственность налицо. Вместе с Троцким Пятаков восставал против Ленина в тяжелые для нашей страны дни Бреста. Вместе с Троцким восставал Пятаков против Ленина в дни, когда партия совершала сложнейший поворот к новой экономической политике. Вместе с Троцким Пятаков боролся против ленинского плана построения социализма в нашей стране, против индустриализации и коллективизации нашей страны, проведенной под гениальным руководством нашего вождя и учителя товарища Сталина.

15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й год, и 19-й,

21-й и 23-й, 26-й и 27-й — больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926-й год — 1936-й год — это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной, подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбу, которую он вел систематически и не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых, как предатель и изменник!

Таков Пятаков и его портрет.

Многое из того, что я сказал о Пятакове, можно повторить и в отношении подсудимого Радека. Радек не раз выступал против Ленина как до, так и после революции. Этот Радек в 1926 г. на диспуте в Коммунистической Академии хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма в одном уезде, или даже на одной улице, называя эту идею щедринской идеей.

По этому поводу Сталин писал: «Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихикание Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом?»

Радек — один из виднейших и, надо отдать ему справедливость, талантливых и упорных! троцкистов. При Ленине он идет войной против Ленина, после Ленина он идет войной против Сталина. Прямо пропорционально его личным способностям велика его социальная опасность, его политическая опасность. Он не исправим. Он — хранитель в антисоветском троцкистском центре портфеля по внешней политике. По поручению Троцкого он ведет дипломатические переговоры с некоторыми иностранными лицами или, как он выражается, «дает визу» на мандат Троцкого. Он регулярно, через собственного, так сказать, дипломатического курьера Ромма переписывается с Троцким, получает от него то, что они здесь высокопарно называли «директивами». Он один из самых доверенных и близких к главному атаману этой банды — к Троцкому — людей.

Сокольников. В 1918 г. он тоже против Ленина. Он даже в том году по одному политическому конфликту угрожал Ленину отставкой. В 1921 г. он подписывает антиленинскую бухаринскую профсоюзную платформу. В 1924 г. он подписывает «пещерную платформу», ту, которая была написана в пещере около Кисловодска. В 1925 г. Сокольников, клеветая на Советское государство, утверждал, что наша внешняя торговля, наши внутренние торговые предприятия являются государственно-капиталистическими предприятиями. Государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием, что наша денежная система проникнута принципами капиталистической экономики. Апологет и идеолог капиталистической экономической политики!

Товарищ Сталин тогда указал, что Сокольников — сторонник дауэсизации нашей страны. Сокольников был доподлинным сторонником сохранения хозяйственной отсталости нашей страны, т. е. закабаления нашей страны капиталистическими странами, «превращения нашей страны в придаток капиталистической

системы». Как видите, от этой позиции Сокольников никуда не ушел и к сегодняшнему дню.

Сокольников, будучи в 1925 году наркомфином, жаловался и клеветал на нашу партию и советское правительство, что они мешают ему защищать диктатуру пролетариата и бороться с кулаком, мешают обуздать кулака. А теперь Сокольников перед всем миром признался, что троцкистский центр, одним из заправил которого он является, рассчитывал именно на кулака, или вернее, уже на остаточки кулака. На суде он сам говорил: «Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу реставрации капитализма, потому что тогда мы сможем опереться на некоторые слои в нашей стране».

Вопрос: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вопрос: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вопрос: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вопрос: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так.

Так Сокольников пришел к откровенной кулацкой программе, к откровенной защите кулацких интересов, завершив путь своего падения. От позиции Сокольникова 1925—26 гг. к программе троцкистского центра 1933—1936 гг. — переход вполне естественный.

Два слова о Серебрякове — четвертом члене этого антисоветского троцкистского центра. Он подписывает бухаринскую программу во время профсоюзной дискуссии 1920 г., он активный участник оппозиции 1923 года, он активный участник оппозиции 1926—27 гг., он, по существу, как он и сам признался здесь на суде, никогда не порывал с троцкизмом. Ясно, что он имел все основания претендовать на руководящее положение в этом антисоветском троцкистском центре.

Как старых троцкистов, мы знаем Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Лившица. Знаем, что они ряд лет посвятили борьбе против Ленина и социалистического строительства в нашей стране. Не ясно ли, что участие этих людей в антисоветской подпольной троцкистской работе, участие в троцкистском вредительстве, диверсиях и террористических группах, их измена родине были подготовлены и явились прямым следствием всей их прошлой троцкистской деятельности, явились прямым результатом их многолетней борьбы против СССР, против советского народа. Это должны были признать сами обвиняемые. Они долго, упорно и гнусно вели свою борьбу против социализма. Теперь они схвачены с поличным. С них сорвана последняя маска. Они изобличены как враги народа, как ничтожная гнусная кучка людей, ставших агентами иностранной разведки.

Не политическая партия, а банда преступников

Эти господа пробовали предстать, как некая политическая партия. Пятаков на суде говорил

о своих сообщниках, как о «фракции», говорил о «политическом недоверии» своей «фракции» к зиновьевской части блока. Он говорил о «собственной организации», употребляя это понятие в политическом смысле; о «собственной» даже политике, которую собирался вести Троцкий. Радек тоже говорил о своих сообщниках, как о политических руководителях. Говоря о преступных вредительских требованиях Троцкого, полученных Пятаковым в личной беседе Пятакова с Троцким, обвиняемый Пятаков говорил о них, как о составной части политики Троцкого.

В высоком стиле говорил и Радек — один из тех «реальных политиков», которые реально изменяли родине, обещали врагам реальные и территориальные уступки. Говоря даже о таких прозаических вещах, как обычное уголовное вредительство, Радек пытался говорить в высоком стиле, как о политической материи. На судебном заседании 24 января Радек говорил: «Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германско-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что, раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок». Вот они, эти реальные политики, сидят здесь под охраной... всего только трех красноармейцев! (Смех в зале.) Не трудно убедиться, что весь этот высокий стиль был в сущности говоря приплетен сюда по некоторой старой памяти. Не трудно убедиться, что это — вовсе не политическая партия, что это — просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой в темную ночь на большой дороге.

Это — не политическая партия. Это — банда преступников, представляющих собой простую агентуру иностранной разведки. На прямо поставленный Пятакову вопрос: «Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?» — Пятаков ответил: «Да, были». И рассказал о том, как эта связь была установлена по прямой директиве Троцкого. Это подтвердил и Радек — специалист «параллельного» центра по «внешним делам». Это подтвердили Лившиц, Князев, Шестов, ряд других подсудимых — прямые и непосредственные агенты этих разведок. Вот что представляет собой эта компания, которая называла себя «политической силой», какой она хотела казаться, а в действительности была не политической партией, а шайкой разведчиков, бандитов, террористов и диверсантов.

Корни этой группы — не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чорт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой компании, этой банды надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их за верную холоцкую службу. Вы видели этих штатных и внештатных полицейских шпииков и разведчиков.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими жертвами. Дроб-

нис доказывает, что «чем больше жертв, тем лучше» для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается «внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Князев пускали под откос поезда, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Каждый из них у вас перед глазами, погрязший в этом кровавом преступном месиве. Возьмите отдельные группы: они переплелись с иностранными разведчиками, покупающими их обещаниями поддержки, а то и просто за наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правду» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунев — стахановец, рождения 1902 года, Юдин — талантливый инженер, рождения 1913 г., Куркин — комсомолец, стахановец, 23-х лет от роду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Мосиец, ударник, тоже 1913 года рождения. Это — убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125—150 проц., Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстерегли и убили, убит запальщик Орьево — один из участников боев с белоки-тайцами, убит Ланин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь, перед вами!..

Шестов организует ограбление банка. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояршинова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд — международный бродяга, поймавший, кажется, во всех странах мира и везде оставивший следы своих мошеннических проделок. В Минске он подделывает документ. В Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь дарвался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сдобровать. (С м е х.) Это — человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов — к власти, по которой тайно и вожделенно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился висельник Шестов...

В буквальном смысле слова шайка бандитов, грабителей, подделывателей документов, диверсантов, шпиков, убийц! С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего не стоило загазовать шахту и

спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей.

Хороша, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут своей программы, своих политических взглядов. Большевики — эта подлинная политическая партия, партия в самом настоящем и высоком смысле этого слова — никогда не пряталась от масс и никогда не прятала свою программу.

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина—Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, органически связанная с массами. В этом признак настоящей политической партии. Она не только не скрывает от масс своих взглядов, а старается как можно шире распространить в массах эти взгляды. А эта «партия», как они себя называют, боялась и боится сказать о себе народу правду, боится сказать о своих программах.

Почему? Потому что их взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, навязать на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податманами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «бабьками». Это не растение советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не расти ему, не цвести ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», а попросту банды преступников, с японскими и германскими фашистскими силами. С серьезным видом Пятаков, Радек и Сокольников говорили о «соглашении», которое Троцкий заключил, или о котором Троцкий договорился с Германией и Японией. Эти господа с серьезным видом рассуждали, что они рассчитывали использовать эти страны в своих интересах. Но как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр — просто несчастная козявка по сравнению с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «Сдались на милость победителя». Это, конечно, не соглашение, а сдача на милость победителя.

Послушать Пятакова и Радека, так можно подумать, что действительно это было соглашение. Радек показывал, что он послал Троцкому письмо, «в котором сообщил о получении его директивы, о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: «не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами».

Видите ли, Радек и Пятаков «визируют мандат» Троцкому на переговоры Троцкого с ино-

странными государствами. Но это еще не главное. Не главное и то, что центр одобряет эти переговоры. Главное то, что я—Карл Радек, блочный министр иностранных дел центра, лично одобряю то, что Троцкий—этот блочный премьер министр—ищет контакта с иностранными государствами. Это, конечно, звучало бы очень смешно, если бы положение Пятакова и Радека не было бы столь трагичным. Но для всякого, не потерявшего окончательно голову человека, для всякого, обладающего минимумом рассудка, должно было бы быть ясно, что это соглашение, о котором говорили Пятаков с Троцким и Радеком, не соглашение, а прикрашенная капитуляция, сдача троцкистов на милость победителя, что это кабала, что итти на такое соглашение значило лезть в волчью пасть, утешаясь тем, что волк не злой и не проглотит.

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение — «положили завет» — сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начала делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: «Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто проглотит, тот с места жив не встанет». (Смех.)

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении лев фигурирует на ролях цепной собаки. Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии, — есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

Морально ничтожные, морально растленные

После того, что мы слышали здесь на суде от этих людей, может ли быть какое-нибудь сомнение, что это действительно и окончательно разложившиеся и морально павшие люди?! Нет, сомнений быть не может.

В то время, как советский народ под руководством нашей партии трудился над укреплением своих новых социалистических позиций, наш враг,—а это его передовой отряд,—медленно, предательски старался прорвать фронт наших побед, обойти нас и ударить с тылу. Не покладая рук, работают иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей и, как теперь доказано с полнотой и точностью, — в первую очередь среди троцкистов.

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим доказали непримиримую враждебность к советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести,— доказали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливаясь ни перед чем.

Еще на XV Всесоюзной партийной конференции товарищ Сталин подчеркивал, что троцкистов и организованный ими в то время блок

отличает именно: «неразборчивость в средствах и беспринципность в политике». Эта неразборчивость в средствах, в политической борьбе переросла теперь всякие пределы, достигла чудовищных размеров, возросла в тысячу крат.

Разве не о крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам, Зиновьеву и Каменеву, гнуснейшим изменникам, настоящим бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных союзников, единомышленников и сообщников?!

Вы хотите знать, что представляет собой моральное лицо этих господ? Прочтите их статьи, которые отделяют сегодняшний день от дня их напечатания в наших газетах всего лишь несколькими месяцами.

Вот Радек в 3 номере «Большевика» за 1935 г. разоблачает — что бы вы думали? Двуручничество Зиновьева и всей головки зиновьевской фракции, как он выражается. Специалист этого дела—Радек проявляет здесь большие познания. Развязно повествует он о том, что представляет собой двуручничество...

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двуручничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись к контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применили этот метод разведчиков интервенции, подрывников и вредителей. Двуручничество оказалось маскировочным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготовляющемся злодейском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими тов. Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, замечая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двуручниках, отданных в руки закона, «знающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двуручниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям. Накануне суда над Зиновьевым, Каменевым и другими, накануне суда над государственными изменниками, избобленными в антисоветской преступной борьбе, — что писал этот Радек? Он писал о «троцкистско-зиновьевской фашистской банде и ее гетмане — Троцком» (это его собственное выражение), что из зала, где происходил процесс и разбор этого дела, несло «трупным смрадом», и с пафосом восклицал: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти».

Так писал Радек. Радек думал, что он писал

о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!

Двурушничая и гримасничая, он писал тогда о том, как в 1928 году его — Радека — соблазнил Троцкий бежать за границу и как он — этот Радек — «ужаснулся» от мысли о действиях под охраной буржуазных государств против СССР и саботировал попытку побега». В 1929 году, по словам Радека, — «он, Троцкий, уговорил троцкиста Блюмкина организовать транспорт литературы в СССР, послал к нему в гостиницу своего сына Седова с поручением организовать нападение на торгпредства за границей для добычи денег, необходимых Троцкому для антисоветской работы. От эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому, людям, связанным с ним восемнадцать лет. Смирнов и Мрачковский, поднимая оружие против Сталина и партии, растоптав оказанное им доверие, пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена».

Товарищи судьи! Тогда еще Радек не судился и не был на скамье подсудимых. Это было не в 1936 году, даже не в 1935 году, это было в 1929 году. И здесь Радек свидетельствует о том, как Троцкий давал ему поручения организовать ограбление нашего торгпредства. Тогда Радек был на свободе, его не держали никакие ЧК, ГПУ или НКВД, ему не докучали допросами следователь или прокурор, он был свободным гражданином, он был журналистом, он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседникам. Что же он тогда писал? Он писал, что он получил от Троцкого поручение организовать нападение на торгпредства для добычи денег, необходимых Троцкому на антисоветскую работу. Я думаю, нельзя не поверить этому авторитетному признанию, сделанному перед советской общественностью, сделанному не на скамье подсудимых, а в советской печати. История, как вы видите, повторяется. И когда нам теперь говорят, что Троцкий в 1935 г. уговаривал Пятакова, вернее не уговаривал, а предлагал организовать хищение советских денег при содействии фирм «Деаг» и «Борзига», когда Седов налаживал для тех же целей связь с фирмой «Дейльман», то мы видим, что история повторяется...

Дальше. Когда Радек писал тогда: «От эксов...» (что такое экс? По-русски, — это просто-напросто грабей), ...«от эксов, которые Троцкий подготовлял в 1929 году, он в 1931 перешел к подготовке террора, о чем дал прямую директиву Смирнову и Мрачковскому — людям, связанным с ним восемнадцать лет», — мы думали, что Радек пишет на основании официальных следственных документов. Оказывается, то, что писал Радек, было, так сказать, аутентичным толкованием, т. е. толкованием из авторских уст, как одного из соавторов. Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... пали так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек бил тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался... От чистого сердца? Нет, он лгал... Вспоминаю 1929 г., когда Троцкий под-

готовлял грабежи наших торгпредств за границей, он делал вид, что говорит от чистого сердца. Нет, он лгал, он прикидывался только, что говорит правду, проклинал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выразился здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибежал к приему закоренелых преступников. «Держи вора!» — кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это известный прием тех, которые говорят языком — «засыпаться» и «пришить». Он пробовал увильнуть, ускользнуть от ответственности. Он, этот Радек, по трупам своих друзей и сообщников пытался выбраться из той зловонной, кроваво-грязной ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны головою уплатить за свою вину? Радек писал: «Главный организатор этой банды — Троцкий — уже пригвожден историей к позорному столбу, ему не миновать проклятия мирового пролетариата. Это верно. Изменникам не миновать приговора мирового пролетариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!»

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу разоблачения бандитско-террористического объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков рвет и мечет по поводу подлой контрреволюционной деятельности, деятельности, окутанной, как он писал, невыносимым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что скажет Пятаков сейчас, чтобы заклеить свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

«Нехватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как пададь, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны, пададь опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», — пишет Пятаков, смотря в зеркало. «Приспособляется к обстановке», — охорашивается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков, — а ловко я притворяюсь... «Лжет». Гм, — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Замечает следы... «Втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, заметая кровавые следы своих преступлений:

«Многие из нас, и я в том числе, своим ретозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчили этим бандитам делать свое черное дело. Удивительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Движение в зале.) Вот в чем, оказывается, виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или в скупке краденного.

Это старая тактика профессиональных преступников. Пятаков боится быть пойманным, разоблаченным, и он выступает в печати, громит врага и себя не жалеет. Ах ты, говорит, ретозей Пятаков, не замечаешь, что делается вокруг тебя. Но ведь делается-то не вокруг тебя, это делается сам ты!

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду». Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они наконец разоблачили вот эту банду. «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы кощунствуете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 г.? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил немолвимый ход событий.

О чем же говорят эти статьи Пятакова и Радека? Разве не говорят они о крайнем, беспредельном, в буквальном смысле этого слова, моральном падении этих людей, о моральном ничтожестве, о растлении этих людей? Ничтожные, заживо сгнившие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлые людишки, собиравшиеся в поход против Советского государства мальбруки, плюгавые политики, мелкие политические шулера и крупные бандиты.

Программа антисоветского троцкистского центра

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмануть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что по сути дела — это была старая антисоветская рютинская программа! Это верно. Сокольников говорил:

«Что касается программных установок, еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, правые сходились в основном на программу, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трогруппам, программные установки еще 1932 г.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутского ультра-империализма и теория бухринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму.

Но как «сговориться»? Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так, как он действует везде, во всем мире — нахрапом, нависываясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что было ясно, что —

«Хозяином положения будет фашизм — германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках Советского государства.

Пятый пункт, как они говорили, — аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точно так же, как у Фамусова решался культурный вопрос — «забрать все книги бы да сжечь». Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая Сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции (теперь уже 19. — А. В.), и у него аппетит громадный...»

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«... а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса.»

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию.»

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны: «Германия отдать Украине; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил:

— Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуций в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но и обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помык к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вот семь основных вопросов этой так называемой программы центра, добывавшегося насильственного свержения советской власти в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя и восстановления в нашей стране господства буржуазии, добывавшегося нанесения удара против демократии, против дела мира, против мирных демократических стран, — в помощь кровавым империалистическим агрессивным странам фашистского типа.

Что означало и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, лик-

видацию советского социалистического строя. Социалистический строй — это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остались рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи.

Вот что означает для рабочих нашей страны и для рабочих всех стран мира троцкистская платформа капиталистической реставрации в СССР.

Наше советское крестьянство, это новое колхозное крестьянство, — оно совсем не похоже на крестьянство капиталистических стран. В капиталистических странах крестьянство влечит нищее, полуголодное или совсем голодное существование. Разбросанные по лицу всей страны, как говорил об этом товарищ Сталин, они «копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п.»

«Такого крестьянства, — говорил на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Сталин, — у нас уже нет... У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... Как видите, — говорил товарищ Сталин, — советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Это не нравится троцкистам, и они хотят изменить и это положение. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулацкую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав.

Вот что означает для крестьян нашей страны троцкистская программа капиталистической реставрации, возврата нашей страны в руки капиталистов, кулаков и помещиков.

Троцкисты недовольны, наконец, и тем, что победа социализма в СССР превратила интеллигенцию из служанки капитала в равноправного члена советского общества. Троцкисты недовольны тем, что наша интеллигенция «вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества» (Сталин).

Они этим тоже недовольны. Они хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит — изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплуатации, безработицы, каторжного, беспросветного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Вот что значат те семь пунктов программы реставрации капитализма, о которых я говорил выше.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра—Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...» Радек заявил:

«И для меня и для Пятакова было ясно, что директива подвела блок к последней черте, что подводя итоги и намечая перспективы работы блока, она устраняла всякие сомнения насчет ее буржуазного характера. Понятно, мы этого вслух признать не могли, ибо это ставило нас перед необходимостью—или признать себя фашистами, или поставить перед собой вопрос о ликвидации блока... (т. V, л. д. 147).

Не потому ли, между прочим, не удалось Радеку созвать совещание? О чем бы стали они говорить на этом совещании? О реставрации капитализма? О расчленении СССР? О разделении территории СССР? О территориальных уступках? О распродаже нашей территории японским и германским захватчикам? О шпионаже, вредительстве? Они скрывали эти пункты своей программы, являющиеся основными пунктами их программы. Но известно, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

Эту программу признали здесь Пятаков, Радек, Сокольников, об этом рассказали здесь на суде они сами.

Но может быть, это выдумки? Может быть, они говорят так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Раз раскаялись, то надо о чем-то говорить, надо что-то разоблачать. Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень оппозиции», и если вы возьмете № 10, за апрель 1930 г., этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

...«Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...»

...Приостановить «сплошную» коллективизацию...

...Прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

...Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства. Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...

...Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

...Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

а) роспуска большей части колхозов, как дутых;

б) роспуска совхозов, как нерентабельных;

в) отказа от политики ликвидации кулачества;

г) возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших про-

мышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствие установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили в великие переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену: они пали ниже последнего денкинца или колчаковца. Последний денкинец или последний колчаковец выше этих предателей. Денкинец колчаковец, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды, продававшие родину за 30 серебрянников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать в кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это — факт. Это следствием установлено, и поколебать этого нельзя.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши Красные армейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы и менникам не может быть другого удела. Это программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изобретать дело так, будто здесь идет борьба спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, другой не повезло, «не пофартило», и она власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программой троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне, интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина—Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, невиданном прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое социалистическое отечество. Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь нашей родине, к нашему отечеству!..

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества»,—говорил товарищ Сталин в 1931 г. «Но теперь, когда мы свергли капитализм, власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».

Вся наша страна громко, на весь мир пов-
торяет эти слова товарища Сталина и готова
по первому призыву партии и правительства,
как один, подняться на защиту отечества.

Товарищ Сталин сказал:

«Наша политика есть политика мира» и что
мы «эту политику мира будем вести и впредь
всеми силами, всеми средствами. Ни одной
пяди чужой земли не хотим. Но и своей зем-
ли, ни одного вершка своей земли не отда-
дим никому».

Пусть это крепко запомнят наши враги.

Наш великий русский народ, наши великие
народы — украинский, белорусский, узбекский,
грузинский, азербайджанский, армянский, та-
тарский и все другие многомиллионные народы
СССР живой стеной стоят на страже наших
границ, охраняя каждую пядь, каждый верш-
чок нашей священной советской земли!

«Мы полны, — писал Ленин, — чувства на-
циональной гордости, ибо великорусская нация
то же создала революционный класс, то же
доказала, что она способна дать человечеству
великие образцы борьбы за свободу и за со-
циализм, а не только великие погромы, ряды
выселенцев, застенки, великие голодовки и ве-
ликое рабство перед попами, царями, пол-
мещиками и капиталистами» (XVIII, 81).

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят
люди, которые собирались повергнуть с по-
мощью иностранных штыков нашу страну в
капиталистическое рабство. Об этих людях и
им подобных писал в свое время Ленин, что
это «вызывающие законное чувство негодова-
ния, презрения и омерзения холоуи и хамы».
Вот эти люди, эти холоуи и хамы капитализ-
ма, пытались втоптать в грязь великое и свя-
тое чувство нашей национальной, нашей со-
ветской патриотической гордости, хотели на-
глумиться над нашей свободой, над принесен-
ными нашим народом за свою свободу жерт-
вами; они изменили нашему народу, перешли
на сторону врага, на сторону агрессоров и
агентов капитализма. Гнев нашего народа
уничтожит, испепелит изменников и сотрет их
с лица земли...

Пораженческая позиция троцкист- ского центра — провокация войны

Как это установлено на предварительном
судебном следствии, антисоветский троцкист-
ский центр одним из пунктов своей программы
имел установку на ускорение войны и пораже-
ние Союза ССР в этой войне. А через войну и
поражение — приход к власти, захват власти
и использование ее для капиталистической ре-
ставрации.

Троцкистский центр в составе Пятакова, Ра-
дека, Сокольникова и Серебрякова понимал,
разумеется, всю безнадежность своих преступ-
ных замыслов о свержении Советской власти и
захвате этой власти в условиях мирного суще-
ствования нашего Союза, мирного развития
СССР. Они понимали, конечно, что внутри на-
шей страны нет сил, на которые можно было
бы рассчитывать, как на действительно реаль-
ные силы. Поэтому главари этого центра ос-
новную ставку свою ставили на предстоящую
войну, на неизбежность военного нападения на
СССР агрессора, на неизбежность завязки вой-
ны, на необходимость обеспечить в этой войне
победу нашего врага и наше поражение.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года
Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил
о неизбежности войны в ближайшее же вре-
мя. Мы здесь это проверили, насколько воз-
можно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном об-
стоятельстве, которое было вчера рассмотре-
но в закрытом заседании. Именно в связи с
установкой Троцкого и, очевидно, соответст-
вующих компетентных в этом деле кругов
и учреждений одного иностранного государ-
ства, с которым договаривался Троцкий, уста-
новка на 1937 год обуславливалась необходи-
мостью ряда таких мероприятий, которые
должны были бы действительно к этому вре-
мени подготовить неизбежность поражения
СССР. Вчера на закрытом судебном заседании
Пятаков и Ратайчук дали подробное объясне-
ние, что они сделали для того, чтобы обеспе-
чить наше поражение в случае возникновения
войны в 1937 году и, в частности, в деле снаб-
жения нашей армии необходимыми средствами
обороны. Они нам показали вчера, как глу-
боко и как чудовищно подл был их план
предательства нашей страны в руки врага. Они
показали, как они своим планом хотели обе-
зоружить в наиболее для нас важный и опас-
ный в случае возникновения военных дейст-
вий период времени — нашу Красную Армию,
нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их пла-
ны были приноровлены к тому, чтобы именно
в 1937 году поставить нас в тяжелое поло-
жение в области некоторых мероприятий обо-
ронного значения.

Именно к 1937 г. было подтянуто то чудо-
вищное преступление, которое вчера было уста-
новлено в закрытом судебном заседании.
Именно в 1937 г. ставилась основная ставка на
поражение.

Надо вспомнить, что еще 10 лет назад Троц-
кий оправдывал свою пораженческую пози-
цию по отношению к СССР, ссылаясь на изве-
стный тезис о Клемансо. Троцкий тогда писал:
надо восстановить тактику Клемансо, восстав-
шего, как известно, против французского пра-
вительства в то время, когда немцы стояли в
80 км от Парижа. Товарищ Сталин зло выс-
меял Троцкого — этого «опереточного Кле-
мансо» и его «Донкихотскую группу». Троцкий
и его сообщники выдвинули тезис о Клемансо
случайно. Они вновь вернулись к этому
тезису, но уже теперь не столько в порядке
теоретической, сколько практической подго-
товки, подготовки на деле, в союзе с иностран-
ными разведками, военного поражения СССР.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский
центр всячески, всеми доступными им средст-
вами старались ускорить нападение агрессоров
на СССР.

«Ускорить столкновение» — спровоцировать
войну, подготовить поражение СССР — вот
к чему сводилась программа троцкистского
«центра» в области, так сказать, внешней по-
литики.

Это — «программа» иностранных лазутчиков,
агентов иностранных разведок, забирающихся,
если это им удастся, в самую гущу рядов про-
тивника и пытающихся взрывать ряды против-
ника изнутри. Вот к чему сводилась програм-
ма троцкистского центра в части, так сказать,
внешней политики.

Две программы — непримиримые, как сме-
тельные враги, стоят одна против другой. Две

программы, два лагеря. С одной стороны, оторванная от народа и враждебная народу жалкая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок: с другой стороны — советское правительство, имеющее поддержку со стороны всего населения СССР. Две программы, две принципиально противоположные линии борьбы.

Вполне понятно, что исходя именно из этих принципиальных своих установок на войну, на поражение, на дезорганизацию нашего государства, на предательство его интересов воинствующему фашизму, и вытекал ряд уже других практических шагов и мероприятий, которые проводила троцкистская организация под руководством своего троцкистского антисоветского центра.

Организация и совершение диверсий и вредительства

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснил, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистской партии соглашения было обязательство.

«... во время войны Германии против СССР... занять порожненческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные ими диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности, но также и в области жел.-дор. хозяйства, «параллельный» центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей. Мы видели ведь, как это делалось. Если плохо или недостаточно удовлетворительно, с точки зрения центра, разворачивается вредительская и диверсионная работа в Западной Сибири, Пятаков спешит туда, посылает Дробниса, специально для того, чтобы усилить западно-сибирский центр, руководящий диверсионной и вредительской работой.

Мы знаем, что расстановка сил проводилась и проходила по определенному плану, не случайно. Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывавшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись также по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на жел.-дор. транспорте поручается Себрякову, вкуче с ним Князеву, Туроку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности, на Ке-

мерово. Не случайно, именно в Западной Сибири создается достаточно сильный крайовых помощников — Ратайчака, Норкина; Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников — Ратайчака, Норкина, Муралов и Дробнис опираются на Шестова Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы представляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не расплывется, он концентрируется. Эти силы концентрируются со всеми необходимыми требованиями, предъявляемыми конспирацией. Эти силы концентрируются на наиболее крупных, наиболее важных предприятиях, имеющих преимущественно оборонное значение. Здесь учитывается и ряд таких, естественно возникающих трудностей, которые связаны с организацией нового дела, как им является, например, организация мощного Кемеровского комбината. Учитывается решительно все. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово издевательством над понятием хозяин. Пятаков выступает здесь именно как хозяин, как организатор этого вредительского хозяйства.

Это — человек, который живет двойную жизнь. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства. Учет обстоятельств находится в его руках, учет обстановки находится в его руках, учет сил — в его руках, учет средств — в его руках. Средства маскировки также находятся в его руках. Отсюда достаточно широкая, планомерная, разветвленная вредительская, диверсионная деятельность, чудовищность которой иногда может просто привести в содрогание. На предварительном следствии Пятаков показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не расплываться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение».

В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах».

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Мы видели на судебном следствии, что означала эта троцкистско-пятаковская формула в действительности: она означала порчу и уничтожение машин, агрегатов и целых предприятий, поджог и взрыв целых цехов, шахт и заводской организацию крушений поездов, гибель людей.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против советов. Мы помним «вахтинское дело» и как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «Промпартии», дело «Союзного бюро с.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличе-

нием сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусности диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они перецеголяли самых матерых и отъявленных преступников. Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силой и глубиной тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть. Эту вторую задачу они решали при помощи самых изуверских преступлений. Они не только не останавливались перед этими преступлениями, они, наоборот, старались эти преступления организовать в возможно более широком масштабе, старались увеличить число жертв возможно больше. И не прав Пятаков, когда говорит, что принимал «это», как неизбежное. Он здесь не имеет мужества сказать всю ту правду, которую сказал сидящий за его спиной Дробнис.

Не как необходимое и неизбежное принималась центром система взрывов, поджогов, крушений с человеческими жертвами. Организация этого рода преступлений входила в план центра, являясь его составной частью. Дробнис сказал:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно».

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение:

«Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв».

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно заматали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на 6-м участке в районе Северного Ходка в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвердить, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остались безнаказанными, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо

неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Здесь действовала чудовищная бандитская система, которая не щадит никого, не останавливается ни перед чем, направляет свои удары не только против тех, с кем непосредственно ведется борьба, но и против всех тех, кто вообще встречается на их преступном пути.

Надо сказать, что организация диверсионных и вредительских актов и проведение их в жизнь весьма облегчались преступникам тем, что ряд командных должностей в промышленности и на транспорте был захвачен в свои руки этими людьми, сумевшими нас обмануть. Экспертные технические комиссии, которые давали здесь свое заключение, с совершенной точностью и конкретностью установили, что все так называемые аварии, взрывы, пожары, которые сначала пытались изобразить, как результат несчастных случаев, на самом деле проводились вредителями умышленно, продуманно. Установлено, что на Горловском азотно-туковом комбинате под руководством подсудимого Ратайчака были организованы в сравнительно короткий срок три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекшие за собой человеческие жертвы и причинившие нашему государству к тому же и тяжелый материальный урон.

Товарищи судьи! Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упустить из виду не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми, и свидетельскими показаниями, и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Я хотел бы кратко остановиться на этих данных экспертизы. Я просил экспертов ответить нам на ряд вопросов по взрыву, имевшему место в ноябре 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе. На прямой вопрос — имела ли возможность предупредить этот взрыв, эксперты ответили — бесспорно имела. Что же нужно было сделать для того, чтобы этих взрывов не было?

Оказывается, немного. Для этого нужно было только придерживаться инструкции по безопасному проведению работ. Инструкция обеспечивает нормальную и безопасную работу. Это не было сделано. Отсюда взрыв. И

когда мы поставили экспертам вопрос: а может быть этот взрыв все-таки случайный? Когда мы проверили показания подсудимых, экспертиза ответила: «факт злого умысла неоспорим».

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых и, хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимыми своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в их виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников, проверили их еще с технической стороны и получили категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате. Установили, что не может быть никаких сомнения в наличии злого умысла.

Мы, таким образом, имеем целую систему широко разветвленных вредительских и диверсионных мероприятий, которые охватывали те отрасли нашей промышленности, которые имеют наиболее важное значение с точки зрения общесоюзных интересов и с точки зрения интересов обороны и обороноспособности нашего государства.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении или, вернее, в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел, как мы имели и в случае с Пятаковым, такого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, — в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольников, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра органи-

зовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхьино — Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям «параллельного» троцкистского центра, и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Князев показал, что организация крушений воинских поездов входила в круг мероприятий, намеченных для удара по нашей Красной Армии, и нельзя отказать в признании того, что действительно эти мероприятия преступного характера могли нанести нам чувствительный удар.

Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться, потому что у них были общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия троцкистской организации от организации японской или германской разведки.

Связи Князева и Турока, связи шпионского диверсионного характера нами были проверены на закрытом заседании, где была совершенно точно установлена и личность этого господина Х., и все те обстоятельства, о которых подсудимые давали показания на суде.

Я здесь должен буду напомнить об имеющихся в деле двух письмах, где изобличаются связи Князева с этим господином Х. Эти письма только лишний раз и вполне объективно подтверждают показания Князева.

Князев показал, что по соглашению с этим самым господином Х. он давал и выполнял задания на случай войны по организации поджогов воинских складов, пунктов питания, пунктов санитарной обработки войск. Князев подтвердил, что японская разведка особенно резко ставила вопрос об организации диверсионных актов путем применения бактериологических средств в момент войны с целью заражения остро заразными бактериями поездов под воинские эшелоны, а также пунктов питания и санитарной обработки войск.

Вот два наиболее характерных факта, которые сами по себе говорят о действительно беспредельном падении, о действительно моральном растлении, которым оказались подвержены и малые и большие деятели этого антисоветского троцкистского центра. Эпизод с Кемеровским комбинатом и здание, которое Князевым получено от ... на случай войны, — заражение красноармейцев остро заразными бактериями — два факта, вполне достаточных для того, чтобы считать полностью установленным предъявленное здесь обвинение в государственной измене.

Преступники действовали с наглостью и инициативой. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до

конца. В самом деле, как могли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Но что же, если те самые консулы, на которых лежит обязанность заботиться, чтобы никакого ущерба не понесло государство (старая формула, которая говорит, что консулы обязаны не допускать никакого ущерба государству), эти самые консулы оказались основными вредителями, основными организаторами этих преступлений! Тут, конечно, можно вредить месяц, можно вредить год, два, пять лет, может быть даже целые десять лет, если играть эту подлейшую двойную игру, если жить той двойной жизнью, какой жили обвиняемые по этому делу. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков, — как случилось, что, несмотря на все это, их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх. Я приведу несколько справок из нескольких отраслей промышленности, которые были ареной преступной деятельности троцкистских заговорщиков.

В угольной промышленности мы имеем рост добычи угля:

по Донбассу с 25 288 тыс. тонн в 1913 г.

до 75 202 тыс. тонн в 1936 г.,

по Кузбассу — с 799 тыс. тонн в 1913 году

до 17 259 тыс. тонн в 1936 г.,

по Подмосковному бассейну — с 300 тыс.

тонн до 7 201 тыс. тонн в 1936 году. Громад-

ный рост!

За 19 лет наша страна создала мощную химию и заняла третье или даже по отдель-

ным отраслям промышленности второе место в мире.

К началу первой пятилетки наша страна обогатилась созданием ряда новых отраслей промышленности, имеющих общенародное хозяйственное значение, как анилино-красочная промышленность, коксо-бензоловая промышленность; химико-фармацевтическая и т. д. Первая и вторая пятилетки советской химии были наиболее яркими этапами в развитии химической промышленности. Надо иметь в виду, что история мировой химии вообще начинается с конца XVIII века. Следовательно, современная мировая химическая промышленность имеет около 150 лет своего развития, а наша советская химическая промышленность имеет не больше 10 лет своего развития. И за эти 10 лет она прошла путь 150-ти лет мирового капиталистического хозяйства. Мы имеем успехи, благодаря которым по серной кислоте и

соде мы занимаем третье место, уступая только Германии и Соединенным Штатам, по суперфосфату — первое место после Соединенных Штатов, по азотным удобрениям наша страна выдвигается на четвертое место в мире. Это факты многозначительные, особенно в свете тех кошмарных преступлений, о которых мы здесь слышали и которые вызвали всеобщее негодование нашей страны. Это говорит о том, что именно так отвечает наш народ, наша социалистическая промышленность на подрывную работу предателей и агентов фашистских разведок. Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения, — наша промышленность бурно растет и выполняет свои производственные планы!

Аналогичное положение на ж.-д. транспорте. И здесь мы имеем героический подъем железнодорожного хозяйства, о чем особенно красноречиво говорят цифры средне-суточной погрузки. Эта погрузка в 1934 г. выражалась в 55 417 вагонов, в 1935 г. — в 68 098 вагонов, в 1936 г. — в 86 160 вагонов! Годовая перевозка грузов в миллиардах тонно-километров за те же годы: 205, 258, 323! Ж.-д. транспорт героически преодолел былые трудности...

Чем объяснить это чудо, чем объяснить это явление? Чудес в мире не бывает. Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и ж.-д. транспорта? Потому что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

Шпионаж и террор

Материалами предварительного судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушкина, Турока, Граше, Шестова Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранных разведок. На этом вопросе я не буду подробно останавливаться, скажу лишь основное. Установление связи с японской и германской разведками осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными германской и японской разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготовляли результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, на имя товарища Хозе Диас сказал, что

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они, — ска-

зал товарищ Сталин, — отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготавливающими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества. Достаточно полно установлено, что именно в этой области делали и маленькие шпики, сидящие здесь на скамье подсудимых, вроде Граше, Ратайчака, и большие шпики, возглавляющие эту скамью подсудимых. Князев и Лившиц, Ратайчак, Шестов, Строилов, Пушин, Граше — это непосредственная агентура германской и японской разведок. Агентура, конечно, не только не исключает, а, наоборот, предполагает ответственность на равных началах и главварей этого центра, организовавших агентуру и пустивших ее в ход.

Обвинительное заключение предъявляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незаулаченной форме, дал установку на террор, — документы, которые оглашены их автором *orbis et urbi* (всему миру). Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 г., в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич — «убрать Сталина», и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский «Бюллетень оппозиции» №№ 36—37, октябрь 1933 г., где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В самом деле, здесь, в статье, имеющей программный характер, в статье, которая под своим официальным названием содержит еще подзаголовок — «Проблемы IV интернационала», — Троцкий говорит совершенно откровенно о терроре, как методе, который уже в те годы был поставлен в порядок практической деятельности троцкистов. Этот террор они, к нашему великому горю, сумели осуществить в 1934 г., убив Сергея Мироновича Кирова.

В этой самой статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?»

Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации Советского государства».

Троцкий, видите ли, озабочен реорганизацией Советского государства, чем озабочены, — как мы видели на этом процессе, — также и его ближайшие помощники — Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков и другие.

Как подойти к реорганизации Советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты? Они говорят так:

«Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они называют наше правительство клеветнически) не осталось никаких нормальных конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами и диверсиями и шпионажем) можно только силой».

Причем слово «силой», — как это можно убедиться, — набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (Смех.)

Они говорят дальше прямо о «сталинском аппарате», говорят, что если все-таки этот аппарат, наш государственный аппарат, будет сопротивляться, то придется применить против него особые меры.

То, что я процитировал и что я из чувства просто политической брезгливости не имею возможности цитировать дальше, — совершенно отчетливо говорит о том, как ставится троцкистами в своих журнальчиках вопрос о методах борьбы, каковы установки Троцкого в отношении этой так называемой «реорганизации» Советского государства. Об этом самом «Бюллетене» троцкистской оппозиции нам, кстати, Пятаков говорил, что Троцкий сказал ему: не обращайте внимания полностью на то, что будет писаться в «Бюллетене». Имейте в виду, что в «Бюллетене» мы не можем откровенно сказать все, что мы говорим и требуем от вас. Знайте, что в «Бюллетене» мы будем даже говорить иногда, может быть, прямо противоположное тому, что мы от вас требуем. И если при этих условиях говорится то, что я сейчас процитировал, — как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

И это является объективнейшим доказательством того, что, когда некоторые — Пятаков, Радек и другие члены этой преступной

банды — говорили, что они организовали террористические акты по прямым установкам Троцкого, то они вынуждены были сказать, то, что в действительности есть, и никакой болтовней, никакой клеветой, никакой инсинуацией и троцкистской брехней этого факта не замазать! В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор стоит в порядке дня троцкистской организации, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Перед нами сидят террористы, которые организовывали теракты, не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве и на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам отгнать их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели. Этот «авангард» спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку — вероятно, министра религиозных исповеданий (в зале смех), потому что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных, сухопутных (морских сил у них не было) и — я имею в виду «старого «летчика» Ратайчака — летных сил. (В зале смех.)

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова — Логинов, Голубенко и другие. У Радека — Пригожин и другие; у Сокольников — Закс-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова — у того есть своя группа — Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Дробниса — своя группа. У Муралова — об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии? Если нельзя командовать советскими силами, разве нельзя командовать анти-советскими? Он «солдат» — чем и как прикажут, тем и так он будет командовать. Даже у Шестова — и то была своя группа — Арнольд и К° — и группа неплохая с точки зрения ее задач. Правда, немного она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготавливает террористический акт через своих украинских представителей против тт. Постышева и Косиора, а в 1935 г. против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготавливает террористические кадры в Ленинграде; Закс-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольников террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против товарища Берия, собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление так назы-

ваемых групповых террористических актов. Они же готовят террористический акт против тов. Ежова. Дробнис тоже готовит террористический акт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто придет к нему в Сибирь, не считая тов. Эйхе, который там живет. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства. И вот Муралов, который никак не хочет согласиться с тем, чтобы ему приписывалась подготовка покушения против тов. Орджоникидзе, этот самый Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища В. М. Молотова, председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Террористический акт Муралов не только организовал, но и пытался осуществить через Шестова и Арнольда.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а «дела» как-то не видать. Но это наше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить за террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготавливают убийства. Их тактика заключалась в том, чтобы можно было совершение терактов свалить на других — скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Арнольд, Шестов, Муралов, западносибирский центр, троцкистский центр в целом отвечают, конечно, за подготовку этих актов, потому что это делалось по общей директиве, «конкретно переведенной», как выразился Пятаков, «с языка алгебраического на язык арифметический». Но они забыли, что существует еще один язык — язык Уголовного кодекса, который знает преступления, знает людей, их совершивших, и знает ответственность, предусмотренную законом за эти преступления. Они избирают Арнольда как вполне подходящего человека для подобного рода преступлений. Ну, что такое Арнольду взять на себя совершение одного или десятка террористических актов? Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил. — не удалось. Организуется покушение на жизнь председателя Совнаркома СССР товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил, — покушение не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой канавки, как здесь Муралов скромничко говорил. — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но по-

том это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по вредительским планам и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 года инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит на смерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова — Черепухина, которая имела в своих рядах Арнольда и некоторых других лиц, которые были вскрыты, судимы и осуждены. Например, Казанцев, который участвовал в этой истории. Это факт, это не самоговор, это факт: убили Бояршинова. Покушались на убийство аналогичным способом председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. М. Молотова.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме — от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

Процессуальные вопросы

Наш закон требует производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

320-я статья Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановления на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления? На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место. Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения. Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?

Надо сказать, что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей

где-нибудь есть писанная программа? Об этом они только говорят.

Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы их заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т. п.?

Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильямс, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам.

Я думаю, что и мои уважаемые противники согласятся со мной с точки зрения позиций на которых они, как защитники, в этом вопросе стоят. Но у нас есть и объективные доказательства. Я говорил о программе и я предъявил вашему вниманию, товарищи судьи, «Бюллетень» Троцкого, где напечатана эта самая программа. Но идентификация здесь будет гораздо более легкой, чем та, которую вы провели, устанавливая по фотоснимкам идентичность некоторых лиц из германской разведки.

Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов. Во-первых, историческая связь, подтверждающая обвинительные тезисы на основании прошлой деятельности троцкистов. Мы имеем в виду далее показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громадное доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, случайского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо

ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть, то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допустить, что Пятаков не член центра, что Радека не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К. или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, — как его там звать, что он с Бухарным не кормил «яичницей с колбасой» каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, — «визируя мандат Троцкому». Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями, и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример в прошедших процессах, — и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последних слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напомню вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, одни — прося, другие не прося пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими преступлений, — мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 г. по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоя-

щему делу Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольников и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова — т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58^{1а} — измена родине, 58^б — шпионаж, 58^в — террор, 58^г — диверсия, 58¹¹ — образование тайных преступных организаций. Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т. е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется, — это измена родине. Измена родине карается 58^{1а} статьей УК РСФСР. Она говорит об измене родине, как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдача военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего, — бегство за границу — мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием, — тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос — есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме.

ли обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от

меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместо со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.)

Приговор

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе:

Председательствующего—Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюриста В. В. Ульрих.

Членов:

Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста И. О. Матулевич и члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР диввоенюриста Н. М. Рычкова.

Пр. Секретаре военном юристе 1 ранга А. Ф. Костюшко.

С участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников тт. И. Д. Брауде, Н. В. Коммодова и С. К. Казначеева — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 23—30 января 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. Пятакова, Юрия (Георгия) Леонидовича, 1890 г. рождения, служащего;
2. Сокольников, Григория Яковлевича, 1888 г. рождения, служащего;
3. Радека, Карла Бернгардовича, 1885 г. рождения, журналиста;
4. Серебрякова, Леонида Петровича, 1888 г. рождения, служащего;
5. Лившица, Якова Абрамовича, 1896 г. рождения, служащего;
6. Муралова, Николая Ивановича, 1877 г. рождения, служащего;
7. Дробниса, Якова Наумовича, 1891 г. рождения, служащего;
8. Богуславского, Михаила Соломоновича, 1886 г. рождения, служащего;
9. Князева, Ивана Александровича, 1893 г. рождения, служащего;
10. Ратайчака, Станислава Антоновича, 1894 г. рождения, служащего;
11. Норкина, Бориса Осиповича, 1895 г. рождения, служащего;
12. Шестова, Алексея Александровича, 1896 г. рождения, служащего;
13. Строилова, Михаила Степановича, 1899 г. рождения, служащего;
14. Турок, Иосифа Дмитриевича, 1900 г. рождения, служащего;
15. Граше, Ивана Иосифовича, 1886 г. рождения, служащего;
16. Пушина, Гавриила Ефремовича, 1896 г. рождения, служащего и

17. Арпольда, Валентина Вольфридовича, он же Васильев Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащего —

— всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58^б, 58^в и 58^г Уголовного Кодекса РСФСР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ И СУДЕБНЫМ СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО:

В 1933 году, по прямому указанию высланного в 1929 г. за пределы СССР врага народа Л. Троцкого наряду с существовавшим так называемым «объединенным троцкистско-зиновьевским террористическим центром» в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный параллельный антисоветский троцкистский центр, в состав которого вошли подсудимые по настоящему делу Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

На основании указаний врага народа Л. Троцкого, параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение Советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Соколькова — в Москве — вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистской партии Германии Рудольфом Гесс обещал в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался, в случае захвата власти, ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капи-

талистические отношения. Кроме того, враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского параллельного центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получаемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 г. близ города Осло, — развернули вредительно-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах, в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске, по прямому указанию Пятакова, был организован Западно-Сибирский антисоветский троцкистский центр в составе подсудимых по настоящему делу Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом, на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте, проводилась подсудимыми по настоящему делу по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов подсудимые исходили из указаний врага народа Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», допущенных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса, не останавливаясь перед человеческими жертвами, ибо, «чем больше жертв, тем лучше, так как это вызовет озлобление рабочих».

В химической промышленности, по заданиям Пятакова, подсудимыми Ратайчак и Пушиным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, обвиняемые Ратайчак и Пушин в 1934—1935 гг. организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, при чем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

Диверсионные акты были также организованы, по предложению подсудимого Ратайчака на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов, по указаниям Пятакова и Муралова, проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задерж-

ке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации по заданию Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10-ти рабочих и тяжелые ранения 14-ти рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность подсудимых Серебрякова, Богуславского, Лившица, Князева и Турок, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Подсудимым Князевым, по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х., в 1935—1936 гг. был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, при чем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 года повлекло смерть 29-ти красноармейцев и ранение 29-ти красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого, членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым, на случай военного нападения на СССР, готовился ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Подсудимый Норкин, по указанию Пятакова подготавливал поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Подсудимый Князев, по поручению Лившица, принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями остро-заразных болезней подаваемые под войска эшелоны, а также пункты питания и санобработки частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

На ряду с диверсионной и вредительской деятельностью подсудимые Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушин и Граше, по поручению троцкистского антисоветского центра, занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Подсудимые Ратайчак, Пушин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейерович и Ленц, которым в 1935—1936 гг. передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, при чем Пушин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленц секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза ССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов. а подсудимый Ратайчак пере-

дал тому же Ленц совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам.

Подсудимые Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шестов, Флесса, Флорен, Зоммерэггер и др. и передавали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Подсудимые Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева и Берия, при чем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра подсудимые Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и Советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года Шестов, по указанию Муралова, пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской террористической группы подсудимый Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал тов. В. М. Молотов.

Кроме того, подсудимый Шестов, по заданию Пятакова и Муралова, подготовлял террористический акт против секретаря Западно-Сибирского Краевого Комитета ВКП(б) тов. Р. И. Эйхе, а подсудимый Арнольд, по подстрекательству того же Шестова, подготовлял террористический акт против тов. Г. К. Орджоникидзе.

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила, что:

I. Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников состояли членами антисоветского троцкистского центра и по прямым указаниям находящегося за границей врага народа Л. Троцкого, в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения Советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии, руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью антисоветской троцкистской организации в Советском Союзе, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58¹, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР.

II. Указанные в пункте I Пятаков и Серебряков, а также являвшиеся участниками антисоветской троцкистской организации

Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский — организовали и непосредственно направляли изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность членов антисоветской троцкистской организации, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58¹, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР.

III. Князев, Ратайчак, Норкин, Шестов, Турок, Пушин и Граше, являясь участниками антисоветской троцкистской организации, привели в исполнение задания антисоветского троцкистского центра по изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельности, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 58¹, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР.

IV. Арнольд, будучи участником антисоветской троцкистской организации, по подстрекательству подсудимых Муралова и Шестова, пытался осуществить террористические акты против товарищей Молотова и Орджоникидзе, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 19—58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР.

V. Строилов — частично выполнил несколько отдельных заданий по шпионажу и вредительству, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58⁹ и 58⁷ Уголовного Кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

ПРИГОВОРИЛА:

1. Пятакова, Юрия (Георгия) Леонидовича,
2. Серебрякова, Леонида Петровича, как членов антисоветского троцкистского центра, организовавших и непосредственно руководивших изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью — к высшей мере уголовного наказания —

РАССТРЕЛУ;

3. Муралова, Николая Ивановича;
4. Дробниса, Якова Наумовича;
5. Лившица, Якова Абрамовича;
6. Богуславского, Михаила Соломоновича;
7. Князева, Ивана Александровича;
8. Ратайчак, Станислава Антоновича;
9. Норкина, Бориса Осиповича;
10. Шестова, Алексея Александровича;
11. Турок, Иосифа Дмитриевича;
12. Пушина, Гавриила Ефремовича и
13. Граше, Ивана Иосифовича — как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений — к высшей мере уголовного наказания — РАССТРЕЛУ;
14. Сокольников, Григория Яковлевича и
15. Радека, Карла Бернгардовича — как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности — к заключению в тюрьме сроком **НА 10 ЛЕТ КАЖДОГО;**
16. Арнольда, Валентина Вольфридовича — к заключению в тюрьме **НА 10 ЛЕТ;**

17. Строилова, Михаила Степановича, в виду обстоятельств, указанных в пункте V резолютивной части настоящего приговора, — к заключению в тюрьме **НА 8 ЛЕТ**.

Осужденных к тюремному заключению Сокольников, Радека, Арнольда и Строилова лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, — конфисковать.

Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишённые постановлением ЦИК СССР от 20-го февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека, А. А. Шестова и Н. И. Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве сви-

детелей В. Г. Ромма и Д. П. Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, — подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховсуда СССР Армяноюрист
В. УЛЬРИХ.

Члены:

Заместитель Председателя Военной Коллегии Верховсуда СССР Корвоенирист

И. МАТУЛЕВИЧ.

Член Военной Коллегии Верховсуда СССР Див-военирист

Н. РЫЧКОВ.

Обвинительное заключение

по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольников Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. А., Дробинца Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР

Следствием по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, участники которого осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР 24 августа 1936 г., было установлено, что, наряду с вышеуказанным центром, существовал так называемый запасный центр, созданный по прямой директиве Л. Д. Троцкого на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами Советской власти. Осужденные члены объединенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев, Каменев и др. показали, что в состав запасного центра входили известные по своей прошлой троцкистской деятельности Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебряков Л. П.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что, так называемый, запасный центр в действительности был параллельным троцкистским центром, который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции Л. Д. Троцкого.

Свою преступную деятельность троцкистский параллельный центр наиболее активно развернул после злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова и последовавшего затем разгрома объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя. Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений.

Эти изменнические замыслы против Советского Союза Л. Троцкий изложил в наиболее законченном виде в своем директивном письме параллельному троцкистскому центру, полученном обвиняемым Радеком К. Б. в декабре месяце 1935 года.

Обвиняемый Радек по этому поводу на допросе от 22 декабря 1936 года показал:

«Надо понять, писал Троцкий, что без известного приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплуатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недоброжелны колхозам. Немцы и японцы потребуют от нас разряднения атмосферы в деревне, поэтому надо будет идти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов». (Том 5, лист дела 142, 143).

И далее:

«Мы с Пятаковым пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над «и», выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-зиновьевского блока может быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма». (Т. 5, л. д. 146).

В свою очередь, обвиняемый Пятаков излагая содержание своей беседы с Л. Троцким, имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что Л. Троцкий, требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что, в результате договоренности с капиталистическими государствами, необходимо, как он выразился, отступить к капитализму. По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас

трудно сказать, — конкретизировать это можно только после прихода к власти». (Т. 1, л. д. 269)

О том, что программа параллельного троцкистского центра была программой восстановления капитализма в СССР, показал обвиняемый Сокольников в Г. Я. на допросе 30 ноября 1936 года:

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, подъем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР.

...Все члены центра сходились на признании того, что в нынешних условиях другой программы не может быть и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока». (Т. 8, л. д. 225).

Исходя из этих программных установок, Л. Д. Троцкий и его сообщники из параллельного центра вступили в переговоры с агентами иностранных государств, с целью свержения советского правительства при помощи военной интервенции.

В качестве базы для этих изменнических переговоров Л. Д. Троцкий и параллельный центр выдвинули: допущение в СССР развития частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление этим иностранным государствам других экономических и политических выгод, вплоть до уступки части советской территории.

По этому поводу Л. Д. Троцкий в упомянутом выше письме к К. Радеку, по словам обвиняемого К. Радека, писал:

«Было бы нелепостью думать, что можно притти к власти, не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких, наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность...» (Т. 5, л. д. 140).

Следствием установлено, что Л. Д. Троцкий вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистической партии о совместной борьбе против Советского Союза.

Как показал обвиняемый Пятаков, Л. Троцкий, в беседе с ним в декабре 1935 г., сообщил, что в результате этих переговоров он заключил с означенным руководителем национал-социалистической партии соглашение на следующих условиях:

- 1) Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;
- 2) согласиться на территориальные уступки;
- 3) допустить германских предпринимателей, в форме концессий (или каких-либо других форм), к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.);
- 4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий;

5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. При этом эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским генштабом.

Эти основы соглашения, как рассказывает Троцкий, были окончательно разработаны и приняты при встрече Троцкого с заместителем Гитлера Гессом.

Точно также, сказал Троцкий, у него имеется вполне налаженная связь с правительством». (Т. 1, л. д. 267, 268).

О характере этого соглашения и о размерах территориальных уступок Л. Троцкий сообщил в своем письме обвиняемому Радеку в декабре месяце 1935 года.

В этом письме Л. Троцкий, по показаниям обвиняемого К. Радека, писал следующее:

«...Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину.

Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплуатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплуатации золота. Мы должны будем согласиться с требованиями Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая...» (Т. 5, л. д. 142, 144).

Не ограничиваясь своими личными переговорами с представителями иностранных государств, Л. Троцкий предложил членам параллельного центра установить связь с представителями этих государств в СССР.

По показаниям обвиняемого Пятакова, Л. Троцкий в своих письмах параллельному центру

«...требовал от Радека и Сокольников, которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, Троцким, практически проводится». (Т. 1, л. д. 257).

В соответствии с этой директивой Л. Д. Троцкого, обвиняемый Радек К. и Сокольников Г. установили контакт с представителями тех же государств.

По этому поводу обвиняемый Радек на допросе 4 декабря 1936 года показал:

«...Утверждение Троцкого об его контакте с представителями правительства не было простой болтовней. В этом я мог убедиться из разговоров, которые мне приходилось иметь на дипломатических приемах в 1934—35 гг., с военным атташе г. и с пресс-атташе посольства г., очень хорошо осведомленным представителем Германии.

Оба они в осторожной форме давали мне понять, что у правительства существует контакт с Троцким».

И далее:

«Я сказал г. К., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело совершен-

но бесполезное, и что правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков в СССР», т. е. от блока, когда последний придет к власти». (Т. 5, л. д. 119, 121).

Обвиняемый Сокольников в также признал, что, используя свое служебное положение заместителя народного комиссара по иностранным делам, он, по указаниям Л. Д. Троцкого, вел тайные переговоры с представителями одного иностранного государства.

Обвиняемый Сокольников в показал:

«По окончании одной из официальных бесед, происходившей у меня в кабинете, когда г. и секретарь посольства собрались уходить, г. несколько задержался».

В это время оба переводчика вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, г. в то время, как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами. Г. сказал мне: «Известно ли Вам, что г-н Троцкий сделал некоторые предложения моему правительству?».

Я ответил: «Да, я об этом осведомлен».

Г. спросил: «Как Вы расцениваете эти предложения?».

Я ответил: «Я считаю эти предложения весьма серьезными».

Тогда г. спросил: «Это только Ваше личное мнение?».

Я ответил: «Нет, это мнение также и моих друзей». (Т. 8, л. д. 235, 236).

Главные свои надежды на приход к власти Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим, в своих переговорах с агентами иностранных государств лично Л. Д. Троцкий и параллельный центр, через обвиняемых Радека и Соколова, всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый Радек на допросе от 22 декабря 1936 г. приводит следующее место из письма к нему Л. Д. Троцкого:

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться.. Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией». (Т. 5, л. д. 143, 117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый Пятаков, передавая содержание своего разговора с Л. Троцким в декабре 1935 года, близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом Л. Д. Троцкий сказал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время».

Он, Троцкий, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что

приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР». (Т. 1, л. д. 258).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти, Л. Д. Троцкий, Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Серебряков Л. П., Я. Лившиц и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тяжчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям Л. Троцкого и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра, ряд обвиняемых по настоящему делу: Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше и Пушин были непосредственно связаны с агентами — диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях, имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли, в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями, с иностранными разведчиками.

Так, например, обвиняемый Радек, подтверждая показания Пятакова, на допросе от 22 декабря 1936 г. показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого Троцким с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство —

«...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом». (Т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый Пятаков на допросе от 4 января 1937 года показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение».

В этом пункте я действовал по директиве Троцкого: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах». (Т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого Пятакова Ю., организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19—22 ноября 1936 г., по

делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого Дробниса, был организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10-ти и тяжелые ранения 14-ти рабочих.

(См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19—22 ноября 1936 года).

На Горловском азотно-туковом комбинате, под руководством обвиняемого Ратайчака, было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению Ратайчака, были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Пушина и Граше, (Т. 40, л. д. 30, 39, 50).

(См. акты технической экспертизы).

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: Лившиц Я. А., Турок И. Д., Князев И. А. и Богуславский М. С.

Так, обвиняемый Князев, по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. «Шумиха» 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне «Яхино — Усть-Катав» в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне «Единовер — Бердяш» в феврале 1936 года.

Крушение воинских поездов обвиняемый Князев организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого Лившица, но и по прямым заданиям агента японской разведки г-на Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый Князев показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии, путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, так как в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации». (Т. 32, л. д. 61, 57).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый Турок И. Д. (Т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый Пятаков на допросе 4 декабря 1936 г. по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что, в случае необходимости прибегнуть, к диверсионным актам, — неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность». (Т. 1, л. д. 196, 197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый Дробнис:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно». (Т. 13 л. д. 60).

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого Князева от 26 декабря 1936 года.

«Лившиц дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождалось бы большим количеством человеческих жертв». (Т. 32, л. д. 92). Аналогичные показания дал и обвиняемый Турок И. Д. (Т. 23, л. д. 73)

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, и обвиняемый Пятаков дал указание обвиняемому Норкину подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом Пятаков Ю. Л. показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я Норкину действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с Троцким, в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с Норкиным о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове». (Т. 1, л. д. 309).

В свою очередь обвиняемый Князев на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г-на Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск». (Т. 328, л. д. 68).

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый Князев принял от того же агента японской разведки, г-на Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро-заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск... (Т. 32, л. д. 68).

Предательская связь обвиняемого Князева с японской разведкой установлена не только личными показаниями Князева, но и обнаруженными у него перепиской с г. Х. и фото-снимками (письма г-на Х. с пометкой «15/XII» и от 23/VIII—36 года). (Т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых — Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пушина Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А. и Строилова М. С. — установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый Князев И. А. снабжал японскую разведку, через упомянутого выше агента этой разведки г. Х., секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках». (Т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые Ратайчак С. А., Пушин Г. Е. и Граше И. И. признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый Граше показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности». (Т. 21, л. д. 40).

Обвиняемый Пушин Г. Е., признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый Ратайчак С. А. осуществляли связь с германской разведкой через монтера фирмы «Линде» — Ленца.

Обвиняемый Пушин Г. Е. на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«Ленцу были переданы следующие материалы:

- 1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;
- 2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;
- 3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал Ленцу лично я в разные сроки в первой половине 1935 года.

Кроме того, мне известно от Ленца, что непосредственно от Ратайчака он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 г. по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, Ленца систематически снабжал мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам». (Т. 19, л. д. 31).

Аналогичную шпионскую работу в пользу

германской разведки вели также и обвиняемые Шестов А. А. и Строилов М. С., избитые в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был, например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «Кемеровскому делу» инженер Штиклинг.

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между Л. Троцким и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый Пятаков в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном Троцкого — Л. Л. Седовым, показал:

«...Седов передал мне указания Троцкого, чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «Демаг» и «Борзиг», с представителями которых Троцкий имеет связь.

Вам, — добавил Седов, — придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу». (Т. 1, л. д. 227).

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти Л. Троцкий и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр, по прямым указаниям Л. Д. Троцкого, полученным Пятаковым Ю. Л. и Радеком К. Б., организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах.

По показаниям обвиняемого К. Радека Л. Д. Троцкий требовал:

«...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против Сталина». (Т. 5, л. д. 102).

Такие же указания Л. Д. Троцкий дал обвиняемому Пятакову в беседе с ним в 1935 году.

Обвиняемый Пятаков показал, что «...в этой беседе Троцкий говорил: «Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.

Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить Сталина». (Т. 1, л. д. 263, 264).

Так агент фашизма Л. Д. Троцкий структурировал троцкистскую организацию, подготавливавшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. Молотова В. М., троцкистские террористы, под руководством обвиняемого Шестова, покушались на убийство тов. В. М. Молотова, устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления, член троцкистской террористической группы, обвиняемый Арнольд, показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

«В сентябре 1934 года, точно дня не помню, Черепухин вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает Молотов... Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана Молотову. Я согласился и ответил, что все будет сделано». (Т. 36, л. д. 32, 33).

Обвиняемый Шестов подтвердил это, показав:

«По указанию Муралова, я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председателя СНК СССР Молотова и секретаря Западно-Сибирского крайкома Эйхе». (Т. 15, л. д. 157).

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова В. М. путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление) по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно. (Т. 36, л. д. 48).

Такова подлая, предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа — троцкистов.

Потерпев окончательно поражение в своей дилетантской борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклеянных общим презрением советского народа, Л. Д. Троцкий и его сподвижники — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным:

1) что, по указанию Л. Д. Троцкого, в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебрякова Л. П., задачей которого являлось руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии;

2) что, по поручению того же Л. Д. Троцкого, этот центр, через обвиняемых Со-

кольников и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, причем троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

3) что, вместе с тем, этот центр через своих членов и других участников преступной троцкистской организации систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения;

4) что, в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР, этим центром был организован и совершен на некоторых предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр подготовлял ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей — обвиняемых Пятакова Ю. Л., Сокольников Г. Я., Радека К. Б. и Серебрякова Л. П., принимали обвиняемые: Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Граше И. И., Пушин Г. Е. и Арнольд В. В.

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении и вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На основании изложенного, обвиняются:

1. Пятаков, Юрий (Георгий) Леонидович, 1890 г. рождения, служащий;

2. Сокольников, Григорий Яковлевич, 1888 г. рождения, служащий;

3. Радек, Карл Бернгардович, 1885 г. рождения, журналист;

4. Серебряков, Леонид Петрович, 1888 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи участниками антисоветского подпольного троцкистского центра, изменили родине, совершив преступления, указанные в п.п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{1а}, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР.

5. Лившиц, Яков Абрамович, 1896 г. рождения, служащий;

6. Муралов, Николай Иванович, 1877 г. рождения, служащий;

7. Дробнис, Яков Наумович, 1891 г. рождения, служащий;

8. Богуславский, Михаил Соломонович, 1886 г. рождения, служащий;

9. Князев, Иван Александрович, 1893 г. рождения, служащий;

10. Ратайчак, Станислав Антонович, 1894 г. рождения, служащий;

11. Норкин, Борис Осипович, 1895 г. рождения, служащий;

12. Шестов, Алексей Александрович, 1896 г. рождения, служащий;

13. Строилов, Михаил Степанович, 1899 г. рождения, служащий;

14. Турок, Иосиф Дмитриевич, 1900 г. рождения, служащий;

15. Граше, Иван Иосифович, 1880 г. рождения, служащий;

16. Пушин, Гавриил Ефремович, 1896 г. рождения, служащий;

17. Арнольд, Валентин Вольфридович, он же Васильев, Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи активными участниками той же антисоветской подпольной троцкистской организации, изменили родине, совершив преступления, указанные в п.п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст.ст. 58^{1а}, 58^а, 58^б и 58^в УК РСФСР.

Вновь изобличенные материалами настоящего

дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского центра, находящиеся в эмиграции, Л. Троцкий и его сын Л. Л. Седов, в случае их обнаружения на территории СССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 июля 1934 года, все указанные выше лица подлежат суду Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 19 января 1937 года.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

А. Я. ВЫШИНСКИЙ

За высокое качество работы¹

Я хочу остановить ваше внимание на нескольких, как мне кажется, важнейших вопросах работы воднотранспортной прокуратуры. Вот вопрос о расследовании дел об авариях. Оказывается, по этим делам расследование в среднем занимает 55 дней. Однако этого факта достаточно, чтобы сказать, что ваша работа никуда не годится, потому что 55 дней, т. е. почти два месяца, в некоторых бассейнах составляют весь срок или половину срока навигации. Какой эффект может быть от расследования и рассмотрения этих дел в суде при таких сроках? Никакого эффекта. Вы скажете, это дело серьезное, это техника, тут нужна экспертиза и т. д. С этим согласиться нельзя. Дела об авариях на водном транспорте неизмеримо проще, чем дела о крушениях на железнодорожном транспорте, потому что семафоров тут никто не открывает и не закрывает, на запасные пути никто не принимает и не направляет. Море, как известно, шире железнодорожного пути. Я думаю, что нужно нашей транспортной прокуратуре заняться анализом этих дел с точки зрения установления того, какие имеются технические препятствия к быстроте проведения следствия по этого рода делам.

Я глубоко убежден, что если такую работу проделать, то можно будет сказать прокурорам, что любое дело можно закончить в 15 дней и дать методический разбор того, как делать. Нужно знать, что есть ряд дел, которые не требуют ажурной, скрупулезной обработки, что ряд дел можно проводить быстро, в максимально короткие сроки.

Должен сказать, что этот вопрос упирается целиком в методическую процессуальную проблему. В самой теории уголовного процесса существуют две точки зрения на задачи предварительного следствия. Одна точка зрения сводится к представлению о судебном следствии, как о поверочной инстанции, призванной проверить от начала до конца предварительное следствие. Судебное следствие как бы вновь проходит путь, уже пройденный следствием

предварительным. Что это значит? Это значит, что предварительное следствие должно исчерпать вопрос, а судебное следствие должно только проверить его и, в соответствии с результатами проверки, прийти к окончательному решению вопроса.

Есть другая постановка этой проблемы. Здесь задача предварительного следствия заключается лишь в том, чтобы ответить на основной вопрос — собрано ли достаточно улик, позволяющих предъявить обвинение обвиняемому, и, следовательно, предварительное следствие по отношению к судебному есть не два одинаковых процесса, соотношение между которыми определяется только контрольными функциями одного к другому, а это есть предварительное, в прямом смысле слова, следствие, которое предварительно устанавливает основные вопросы, подробная разработка которых не относится к компетенции предварительного следствия, а должна и может иметь место на самом судебном следствии.

Какая из этих двух точек зрения правильная? Обе и ни одна. Все зависит от характера дела. Неправы те и другие. Почему? Потому что от характера дела зависит предел детализации.

Только сегодня ночью я утвердил обвинительное заключение по делу об убийстве делегатки Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов т. Прониной. Я, против первоначального проекта, выбросил целый ряд подробностей, которые сами по себе интересны, но которых не нужно вводить в обвинительное заключение, а нужно оставить для суда. Весь вопрос зависит от оценки тех или других обстоятельств, которые могут иметь отношение к этой основной процессуальной задаче предварительного расследования — доказан ли и в какой мере состав преступления и участие в нем лица, которое я как прокурор считаю необходимым предать суду.

Но есть другие дела, в которых, наоборот, нужны очень большая тщательность и исчерпанность обвинительной темой. Таковы, например, политические дела, где нельзя ограничиваться только тем, что доказано, что обвиняемый, будучи членом организации, выполнял одну преступную функцию, а о других

¹ Обработанная стенограмма речи на совещании прокуроров водного транспорта 11 января 1937 г.

даже и не знал. Приведу пример. По делу английского троцкистского центра привлекается 17 человек. В вину им ставится организация террористических актов, шпионаж, вредительство, диверсия и связь с некоторыми представителями иностранных государств. Браг народа Троцкий и троцкистский центр торгуют нашей родиной: Сокольников обещает отдать Приморье и Приамурье японцам, Радек обещает отдать Украину немцам. В эту компанию врезаются несколько людей, не членов троцкистской партии, но членов этой преступной организации, и говорят: мы признаем себя виновными в том, что мы совершали диверсионные акты, а о терроре не знали; мы признаем себя виновными в том, что совершали вредительские акты, а о шпионаже ничего не знали... В таком деле нам нужно исчерпать все возможности, чтобы доказать вину каждого и вину всех, ответственность одного за всех и ответственность всех за одного.. Иначе ставится под угрозу конструкция обвинения с точки зрения участия в преступной организации. Не всегда это удается сделать, но я говорю о задаче. И задача по такого рода делам состоит не только в том, чтобы определить, что обвиняемый является членом организации, а в том, чтобы доказать и собрать материалы, свидетельствующие, что он, являясь членом организации, участвовал или одобрял, или был прикосновенен и к террору, и к шпионажу, диверсии, вредительству, и к измене родине.

Вот я привел два примера, которые говорят о том, что в различных делах необходимо различно разрешать вопрос о пределах расследования. В делах одного рода надо исчерпать вопрос, и в соответствии с этим должно быть построено предварительное следствие. Другие дела, о которых я тоже говорил, наоборот, позволяют эту следственную тематику не исчерпывать, а поставить лишь важнейшие вопросы с тем, чтобы все остальное доработать на суде. Судебное следствие не есть повторение предварительного следствия, не есть просто проверка того, что было на предварительном следствии. Судебное следствие это есть творческий процесс, где очень часто можно поднять целый ряд совершенно новых вопросов, даже не замеченных на предварительном следствии. Почему? Потому что различны принципы организации работы предварительного и судебного следствия.

На судебном следствии мы имеем состязательность, а на предварительном, как правило, ее нет. При наличии состязательности целый ряд вещей может заговорить своим собственным языком, ибо каждое доказательство, каждая улика по делу может говорить собственным языком. При состязательности улика говорит своим собственным языком. Здесь идет борьба, и очень часто обвинительная улика превращается в улику оправдательную. Такие парадоксы бывают.

Именно потому, что судебное следствие стоит на совершенно иных принципиальных началах, можно в судебном следствии увидеть факт, прошедший на предварительном следствии, в совершенно другом, новом свете.

Факт тот, что в состязательном процессе прокурор или обвинитель перестает быть хозяином процесса, а в предварительном следствии он — хозяин, его рука — владыка, не потому, что он подтасовывает документы (не

поймите мои слова в этом однозначном смысле), а потому, что каждая человеческая деятельность имеет свою логику, и подчиняется эта логика определенным законам отношений, хочу я или не хочу этого, и там, где нет гласности и состязательности, законы следствия вступают в свои права. Благодаря этому на судебном следствии, где действует принцип состязательности, раскрывается целый ряд новых источников понимания тех или других вопросов. Это бывает при условии даже идеально проведенного следствия. И не может быть иначе потому, что самый процесс работы на суде опирается на иные принципы, чем это было на предварительном следствии. Если это так, то значит судебное следствие есть процесс творческой работы. Поэтому без особой нужды незачем повторять то, что было установлено на предварительном следствии.

Вот почему по целому ряду дел на предварительном следствии можно обойтись без скрупулезной детальной проработки отдельных вопросов.

Мне кажется, что к такого рода делам, как правило, принадлежат дела об авариях. Тут все очень элементарно: произошла авария, есть технический акт, он тоже очень прост, это не то, что авария в шахте. Обыкновенно как бывает авария? Назалились или не отвалились. Почему вы копаетесь с такими делами 55 дней? Потому что прокурор, когда возникло дело, посмотрел, понюхал, повернул, отложил. Через день переложил, через два дня обратно положил, через некоторое время чем-нибудь другим занялся. И вот идет день за днем, пятидневка за пятидневкой, декада за декадой, над тобой не каплет, никто в затылок не жмет. Очень часто само пароходство не заинтересовано в том, чтобы дело быстрее закончить. Думаете: меня не жмут и я не жму. Один этот факт свидетельствует, что положение совершенно нетерпимо; следовательно, вам надо добиться короткого срока рассмотрения дел об авариях. Ведь это самая гуща вашей работы. Мы должны себе поставить за правило внимание наше концентрировать на основных вопросах. Основных вопросов в работе водной прокуратуры имеется у нас сейчас два — это борьба с авариями и борьба с растратами и хищениями. Если мы эти задачи разрешим правильно, то водный транспорт скажет: прокуратура нам помогла.

Возьмите железнодорожный транспорт, который очень страдал в последнее время от крушений. Лазарь Моисеевич Каганович поставил этот вопрос в центре всей работы железнодорожников. Прокуратура в свою очередь переклонила на эту работу ряд работников, ждем во всю. И правильно делаем, потому что только такими мерами можно разбить ту косность, которая приучила людей смотреть на такого рода преступления как на проступки мелкие и относить гибель людей к воле божьей. Мы заставили их отказаться от такого старого взгляда, сказали: ты проехал semaфор, погубил люди, отвечай за гибель людей серьезно. А если серьезно, то отвечай так, чтобы это запомнилось всему транспорту. И добились результатов. С этой точки зрения вы, водники, можете похвалиться такой методологией работы? Нет. Нужно, чтобы был какой-нибудь процесс, вроде «Советского Азербайджана», чтобы мы серьезно занялись за дело. А я должен сказать, что если бы во время

предыдущей навигации двадцать аварийщиков крепко наказали, то в следующую навигацию аварий было бы в 20 раз меньше. То же самое с хищениями и растратами. Закон нам позволяет, больше того — закон от нас требует суровой борьбы. Почему вы не проявите должной решительности в этом вопросе? Нужно решительно действовать; нужно уметь, в первых, быстро дела проводить; действительных виновников находить, во-вторых; уметь использовать судебный процесс, как это надлежит, в-третьих.

Следующий важнейший вопрос — это вопрос об участии прокуроров бассейнов в судебных делах. Возьмите цифры: из 6000 дел только в 305 делах, т. е. 5%, выступают прокуроры. Поддержано обвинений 1159, из них прокурорами бассейнов 305, помощниками прокуроров 518, общественными обвинителями 71, причем не сказано, общественные обвинители выступали вместе с прокурорами или отдельно.

Мы до сих пор к этому делу подходили немного либерально, теперь будем подходить иначе. Будем шельмовать и позорить прокуроров, дегтем мазать на страницах журнала, в приказах бить за игнорирование этой важнейшей задачи. Не можем мы дальше терпеть, чтобы прокуроры наши выступали в судах только в особо торжественных случаях. Я выступал за этот год в четырех делах обвинителем, а областные прокуроры ни одного раза не выступали, и наверное среди вас такие есть, которые не удосужились выступить в суде в течение ряда лет. Вы непосредственно сидите на гуще этих дел. Нужно выбирать интересные, принципиальные дела, которые могут быть даже и мелкими, но на них можно поточить наше прокурорское оружие, чтобы оно не очень заржавело от пребывания в ножнах без употребления. Вы можете найти сотни две интересных дел. Нередко выступает в суде помощник прокурора; а прокурор какое отношение имеет к этому делу? Инструктирует? Нет. Ваше руководство заключается в том, что вы притомцеливали обвинительное заключение. Уже не говоря о том, что когда идет процесс, то вы не сидите с прокурором, который обвиняет, изучая своего помощника, как он себя ведет как прокурор, как он наступает, как обвиняет, как обороняется, не изучаете его способностей прокурорских по живому процессу. А вот сестры за стол около прокурора и весь процесс, день или два просидеть в суде и посмотреть, как он ставит вопросы, как отбивается от вопросов защиты, как знает дело, какова степень его умения вести дело. Это важный вопрос или нет? Опыт его, умение держаться как обвинитель на суде, техника процессуальная, вот вопросы, которыми определяется ценность прокурора. Этим вы не занимаетесь, как правило, даже не думали заниматься, по крайней мере, пусть кто-нибудь из присутствующих меня поправит, если я неправ. (Голоса с мест. — Правы). Вы не работаете с союзными обвинителями, с общественными обвинителями, из

которых растут прекрасные прокуроры. Мы из Прокуратуры Союза несколько союзных обвинителей послали в Правовую академию, и они выросли в прекрасных прокуроров. Из наших союзных обвинителей мы, по крайней мере, получаем 25% хороших прокуроров.

Это все вопросы, которые органически связаны с вашей работой. Дело не только в том, чтобы зное количество людей предать суду, осудить, не только в этом, а в том, чтобы воспитывать новые кадры, чтобы перевоспитывать прокуроров в соответствии с новыми требованиями. Вот сейчас поднят вопрос (я не знаю, как он решится) о допущении защиты на предварительном следствии. Будет ли это решено и в каком объеме это будет — я не предпрещаю, но во всяком случае эта постановка вытекает из новой Конституции, из изменившихся условий нашей работы. А допущение защиты на предварительном следствии по целому ряду дел означает для вас громадные трудности. Среди наших адвокатов есть очень зубастые. Мы запланировали 20% выпускаемых из ВУЗов для коллегий защитников. Мы поднимаем положение членов коллегии защитников на высоту, которая соответствует принципу Конституции. Каждый гражданин имеет право на защиту, на квалифицированную, настоящую защиту, не защиту формальную, домашнюю, нет, а на настоящую, которая может поссориться очень крепко с прокурором.

Поэтому сейчас вопрос, который я затронул, о работе над собой, над своими помощниками и своим аппаратом — это вопрос самой острой оперативной потребности. Без нее вы не сможете решить всех вопросов, вытекающих из Сталинской Конституции о прокурорской работе так, как требует наша великая эпоха, наша родина, наша партия.

Остается вам пожелать одного, чтобы сказанное, хотя и бегло, вы приняли за очень серьезный совет человека, который не только отвечает формально за вашу работу перед партией и правительством, а чтобы вы приняли это как совет человека, который искренне и по-братски, по-товарищески хочет, чтобы каждый из вас был в лучших и первых рядах борьбы за решение тех задач, которые стоят перед прокуратурой. И это не только потому, что я и мои помощники отвечаем за вашу работу, а главным образом потому, что во мне, когда я сейчас говорю, живет очень ясное ощущение того, какая действительно великая ответственность на нас лежит сейчас, как на нас партия сейчас смотрит и какие упования возлагает.

У нас есть все возможности работать над собой; больше чем когда-либо. Нужно уметь оправдать доверие партии и правительства.

Если вы спросите, какая наша первая задача, то я отвечу: будьте достойны нашей великой партии и тех требований, которые нам предъявляет наш великий вождь и учитель товарищ Сталин. Оправдайте доверие партии и правительства — это ваша, это наша главная задача.

Вредительство на Оренбургской ж. д.¹

Дело бывших руководителей Оренбургской ж. д. рисует перед нами ярчайшую картину того, как при слепых, безруких и чванливых руководителях орудует классовый враг, как при их покровительстве и пособничестве враг организует прорывы на важном участке хозяйственного фронта, как они — эти гнилые и преступные руководители — становятся орудием в руках врага и его соучастниками в подрыве стахановского движения, во вредительском срыве важнейших мероприятий партии и правительства.

Предварительным и судебным следствием по настоящему делу неопровержимо установлено, что на Оренбургской ж. д. при подустительстве и пособничестве руководителей дороги — Подшивалина и Чиркова — в течение ряда месяцев проводился организованный срыв всех важнейших норм и измерителей работы ж.-д. транспорта, проводился саботаж и вредительство, приведшие дорогу к тяжелому прорыву.

В своей борьбе за срыв работы ж.-д. транспорта саботажники и вредители, засевающие в управлении дороги, проявили исключительную наглость и цинизм, настойчивость, изворотливость. Они исключительно умело использовали то обстоятельство, что во главе дороги стояли люди, настроенные против высоких темпов работы ж.-д. транспорта и санкционировавшие вредительские и жульнические махинации врагов.

Исходной точкой организованного похода против норм, измерителей и графика движения поездов со стороны контрреволюционной группы, захватившей командные посты в управлении дороги, явился вредительский срыв важнейшего задания правительства о переводе паровозов с нефтяного на угольное отопление. Вокруг этого развернулись махинации вредителей и саботажников. Вокруг этого проводился организованный срыв работы Оренбургской ж. д., вокруг этого проводилась ориентировка не только управления дороги, но и всех работников линии на срыв работы дороги, на снижение скоростей, на невыполнение государственного плана перевозок.

Предварительным и судебным следствием точно установлено, что вдохновителями этого вредительства являлись руководители службы движения Оренбургской ж. д. — начальник службы движения Пашкевич и его заместитель — Рябокони.

Не случайно они оказались вдохновителями и организаторами вредительского срыва работы дороги. Оба они — бывшие петлюровцы. Рябокони был уже раз приговорен к 10 годам лишения свободы за вредительство. Советская власть помиловала его, дала ему возможность доказать, что он исправился, доказать, что он может и хочет добросовестно работать на пользу социалистического строительства. Но он не вступил на путь, на который его призвала советская власть, вместо этого он пошел по старому пути — пути организованного вредительства и саботажа.

¹ Обработанная стенограмма обвинительной речи главного транспортного прокурора т. Г. М. Сегала на процессе б. руководителей Оренбургской ж. д. Подшивалина, Чиркова и др.

Вокруг этих контрреволюционеров и саботажников группировались все контрреволюционные, саботажнические и предельские элементы, которых немало было в управлении дороги и которые захватили целый ряд важных командных постов в этом управлении, как Гельднер — заместитель начальника службы пути, который провел целый ряд крупнейших вредительских актов, приведших к срыву работы путевого хозяйства и к подрыву работы Оренбургской дороги в целом. Военский — начальник локомотивной группы — один из активных виновников срыва перевода Оренбургской ж. д. с нефтяного отопления на угольное, Анфилов — инженер службы, который при помощи целого ряда мошеннических преступных махинаций добивался резкого снижения скоростей на протяжении почти половины всей дороги.

Вот кто группировался вокруг Пашкевича и Рябокони. Но это еще далеко не все. Следствие, которое ведется по делу работников Оренбургской ж. д., без сомнения разоблачит еще ряд других контрреволюционеров и вредителей, орудовавших на Оренбургской дороге.

Вокруг Пашкевича и Рябокони группировались предельские элементы управления дороги. Вот, например, свидетель — начальник паровой службы Тарасов, разваливший паровозную службу. Он сочувственно реагировал на все попытки вредителей и саботажников сорвать работу паровозного парка и принял активное участие в снижении форсировки котла паровозов, активно участвуя в снижении скоростей на Оренбургской дороге.

Вот начальник службы пути Броницкий, санкционировавший и штамповавший вредительские расчеты саботажников, засевших в службе пути.

Переходя к роли в этом деле Подшивалина и Чиркова, т. Сегал указывает, что когда ставился вопрос о корректировке графика, у начальника дороги Подшивалина было созвано совещание начальников служб. Подшивалину прекрасно было известно, говорит т. Сегал, что существует тенденция использовать перевод на угольное отопление для того, чтобы снизить скорости и, тем самым, сорвать все измерители эксплуатационной работы дороги. Как же должен был на его месте поступить настоящий руководитель, который не потерял совести и блюдет государственное дело, порученное ему, спрашивает т. Сегал и отвечает: он должен был сказать, что перевод на угольное отопление должен сопровождаться ростом и развитием стахановско-кривоносковского движения, что в этом переводе необходимо опереться на опыт лучших железных дорог Союза, на опыт лучших машинистов, стахановцев-кривоносцев той же Оренбургской дороги.

Все это сделал бы честный руководитель. А что сделал Подшивалин? На совещании руководителей служб он дал возможность вредителям начать открытый поход против всех норм и измерителей.

«Учтите все, учтите в том числе и необходимость снижения скоростей», — заявил на этом совещании Подшивалин.

Кому же было поручено руководство работой по корректировке графика? Саботажнику

и вредителю Пашкевичу и его заместителю — опытному вредителю, с большим вредительским стажем — Рябоконю.

Что же делает Пашкевич? Он созывает совещание начальников служб и дает прямое указание — форсировку котла снизить, скорости движения поездов сократить. Это вредительское предложение сразу же было подхвачено всеми саботажническими элементами, зашедшими в Управление Оренбургской ж. д.

Летом 1936 г. НКПС издал приказ, в котором, между прочим, говорилось, что при износе рельсов типа 4-А от 3 до 6 мм должна быть установлена определенная скорость. Таких рельсов Оренбургская дорога имеет на участке всего, как это установлено судебным следствием, на протяжении 150 км.

Мошенническим образом, подтасовывая факты и имеющиеся материалы, выводя расчет, что рельсов с износом от 3 до 6 мм на Оренбургской ж. д. имеется 545 км. Как же это сделали? Очень просто. К участкам с износом рельсов от 3 до 6 мм прибавили участки с износом рельсов от 1 до 3 мм. Таким образом получилось 945 км.

Эта вредительская махинация была проделана Анфиловым при поддержке и соучастии начальника службы пути Бронницкого.

Второй вопрос — о форсировке котла.

С борьбы за высокую форсировку котла началось стахановско-кривonosовское движение на ж.-д. транспорте. Машинист Донецкой ж. д. Петр Кривonos первый повел паровоз товарного поезда на большом клапане, первый достиг высокой форсировки котла и первый показал высокую техническую скорость. А за ним пошли лучшие машинисты ж.-д. транспорта нашей страны, показавшие великолепные образцы стахановского освоения техники и достижения высоких темпов работы, высоких скоростей.

Как же обстоит дело с форсировкой котла на Оренбургской ж. д.? Существовала норма форсировки котла в размере 50 кг с квадратного метра площади нагрева котла паровоза в час. Такова была норма при нефтяном отоплении.

При переходе на угольное отопление руководители дороги не заинтересовались тем, какая форсировка котла достигается при угольном отоплении. Их не интересовал опыт лучших, передовых железных дорог работающих на угольном отоплении, и лучших машинистов-кривonosовцев той же Оренбургской ж. д.

Паровозная служба, как и руководители дороги в целом, особенно Пашкевич и Рябоконь, не были заинтересованы в том, чтобы добиться высоких скоростей. Наоборот, все свои усилия они направляли, чтобы добиться сокращения скоростей.

На Орской линии норма форсировки котла была установлена в 47 кг, и они решили распространить эту пониженную форсировку на всю Оренбургскую ж. д.

Но Орская линия Оренбургской ж. д. не является передовой линией, и не доказано, что машинисты той же Орской линии не достигают большей форсировки котла, чем 47 кг. Никакого учета действительной форсировки котла в управлении дороги не было, и снижение форсировки котла до 47 кг нельзя рассматривать иначе, как прямой и сознательный вредительский акт.

Заместитель начальника дороги Чирков и начальник дороги Подшивалин санкционировали снижение форсировки котла. Судебное следствие по настоящему делу показаниями ряда лучших машинистов-кривonosовцев депо Оренбург и ряда свидетелей из административно-технического персонала самой дороги, в том числе и непосредственно отвечающего за срыв скоростей движения поездов начальника паровозной службы Тарасова, доказало, что дорога, освободившись от гнилого и преступного руководства, добилась форсировки котла на угле еще более высокой, чем форсировка, достигавшаяся на нефтяном отоплении.

Об этом говорили свидетели Филиппович, Кузнецов, Воронин и, наконец, сам Тарасов.

Форсировка котла у лучших машинистов достигает 53—55 и даже 58 кг.

На кого же было возложено художественное, так сказать, оформление вредительских махинаций? На сцене появляется опытный вредительских дел мастер, без которого, как говорили и обвиняемые и свидетели, ни одно пакостное дело на дороге не проходило — заместитель начальника службы движения, петлюровский министр путей сообщений Рябоконь. Он готовит корректировку, он собирает визы, он все это несет на подпись начальству и оформляет.

Но ему не терпится. Как только был готов расчет, он шлет радостные телеграммы Ташкентской дороге: мы, оренбуржцы, валим все нормы и измерители, валите и вы, мы спываем график, мы уменьшаем скорость движения поездов на 3½ часа, мы будем подводить к подводам на другие дороги поезда с огромным опозданием.

Таким образом он стремился дезорганизовать работу не только Оренбургской дороги, но и соседних дорог.

Он не сидел сложа руки и до того, как началась работа по корректировке графика. По установленным НКПС нормам, коммерческая скорость должна быть определена в транфинплане в размере 22,1 км в час.

Рябоконь же составляет транфинплан на IV квартал, где вместо 22,1 км указывает только 19 км. Но и этого ему было мало, и он идет на прямой срыв и дезорганизацию стахановско-кривonosовского движения среди работников службы движения Оренбургской ж. д. Для этой цели он изобретает чрезвычайно хитроумную комбинацию. Нужно было спустить штатное расписание на линию и в этом штатном расписании указать нормы оплаты труда движущих, кондукторов, составителей и т. д. НКПС установлена прогрессивная система оплаты труда этих работников. Эта прогрессивная система обеспечивает такое положение, когда при одном и том же фонде заработной платы достигается рост производительности труда и выполнение одним и тем же количеством работников гораздо большей работы и по объему и по качеству.

Что же делает Рябоконь? Он спускает штатное расписание, в котором графу о прогрессивной оплате просто вычеркивает, отменяя, таким образом, прогрессивную систему оплаты труда работников службы движения Оренбургской ж. д.

Только вредительством, направленным на подрыв и дезорганизацию стахановско-кривonosовского движения на Оренбургской дороге, можно назвать это действие Рябокона.

Таковы были методы, при помощи которых вредительско-саботажническая группа работников Оренбургской дороги, при полном покровительстве ее руководителей, проводила срыв работы дороги под предлогом перевода ее на угольное отопление.

На судебном следствии мы установили, что заместитель начальника дороги Чирков в первый период перевода паровозов на угольное отопление в течение подлунного месяца замещал начальника дороги. Что же он сделал, чтобы выполнить задание правительства? Чирков саботировал это мероприятие, он даже приказ НКПС о том, что нужно перевести паровозы на угольное отопление, спустил через 3 недели после того, как этот приказ был им получен, не говоря уже о том, что никаких организационных мероприятий по переводу паровозов на угольное отопление он не проводил.

Чирков видел, как вредители и саботажники срывали дело, он сочувствовал и покровительствовал им. Что же удивительного, если, в результате такого отношения к решениям правительства и приказам наркома, на Оренбургской дороге стал открыто орудовать классовой враг, пытавшийся не без некоторого успеха вызвать на дороге угольный голод.

Мы установили на судебном следствии, что Гельднер, с согласия Пашкевича, пытался провести через Чиркова распоряжение о снижении скорости хопперов. На хоппере написано, что его грузоподъемность 60 т, вес самого хоппера 20 т, итого 80 т. Так как хоппер 4-осный, то выходит, что давление на ось груженого хоппера составляет 20 т. Казалось, что надо снизить скорость хопперов. На самом деле и Гельднеру и Пашкевичу прекрасно было известно, что хопперы грузятся не на 60 т, а только на 50 т, и поэтому давление на ось составляет не 20 т, а 17,5 и нет надобности снижать скорость.

Это мероприятие Гельднер подсовывает Чиркову. Чирков не решает его санкционировать, я утверждаю — именно не решается, потому что, если бы он хотел ликвидировать этот вредительский акт, то он не ограничился бы только отказом в подписи этого документа, он тут же разоблачил бы Гельднера.

Чирков отказал Гельднеру в подписи, но дал возможность Гельднеру на другой день самостоятельно пустить эту телеграмму по всей линии Оренбургской ж. д. Что получилось в результате? Ряд начальников станций, начальников отделений посылали в управление дороги телеграмму за телеграммой с требованием отмены этого предельского и вредительского распоряжения. Эти телеграммы попадали к Пашкевичу и Рябоконю и клаясь ими под сукию, а слепые и безрукие руководители не слышали сигналов, ибо они были оторваны от линий. Вредительское распоряжение Гельднера действовало 2½ месяца и привело дорогу к очень серьезным затруднениям с снабжением углем, вплоть до того, что были дни, когда дорога стояла перед угрозой полной остановки.

Чрезвычайно характерные факты были приведены свидетелем Ворониным. Машинисты никакой помощи не имели, инструктажа не получали. Естественно, что они пытались обмениваться собственным опытом и овладеть техникой вождения паровозов на угле. Машинисты обсуждают наболевшие вопросы, а тут

около них вертится меньшевик — наставник Иванов. Он видит, что машинисты не знают, как выйти из затруднительного положения, в которое их поставило отсутствие инструктажа и опыта по угольному отоплению. Используя это, он ведет агитацию, ведет ее подло, хитро, так, как могут это делать меньшевики. Он подходит к группе машинистов, слушает все, что они говорят, и вставляет только одно словечко «что же, 1700 т».

У машинистов сразу возникает мысль: в самом деле, не тяжелы ли поезда? Не снизить ли вес поездов?

Тот же самый Иванов подходит к другой группе, стоит, послушает, как будто не вмешивается в беседу, но вставляет только одно словечко: «что же, уголек».

Готово! Уже дезорганизаторская мысль внесена в среду машинистов, уже смятение посеяно, а это, как раз то, что нужно меньшевику — вредителю и предателю.

Нагло орудовали троцкисты. Вот машинист Каргин в том же депо Оренбург. Он, видите ли, техник. Он считает себя высококвалифицированным специалистом паровозного дела. Он заявляет среди машинистов: «Чтобы я, квалифицированный машинист, ездил на угле? За кого вы меня считаете? Это ниже достоинства хорошего машиниста, квалифицированного работника паровозного дела».

Выходит, что машинисты, которые ездят на угле, — это как будто машинисты второго сорта, неквалифицированные машинисты, какие-то чумазы. А с чего началось кривоносское движение на транспорте? Разве Петр Кривонос — инициатор и зачинатель стахановского движения на ж.-д. транспорте — не на угле ездил? Разве он не пользуется огромным уважением, почетом, славой среди миллионов трудящихся нашей социалистической родины? Но что до этого троцкисту Каргину. Ему важно посеять смятение в умах машинистов, внушить им, что ездить на угле ниже достоинства хороших машинистов.

Судебное следствие установило факты прямой диверсии со стороны троцкистских элементов, пытавшихся вывести из строя паровозное хозяйство Оренбургской ж. д. В депо Эмба, в Казалинском депо и в Новосергиевском депо паровозный парк был дезорганизован.

Особенно яркие факты имели место в депо Эмба. Эмба находится в местности, в которой вода отличается чрезвычайной жесткостью и большим содержанием солей. Всякому железнодорожнику прекрасно известно, что вода с большим содержанием соли вредна для паровоза, и в депо Эмба были построены мощные опреснители, которые должны были, извлекая из воды соли, снабжать паровозы добротной водой.

Что же сделали в депо? Опреснители были остановлены, паровозы стали снабжать соленой водой. В результате у 90% паровозов потекли трубы.

Мало этого, там вредительски использовали движение за увеличение межпромывочного пробега для выведения из строя паровозов. При снабжении паровозов соленой водой, при выведении из строя опреснителей, межпромывочный пробег довели до 70,00 км без применения антимакипина и без продувки котлов. Это привело к выведению из строя паровозного парка депо Эмба.

Кто же был организатором этого гнусного, вредительского диверсионного дела? Троцкист Ермоленко — начальник депо. Подшивалин, Чирков и начальник политотдела дороги Чирочеров прекрасно знали, что Ермоленко троцкист. Только их преступное бездействие дало возможность этому подлому троцкисту орудовать на дороге и развалить паровозный парк депо Эмба.

Что же удивительного, если в результате всех этих махинаций паровозный парк Оренбургской ж. д. был дезорганизован, что работа паровозного парка, а с ним и всей Оренбургской ж. д. катастрофически падала из месяца в месяц и дорога пришла к зимнему сезону в чрезвычайно тяжелом положении. Сейчас пришлось принять экстренные меры, чтобы вытащить Оренбургскую дорогу из того прорыва, в который ее загнали враги и мерзавцы, засевшие в Управлении дороги.

Норма технической скорости 31 км в час. Эта норма не только была выполнима, но ее легко можно было перевыполнить, что подтверждается опытом машинистов Оренбургской ж. д., которые в июле добились технической скорости в 32 км.

Что же произошло дальше? В августе техническая скорость была 30,3 км, в сентябре — 29,7 км, а в октябре — 28,9 км. Неуклонное падение технической скорости.

Вы видите, товарищи судьи, рост бросания поездов, рост порчи паровозов, рост недодач, которые в октябре по Оренбургской дороге достигли 214 случаев.

Такая работа паровозного парка сорвала всю работу дороги. Какие мы имели показатели по участковой скорости? При задании в 21,5 км, в августе было 15,5 км, в сентябре — 15,4 км и в октябре — 15 км.

Отправление поездов по расписанию: в июле — 66,9, а в сентябре уже 44,8.

Товарных поездов было отправлено по расписанию: в июле — 21,2%, а в сентябре — 22,2%.

Налицо срыв всех показателей работы Оренбургской ж. д. в результате деятельности контрреволюционной банды, которая орудовала в Управлении Оренбургской ж. д. и которой содействовали и помогали руководители этой дороги!

Перейдя далее к вопросу о жульнических махинациях вредителей Пашкевича и Рябоконя в области выполнения плана погрузки, т. Сегал указывает, что они систематически срывали выполнение государственного плана перевозки грузов первой категории. Этот план выполнялся в течение летних и осенних месяцев от 57 до 71%. А официально они показывали: в августе — 117,7%, сентябрь — 121% и в октябре — 126,2%. Как же они это делали, спрашивает т. Сегал и отвечает:

Пашкевич и Рябоконь захватывали тысячи порожних вагонов, которые шли по регуляторному заданию НКПС на соседние дороги, грузили балласт, возили его на короткое расстояние, выгружали, где придется, и все это выдавали за выполнение плана погрузки.

Начальник службы пути на суде показал, что возить-то балласт возили, но не туда, куда нужно было, а, туда, где легче его было выгрузить, для того, чтобы получить возможность показать цифры: столько-то вагонов погружено, столько-то выгружено.

Наряду с этим Пашкевич и Рябоконь дезорганизовали работу и других дорог тем, что систематически задерживали на продолжительное время порожняк, держали его у себя на дороге и не сдавали для погрузки на соседние дороги.

Пашкевич пытался оправдать недогруз грузов первой категории ссылкой на клиентуру: «чем, мол, мы виноваты, клиентура не грузит, а если клиентура не грузит, что нам делать? Надо возить те грузы, которые имеются».

Отчетность Оренбургской дороги показывает, что дело обстояло не так. Вот что говорят цифры.

Недогруз грузов первой категории по вине Оренбургской дороги в июле составлял 1651 вагон, в августе — 5341 вагон, в сентябре — 7730 вагонов и в октябре — 3297 вагонов.

Это по данным Управления Оренбургской ж. д. Какое же право имеет Пашкевич говорить, что срыв выполнения плана перевозки грузов первой категории происходил по вине клиентуры, когда заместитель начальника службы движения Рябоконь пошел на то, чтобы объявить конвенцию на погрузку грузов первой категории. Он объявил конвенцию на погрузку хлеба в хлопководческие районы.

Рябоконь прекрасно понимает значение этого акта. Недаром он пытался выкрутиться: «позвольте, я понимаю, но ведь дело было в октябре». Как будто, в октябре, как раз в то время, когда происходят хлопкозаготовки, срыв снабжения хлебом хлопководческих районов — это не вредительство.

А Чирков и Подшивалин, вероятно, в это самое время, читая сводки о ходе погрузки, хлопали друг друга по плечу и говорили: «смотри, как мы хорошо выполняем план погрузки».

Перехожу к вопросу об организации на Оренбургской дороге борьбы с крушениями и авариями, вернее об организации крушений и аварий.

Чрезвычайно яркие и красочные факты из этой области были установлены на судебном следствии.

Перед вами тут проходили свидетель Логвинов, скромный инженер группы организации движения. Посмотреть на него, не подумаешь, что он был таким великим человеком на Оренбургской ж. д. Он не только инженер по организации движения, он, вместе с тем, инспектор при начальнике службы движения, он, вместе с тем, инспектор и начальника дороги. Он занимается вопросами маршрутизации, он экзаменует агентов по вопросам технической эксплуатации, он руководит перевозкой негабаритных грузов, он ведет расследования по газетным заметкам. Между делом этот же самый Логвинов выполняет и всю работу по борьбе с крушениями и авариями на Оренбургской ж. д.

Несчастный человек этот Логвинов. Он, как видно, работник очень старательный и аккуратный и боится за свое дело. Но что же мог сделать этот скромный, старательный работник, на которого были возложены такие огромные задачи. Характерно, что за 7 месяцев его работы начальник дороги ни разу его не принял.

Логвинов добросовестно составлял заключения по авариям и крушениям. В своих заключениях он тщательно прорабатывал вопрос о том, кому нужно объявить выговор, кому нужно объявить замечание, кого нужно

стить, а кого и прокурору передать. Все споры, оказывается, велись именно вокруг этих вопросов, как будто в этом было все дело. И это на дороге называлось борьбой с крушениями и авариями.

Разве Пашкевич и Рябоконь не знали, как нужно организовать борьбу с крушениями и авариями? Они не были заинтересованы в ликвидации крушений. Наоборот, они в душе радовались крушениям, которые помогали им дезорганизовать работу дороги.

Что же они делали с несчастными заключениями Логвинова? Прежде всего они по 10—12 дней мариновали эти самые заключения, в которых говорилось о том, что Иванову нужно объявить выговор, а Петрову — замечание. Логвинов бегал, искал эти заключения. А они занимались тем, что перекладывали их друг другу: один на стол другого, другой — на стол третьего. Логвинов метался в поисках заключений, а крушения росли.

Чирков, когда до него, наконец, доходили эти заключения, штамповал взыскания, а Подшивалин даже и этим редко занимался.

Чрезвычайно характерно, что один из свидетелей — инспектор контроля т. Степанов — смелый и честный большевик, который сыграл крупную роль в раскрытии вредительских махинаций на дороге, при проверке состояния крушений и аварий установил, что одни и те же 35 машинистов систематически и безнаказанно делали крушения и аварии, но их и им подобных разгильдяев и саботажников никто не трогал. Удивительно ли, что на Оренбургской дороге крушения и аварии росли из месяца в месяц?

Такова, товарищи судьи, тяжелая картина, развернувшаяся перед нами на протяжении судебного следствия и с достаточной полнотой и яркостью характеризующая организованную вредительский срыв, производившийся на Оренбургской ж. д., срыв всех важнейших норм, измерителей и графика движения поездов.

Какова же роль каждого из обвиняемых в этом деле? Я считаю вполне установленным, что Пашкевич и Рябоконь являлись и являются сознательными контрреволюционерами, вредителями, проводившими организованную линию на срыв работы ж.-д. транспорта и что поэтому предъявленное им обвинение по ст. 58¹³ УК РСФСР, т. е. в контрреволюционном саботаже, направленном к подрыву советской власти, вполне доказано.

Я считаю также установленным, что заместитель начальника дороги Чирков, который был наиболее близко связан в практической работе с этими вредительскими элементами и принимал участие в их контрреволюционных и мошеннических махинациях, должен быть признан виновным в прямом соучастии с этими контрреволюционными вредителями, т. е. по ст. ст. 17 и 58¹⁴ УК РСФСР.

В отношении Подшивалина я считаю установленным, что он является преступным нарушителем государственной дисциплины и что по его вине распорядилась вся эта банда, гнусная деятельность которой привела к полному срыву и дезорганизации всей работы дороги. Я считаю, что Подшивалин должен нести ответственность по ст. 59¹⁶ УК РСФСР.

Я считаю также, что прошедшие перед судом в качестве свидетелей Броницкий — начальник службы пути и Тарасов — начальник

паровозной службы, с достаточной полнотой проявившие себя как саботажники и покровители контрреволюционеров и вредителей, проводившие линию на срыв работы ж.-д. транспорта, должны быть отстранены от работы и привлечены к уголовной ответственности. Я считаю, что суд должен вынести по этому вопросу специальное определение.

Товарищи судьи! Этот процесс должен явиться сигналом бдительности для всех честных железнодорожников, рядовых работников и командиров, для всех большевиков ж.-д. транспорта — партийных и непартийных. Каждый честный железнодорожник должен помнить слова славного полководца железнодорожной армии — сталинского наркома Лазаря Моисеевича Кагановича, сказанные им на декабрьском пленуме ЦК нашей партии:

«Никакая группа профессоров не осмелилась бы выступить с наглой саботажнической платформой, если бы она не имела за собой некоторого резерва, если бы она не считала, что ей сочувствует часть командиров».

Разве, товарищи, эти слова т. Кагановича не относятся полностью к бывшим руководителям Оренбургской дороги? Разве вредители, саботажники и контрреволюционеры могли бы орудовать, если бы им не сочувствовали руководители дороги Подшивалин и Чирков?

«Нет, товарищи, — говорил на декабрьском пленуме т. Каганович, — никакой архиерейный профессор не сможет окопачить коммуниста, если этот коммунист не ищет лазейки для того, чтобы оправдать свою собственную плохую работу».

Разве эти слова полностью не применимы к бывшим руководителям Оренбургской ж. д.?

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». (Ст. 131 Конституции СССР).

Такая банда врагов народа, товарищи судьи, орудовала на Оренбургской ж. д.

И железнодорожники ежедневно и ежедневно должны помнить, что враги и диверсанты, махровые изменники и контрреволюционеры, агенты международного фашизма — троцкисты — не останавливаются ни перед какими подлостями и преступлениями в своих гнусных попытках сорвать победоносное строительство социализма и счастливую жизнь народов нашей великой родины.

Товарищи судьи! Я считаю, что виновники вредительского срыва работы Оренбургской ж. д., пытавшиеся сорвать достигнутые, на основе великого стахановско-кривоносовского движения, успехи ж.-д. транспорта нашей страны, должны понести суровое наказание.

Я считаю необходимым подвергнуть их лишению свободы, причем Рябоконя и Пашкевича на максимальный срок.

Вместе с тем, товарищи судьи, я считаю необходимым и прошу вас возбудить перед Президиумом ЦИК СССР ходатайство о лишении Подшивалина, этого преступного нарушителя государственной дисциплины и покровителя саботажников и вредителей, ордена Трудового красного знамени.

Камера предания суду

Термин — камера предания суду происходит из Франции. Во времена Французской революции 1789 г. впервые во Франции был поставлен в законодательном порядке вопрос о гарантиях граждан против произвольного предания суду.

20 декабря 1791 г. докладчик комитета, созданного Учредительным собранием для разработки основ нового законодательства, Дюпор говорил:

«Никогда не будем разделять права общества временно арестовывать граждан и права каждого гражданина на то, чтобы его судили как можно быстрее и с наибольшей возможной степенью достоверности. Без этого или виновные избегают наказания или невинные подвергаются ему. В обоих случаях страдает свобода и общественная и индивидуальная безопасность. Самое надежное средство обеспечить эти права и соблюсти эти различия — это поручить их осуществление различным учреждениям, из которых одно представляет собой воздействие общества на каждого индивидуума, а другое включает в себя в особенности права индивидуума против общества».

Из этого Дюпор делал вывод о необходимости создания двух отдельных и независимых друг от друга органов, из которых один решает вопрос о предании суду, а другой — разбирает дело по существу и выносит приговор.

«Ничто так не угрожает безопасности, — говорил Дюпор, ссылаясь на Монтескье, — как обвинение. Поэтому общество должно принимать самые большие предосторожности для того, чтобы обвинения были, если не более редки, то, по крайней мере, более правильны, более свободны от предвзятости и клеветы. Достигнуть этого нельзя иначе, как только предоставив гражданам право решать, есть ли нет основание для того, чтобы обвинять гражданина... Одно учреждение мы считаем необходимым поставить у дверей юстиции — обвинительное жюри. Мы думаем, что свобода граждан — вещь достаточно важная и что если общественное спокойствие требует предоставления полиции больше энергии и быстрых действий, то необходимо сразу же решить судьбу арестованного гражданина».

По этим мотивам законом от 16—29 сентября 1791 г. был организован особый орган по преданию суду по обвинению в наиболее серьезных преступлениях, так называемое обвинительное жюри.

Создавая этот орган, французские законодатели подражали английским процессуальным порядкам. Так как в Англии буржуазия утвердила свое господство более чем на сто лет раньше, чем во Франции, идеологи французской буржуазии в течение всего XVIII в. восхваляли английский государственный строй.

В Англии уже в течение ряда столетий существовал порядок, по которому вопрос о предании суду решался коллегией присяжных

заседателей в числе 12—23 человек, называвшейся Большое жюри¹. Эта коллегия рассматривала обвинительный акт, заслушивала личные объяснения обвинителя, допрашивала, если находила нужным, свидетелей обвинения (ни обвиняемый, ни свидетели с его стороны в Большом жюри не фигурировали) и либо прекращала дело, либо выносила определение о предании обвиняемого суду. Но в Англии в то время Большое жюри отнюдь не ограничивалось разрешением вопроса о предании суду. Оно выполняло целый ряд функций, которые у нас выполняет теперь прокуратура, и ряд чисто административных функций. Писатель первой половины XIX в. Ричард Филиппе в своей книге «Права и обязанности присяжных» так описывает эти функции Большого жюри: «Состояние различных тюрем, злоупотребления тюремной администрации, поведение всех должностных лиц, скандальные злоупотребления всякого рода... являются для Большого жюри предметом розыска, исследования, обсуждения и предания суду». Большое жюри занималось даже такими вопросами, как состояние дорог и мостов, загромождение русла судовых рек, существование игорных и иных притонов и т. п.

Перенимая этот институт, французские законодатели придали ему, однако, гораздо более узкие функции, ограничили его деятельность только разрешением вопроса о предании суду по делам о наиболее серьезных преступлениях.

Это была коллегия из 8 человек присяжных заседателей, отбираемых по жребию из списка 30 граждан, пользующихся избирательными правами, так называемых «активных граждан». Таким образом, делая этот первый и решительный шаг в сторону создания демократических гарантий прав личности, французская буржуазия позаботилась о том, чтобы эта демократия была буржуазной демократией, чтобы в качестве присяжных в обвинительном жюри могли заседать только добропорядочные буржуа, обладающие определенным имущественным обеспечением.

Эта коллегия присяжных должна была рассматривать проекты обвинительных актов, заслушивать устные объяснения обвинителя и показания свидетелей обвинения (ни обвиняемый, ни свидетели защиты в обвинительном жюри не заслушивались) и решать вопрос о прекращении дела или о предании суду.

Конвент, осуществлявший диктатуру мелкобуржуазных слоев населения, отменил имущественный ценз для участия в обвинительном жюри и предоставил право всем гражданам быть присяжными заседателями.

Однако там, где классовая борьба со стороны свергнутых классов принимала более острые формы, где требовалась быстрая и беспощадная репрессия со стороны революционной диктатуры, деятельность обвинительных жюри не проявлялась.

Дела в революционные трибуналы — органы террористической борьбы якобинцев с контрреволюцией — вносились непосредственно про-

¹ Большое жюри в Англии упразднено законом 1933 г.

курором (именовавшимся тогда публичным обвинителем), и никакой предварительной проверки обоснованности обвинения по этим делам не производилось.

В этом виде в условиях революционного подъема, который был тогда во Франции, обвинительное жюри превратилось в весьма реальное средство гарантии личной свободы. Вполне понятно, поэтому, что, как только буржуазия, испугавшись размаха, который приняла революция в период якобинской диктатуры, повернула в сторону реакции, один из первых ударов этой реакции в области уголовного процесса был направлен на обвинительное жюри.

Вскоре после установления диктатуры Бонапарта, 7 плювиоза IX года, правительство Бонапарта издало закон об уголовном процессе, задачей которого, как определяет один из крупнейших французских процессуалистов Ф. Эли, было «возвратить уголовной юстиции силу, которой, как начинало казаться, ей недоставало».

Не решившись еще сразу ликвидировать все демократические завоевания революции, правительство Бонапарта стремилось в этот период выхолостить их подлинное демократическое содержание. В отношении обвинительного жюри статья 21 указанного закона установила правило, что «жалобщик или заявитель не будет выслушиваться обвинительным жюри, свидетели не будут вызываться на его заседания, их показания будут передаваться жюри в письменной форме вместе с другими материалами дела».

Совершенно понятно, что присяжные заседатели, не обладающие специальной юридической подготовкой, не могли самостоятельно разбираться в письменных материалах дела и передавали в полную зависимость от руководящего работой обвинительного жюри члена окружного трибунала, так называемого директора жюри.

Однако для важнейших категорий дел, даже в таком урезанном виде, обвинительное жюри казалось Бонапарту чрезмерно либеральным учреждением. Все такие категории дел были переданы специальным трибуналам, и на эти дела компетенция обвинительных жюри вообще не распространялась.

В таком урезанном виде обвинительное жюри существовало 8 лет. Утвержденным в 1808 г. уставом уголовного судопроизводства Французской империи оно было окончательно упразднено. Чрезвычайно любопытна мотивировка Наполеона Бонапарта, ставшего к этому времени императором Франции, которую он выдвинул для обоснования упразднения обвинительного жюри. В протоколе заседания государственного совета от 6 февраля 1808 г. записано следующее:

«Его величество считает, что обвинительное жюри состоит из людей, не привыкших к судебной работе. Между тем, производство перед ними ограничивается только чтением письменных материалов дела, а, не имея привычки к судебной работе, очень трудно по подобному чтению составить себе какое-либо мнение. Очень немногие могут слушать его с ослабевающим вниманием; масса граждан надо предоставлять только те функции, которые они могут выполнять, и передать юристам те, к выполнению которых они одни способ-».

Само собой разумеется, что никто из членов государственного совета не напомнил Наполеону о том, что не кто иной, как он сам законом 7 плювиоза IX года отменил устное производство и установил порядок, при котором обвинительное жюри и стало заниматься чтением письменных протоколов, по которым «очень трудно составить себе какое-либо мнение».

Взамен упраздненного обвинительного жюри, для решения вопросов о предании суду было создано в составе суда второй инстанции, именовавшегося в то время императорским судом, ныне называемого апелляционным судом, особое отделение, получившее название обвинительной камеры.

Мы не имеем возможности в объеме настоящей статьи подвергнуть тщательному разбору весьма сложную организацию системы предания суду по французскому кодексу 1808 г. Достаточно сказать, что упомянутая обвинительная камера, являвшаяся и камерой предания суду, представляла собой постоянное отделение суда, действовавшее в составе пяти постоянных судей. Производство в этой камере было тайным и основывалось исключительно на письменных материалах. Какая бы то ни была состязательность в нем отсутствовала. Прокурор выступал в обвинительной камере, делал там доклад по делу и давал свое заключение, но ни обвиняемый, ни его защитник доступа в обвинительную камеру не имели.

Правда, закон предоставлял обвиняемому право подавать в обвинительную камеру свои письменные заявления. Однако ни права знакомиться с материалами дела, ни права даже быть осведомленным о времени передачи дела на рассмотрение обвинительной камеры закон обвиняемому не давал. Обвиняемый в своем письменном заявлении мог исходить только из своих догадок. Вполне понятно, что при этих условиях эти зародыши состязательности никакого практического значения не получили.

Только законом 1897 г., и то в очень ограниченных размерах, защитнику обвиняемого было предоставлено право в определенные моменты знакомиться с материалами дела и косвенным путем узнавать о передаче дела в обвинительную камеру.

По мысли французского законодателя обвинительная камера должна была быть не только камерой предания суду в узком смысле этого слова, но и высшим органом по руководству всем предварительным расследованием. Ей было предоставлено право истребовать следственные дела, выносить по ним необходимые, по ее мнению, определения, принимать дисциплинарные меры по отношению работников органов расследования и осуществлять надзор за действиями прокуратуры.

«Дело в том, — говорил Наполеон на заседании государственного совета 5 июня 1804 г. — чтобы организовать преследование преступлений; оно равняется нулю при современном положении вещей... Надо, чтобы апелляционные суды могли бы следить за прокуратурой, требовать от нее объяснений, если она пренебрегает своими обязанностями, приказывать ей вести уголовное преследование».

Однако эта мысль французского законодателя полностью не осуществилась. На практике оказалось, что французская прокуратура

является вполне надежным защитником интересов господствующего класса. Уже указом от 5 августа 1844 г. организационная структура обвинительной камеры была существенно видоизменена: было установлено, что члены этой камеры будут одновременно работать в одной из других камер апелляционного суда. В результате этого указа обвинительная камера перестала быть постоянным, систематически действующим органом и превратилась в периодически собирающуюся коллегию для расследования либо жалоб на действия следователей, либо вносимых прокуратурой предложений о предании суду. Фактическим руководителем всего следствия стала прокуратура.

В таком виде камера предания суду была позаимствована из Франции и уставом уголовного судебного производства царской России 1864 г.

По этому уставу все дела, подсудные суду присяжных, т. е. дела о наиболее серьезных уголовных преступлениях, должны были вместе с обвинительными актами прокуратуры поступать на рассмотрение суда второй инстанции, так называемой судебной палаты, которая и выносила по ним определение о предании суду или о прекращении дела. Характерно, что дела о государственных преступлениях, о должностных преступлениях, о важнейших преступлениях против порядка управления, т. е. все те категории дел, которые наиболее близко затрагивали насущные интересы господствующих классов, попадали в суд, минуя обвинительную камеру судебной палаты.

Никаких функций по руководству следствием, помимо решения вопроса о предании суду или о прекращении уголовного преследования по отдельным конкретным делам, по уставу уголовного судопроизводства царской России на обвинительную камеру не возлагалось.

Эта система предания суду, которую многие буржуазные криминалисты пытались рассматривать как одну из лучших гарантий личной свободы, фактически никого ни от чего не гарантировала.

«Французское законодательство о предании суду, — пишет один из крупнейших буржуазных процессуалистов К. Миттермайер, — выражало решительное стремление предоставить полную энергию публичному обвинению и опознать с новыми силами власть, которая зависела бы от правительства и подавляла бы местные влияния. При этом не было и речи о защите против неосновательного обвинения» (Законодательство и юридическая практика. СПб., 1864 г., стр. 324).

Другой крупный буржуазный процессуалист Глазер следующим образом характеризует указанную систему предания суду:

«Предварительное рассмотрение обвинения в одной или двух обвинительных коллегиях только повидимому служит для охраны интересов обвиняемого. Всякий сколько-нибудь знающий уголовную практику континентальных европейских государств, признает, что число обвинений, отвергнутых обвинительной палатой, относительно говоря, чрезвычайно велико... так что весь громадный аппарат, приводимый в движение для предварительного испытания обвинений, совершает работу, не имеющую почти никакого значения» («О предании обвиняемого уголовному суду». «Журнал Министерства юстиции», 1868, № 3, стр. 232).

Под влиянием таких соображений многие буржуазные криминалисты пришли к выводу о том, что особая процедура по преданию суду является вещью излишней и может быть сохранена в уголовном процессе только для тех случаев, когда обвиняемый обжалует обвинительный акт прокуратуры.

К такому выводу пришел состоявшийся в 1902 г. в Петербурге IX конгрессе международного союза криминалистов. Вековой опыт функционирования особого института по преданию суду в условиях буржуазного общества привел буржуазных ученых к отрицанию этого института.

Причины, которые привели буржуазную юриспруденцию к такому выводу, очень сложны, и их невозможно объяснить в полном объеме в журнальной статье.

Основное значение имело здесь усиление удельного веса прокуратуры. Камера предания суду во Франции (откуда этот процессуальный институт позаимствовало большинство европейских стран) была создана прежде всего как орган надзора за прокуратурой, как средство обеспечить максимальную эффективность обвинительной власти, придать ей возможно больший авторитет. К концу XIX в. прокуратура во всех буржуазных странах континентальной Европы завоевала себе в глазах господствующего класса прочное положение как вполне надежный и весьма эффективный политический орган.

Дело шло не к тому, чтобы отдать прокуратуру под надзор суда, а скорее, наоборот, к тому, чтобы всемерно усилить надзор прокуратуры за судом.

При этих условиях существование специального судебного органа для решения вопроса о предании суду становилось ненужным: эту обязанность было удобнее возложить на прокуратуру.

Эти соображения отнюдь не являются исчерпывающими. Многие либеральные профессора иначе обосновали тот же вывод, но несомненно, что именно отмеченное выше усиление значения прокуратуры заставляло правительство буржуазных стран благосклонно относиться к упразднению камер предания суду.

Во всех обильно создаваемых в фашистских государствах чрезвычайных судах предание суду как процессуальная стадия обычно отсутствует¹. Закон 9 августа 1932 г. о чрезвычайных судах в Германии, закон 19 марта 1929 г. об ускоренном судопроизводстве в Польше и другие законы того же рода устанавливают систему непосредственной передачи дел в суды прокуратурой, минуя какие бы то ни было промежуточные контрольные инстанции.

Такова в самых кратких чертах история камер предания суду в государствах континентальной Европы.

Советское законодательство с первых же дней после Октябрьской революции уделяло вопросу о предании суду особо серьезное внимание. Уже декрет о суде № 1 от 24 ноября

¹ Исключение представляет специальный трибунал для защиты государства в Италии, при котором королевским декретом от 13 марта 1927 г. № 313 создана особая следственная комиссия, выполняющая функции камеры предания суду.

1917 г., несмотря на исключительную краткость этого декрета, особо оговаривал в статье 3, что все постановления следственных органов о личном задержании и о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда.

Декрет о суде № 2 от 8 марта 1918 г., Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г., ряд декретов о революционных трибуналах, начиная с декрета от 4 мая 1918 г., повторяли основное положение, что вопрос о предании суду может быть разрешен не иначе, как после коллегиального обсуждения этого вопроса в суде.

Эта точка зрения никем не оспаривалась и при составлении наших первых УПК 1922 и 1923 гг. По обоим этим кодексам все дела, по которым производилось предварительное следствие (а к этой категории были отнесены дела о всех важнейших преступлениях), не могли попасть в судебное заседание иначе, как после утверждения обвинительного заключения и вынесения особого определения о предании суду распорядительным заседанием того суда, которому было подсудно дело.

Характерной особенностью первоначальной постановки вопроса о работе распорядительного заседания в УПК 1922 и 1923 гг. было правило о том, что распорядительное заседание ограничивается только рассмотрением обвинительного заключения и не может рассматривать подлинных материалов дела. Это правило (отмененное только в октябре 1924 г.) было вызвано опасением, как бы распорядительное заседание не превратилось в своего рода ретицию судебного рассмотрения дела.

По существу указания ограниченная роль распорядительного заседания сводилась исключительно к проверке обоснованности обвинительного заключения. В соответствии с этим и задачи распорядительного заседания суда были первоначально сформулированы следующим образом:

«Распорядительное заседание суда рассматривает исключительно следующие вопросы:

1. Достаточно ли обоснованы предъявленные обвинения данными, приведенными в первой, описательной части обвинительного заключения.
2. Правильно ли сформулировано обвинение согласно данным описательной части обвинительного заключения.
3. Предусмотрено ли предъявленное обвинение уголовным кодексом и какой именно статьей.
4. Подлежит ли изменению и какому именно список лиц, вызываемых в судебное заседание (ст. 245 УПК 1922 г. и ст. 236 УПК 1923 г.).

Такая формальная проверка одного только обвинительного заключения не могла гарантировать действительного и всестороннего контроля со стороны распорядительного заседания.

Если в обвинительном заключении не было бросающихся в глаза противоречий, очевидных пробелов или явных неправильностей квалификации, то распорядительное заседание было бы вынуждено пропустить на судебное рассмотрение и такие дела, по которым расследование было проведено недоброкачественно, по которым обвинительное заключение использовало односторонние обвинительные материалы.

После отмены этого ограничения распорядительное заседание получило возможность не ограничивать свою проверку одними только формальными моментами, но и вникать в самое существо дела.

Однако на практике проверка, производимая распорядительным заседанием, не всегда давала тот эффект, которого от нее можно было бы ожидать. Результаты этой проверки зависели от степени добросовестности, с которой член суда, являвшийся в то время докладчиком по делу, изучил дело. Сблзны ограничиться изучением одного только обвинительного заключения и поверхностным просмотром дела был иногда чересчур велик, и многие недостатки следствия, не бросавшиеся в глаза, оставались в распорядительном заседании суда незамеченными.

Состязательности, которая могла бы выявить такие скрытые дефекты предварительного следствия, в распорядительном заседании не было. Ни обвиняемый, ни его защитник в распорядительное заседание не допускались. Правда, обвиняемый имел право по окончании следствия знакомиться со всеми материалами дела и мог, на основании этого ознакомления, изложить суду свои соображения по поводу недостатков предварительного следствия. Но такая возможность затруднялась, во-первых, тем, что обвиняемый мог прибегнуть к услугам защиты только после утверждения обвинительного заключения распорядительным заседанием суда. Поэтому недостаточно квалифицированному обвиняемому было трудно без помощи квалифицированного юриста усмотреть и достаточно отчетливо изложить недостатки предварительного следствия. Во-вторых, копия обвинительного заключения сообщалась обвиняемому только после утверждения этого заключения распорядительным заседанием суда. Таким образом, обвиняемый не знал системы обвинения, не знал тех доводов, которые обвинительная власть положила в основу выдвигаемого ею обвинения, и поэтому, естественно, не мог и возражать против этих доводов.

Начиная с 1927 г., в теории и практике нашего процесса начинает все яснее и яснее проявляться тенденция к устранению из процесса особой стадии предания суду.

В 1927 г. Народным комиссариатом рабочей крестьянской инспекции (НКРКИ) было проведено обследование низовых судебных органов. Подводя итоги этому обследованию, заседание коллегии НКРКИ СССР и НКРКИ РСФСР высказалось за полное упразднение распорядительных заседаний в народных судах с тем, чтобы вопрос о предании суду и прекращении дела разрешался народными следователями по делам, по которым производилось дознание, и прокурором по делам, по которым производилось предварительное следствие. Этот вывод вполне соответствовал тем взглядам, которые в то время начинали все больше и больше преобладать в Народном комиссариате юстиции.

Взгляд на уголовный процесс, как на технику, выраженный г. Стучкой еще в 1918 г. начинал превращаться в официальную точку зрения Народного комиссариата юстиции. Тогда Крыленко взял эпиграфом для своей статьи «К проекту УПК», опубликованной в № 47 «Еженедельника советской юстиции» за 1927 г.

следующее место из статьи т. Стучки, написанной в 1918 г.:

«По моему мнению, ныне для нас нет ни одной формальности, которая была бы абсолютно обязательной по иным, как только по чисто техническим соображениям, и вообще будущий устав судопроизводства будет просто инструкцией, руководством, пособием для решения судебных дел и только» («Пролетарская революция и право», 1918, № 1).

Выработанные буржуазией процессуальные формы, созданные ею демократические гарантии в уголовном процессе рассматривались в этот период не как проявление буржуазной демократии, свойственное определенным условиям классовой борьбы капиталистического общества, а как непосредственное отражение буржуазных рыночных отношений.

Эта ошибочная точка зрения, высказанная первоначально Пашуканисом в 1925 г. в его работе «Общая теория права и марксизм», легла в основу тезисов о реформе УПК, принятых 9 июня 1927 г. коллегией НКЮ.

«Формальные правоположения, установленные нынешним УПК, — писалось в пункте 3 этих тезисов, — создали то, что расширение до безграничных пределов судебного следствия, затягивание, осложнение его представлением документов и разного рода оправдывающих данных во время судебного заседания, широкое использование ничем не ограниченного права выступления в прениях и репликах, права допроса и передопроса свидетелей, ходатайства об отложении дела, назначения экспертизы сделались обычным явлением... Процесс, долженствовавший обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формальностью и крючкотворством процесс» («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 47, стр. 1471).

Из этой основной предпосылки делался вывод о том что важнейшая задача заключается в упрощении процесса во что бы то ни стало. Этим духом упрощения, доведенным до крайних пределов и превратившимся уже в «упрощенство», были проникнуты по большей или меньшей степени все проекты УПК, выработанные в этот период (проект 1927 г., проект 1929 г., проект Комакадемии 1931 г.).

До каких пределов доходила в то время работа о том, чтобы всеми мерами и всеми способами упростить процесс, можно судить по следующим словам тогдашнего наркома юстиции т. Янсона, сказанным им 26 ноября 1929 г. на 2 сессии ВЦИК XIV созыва в его докладе об изменениях кодексов:

«Я довожу до вашего сведения, — говорил т. Янсон, — что Уголовно-процессуальный кодекс нами заново переработан. При переработке мы достигли того, что вместо 465 статей старого кодекса в новом кодексе только 173 статьи. Правда, мы хотели добиться, чтобы количество статей было еще меньше. Я хотел даже премиривать работников за сокращение количества статей, но дальше достигнутого мы не могли пойти» (стенографический отчет 2 сессии ВЦИК XIV созыва, бюллетень № 11, стр. 36).

Руководитель юстиции в своем докладе высшему законодательному органу страны находил таким образом, нужным говорить не о

существо тех изменений процесса, которые в то время разрабатывались (об этом в докладе т. Янсона ничего не говорилось), а о достижениях НКЮ в области сокращения числа статей кодекса.

Не нужно, конечно, думать, что установки, изложенные в приводимых выше цитатах, являются проявлением просто какого-то недомыслия. С современной точки зрения, с точки зрения 1936 г., того года, который навеки войдет в историю человечества как год утверждения первой в мире Конституции социалистического государства, само собой разумеется, изложенные выше установки представляются более чем странными. Но нужно смотреть на них с точки зрения той эпохи, когда эти слова говорились и писались. Это была эпоха перехода от восстановительного периода нэпа к периоду реконструктивному, эпоха развертывания социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни.

Само собой разумеется, что, чем шире развертывалось это наступление, чем энергичнее оно становилось, тем более отчаянной становилась классовая борьба против наступающего социализма со стороны гибнущих остатков эксплуататорских классов.

В условиях такой обостренной классовой борьбы в городе и деревне уголовный процесс должен был сыграть громадную роль. Требования быстроты и жесткости репрессии, быстрого ответа решительным ударом уголовной репрессии на каждую вылазку классового врага не всегда сочетались с требованиями осторожного, взвешивающего подхода в возбуждении уголовного преследования, требования заботы о качестве самого судебного процесса.

Бесспорно, что между этими двумя требованиями нет непримиримой противоположности, что одно не исключает другого, что НКЮ в эти годы не учел в достаточной степени возможности совместить оба указанные требования; бесспорно, что можно было бы обойтись и тогда без той крайней степени упрощенства в процессе, которое было допущено в целом ряде краев и областей, где указанные выше установки НКЮ некоторыми местными работниками были доведены до крайности.

Вполне понятно, что при том подходе к разрешению основных проблем уголовного процесса, который был выражен в приводимых выше цитатах, отображавших собой точку зрения руководителей советской юстиции, не мог быть поставлен вопрос о расширении и углублении работы органов предания суду.

Вся процедура по преданию суду в свете указанных установок представлялась не гарантией против попадания в суд недоброкачественно расследованных дел и против неосновательных обвинений, а только задержкой в ходе процесса, лишним колесом в процессуальной машине, которое очень удобно изъять для упрощения этой машины.

Поэтому все указанные выше проекты УПК, различаясь между собой в целом ряде весьма существенных вопросов, сходились на том, что они упраздняли особую процессуальную стадию предания суду. По всем этим проектам решение вопроса о предании суду представлялось прокурору и только в случае несогласия с выводами прокуратуры со стороны председателя суда допускалось рассмотрение этого несогласия в судебной коллегии.

Проект УПК 1929 г., не получивший в целом утверждения, в части, определяющей порядок предания суду, был утвержден постановлением ВЦИК и СНК от 20 октября 1929 г. Этим постановлением была установлена та редакция соответствующих статей УПК, которая остается формально в силе и до наших дней.

XVII съезд партии подвел итоги решительной победе социализма в городе и в деревне, констатировал, что ленинский вопрос «кто кого» решен бесспорно в пользу социализма, и намечил пути дальнейшего развития Советского союза в условиях социалистического общества.

XVII партийный съезд особо подчеркнул значение вопроса о качестве работы во всех отраслях хозяйства и государственного управления. Само собой разумеется, что это требование повышения качества работы не могло не относиться и к органам юстиции. В апреле 1934 г. в Москве состоялось I всесоюзное совещание работников юстиции, задача которого заключалась в том, чтобы обсудить вопрос, какие выводы органы юстиции должны сделать для себя из решений XVII съезда партии.

Исходная позиция этого совещания была уже совершенно иная, чем та, из которой исходил НКЮ в своих мероприятиях 1927—1929 гг.

«Если мы предъявляем высокую требовательность к советскому аппарату, — говорил в своем докладе на этом совещании т. Вышинский, — особенно в наших условиях, особенно перед лицом великих задач второй пятилетки, то с еще большей силой, настойчивостью, решительностью и беспощадностью мы должны предъявлять требования высокого качества работы к органам советской юстиции».

Задача поднять качество процесса, обеспечить меткость и организованность уголовной репрессии была центральной задачей, которая была поставлена на этом совещании. С этой точки зрения вопрос об организации предания суду как гарантии высокого качества процесса приобретал особое значение.

«Нам необходимо, — говорил далее т. Вышинский, — сосредоточить главное и самое важное внимание на проверке доброкачественности следственных материалов и обвинительного заключения. Необходимо раз и навсегда покончить с игнорированием распорядительных заседаний. Нужно установить такой порядок, при котором дела определенных категорий обязательно направлялись бы в суд через распорядительные заседания с участием обвинителя».

Против этой точки зрения на совещании почти что не было возражений, и пункт 10 резолюции совещания признал, что

«Важнейшим средством повышения ответственности прокуратуры за качество расследования является предварительная проверка при участии самого суда обоснованности привлечения к ответственности. Формой такой проверки является распорядительное заседание, которое должно быть по определенным категориям дел восстановлено и введено в систему работы как необходимая часть подготовки к судебному процессу».

Совещание в своей резолюции установило еще два кардинальные положения:

1) что дела в распорядительном заседании должны рассматриваться по докладу прокурора, который, таким образом, несет полную

ответственность за качество представляемого им материала, и

2) что вопросы о недостатках предварительного следствия, возбужденные обвиняемым, должны рассматриваться в распорядительном заседании «как правило, с вызовом обвиняемого».

Это решение совещания вводило в работу распорядительных заседаний судов тот элемент, которого им до этого времени не доставало, элемент состязательности, гарантирующий наиболее полное, наиболее всестороннее рассмотрение дела.

Решения I всесоюзного совещания по этому вопросу были оформлены 47 пленумом Верховного суда СССР от 7 июня 1934 г. и постановлением президиума Верховного суда от 14—16 января 1935 г. и 54 пленумом Верховного суда СССР 29 марта 1936 г. Согласно этим постановлениям высших судебных органов СССР и РСФСР, было признано обязательным, чтобы все дела, по которым обвиняемому могло грозить наказание в виде лишения свободы, попадали в суд не иначе, как после рассмотрения дела распорядительным заседанием суда.

Основные политические директивы за истекшие со времени I всесоюзного совещания работники юстиции два с половиной года не только не ослабили принятых этим совещанием положений, но, наоборот, еще более усилили их значение.

Речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии о бережном отношении к кадрам повысила ответственность судебных органов за обоснованность предания суду.

«Сейчас мы должны с еще большей серьезностью и решительностью продумать ряд мероприятий по правильной организации нашей работы на такой стадии уголовного процесса, как предание суду», — говорил т. Вышинский в своем докладе в ИССП Комакадемии и в Институте уголовной политики. «В этом отношении мы уже сделали шаг вперед, — дела проходят через распорядительные заседания суда, но эта наша работа также не стоит на должной высоте» («За соцзаконность», 1935, № 6, стр. 9).

Утверждение новой Конституции создает для советского суда те же самые обязанности на новом, гораздо более высоком уровне.

Освещая те задачи, которые встают перед органами юстиции в связи с новой Конституцией, т. Вышинский в своем докладе на всесоюзном прокурорском совещании от 13 июля 1936 г. говорил:

«Перед нами стоят громадные практические вопросы и задачи. Одной из самых важных задач, на мой взгляд, является задача обеспечить авторитет нашего советского суда, судебных приговоров, судебных решений» («За соцзаконность», 1936, № 8, стр. 18).

Естественно, что высокий авторитет может иметь только тот приговор, который вынесен на основании вполне доброкачественных, тщательно проверенных материалов. Конечно, основная проверка обвинения судом, окончательное обсуждение тех фактов, на которых основывается приговор, происходят в судебном заседании. Но для того, чтобы судьи могли быть уверены, что они рассмотрели в судебном заседании действительно все те доказательства, которые нужно рассмотреть для

правильного разбора дела, дело должно быть доброкачественно расследовано.

Если подбор доказательств на предварительном следствии был сделан односторонне, то очень часто суд в судебном заседании может прийти к неверному выводу даже при самом добросовестном отношении к делу. Вот почему особо тщательная проверка полноты и доброкачественности расследования являются одним из главных условий, обеспечивающих повышение авторитета судебного приговора.

Необходимость поднять в настоящее время работу органов юстиции по преданию суду на значительно большую высоту, чем это было до сего времени, настоятельно требует, прежде всего, тщательного разрешения всех вопросов о работе того органа, который призван решать окончательно вопрос о предании суду.

Между прочим, необходимо разрешить и терминологический вопрос о том, как должно именоваться то заседание суда, в котором решается вопрос о предании суду. В этом отношении до сих пор существует полная недоговоренность. Резолюции I всесоюзного совещания применяют термин — распорядительное заседание, постановление 47 пленума Верховного суда СССР говорит о подготовительном заседании, постановление президиума Верховного суда РСФСР от 14—16 января 1935 г. говорит «о подготовительном (распорядительном) заседании».

Термин «подготовительное заседание» был введен в наше законодательство постановлением ВЦИК и СНК от 20 октября 1929 г. (СУ 1929 г. № 78, ст. 756). Это было как раз то самое постановление, которое изъяло из ведения этого органа решение вопроса о предании суду. Вполне последовательно было в связи с этим и переименование этого заседания. При условиях, созданных этим законом, суд уже не распоряжался судьбой дела, а ограничивался только подготовкой к его слушанию.

Но теперь, когда роль суда по решению вопроса о предании суду стала существенно иной по сравнению с той ролью, которую представлял ему закон 20 октября 1929 г., термин — подготовительное заседание делается уже неприемлемым. В настоящее время, также, как и до закона 20 октября 1929 г., суд, оценивая материалы предварительного следствия, распоряжается судьбой дела. Он выносит определение о прекращении дела, об обращении его к доследованию, о предании суду. При этих условиях термин «распорядительное заседание» гораздо полнее и правильнее выражает существо задач, стоящих перед судом в этой стадии процесса. Каковы же эти задачи?

Первое затруднение, которое возникает при попытке уточнить задачи распорядительных заседаний судов при разрешении ими вопроса о предании суду, это отграничение этих задач от задач судебного заседания, рассматривающего дело по существу.

Совершенно очевидно, что было бы очень опасно, если бы рассмотрением дела в распорядительном заседании создало в судей какое-то предвзятое мнение по делу. Так как статья 1 упомянутого постановления президиума Верховного суда РСФСР от 14—16 января 1935 г. включает в состав распорядительного заседания того судью, который намечен к

участию в судебном рассмотрении данного дела; эту опасность никак нельзя игнорировать.

Как бы глубоко ни проникло распорядительное заседание в существо дела, как бы тщательно оно ни анализировало материалы, оно никогда не сможет достигнуть той же глубины рассмотрения всех возникающих по делу вопросов, которая достигается в судебном заседании в условиях гласного, состязательного процесса.

Поэтому при отсутствии точных границ между задачами распорядительного и судебного заседания может получиться, что судья принимающий участие в распорядительном заседании, придет в этом заседании к определенным выводам о виновности или невиновности обвиняемого, о доказанности или недоказанности преступления и, председательствуя вслед затем в судебном заседании, этот судья поведет судебное следствие с односторонним уклоном.

Практика дает нам ряд примеров, когда отдельные судебные органы, рассматривая дело в распорядительном заседании суда, пытаются превратить это заседание в какое-то подобие сжатого, урезанного рассмотрения дел по существу. Например, Горьковский краевой суд в декабре 1935 г., рассматривая дело по обвинению Жукова, Головачева и Лефлера по закону 7 августа 1932 г., вызвал в распорядительное заседание не только обвиняемых, но и некоторых свидетелей. Основываясь на допросе обвиняемых и этих свидетелей, произведенном в распорядительном заседании, краевой суд в своем определении о предании суду констатировал доказанность или недоказанность ряда фактических обстоятельств дела. Если в данном случае это не повлияло на результаты судебного рассмотрения, то только потому, что председатель в судебном заседании оказался лицом, не участвовавшим в распорядительном заседании. Если бы было иначе, нет сомнения, что куцое судебное следствие, проведенное в распорядительном заседании, не могло бы не повлиять на результаты исследования дела на суде.

Поэтому нужно с самого начала отказаться от мысли, что распорядительное заседание должно производить исчерпывающую оценку доказательств по делу, оценивать достоверность или недостоверность показаний того или иного свидетеля, разрешать противоречия между отдельными доказательствами. Такая оценка может быть произведена только на судебном следствии, только на основе непосредственного впечатления, полученного судом от перекрестных допросов свидетелей, от всестороннего изучения в условиях состязательности того или иного доказательства.

Задача распорядительного заседания отнюдь не заключается в том, чтобы дать ответ на вопрос о виновности обвиняемого. Его основная задача — проверить качество предварительного расследования и обсудить вопрос о том, дает ли материал предварительного следствия основания для обвинения и насколько дело подготовлено для вынесения его в открытое судебное заседание. Эта проверка должна состоять в следующем.

Прежде всего распорядительное заседание должно обсудить вопрос о том, есть ли в действительности, приписываемых обвиняемому, в том виде, в каком эти действия представляются по материалам предварительного следствия, состав

преступления и какой именно. Распорядительное заседание при этом не предрешает вопроса о том, насколько материалы предварительного следствия могут быть признаны за окончательно достоверные. Оно берет эти материалы такими, как они есть. И только в том случае, когда даже на основании этих материалов становится совершенно очевидно, что в действиях обвиняемого нет состава преступления, распорядительное заседание выносит определение о прекращении дела.

Далее, распорядительное заседание должно проверить полноту расследования, т. е. разрешить вопрос о том, все ли необходимые следственные действия были произведены, а если не все, то могут ли допущенные пробелы быть исправлены в судебном заседании.

Вывод, который должно сделать в этом случае распорядительное заседание, зависит от характера тех пробелов предварительного следствия, которые оно усмотрит. Если эти пробелы такого рода, что они ставят под сомнение основной вопрос о наличии состава преступления, распорядительное заседание должно вернуть дело к доследованию,

Недопустимо сажать на скамью подсудимых человека, действия которого, может быть, ничего преступного в себе не заключают.

Распорядительное заседание должно особо проверить соблюдение органами расследования требований ст. 111 УПК, в частности, правильности разрешения в стадии предварительного следствия ходатайств, заявленных обвиняемым.

Наконец, задачей распорядительного заседания является проверка качества самых следственных действий. Эту задачу не нужно смешивать с задачей окончательной оценки доказательств, которая, как выше указывалось, не стоит вовсе перед распорядительным заседанием. Проверая, например, качество производства экспертизы, распорядительное заседание не должно ставить перед собой вопрос о том, следует ли согласиться с выводом экспертов или не следует. Этот вопрос может быть решен только в судебном заседании после перекрестного допроса экспертов путем сопоставления их заключения со всеми обстоятельствами дела.

Но распорядительное заседание должно проверить доброкачественность экспертизы с другой точки зрения: все ли вопросы, вытекающие из дела, были поставлены на рассмотрение экспертов; все ли материалы, необходимые для ответа на эти вопросы, были им предъявлены; исчерпывают ли ответы экспертов все поставленные перед ними вопросы; соответствует ли квалификация экспертов сложности тех задач, которые они должны были разрешить.

В зависимости от ответов на эти вопросы распорядительное заседание либо признает экспертизу доброкачественной, не предрешая окончательной оценки ее выводов, либо признает ее недоброкачественной и возвращает дело к доследованию для производства повторной экспертизы, указав в чем именно заключалась недоброкачественность первой экспертизы.

С такой же точкой зрения распорядительное заседание должно подходить к оценке всех других следственных действий. Другими словами, распорядительное заседание должно проверить, правильно ли проведено то или иное

следственное действие, собраны ли следствием все данные, необходимые для проверки имеющихся доказательств (например, проведен ли следственный эксперимент в тех случаях, когда он необходим). Но если окажется, что, несмотря на исчерпывающий материал, собранный следователем, те или иные доказательства все же возбуждают сомнения, разрешение этих сомнений должно быть предоставлено судебному заседанию. И, наоборот, если сомнения, возникающие по делу, вызваны тем, что следователь чего-то недоделал, то принять меры к устранению таких сомнений путем обращения дела к доследованию, путем исключения соответственного пункта обвинения и т. п., — безусловная обязанность распорядительного заседания.

Очень важная задача распорядительного заседания — устранить всякую односторонность в выборе лиц, вызываемых в судебное заседание. Бывают случаи, когда следователи не включают в список свидетелей, вызываемых в суд, тех свидетелей, показания которых неблагоприятны для обвинения. Такая практика безусловно неправильна. Она нарушает один из основных принципов советского уголовного процесса, выраженный в ст. 111 УПК РСФСР, и распорядительные заседания должны вести с этой практикой решительную борьбу.

Вопрос об организации работы распорядительного заседания суда должен разрешаться с точки зрения обеспечения наилучшего разрешения описанных выше задач. Первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в этой области, это вопрос о том, кто должен быть докладчиком в распорядительном заседании. Как было отмечено выше, I всесоюзное совещание работников юстиции признало, что докладчиком должен быть прокурор, утвердивший обвинительное заключение. Однако президиум Верховного суда РСФСР сначала стоял на другой точке зрения и в своем постановлении от 14—16 января 1935 г. установил, что докладчиком должен быть судья, роль прокурора, таким образом, сводилась только к даче заключения по делу. Это решение президиума Верховного суда было подвергнуто резкой критике со стороны т. Вышинского:

«Докладчиком в распорядительном заседании суда должен быть прокурор, который докладывает о положении данного дела. Значит ли это, что судья при этом пассивен? Нет, он после доклада прокурора должен дать свое заключение как судья, как содокладчик и при оказавшихся ошибках, недочетах, недостатках может требовать дальнейшего расследования, или же соглашается, что обвинение составлено правильно. Там, где докладывает не прокурор, а докладчиком является член суда, там возможна штамповка, там прокурор присутствует на суде по наряду своего начальства» («За соцзаконность», 1935, № 6, стр. 9).

Практика распорядительных заседаний до реформы 1929 г., когда докладчиком в этом заседании являлся судья, в значительной степени поддерживает эту критику. Только в редких случаях судья-докладчик настолько тщательно изучал дело, что мог в своем докладе вскрыть пробелы и недостатки расследования.

Однако возложение доклада на прокурора может вызвать возражения иного рода. Если прокурор допустил при расследовании дела обвинительный уклон, если он составил обвинительное заключение односторонне, то понятно

что и доклад в распорядительном заседании он сделает односторонне, с точки зрения обвинения.

Этот довод является безусловно серьезным. Поэтому громадное принципиальное значение приобретает то нововведение, которое в связи с новой Конституцией предполагает проект УПК: допуск в распорядительное заседание защитника обвиняемого. Присутствие защитника, изучившего дело специально с точки зрения критики обвинения, является гарантией против односторонности прокурора. Если же такая односторонность будет прокурором допущена — гарантией против обвинительного уклона.

Хотя проект УПК еще не стал законом, однако можно утверждать, что уже в настоящее время нет формальных препятствий против осуществления этого мероприятия на практике. Поскольку в соответствии с решением I все-союзного совещания присутствие обвиняемого в распорядительном заседании признано допустимым, поскольку защитник не представляет собой особой стороны в процессе, а является, так сказать, только дополнением обвиняемого, допуская его в распорядительное заседание, суд не совершает никакого нарушения закона.

Бесспорно, что в настоящее время защитник не имеет права требовать допущения его на распорядительное заседание, но в том случае, когда суд находит это целесообразным, он может защитника допустить.

Верховный суд РСФСР признал неправильность своего решения по вопросу о том, кто является докладчиком в распорядительном заседании. 16 ноября 1935 г. президиум Верховного суда во изменение своего прежнего постановления признал, что докладчиком должен быть прокурор, но что по заслушании доклада прокурора обязательно заслушивается содоклад судьи. Присутствие в распорядительном заседании защитника не устраняет необходимости этого содоклада.

Введение в стадию предания суду элементов состязательности является, несомненно, расширением начала советской демократии в уголовном процессе и полностью соответствует духу новой Конституции. Но здесь возникает опасность, аналогичное тому, которое было высказано выше при обсуждении вопроса о значении распорядительного заседания: не превратит ли участие и прокурора и защитника в распорядительном заседании это заседание в репетицию судебного рассмотрения дела, не превратится ли обсуждение вопроса о предании суду в обсуждение вопроса о виновности обвиняемого.

Это зависит от того, насколько председательствующий в распорядительном заседании сумеет дать правильное направление прениям. Если он сумеет удержать прения в пределах описанных выше задач распорядительного заседания, если стороны в своих выступлениях будут касаться только вопросов о полноте и доброкачественности расследования и о правильности юридической квалификации установленных этим расследованием фактов, то никакой опасности такие прения собой не представляют.

Мы подходим здесь к очень трудному вопросу, к вопросу о степени достоверности, которая требуется от решений распорядительного заседания. Совершенно несомненно, что степень этой достоверности меньше, чем степень достоверности, требуемая от приговора суда.

Но насколько должно быть достоверно обвинение, чтобы оно могло быть принято в распорядительном заседании, никакими объективными показателями установить нельзя.

В буржуазной теории уголовного процесса (см., например, Арсеньев «Предание суду») была высказана мысль, что если при вынесении приговора суд должен исходить из презумпции невиновности, то при решении вопроса о предании суду нужно, наоборот, исходить из презумпции виновности и, в случае сомнения в виновности обвиняемого, передать дело для судебного рассмотрения.

Эту точку зрения нельзя признать приемлемой для советского процесса. Все зависит от того, каково это сомнение. Нельзя сажать на скамью подсудимых гражданина только на основании смутных предположений о его виновности.

Поэтому обсуждение вопроса в распорядительном заседании, а, следовательно, выступление сторон в этом заседании, может и должно касаться вопроса о том, имеются ли в деле определенные доказательства, подтверждающие обвинение.

Защитник может указать на отсутствие таких доказательств, прокурор обязан точно объяснить, на каких именно доказательствах основано выдвинутое им обвинение. Но дальше этого прения в распорядительном заседании идти не должны. Если прокурор указывает на конкретные доказательства: показания свидетелей, экспертизы, документы и т. п., которыми он обосновывает обвинение, распорядительное заседание не должно входить в оценку этих доказательств по существу.

Другими словами, распорядительное заседание будет совершенно право, если оно в своем определении напишет: «Так как обвинение, выдвинутое прокуратурой, не подтверждено никакими доказательствами, а основано исключительно на предположениях, дело производством прекратить».

Но распорядительное заседание будет неправом, если оно обоснует прекращение дела на такой формулировке: «Хотя обвинение и обосновано на показаниях свидетелей X и Y, но ввиду того, что по таким-то соображениям показания этих свидетелей нельзя признать достоверными, дело производством прекратить».

Нет никакого сомнения, что на практике первое время состязательная форма решения вопроса о предании суду может вызвать некоторые недоразумения, главным образом в виде превращения распорядительного заседания в репетицию судебного. Однако преимущества состязательной формы настолько велики, что останавливать из-за этих опасений проведение этого, безусловно благотворного нововведения не следует.

Рассмотрение дела в распорядительном заседании есть часть уголовного процесса. Поэтому оно должно протекать, как и всякий процесс, в определенных установленных процессуальных формах. Тов. Вышинский был совершенно прав, когда он в своем докладе «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции» («За соцзакононость», 1935, № 6, стр. 10) резко выступил против всякой «семейственности» в распорядительном заседании.

Вопрос о предании суду слишком серьезный вопрос для того, чтобы его можно было решить в форме частной беседы, в форме бес-

порядочного спора между отдельными участниками заседания. Доклад прокурора, возражения обвиняемого или его защитника (если он присутствует на распорядительном заседании) и содоклад судьи — в такой последовательности должно итти обсуждение вопроса в распорядительном заседании.

После этого из зала заседания должны удалиться все, кроме судей, входящих в состав суда. Только эти судьи, без участия кого бы то ни было, обсуждают вопрос и выносят свое определение.

Качество определения распорядительного заседания должно соответствовать качеству всей его работы. Только в случае безоговорочного утверждения обвинительного заключения при отсутствии каких бы то ни было ходатайств и возражений со стороны обвиняемого, допустимо немотивированное определение распорядительного заседания. Во всех остальных случаях это определение должно быть точно мотивированным. Такая мотивировка приобретает особое значение в одном из трех следующих случаев:

- 1) когда дело прекращается,
- 2) когда оно обращается к рассмотрению,
- 3) когда обвиняемым или его защитником были заявлены устно или письменно какие-либо ходатайства или возражения против предъявленного обвинения.

В первом из этих трех случаев определение о прекращении дела является в руках обвиняемого реабилитирующим его документом.

При обращении дела к рассмотрению необходимость мотивировки ясна сама по себе. Здесь необходимо только подчеркнуть, что, по общему правилу, распорядительное заседание не должно ограничиваться указанием в своем определении тех вопросов, которые оно считает недостаточно выясненными, а должно, кроме того, совершенно определенно указать те следственные действия, которые оно считает необходимым произвести. Часто может случиться, что тот или иной вопрос, бесспорно, имеет для дела существенное значение, но выяснить этот вопрос следствию не удалось. Возвращение в таком случае дела на рассмотрение с указанием, что такие-то основные вопросы остались не выясненными, но без всяких указаний относительно тех путей, какими они могут быть выяснены, явилось бы только затяжкой в разрешении дела и не привело бы ни к каким практическим результатам.

Наконец, в последнем из указанных выше случаев обвиняемый (или его защитник), подавший в суд то или иное заявление, бесспорно

имеет право требовать, чтобы определение распорядительного заседания содержало в себе исчерпывающий ответ на все доводы, изложенные в этом заявлении.

Общие формулировки, вроде следующей: «ввиду явной неосновательности возражений обвиняемого» или «ввиду того, что заявление обвиняемого никаких новых обстоятельств не приводит» и т. п., должны быть признаны совершенно недопустимыми.

Если то или иное ходатайство обвиняемого отклонено потому, что это ходатайство не имеет значения для дела, определение распорядительного заседания должно объяснить, почему оно считает, что данные обстоятельства для дела неважны. Если оно отклоняет такое ходатайство по тем мотивам, что обстоятельства, о выяснении которых просит обвиняемый, достаточно установлены имеющимися в деле доказательствами, оно должно указать, какими именно доказательствами установлены соответственные факты.

Размеры настоящей статьи не позволяют мне коснуться чрезвычайно сложного и обширного вопроса о законной силе определения распорядительного заседания о предании суду и о возможности обжалования этого определения. Но во всяком случае, необходимо особо подчеркнуть обязанность прокуратуры неуклонно осуществлять свое право опротестовывать эти определения в порядке надзора во всех тех случаях, когда такие определения не исчерпывают тех чрезвычайно ответственных задач, которые стоят перед распорядительным заседанием.

В своем докладе на Чрезвычайном VIII все-союзном съезде советов Союза ССР о проекте новой Конституции товарищ Сталин говорил:

«Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав».

Процедура по преданию суду в советском процессе является одной из важнейших гарантий прав советских граждан против неосновательного, легкомысленного привлечения их к уголовной ответственности. Работа распорядительных заседаний, призванных осуществить эти гарантии, должна быть поставлена так, чтобы эти заседания стали действительным средством осуществления прав, предоставленных советским гражданам, неприкосновенность личности которых гарантирована новой сталинской Конституцией.

Первое всесоюзное совещание по судебной психиатрии

22—24 декабря 1936 г. в Москве состоялось I всесоюзное совещание по судебной психиатрии. Совещание было организовано Научно-исследовательским институтом судебной психиатрии им. проф. Сербского. На совещание съехались 127 делегатов из 36 городов Советского союза. Действительное число участников совещания было, однако, значительно больше. Большое число судебных психиатров и юристов, присутствовавших в качестве гостей, принимало активное участие в работе совещания.

Успех этого совещания, происходившего в Институте им. Сербского, заставляет вспомнить другой съезд, организованный тем крупнейшим русским психиатром, имя которого носит институт. Судьба этих двух съездов представляет яркую иллюстрацию положения науки в Советской России и в России царской.

25 лет назад, открывая Московский съезд невропатологов и психиатров, проф. Сербский, оставивший Московский университет в знак протеста против политики реакционнейшего царского министра народного просвещения Кассо, говорил:

«Если мудрецы древности утверждали, что жизнь каждого человека может быть признана счастливой только после благополучного конца, то в нашей современности то же самое может быть сказано и о съездах. И возникает вопрос, своевременно ли мы собираемся «в ночи, которую сейчас мы доживаем боязливо...» Когда принцип нестеснения царит только в психиатрических больницах, и то не во всех, а в свободной жизни, «на воле», допускается лишь для полоумного иеромонаха, тоже лица ведомия психиатрического. Но... знание способствует бодрому оптимизму. Минуют невзгоды, пройдут все эти, как их называют французы, «глупые случаи» (Cas sots — Кассо), а истина будет гореть еще ярче».

Слова проф. Сербского подтвердились полностью. Немедленно после речи Сербского полицейский пристав закрыл съезд. Но оправдал себя и «бодрый оптимизм, основанный на знании». Железная метла революции вымела в мусорный ящик истории и министра Кассо и все «глупые случаи» деятельности царского правительства. Прошли годы, и сталинская Конституция создала исключительные условия для развертывания научной работы. Истина горит еще ярче.

Одной из иллюстраций общего расцвета научной работы, общего роста активности научных деятелей явилось I всесоюзное совещание по судебной психиатрии.

Открывая совещание, и. о. прокурора РСФСР т. Юрина указала на внутреннюю связь работ совещания с общим положением нашей страны, получившей лучшую в мире сталинскую Конституцию.

Суд и прокуратура, — говорила т. Юрина, — подняты Конституцией на новую высоту. Суд и прокуратура имеют дело с живым человеком, им должна быть обеспечена помощь квалифицированных специалистов. Всякая ошибка суда может привести к тяжелым результатам, может изломать человеческую жизнь. И судебная психиатрия должна помочь суду в разре-

шении сложных и трудных задач, требующих специальных судебно-психиатрических знаний.

Выступивший затем народный комиссар юстиции СССР т. Н. В. Крыленко указал в своей речи, что работа совещания должна быть связана с общими задачами, поставленными сейчас сталинской Конституцией и работами Чрезвычайного VIII съезда советов перед нашей страной. Говоря об единстве интересов общества и личности в социалистическом обществе, теоретически обоснованном товарищем Сталиным и практически осуществляемом под его руководством в нашей стране, т. Крыленко противопоставляет это положение положению в странах фашистской диктатуры. Мы отбрасываем все квази-научные теории, пытающиеся объявить одних людей в силу расовых признаков призванными господствовать, а других находиться в угнетении. Мы отбрасываем теорию врожденного преступника, мы объявляем надругательством над истинной наукой подлые попытки якобы научных оправданий подлой фашистской расправы.

Немало психиатров в капиталистических странах, говорит т. Крыленко, опозорило свою прежнюю научную репутацию, приложив руку к оправданию отвратительной фашистской расправы, в частности, к оправданию широкого применения стерилизации. Советские психиатры должны противопоставить этой лженауке подлинную социалистическую науку. Мы никого не объявляем заранее негодными, мы не признаем существования неисправимых по своему положению или расовому происхождению преступников.

Судебный психиатр, говорит т. Крыленко, не может прятаться под ковриком одного медицинского диагноза. Судебный психиатр должен с высокой медицинской подготовкой соединить знакомство с наукой уголовного права, с общим философским пониманием вопросов ответственности, причинности и специальных юридических вопросов о роли умысла, сознания, противоправности и т. д. Поэтому необходимо специальное изучение судебной психиатрии в медицинских учебных заведениях и юридических институтах. Поэтому необходима специальная организация судебно-психиатрической экспертизы, имеющей ряд отличий от общей медицинской экспертизы.

Тов. Крыленко заканчивает свою речь призывом на любом участке работы бороться, понимая политическое значение и связь всякого дела, как бы оно ни было мало, с нашими общими задачами, призывом идти вперед под знаменем великой коммунистической партии и гениальнейшего мыслителя нашей эпохи, великого вождя нашей борьбы товарища Сталина. Съезд овациями встречает имя товарища Сталина и принимает приветствие товарищу Сталину.

Громадное значение для работников юстиции имеют организационные вопросы советской судебно-психиатрической экспертизы. И этому вопросу был посвящен доклад директора Института им. Сербского П. М. Фейнберг. Охарактеризовав политические задачи и значение судебно-психиатрической экспертизы, т. Фейн-

берг дала развернутый анализ советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства о судебно-психиатрической экспертизе.

Тов. Фейнберг анализирует историческое развитие работы Института им. Сербского и громадные сдвиги, которые произошли в самой системе оценок вменяемости и невменяемости при пограничных состояниях. В свое время, в первые годы своей работы, в 1921—1923 гг. институт признавал невменяемыми и уменьшенно вменяемыми 75% психопатов,ступающих на экспертизу. Сейчас институт установил необходимость дифференцированного подхода в этом вопросе и в большинстве случаев признает вменяемость, способность к ответственности у психопатов. В 1936 г. из 258 психопатов, прошедших экспертизу, было признано невменяемыми только 8 человек (3%).

Отмечая отсутствие единства в решении наиболее актуальных судебно-психиатрических проблем: психопатии, реактивных и исключительных состояний и шизофрении, которая до настоящего времени толкуется многими психиатрами несообразно широко и расплывчато, т. Фейнберг дает основные итоги практики института по этим вопросам и отмечает обуславливающее разнородные психиатрические оценок неудовлетворительное состояние организационных форм судебно-психиатрической экспертизы. Отстает от стоящих перед ней задач экспертиза несовершеннолетних. Особенно резко дают себя знать организационные дефекты при осуществлении принудительного лечения. Больницы, в которые направляют опасных душевнобольных и психопатов, стремятся поскорее избавиться от этого взрывчатого элемента, выписывают больных с нарушением правил, установленных специальными инструкциями, а это приводит к новым опасным действиям, к новым преступлениям.

Тов. Фейнберг считает необходимым усилить научно-исследовательскую работу по изучению клинических разделов, имеющих особое значение для судебной психиатрии (реактивные и исключительные состояния, психопатия, легкие органические поражения центральной нервной системы, шизофрения). В настоящее время подготовка квалифицированных судебных психиатров недостаточна количественно и неудовлетворительна качественно. Необходимо специально организовать эту подготовку на курсах усовершенствования, необходимо создать кадры специалистов судебных психиатров, нельзя поручать судебно-психиатрическую экспертизу судебным медикам, не имеющим специальных психиатрических знаний. Тов. Фейнберг предлагает упорядочить практическое проведение судебно-психиатрической экспертизы. Должен быть создан институт областных (краевых) судебных психиатров, являющихся руководителями и консультантами судебно-психиатрической экспертизы по всей области. Необходимо организовать в психиатрических больницах специальные отделения для подэкспертных и проходящих принудительное лечение.

Следующий доклад был сделан на совещании зав. отделом экспертизы Украинского центрального психо-неврологического института доцентом Лецинским. Доклад был посвящен вопросу о судебно-психиатрической экспертизе в зале суда. Тов. Лецинский отмечает ряд преимуществ этого вида экспертизы: непосредственный контакт между экспертами, подэк-

пертными, судьями и сторонами процесса, полнота материала, получаемого во время судебного следствия, и пр. Однако этому виду экспертизы свойственны особые трудности и недостатки, непродолжительность и однократность наблюдения, невозможность использования специальных видов исследования, влияние самой судебной обстановки на обследуемого, усиливающее стремление к симуляции, к обману врача и суда. Поэтому необходимо в ряде случаев сочетание экспертизы на суде со стационарной экспертизой.

По заслушанным докладам развернулись широкие прения.

В рамках небольшой статьи трудно дать даже краткий обзор содержания отдельных выступлений. Приходится ограничиться подведением только общих итогов обсуждения. Основные положения доклад т. Фейнберг были поддержаны во всех существенных вопросах. Расхождения были лишь по вопросу об организации специальных учреждений для психопатов. Профессора Вуков, Бунеев и некоторые другие психиатры выступили против этого предложения. Они утверждали, что сосредоточение в одном месте психопатов, совершивших преступления, приводит к вредному воздействию наиболее опасных из них на остальных, к тяжелым нарушениям дисциплины, терроризированию персонала и т. д.

Другие организационные вопросы не вызвали значительных расхождений. Избранная совещанием комиссия (в составе 24 человек представителей союзных республик, краев и областей под председательством заслуженного деятеля науки проф. Осипова) выработала резолюцию, выражающую общее мнение участников совещания по основным организационным вопросам.

Резолюция считает необходимым создание единого методологического центра по судебной психиатрии, образуемого из крупнейших психиатров и юристов Союза. Этот центр должен обеспечить единство методологического руководства судебно-психиатрической экспертизой. Совещание признало также необходимым выделение при гражданских психиатрических больницах специальных судебно-психиатрических отделений. Наконец, а практически это решение, пожалуй, наиболее важно, совещанием высказалось за организацию института областных (краевых) судебных психиатров.

Более точно определить положение судебных психиатров совещание, естественно, не могло. Это — задача правительственных органов. Необходимо, однако, отметить, что при обсуждении вопроса и на совещании и в комиссии общее единодушное мнение сводилось к тому, что институт судебных психиатров должен находиться в ведении НКЮ. Только при такой постановке будет обеспечено единство руководства, необходимая связь с органами юстиции и действительная заинтересованность в надлежащем материальном и организационном обеспечении работы судебной экспертизы. НКЗдрав не заинтересован столь непосредственно, как НКЮ, в работе судебной психиатрической экспертизы, но судебные психиатры — медики, и поэтому только НКЗдрав может и должен обеспечить их подготовку. Для специальной подготовки в области судебной психиатрии НКЗдрав должны быть выделены необходимые кадры из числа оканчивающих медицинские институты.

Как отмечали проф. Осипов, проф. Останков и другие работники медицинских вузов, программа последних не обеспечивает достаточной подготовки в области судебной психиатрии. Факт почти анекдотический: в медицинских вузах на специальные занятия по судебной психиатрии отводится гораздо меньше часов, чем в юридических институтах. Перегруженность курса медицинских институтов основными дисциплинами не позволяет рассчитывать на значительное увеличение часов, отводимых занятиям по судебной психиатрии. Необходимо поэтому увеличить число интернов и аспирантов, получающих специальную подготовку при Институте им. Сербского, необходимо создать курсы усовершенствования врачей по судебной психиатрии.

Наметив как важнейшую организационную задачу создание единого методологического центра по вопросам судебной психиатрии, само совещание непосредственно сыграло крупнейшую роль в практическом осуществлении этой задачи. Методологические, теоретические вопросы не решаются, конечно, голосованием. Их всегда возможно и нужно выразить в жестких формулах резолюции. I всеобщее совещание судебных психиатров не включало в свою резолюцию спорных методологических вопросов. Но тем не менее взгляды совещания по этим вопросам были выражены достаточно определенно.

Уже доклад т. Фейнберг и его обсуждение не ограничились чисто организационными вопросами. Подытоживая всю работу Института имени проф. Сербского, т. Фейнберг поставила на обсуждение совещания суммированные результаты работы института за 15 лет его существования. Институт превратился за эти годы в авторитетное всеобщее учреждение, вышедшее немало нового в теорию и практику судебной психиатрии.

Совещание заслушало целый ряд специальных клинических докладов: доцента Халецкого — о вменяемости шизофреников, проф. Бунеева — о шизофренических реакциях, проф. Введенского — о судебно-психиатрической оценке реактивных состояний, доцента Разумовской — о судебно-психиатрической оценке исключительных состояний, проф. Эпштейна — о значении соматологического исследования для распознавания перенесенных исключительных состояний, д-ра Зеленина — о диагностических ошибках при оценке сумеречных состояний и доцента Молахова — о симуляции психозов.

Сама тематика клинических докладов показывает, что совещание обсудило как раз те спорные вопросы судебной психиатрии, которые имеют особое значение и для органов суда и прокуратуры. Выводы из этих докладов и их обсуждений представляют поэтому непосредственный интерес и для юристов-практиков.

Выше были уже отмечены резкие изменения, которые произошли в практике института по оценке вменяемости психопатов. Эта «пероценка ценностей» далеко еще недостаточно воспринята на периферии. Один из выступавших указывал, что иногда, спекулируя на недостаточном знании вопроса судом, защита требует автоматического признания невменяемости, раз поставлен диагноз — психопатия. Ведь буквальный перевод слова психопатия на русский язык будет «душевная болезнь», а ду-

шевная болезнь, как указывает ст. 11 УК, — основание для признания невменяемости...

Совещание признало правильным установление вменяемости в большинстве случаев так называемых психопатий. В то же время совещание предупредило против возможных перегибов, против тенденции к огульпому признанию вменяемости всех психопатов.

Заслуженный деятель науки проф. Осипов подчеркнул, что в большинстве случаев психопаты, находящиеся в «пограничном состоянии» между нормальным состоянием и душевной болезнью, должны быть признаны вменяемыми. Нельзя, однако, забывать, что именно у них особенно легко могут возникать временные расстройства душевной деятельности, исключяющие вменяемость.

Необходимость индивидуализации и именно юридической индивидуализации при судебно-психиатрических оценках была единодушно подчеркнута и в выступлениях как юристов так и в выступлениях психиатров. И т. Фейнберг и психиатр т. Внуков подчеркивали, что установление того или иного психиатрического диагноза далеко не всегда предreshает вопрос и о «диагнозе» юридическом — вопрос о вменяемости. Нужно исходить из конкретного состояния, говорил проф. Внуков. В этом смысле психопат может в известных случаях оказаться невменяемым, а дефектный шизофреник — вменяемым.

Это замечание подводит вплотную к наиболее спорному вопросу не только судебной, но также и общей психиатрии — к вопросу о шизофрении. Крепелин определял в свое время шизофрению как раннее, преждевременное слабоумие. Блейлер, создавший самый термин шизофрения (от греческого схиздо — расщеплять), отметил, что в картине болезни не всегда выступают признаки слабоумия. Чаще характера лишь психическая расщепленность целостности личности, разрыв связей во взаимоотношениях между «я» и внешним миром. Отдельные формальные способности интеллекта — внимание, память, наблюдательность, способность суждения могут быть нарушены очень мало.

Новейшая психиатрия до крайности распространительно толковала понятие шизофрении. Она охватила самые различные степени изменения целостности сознания, начиная от легких, едва уловимых дефектов психики, до глубокого распада и оскудения.

Безграничное, расплывчатое расширение понятия шизофрении вызывает уже справедливую критику в общей психиатрии. К особенно острым противоречиям это расплывчатое понимание шизофрении приводит в судебной психиатрии. По старой традиции установление диагноза — «шизофрения» обычно автоматически влечет установление невменяемости.

Институт судебной психиатрии им. Сербского, как указывает в своем докладе т. Халецкий, постепенно и с большой осторожностью подошел к признанию возможности установления вменяемости в отдельных случаях шизофрении. В прошлые годы число вменяемых шизофреников исчислялось только единичными случаями. В 1936 г. 6,4% шизофреников, проходивших экспертизу в Институте судебной психиатрии, было признано вменяемыми.

Оценка вменяемости шизофреников должна определяться конкретными особенностями болезненного состояния, а не общим диагнозом.

По взглядам, развивавшимся в ряде работ, вменяемость может быть установлена в случаях благоприятного, легкого течения болезни, а также в отношении дефективных личностей, у которых процесс болезни имел место в прошлом, если дефект выражен не глубоко и структура личности нарушена незначительно. Симулятивное поведение, стремление искусственно представить имеющиеся психиатрические симптомы более тяжелыми, более резко выраженными с целью добиться признания невменяемости указывает большей частью на сохранность «я», сохранность личности и нормальной мотивации и тем самым заставляет предполагать вменяемость.

Более точное решение вопроса о судебно-психиатрическом значении диагноза шизофрении — задача большой работы не только судебной, но и общей психиатрии. Однако уже сейчас судебным работникам необходимо иметь в виду, что даже диагноз — «шизофрения» — не имеет абсолютного значения. В некоторых, хотя и в очень редких, случаях шизофреник может быть признан вменяемым. В таких случаях необходима, конечно, особо тщательная экспертиза с участием, по возможности, нескольких квалифицированных психиатров, так как самое понимание шизофрении различно у психиатров разных школ.

Существенный интерес для судебных работников представляет и вопрос о судебно-психиатрической оценке так называемых исключительных состояний. Этот вопрос был освещен в содержательном докладе т. Разумовской.

Исключительными состояниями называются внезапно возникающие расстройства душевной деятельности. Они ограничены обычно относительно коротким периодом и развиваются в большинстве случаев на почве какой-либо недостаточности, в частности, на почве психопатии. Такими состояниями признаются патологический аффект, патологическое опьянение, т. е. такое опьянение, при котором речь идет о ненормальной реакции мозга, только спровоцированной действием алкоголя, но в основном обусловленной не этим действием алкоголя, а раньше существовавшей неполноценностью центральной нервной системы. Исключительным состоянием признаются и так называемые сумеречные состояния, при которых нарушается ориентировка в действительности, воспринимаемой как бы в сумерках (отсюда название) и способность руководить своими действиями. Такие состояния чаще всего наблюдаются при поражении центральной нервной системы. С внешней стороны сумеречное состояние выражается в нелепых «безмотивных» действиях.

За 12 лет с 1925 по 1936 г. по материалам Института судебной психиатрии исключительные состояния давали в среднем 15% всех, прошедших экспертизу и признанных невменяемыми. Однако и в этой области произошли значительные изменения. В 1921—1928 гг. исключительные состояния давали почти 27% всех случаев признания невменяемости. В 1933—1936 гг. — только 5%.

Изменение оценок оказалось далеко не одинаковым для различных форм исключительных состояний. Наиболее резко — почти в 10 раз — снизился удельный вес признания невменяемости ввиду патологического аффекта. Среднее место занимает группа признаваемых невменяемыми в силу патологического опьянения, пока-

зывающая сокращение почти в три раза. Наиболее устойчивой оказалась группа сумеречных состояний, но и эта группа показывает сокращение в 2 раза.

Своеобразие изменений диагностики исключительных состояний объясняется проведенным институтом пересмотром самих критериев этих состояний. Первые годы работы института основное внимание уделялось остроте и интенсивности клинической картины исключительного состояния и психологическим моментам, связанным с его возникновением. В последние годы решающее значение придается тому основному заболеванию, той дефектностью, на почве которой возникает исключительное состояние.

Соответственно этому изменению жестче стал подход к оценке исключительных состояний, связанных, главным образом, с внешними — экзогенными факторами (патологический аффект, патологическое опьянение). Напротив сумеречные состояния, связанные с эндогенными, т. е. обусловленными внутренними дефектами организма, процессами оценивались по-прежнему.

Практика института судебной психиатрии приводит к выводу, что правильная оценка временных расстройств душевной деятельности — исключительных состояний — возможна лишь путем углубленного изучения патологической почвы, на которой они развиваются в сочетании с точным установлением характерной картины внешнего проявления конкретных форм исключительных состояний.

Одним из наиболее спорных и трудно устанавливаемых исключительных состояний является патологическое опьянение. Вопрос о нем по-разному решается в кодексах различных советских республик. В Уголовном кодексе Украинской ССР, например, сделано исключение только в отношении тех лиц, которые для совершения общественно-опасного деяния привели себя в состояние опьянения. Такие лица подлежат ответственности и в том случае, если опьянение носило такой характер, что они «временно не могли отдавать себе отчета о своих действиях или руководить ими». Примечание к ст. 11 УК РСФСР дает более широкую формулировку. Оно указывает, что действие статьи о невменяемости не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Опираясь на практику Института судебной психиатрии, т. Разумовская отрицает, однако, распространение этого примечания на случаи патологического опьянения.

Эту точку зрения надо признать правильной. Патологическое опьянение представляет качественно иное состояние, чем обычное опьянение, которое предусматривает ст. 11. В отличие от последнего патологическое опьянение возникает только на почве болезненных изменений или дефективности организма. Оно является ненормальной реакцией ненормальной нервной системы. Алкоголь является только провоцирующим, а не решающим условием патологического опьянения.

Все это заставляет признать, что и по УК РСФСР патологическое опьянение должно быть признано такой формой временного расстройства душевной деятельности, которая исключает вменяемость, исключает уголовную ответственность.

С вопросом об оценке исключительных состояний суд и судебный психиатр сталкиваются только в тех случаях, когда приходится разрешать вопрос о вменяемости в момент совершения преступления. Наступление исключительного состояния после совершения преступления не устраняет уголовной ответственности, так как исключительное состояние означает только кратковременное расстройство душевной деятельности.

Иначе практически встает вопрос о так называемых реактивных состояниях. Судебно-психиатрической оценке этих состояний был посвящен доклад крупного клинициста, одного из старейших работников института — проф. Введенского.

Реактивные состояния характеризуются обычно, как такие болезненные психические состояния, которые являются реакцией на внешнее воздействие, причем реакция эта психогенна, т. е. вызвана не непосредственно физическим воздействием на организм, а психическими причинами.

В отличие от исключительных состояний реактивные состояния возникают в большинстве случаев после совершения преступления. В этих условиях и в силу закона и по соображениям политической целесообразности временное расстройство душевной деятельности не может влечь полное освобождение от уголовной ответственности. Реактивные состояния в большинстве случаев носят временный характер и не ведут к качественным изменениям сознания. Поэтому реактивные состояния по общему правилу не дают оснований для признания невменяемости. В 1922—1925 гг. 50% проходивших экспертизу в институте и находившихся в реактивном состоянии были признаны невменяемыми. Разработка теории реактивных состояний привела к значительному сужению критериев невменяемости и в этой области. В 1933—1936 гг. только 10% были направлены в больницу, при этом не все направленные в больницу были признаны невменяемыми. Некоторые были посланы для временного лечения.

При судебно-психиатрической оценке реактивных состояний диагноз, однако, также не предвещает еще вопроса о вменяемости.

Во-первых, реактивные состояния могут возникать на такой патологической почве, когда они получают характер только симптома обострения и обострения основного серьезного заболевания, например, шизофрении. В подобных случаях дальнейшее применение наказания является нецелесообразным и должна быть признана невменяемость.

Во-вторых, а об этом как раз часто забывают психиатры, совершенно иной подход должен иметь место в тех случаях, когда реактивное состояние обусловило самое совершение преступления. В этих случаях и временное расстройство душевной деятельности, не влекущее качественных изменений личности, дает все основания для признания невменяемости, если реактивное состояние достигало такой степени интенсивности, что препятствовало совершению преступления отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Совещание приняло постановление об издании своих трудов. Судебно-прокурорским работникам следует ознакомиться с этими трудами и с изданным институтом судебной психиатрии учебником, рассчитанным специально на работников-юристов¹.

Два года назад выступивший на совещании судебно-прокурорских работников т. Л. М. Каганович в четырех простых правилах определил сложные задачи судебной работы.

«Надо, — говорил т. Каганович, — чтобы суд судил по закону, за дело, культурно и с душой». И вот для того, чтобы судить культурно и по закону, суд должен, в частности, уметь пользоваться экспертизой, в особенности непосредственно влияющей на вопрос об уголовной ответственности, экспертизой психиатрической. А для того, чтобы правильно пользоваться помощью специалистов-психиатров, судебные и прокурорские работники сами должны быть знакомы с основами судебной психиатрии.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Первые итоги работы по общему надзору

Вновь организованным отделам общего надзора приходится начинать эту работу почти заново. Система построения отделов прокуратуры по отраслям народного хозяйства не способствовала развертыванию общенадзорной работы. Этому, в частности, мешала раздробленность руководства общим надзором между отраслевыми отделами и загруженность отделов текущей работой по судебному надзору, которому в последние годы приходилось уделять особенно много времени и внимания. Многие и многие работники этих отделов проявляли к тому же пренебрежительное отношение к работе по общему надзору. Доходило до того, что самый термин «общий надзор» употреблялся некоторыми нашими товарищами чуть ли не с улыбкой извинения за этот «архаизм». Умногу в этом было, конечно, мало и воспоминаний бы не заслуживало, если бы

не имело некоторого неизбежного отражения в настоящем. Надо также сказать, что та постановка работы по общему надзору, которая была в органах прокуратуры до организационной перестройки в 1934 г., страдала серьезнейшими недостатками, сказавшимися затем на ослаблении всей этой работы.

Теперь, строя отделы общего надзора вновь, в благоприятнейшее для развертывания этой работы время, необходимо придиричливо разобратся в оставшемся наследстве и не колеблясь отказаться от того, что устарело или и всегда было негодным. В частности это относится к некоторым приемам работы, но об этом после.

¹ Реферат об учебнике судебной психиатрии мы даем в ближайшем номере журнала.

У нас нет еще исчерпывающих данных о том, как организовались и работают отделы общего надзора во всех республиках, краях и областях, но и по тем данным, которые сейчас имеются, видно, что работа эта определенно растет. По материалам и сигналам с мест, в частности, по материалам прокурора Ленинградской области, Западносибирского края, Калининской, Куйбышевской и Саратовской областей, Казахской ССР и др., Прокуратура СССР разработала и внесла в правительство ряд представлений по вопросам весьма серьезного характера. По поступающим сведениям видно также, что развертывается активность отделов общего надзора на местах (Молдавская АССР, Кировская область, Калининская, Омская, Куйбышевская, Киевская, Саратовская) и, что еще важнее, активность районных прокуроров. С тем большим вниманием надо отнестись к тем организационным неполадкам и ошибкам по существу, которые допускаются в этой работе, и исправить их, что называется, «на ходу».

Прежде всего приходится отметить, что отделы общего надзора не поняли важности и необходимости систематического ознакомления с приказами и инструкциями, издаваемыми советскими и хозяйственными организациями, в целях осуществления надзора за соблюдением этими организациями законов. Дело это во многих местах еще не налажено. Даже Прокуратура РСФСР, которая должна была бы играть, по меньшей мере, роль примера для прокуратур краев и областей, не получает еще приказов и инструкций наркоматов и других республиканских учреждений. Прокуратура Московской области также не наладила еще этого дела. Между тем в инструкции Прокуратуры СССР от 17 ноября 1936 г. прямо сказано, что основной задачей отделов общего надзора является своевременное опротестование противоречащих закону ведомственных инструкций, циркуляров и распоряжений, а также постановлений местных органов власти (краевых исполкомов, областных исполкомов, районных исполкомов, городских советов, сельских советов), и что отделы общего надзора должны добиться такого положения, чтобы ни один незаконно изданный приказ или постановление местных органов власти не оставались неопротестованными прокуратурой (пп. 1 и 3 инструкции).

В деле общего надзора нельзя рассчитывать на самотек, на то, что борьба с нарушениями закона может идти только через рассмотрение поступающих жалоб. Многие тысячи жалоб порождаются незаконными постановлениями и распоряжениями различных ведомств и учреждений. Но в том-то и беда, что не во всех случаях изданий незаконных постановлений от населения поступают жалобы. Мы знаем случаи, когда в ряде городов СССР годами действовали различные обязательные постановления, изданные с грубейшими нарушениями закона. Например, во многих городах УССР, в том числе и в бывшей столице УССР в Харькове, долгое время взимались установленные городскими советами, но предусмотренные законом налоги и сборы. Неужели городские прокуроры должны были ждать жалоб от населения для того, чтобы опротестовать эти незаконные постановления? На практике бывает и так, что прокурор узнает о незаконных

актах, действующих на обслуживаемой им территории, только из центральных газет.

Такое положение совершенно недопустимо и с ним необходимо покончить. Прокурор никогда не завоеует необходимого ему авторитета, если будет плестись в хвосте событий. А для того, чтобы не плестись в хвосте, он должен быть осведомленным о том, что делается вокруг. Одним из обязательных путей такого осведомления является знакомство с приказами и постановлениями, издаваемыми местными исполкомами, а также другими организациями, действующими на данной территории.

Как видно из поступающих с мест планов работы органов прокуратуры, сведения о других материалах, отделы общего надзора правильно в основном намечают вопросы, по которым они должны вести свою плановую работу. Так, например, повсюду правильно ставится задача борьбы с нарушением Устава с.х. артели, с незаконным наложением штрафов, налоговым уклонением и т. д. Однако уже сейчас видно, что выполнение поставленных задач страдает крупными ошибками.

Например, кое-где возрождаются «обследовательские» тенденции, казалось, за последние годы изжитые. Этой болезнью, как известно, страдал общий надзор прежде, и она сильно подтачивала его силы. Теперь, при воссоздании отделов общего надзора, некоторые товарищи решили, должно быть, что следует воссоздать и прежние ошибки. В плане работы отдела общего надзора Казахской ССР, например, имеется пункт, которым предусматривается обследование двух наркоматов по вопросам законности установленных у них ставок зарплаты отдельным категориям работников. В том же плане предусматривается «обследование пяти районов» по вопросам ликвидации задолженности колхозам (правда, не написано, кого или что именно собираются прокуратура обследовать). Эту же ошибку допускает Днепропетровская прокуратура, проводя сплошные обследования сельских советов и колхозов, Курская область и др.

Стремление к обследованиям имеет свои причины. Когда тот или иной орган прокуратуры не следит систематически за ходом жизни в обслуживаемом районе, не знает, какие распоряжения издают органами власти на месте, не расследует своевременно поступающих жалоб или расследует их поверхностно, не вскрывая корней этих жалоб, у него естественно появляется необходимость в обследовании того или иной организации, того или иного вопроса. Он хочет таким путем пополнить свои познания об окружающей обстановке, наверстать упущенное. Но это глубокое заблуждение. Ничего нельзя наверстать путем обследований. Вот, например, Днепропетровская прокуратура, обследовавшая колхозы и сельские советы Перешепинского района, открыла, что каждый из них допускал массу нарушений законов. Открытие это принесло, конечно, свою пользу, так как вероятно убедило прокуратуру в необходимости систематического надзора за законностью в районе. Однако оно не могло уже исправить зла, которое было причинено всеми этими беззакониями, существовавшими на протяжении весьма долгого времени.

А вот разительный пример из практики работы Крымской прокуратуры по методу «обследования». Были обследованы сельские советы и районный исполком Тельмановского района.

Описывая результаты этого обследования, прокурор Республики т. Монатов меланхолично замечает, что «собственно говоря, за 1935 и 1936 гг. в Тельмановском районном исполкоме не оказалось безупречных с точки зрения закона обязательных постановлений». Вот тебе и раз! За два года ни одного безупречного с точки зрения закона постановления! Что же делал в этом районе прокурор и какой практический эффект такого обследования?

Думается, что преимущественно систематического надзора за соблюдением законности над случайными ревизиями и обследованиями настолько очевидно, что можно об этом по данному поводу больше не говорить.

При осуществлении поставленных в планах задач мало используются так называемые «воспитательные» методы работы. На это указывает Комиссия советского контроля в своем постановлении от 16 декабря 1936 г. «О нарушениях колхозного устава в Ивановской и Свердловской областях». В этом постановлении прямо говорится, что органы прокуратуры недостаточно энергично и успешно борются с нарушением Устава с.х. артели, ограничиваясь принятием эпизодических административно-судебных мер и пренебрегая воспитательной работой.

Под воспитательной работой в данном случае надо понимать доклады прокуроров об Уставе и борьбе с нарушениями его на колхозных собраниях, освещение в местных газетах протестов, которые были принесены прокуратурой, обращения в руководящие партийные организации на местах с материалами о нарушении устава для использования в партийной работе и т. д. Эта работа нашими органами прокуратуры ведется, но не в тех масштабах, которые сейчас требуются.

В связи с этим т. Вышинский дал всем прокурорам республик, краев и областей указание о борьбе с нарушениями Устава с.х. артели, в котором обязал краевых, областных и районных прокуроров при выездах на село практиковать доклады на общих собраниях колхозов и пленумах сельских советов о борьбе с нарушениями Устава с.х. артели, используя в качестве материала конкретные случаи нарушения устава в данной местности. Работу органов прокуратуры по борьбе с нарушениями Устава предложено освещать как в центральной, так и местной печати. Указано также на необходимость изучения жалоб и представления материалов об этом со своими предложениями в местные руководящие организации. Этими указаниями надо руководствоваться и во всей другой работе отделов общего надзора, поскольку в этой части они носят методический характер.

В заключение необходимо отметить, что во многих прокуратурах нет еще необходимой организационной четкости в разграничении функций вновь организованных отделов.

Кое-где есть тенденция заставить отделы об-

щего надзора выполнять всю ту работу, которая требует каких бы то ни было обобщений, разработки, выводов и т. д. На них возлагают обязанность писать циркуляры по любым вопросам, в том числе по следственным и судебным, докладные записки и представления в исполкомы, опять-таки по всем вопросам и т. д. Это, конечно, очень приятная и квалифицированная работа, но пусть она все же будет направляться, что называется, «по принадлежности», в соответствии с инструкцией Прокуратуры СССР.

Надо также бороться с попытками загружать отделы общего надзора вопросами, вообще не относящимися к компетенции органов прокуратуры. Речь идет о всевозможных обращениях различных хозяйственных организаций в органы прокуратуры с целью использования их в качестве «толкачей», арбитров по договорным спорам и т. д.

Тут хотелось бы привести один свежий пример неправильного выполнения прокуратурой несвойственной ей работы: Мариупольская городская прокуратура провела сплошное обследование торговых организаций для того, чтобы установить причины невыполнения ими плана товарооборота, повлекшего за собой задержку выдачи зарплаты в городе. Обследованием было установлено, что план не выполняется из-за несвоевременного завоза товаров в торговые точки, запоздания в выкупе товаров и т. д. Прокуратура Мариуполя, действуя последовательно, должна была пойти по пути прямого вмешательства в хозяйственную жизнь торговых предприятий для того, чтобы ликвидировать обнаруженные дефекты в работе. Прокурор города Мариуполя т. Збарский утверждает, что его вмешательство дало хорошие результаты и что выполнение плана товарооборота значительно продвинулось вперед. Весьма возможно, что это так и что т. Збарский лучший хозяйственник, чем торговые работники г. Мариуполя. Однако это не давало ему оснований для административного вмешательства в работу хозорганизаций. Прокуратура имеет свои особые права и обязанности, и в распоряжении ее находятся данные только ей средства борьбы со всевозможными нарушениями закона, преступлениями (в том числе с той же бесхозяйственностью) и незаконными действиями. Средств этих и нрав вполне достаточно для того, чтобы не требовалось узурпировать чужие.

Здесь затронута только небольшая часть вопросов, относящихся к работе отделов общего надзора и в тех пределах, которые допускает наличие новых материалов. В частности ничего еще нельзя сказать об эффективности работы отделов общего надзора. Торопиться с выводами по этому вопросу и не следует. Будем заботиться о хорошей постановке нашей работы, помня, что хорошая работа обязательно будет и эффективной.

Совещание прокуроров водного транспорта

9—11 января 1937 г. в Москве проходило совещание бассейновых прокуроров водного транспорта. Совещание обсудило три вопроса: о борьбе с преступлениями в области судоремонта, о борьбе с хищениями и растратами, о борьбе с авариями на водном транспорте.

Совещание подытожило работу прокуратуры по этим вопросам за истекший 1936 г. и наметило конкретные мероприятия к дальнейшему улучшению работы прокуратуры в борьбе с преступлениями на водном транспорте.

Совещание отметило, что в результате принятых мер Прокуратурой Союза в 1936 г. значительно сократилось необоснованное привлечение работников водного транспорта к уголовной ответственности. По сравнению с 1935 г. в 1936 г. предано суду на 39,9% меньше.

В 1936 г. из числа всех привлеченных 82,3% предано суду, а в 1935 г. 72,3%. Свыше месяца расследовалось в 1935 г. 37,7% всех дел, а в 1936 г. — 32,4%.

Осуждено к лишению свободы в 1935 г. 49,3%, а в 1936 г. — 65,9%.

Прокуратура водного транспорта не добила ликвидацию волокиты в расследовании. В навигацию 1936 г. прокуратура не нанесла сокрушительного удара по аварийщикам и злостным нарушителям трудовой дисциплины.

Начальники пароходств, начальники политотделов и центральные управления Наркомвода почти не использовали материалы суда и прокуратуры для укрепления железной дисциплины на водном транспорте.

По делам об авариях в 1935 г. осуждено 58,1%, а в 1936 г. 80% всех преданных суду.

В 1935 г. к лишению свободы приговорено по этим делам 36,4%, а в 1936 г. — 63,3% всех осужденных, кроме Балтийского и Северо-западного бассейнов, где приговорено к лишению свободы около 50% осужденных.

Главными недостатками в работе прокуратуры водного транспорта совещание признало:

а) Недопустимо длительные сроки расследования дел об авариях, а по ряду дел допускается прямая волокита. С момента аварии до направления дела в суд проходит около 55 дней, из них падает 17 дней до начала следствия, 22,5 дня на следствие и 15,5 дня от окончания следствия до передачи дела в суд.

б) Судебные процессы по делам об авариях проходят без достаточной политической подготовки. Плохо освещаются в печати материалы суда. Политотделы и профсоюзные организации не используют судебные процессы как одно из важнейших средств в мобилизации масс на борьбу с авариями.

в) Прокуратура водного транспорта не развернула борьбы с косностью, волокитой, бюрократизмом в органах Наркомвода.

Руководящие работники пароходств, виновные в невыполнении и даже в игнорировании приказа Наркомвода № 272 о борьбе с авариями, не получили соответствующего отпора и воздействия.

Количество аварий за 11 месяцев 1936 г. по сравнению с 1935 г. возросло на 27,4%. Убытки от аварий за это же время увеличились на 6,9%.

Свыше 50% всех аварий произошло по причине неправильного судовождения и грубого нарушения трудовой дисциплины командами судов.

Несмотря на то, что аварии дезорганизовали работу флота, срывали план погрузки, почти во всех пароходствах не было большевистской борьбы с авариями. Систематически нарушался боевой приказ наркома № 272. Начальники пароходств крайне редко выезжают на место аварии. Служебное расследование аварии ведут второстепенные работники — инспекторы судохозяйства. Начальники пароходств преступно долго задерживают у себя материалы по авариям, не вынося по ним никаких решений, и тем самым создается для аварийщиков обстановка безнаказанности.

В Средневожском пароходстве аварийные материалы задерживаются до реализации на 40 дней, из них 20 дней лежат без движения у начальника пароходства.

В Азовском и Доно-Кубанском бассейнах за последние 3 месяца навигации начальники пароходств и служб эксплуатации не выезжали ни на одну аварию. По многим авариям и в частности по аварии «Бригадир и тракторист» начальник Азовского пароходства вынес решение через 1½ месяца после аварии.

В Московско-Окском пароходстве у начальника пароходства лежало 58 дел об авариях свыше 19 дней, из них 21 дело — более 20 дней.

Такое же положение прокуратурой было вскрыто в Верхневолжском и Енисейском пароходствах.

Начальник Северного речного пароходства с начала навигации по август 1936 г. ни на одну аварию не выезжал.

О волоките в служебном расследовании со стороны начальников пароходств Главная прокуратура водного транспорта два раза ставила вопрос перед Народным комиссаром водного транспорта. К сожалению, после этого положение почти не изменилось.

Вина прокуратур бассейнов заключается в том, что они проявили либеральное отношение к канцелярско-бюрократическим методам руководства в пароходствах. Никто из руководящих работников пароходств за волокиты и игнорирование приказа № 272 не был привлечен к уголовной ответственности.

Хуже всего проводили работу по борьбе с авариями прокуратуры бассейнов: Аму-Даринского, Северного, Черноморского. Лучшее Камского, Верхневолжского, Нижневолжского, Средневожского бассейнов. Но и в этих прокуратурах имело место недопустимо длительное расследование дел об авариях.

Примером преступного отношения к вопросам возбуждения уголовного преследования является дело об аварии мотобота «Фиолетов», который сел на мель и затем лег на бок. На мотоботе было 13 пассажиров и 8 чел. команды.

Авария была 15 августа, о чем прокурор участка Каспийского бассейна Кулиев своевременно получил извещение, но сразу он никаких мер не принял. Несмотря на серьезность

аварии, происшедшей по причине преступно-халатного отношения к делу капитана Насирова, прокуратура до 19 декабря не начинала следствие.

Совещание разработало мероприятия, обеспечивающие в навигацию 1937 г. окончание следствия по делам об авариях в 10-дневный срок и получение в этот же срок технического заключения от начальника пароходства.

В целях сокращения сроков продвижения дел совещание признало своевременным предоставить право прокурору бассейна окончательно разрешать вопрос о направлении дела в суд.

Прокуратуры бассейнов и участков должны вести непримиримую борьбу с нарушениями вестей Наркома № 272 о борьбе с авариями, привлекая к ответственности виновных, не взирая на лица.

В навигацию 1937 г. прокуроры и следователи водного транспорта должны развернуть большевистскую борьбу с авариями. Надо немедленно после аварии приступать к следствию, надо уметь правильно оценивать все материалы при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования, на крупные аварии прокуроры и следователи обязаны выезжать на место. Каждый судебный процесс об аварии должен проходить как процесс, имеющий большое политическое значение. При участии политотделов и профсоюзов широко освещать материалы суда в печати.

В оставшееся время до навигации прокуроры и следователи наряду со сдачей юрминимума должны широко развернуть учебу по вопросам техники водного транспорта.

К 1 мая 1937 г. все прокуроры и следователи обязаны сдать техминимум.

Техническая безграмотность мешает вести борьбу с авариями.

Охрана социалистической собственности, борьба с хищениями и растратами на водном транспорте находятся в неудовлетворительном положении.

По сравнению с 1935 г. мы имеем в 1936 г. снижение хищений и растрат. Однако суммы материального ущерба от этой категории преступлений продолжают оставаться большими и исчисляются миллионами рублей.

Вопросам сохранности перевозимых грузов не уделяется соответствующего внимания. Наркомвод в 1936 г. не вел оперативного учета потерь от хищений и порчи грузов. Под многочисленными случаями так называемых «недостач» грузов зачастую скрывается прямое хищение грузов. Служебное расследование недостаточно полно проводится. Много фактов недостач остается без проверки. Материалы о недостачах не анализируются и складываются в кучу в ожидании предъявления претензии со стороны клиентуры.

Динамику хищений на водном транспорте никто не ведет. Прокуратура бассейнов не проявляла в этой области инициативы и настойчивости. Даже к совещанию были даны прокурорами бассейнов далеко неполные данные. Если прокурор не знает числа хищений, не знает наиболее пораженных хищениями складов, пакгаузов, магазинов и т. п., то он естественно не может организовать борьбу с хищениями. По всем бассейнам за хищения осуждено к лишению свободы в 1935 г. 69,7, а в 1936 г. — 76%.

Вызывает сомнение правильность судебной политики в некоторых бассейнах. По делам

о хищениях в Днепровском бассейне осуждено к исправительно-трудовым работам 49%, а по делам о растратах в большинстве бассейнов применено лишение свободы в отношении 50% всех осужденных. Эти меры наказания не обеспечивают эффективность судебной репрессии.

Прокуратуры — Днепровская, Балтийская, Московско-Окская — не выполняют указаний Главной прокуратуры об обязательном подержании обвинения в суде по делам о растратах и хищениях.

Необходимо отметить как положительное явление в работе прокуратур Северного, Нижневолжского и Азовского бассейнов — созыв широких совещаний счетно-бухгалтерского и ревизорского состава, на которых подвергались обсуждению конкретные мероприятия по борьбе с растратами на основе материалов прокуратуры.

Имели место случаи неосновательного предания суду по закону 7 августа в прокуратурах Аму-Дарьинской, Нижневолжской и Балтийской. Плохо вела расследование и неправильно предавала суду по делам о хищениях и растратах прокуратура Черноморского бассейна. Из общего количества преданных суду 131 чел. осуждены только 88 чел., из них 70 чел. к лишению свободы.

Прокуратура Каспийского бассейна допускает волокиту в расследовании дел о хищениях и растратах.

Дело по обвинению начальника отделения орс Мирзоева о растрате якобы 26 000 руб. начато 6 сентября. С 11 ноября по 25 декабря по делу не было никаких следственных действий, дело лежало без движения у следователя Соловьева.

Дело по обвинению Устинова, продавца магазина, в растрате 1800 руб. Материала по делу находился в прокуратуре в проработке с апреля по август, и только 22 сентября прокурор Кулиев возбуждает уголовное преследование. До 26 ноября проведено 8 допросов. Экспертиза по делу приглашена обвиняемым и за его счет.

Дело о систематическом хищении грузов на лихтере № 4 начато 20 сентября. С 28 октября по 15 ноября дело лежало без движения.

По всем бассейнам в 1936 г. прекращено 16% дел о хищениях и растратах. Этот процент крайне высок и говорит о неосновательности возбуждения некоторых дел.

Более правильно возбуждали уголовное преследование прокуратуры бассейнов Балтийского морского и Северозападного речного (прекращено 3,8%), Восточносибирского (прекращено 4,8%).

Совещание подвергло критике работу прокуратур бассейнов, главорса Наркомвода и трестов Водресторан в области борьбы с хищениями и растратами.

Совещание разработало ряд мероприятий к усилению охраны социалистической собственности на водном транспорте и к улучшению работы прокуратуры в борьбе с хищениями и растратами.

От успешного выполнения плана судоремонта зависит успех подготовки к предстоящей навигации 1937 г. Мы не можем терпеть фактов, имевших место в прошлом году, когда суда, только что вышедшие из ремонта, становились после первого рейса в повторный ремонт, а ряд судов имели аварии в результате недо-

брокачественного ремонта в затонах, мастерских и на заводах.

Вот почему Прокурор Союза т. Вышинский А. Я. еще в октябре 1936 г. указал в специальном письме, что борьба с преступлениями в области судоремонта является важнейшей и боевой задачей прокуратуры водного транспорта. На прокуроров бассейнов и участков возложена ответственность за вскрытие всех фактов недоброкачественного ремонта судов.

Доклады и прения на совещании по этому вопросу показали, что большинство прокуроров не проявляет необходимой оперативности и допускает ничем не оправдываемую медлительность в привлечении к ответственности виновников срыва плана судоремонта. По всем данным судоремонт в этом году проходит не лучше прошлого года.

Прокуроры бассейнов рассказали о многочисленных фактах, подрывающих программу судоремонта. Плохо поставлено дело снабжения материалами.

В Уральском пароходстве особо неблагоприятно обстоит с лесом, что ставит под угрозу судостроение и судоремонт.

В Черноморском пароходстве теплоход Волголес простоял на ремонте в заводе вместо 30—153 суток. Пароход «Ленин» находится на ремонте с 1934 г., и когда будет закончен ремонт — неизвестно. Виновники преступной волокиты в ремонте не наказаны.

В Верхневолжском пароходстве в барак «Зимовка» в затоне им. Карла Маркса температура доходит до минус 4°, барак же грозит обвалом. Прокуратура бассейна до сих пор не привлекла виновных к ответственности.

По Нижневолжскому пароходству прокуратура обнаружила на заводе им. Урицкого 10 случаев недоброкачественного ремонта, на заводе им. Сталина 13 случаев, на заводе III интернационала — 10 случаев. При наличии такого состояния с ремонтом прокуратура бассейна не закончила расследованием ни одного дела.

Прокурор Восточносибирского бассейна т. Якушин не удосужился до сих пор ознакомиться с состоянием судоремонта, он не знает положения в бассейне, он не выявляет преступлений в области судоремонта.

В IV квартале лучше других работала прокуратура Камского бассейна. Она проявила оперативность. Правильно и своевременно возбуждала уголовное преследование. Из 8 уголовных дел, связанных со срывом судоремонта, 3 дела рассмотрены в суде, и по ним вынесены приговоры.

Во всех бассейнах возбуждено 20 дел по судоремонту, а законченных нет, кроме 3 дел по Камскому бассейну. Прокуроры бассейнов участки и следователи затягивают дела и этим снижают эффективность мер судебной репрессии.

В Вознесенском судоремонтном пункте Северо-западного речного пароходства по преступной халатности работников пароходства часть судов была выброшена на берег со значительными повреждениями, а другая часть — 28 паровых судов — находится в затонувшем и полузатонувшем состоянии.

Прокуратура бассейна (т. Григорьев) начала следствие 2 декабря и до конца января дело не было закончено.

Все прокуроры бассейнов плохо используют группы содействия в борьбе с преступлениями в области судоремонта. Активисты прокуратуры не проинструктированы, поэтому от групп содействия мало поступает сигналов о недоброкачественном ремонте.

Прокурор Каспийского бассейна т. Тагалицкий не знает руководителей групп содействия на важнейших судоремонтных заводах, расположенных в Баку.

Пока не поздно, надо всем прокурорам решительно активизировать работу групп содействия. Провести совещания и в дальнейшем поддерживать с активистами прокуратуры постоянную связь.

Главное внимание прокуратуры сосредоточить на крупнейших судоремонтных пунктах и на больших судах.

На совещании выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский. Он обратил особое внимание на исключительную роль прокурора и следователя в проведении сталинской Конституции. Подвергнув критике недостатки в работе прокуратуры водного транспорта, т. Вышинский дал развернутую конкретную программу большевистских действий в борьбе с преступлениями на водном транспорте.

Прокуратура водного транспорта имеет все возможности работать во много раз лучше. Для этого необходимо всемерно повышать политическое развитие, юридическую и техническую квалификацию прокуроров, следователей и секретарей.

Вся наша работа должна быть пронизана большевистской бдительностью, решительной и непримиримой борьбой с врагами партии, с врагами народа.

Высокие требования предъявляет сталинская Конституция каждому прокурору.

Ни на минуту нельзя забывать, что невыявленные еще остатки к.-р. троцкистско-зиновьевской банды и их защитники всеми мерами террора, диверсии, шпионажа, вредительства стремятся подорвать дело великого социалистического строительства и на водном транспорте. Беспощадная борьба с этими злейшими врагами партии и всех трудящихся является первой и главной обязанностью прокуратуры водного транспорта.

Поднимем еще выше революционную бдительность.

Об авторском праве¹

Авторское право, действующее сейчас в РСФСР и других наших союзных республиках, в основных своих частях сложилось из постановлений правительства, изданных 8—9 лет назад. Срок этот, при наших темпах хозяйственного и культурного строительства, далеко не малый. Неудивительно поэтому, что за последнее время все чаще и чаще раздаются голоса, заявляющие о необходимости пересмотра то одного, то другого постановления, касающегося прав автора на созданное им произведение.

В результате образовался целый комплекс больших вопросов, требующих не только освещения их в специальной и общей печати, но и разрешения в законодательном порядке.

Между тем, общего мнения ни по одному из них до сих пор нет.

Первое, бесспорно, место среди этих проблем занимает вопрос, который можно озаглавить — «Быть или не быть авторскому праву на переиздание». (О постановке вопроса в такой резкой форме см., например, заметку т. Семеновского в газ. «Правда» от 29 декабря 1936 г.).

В самом деле, не следует ли принять такой порядок, при котором творческий труд автора оплачивался бы один лишь раз, а не при каждом переиздании труда? Ведь нынешняя система оплаты каждого последующего издания приводит иногда к тому, что отдельные авторы, и притом иногда далеко не лучшие, обращаются в новоявленных рантье, почивают на лаврах и получают ежегодно по многу десятков тысяч рублей (см. ст. т. Лежнева в газ. «Правда» от 15 декабря 1936 г.). С такими чрезмерными доходами, говорят некоторые товарищи, пожалуй, еще можно было бы мириться, но беда в том, что «такая рента, получаемая писателями от переизданий, замедляет темпы творческой работы» (там же).

Попробуем разобраться в фактах, приводимых т. Лежневым.

Фактов этих много, даже очень много, но при всем своем изобилии они однообразны. Тов. Лежнев заимствует их из практики одного лишь издательства — Гослитиздата. Но, как всем известно, это издательство выпускает исключительно произведения художественной литературы (беллетристику). Не станем спорить. Действительно, следовало бы сократить «вакханалию переизданий» в области изящной литературы, и простого повышения установленных для этого рода литературы тиражей (с ныне существующей скромной цифры — 5000 экземпляров до 20—25 тысяч²) плюс более критическое отношение издательства к переиздаваемым ими произведениям было бы вполне достаточно для того, чтобы устранить зло, о котором говорит т. Лежнев.

Мало того, повышением тиражей можно было бы ввести в правильное русло и другой поток переизданий — стабильных учебников, выпускаемых в миллионных тиражах. Об этом роде литературы т. Лежнев в своей статье не

говорит, но и к ней можно отнести многие из его рассуждений.

В прочих же областях литературы, т. е. научной, технической, публицистической, популярной и прочей, проблемы «вакханалии переизданий» вовсе не чувствуются. Перед нами точные статистические сведения по издательствам системы ОГИЗ за период времени 1932—1936 гг. Здесь процент переизданий колеблется по отдельным годам от 8,4 до 15,7%, — процент совершенно незначительный. К тому же вряд ли существуют научные или технические книги, которые при переиздании своем могли бы на много лет обеспечить своего автора ежегодной более или менее значительной рентой.

Еще менее вероятно было бы предположение, что доходы, получаемые автором от переиздания его научной книги, способны «замедлить темпы его творческой работы».

Для урегулирования вопроса о переиздании вовсе не нужно прибегать к таким радикальным мерам, которые рекомендует, например, т. А. Воронов в своей заметке об авторском праве (газ. «Правда» от 14 января 1937 г.). «Произведения писателей, — говорит т. А. Воронов, — должны приобретаться государством в полную собственность»; «оплата должна существовать разная, в зависимости от качества и размеров произведения, но независимо от имени автора».

К чему такой сложный способ? Не проще ли меры, предложенные выше, — соответствующее повышение тиражей? И кто поручится за правильность и непогрешимость оценки качества произведения? В истории издательского дела известны как легкомысленные случаи слишком поспешного воскурения фимиама перед литературными ничтожествами, так и печальные случаи запоздавшего преклонения перед гениями.

Таким образом наш первый вопрос можно разрешить путем изменения закона о тиражах (пост. СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г. с последующими дополнениями и изменениями). Цифры наших тиражей, установленных этим законом, давно уже отжили свой век. За восемь лет мы обогнали его на много десятилетий.

Выше мы уже говорили о пятитысячном тираже для художественной литературы. Несоразмерно малы также цифры 3000 для драматических произведений, 10 000 — для детской литературы и т. д.

Следующий вопрос — наследование.

По действующему закону, лица, унаследовавшие авторское право на литературные произведения, пользуются ими в течение 15 лет, считая с 1 января года смерти наследодателя. Срок этот недостаточен. Но в случае смерти, до истечения этих 15 лет, самого наследника авторское право от него ни, к кому далее не переходит. Между тем, такое положение вещей не всегда справедливо.

Известны случаи, когда по тем или иным причинам из двух или нескольких наследников в правах наследства утверждался лишь один наследник и притом с согласия всех прочих лиц, имеющих право на такое утверждение.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения. — Редакция.

² Примечание. Эта мера уменьшила бы «ренту» сразу в несколько раз.

Родственно-дружеские отношения делали, как казалось им, людям, далеким от тонкостей закона, излишним ввод в наследства всех, когда достаточно только одному из них «по поручению» прочих приобрести права. И этот один, закрепив свои наследственные права, делился доходами, извлекаемыми из унаследованного авторского права, с другими (братьями, сестрами и пр.). Делился честно год — другой, пока сам не умирал, лишив тем самым своих «доверителей» всякой возможности пользоваться этими доходами.

Думается нам, было бы целесообразно в таких случаях призывать к наследованию на оставшийся срок (т. е. до истечения 15 лет по смерти автора) тех лиц, которые к моменту смерти автора входили в круг его законных наследников, но в свое время не позаботились об оформлении принадлежащих им прав.

Проблемой крупного принципиального значения является вопрос о пределах обязанностей издательства, заключивших с авторами издательский договор.

«Издательским договором, — гласит ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г., — признается договор, в силу которого автор уступает на определенный срок исключительное право на издание произведения, облеченного в объективную форму, а издатель обязывается издать и принять все зависящие от него меры к распространению этого произведения».

В судебной практике не раз возникало недоумение по поводу второй части приведенной статьи закона. Обязано ли издательство печатать работу или ему можно предоставить возможность воздержаться от печатания, ограничившись уплатой автору гонорара по договору.

В большинстве случаев суды обязанности печатания на издательство не возлагают. Изредка, правда, попытки такие наблюдаются, но за отсутствием реальных возможностей приведения такого решения в исполнение эти попытки обращаются в простые декларации, лишённые реального юридического содержания. Очевидно, при пересмотре авторских законов придется от второй части ст. 17 отказаться, изменив самое определение издательского договора.

Во взаимоотношениях между автором стихотворного произведения и композитором, переложившим стихотворение на музыку (песни), до сих пор царит порядок, который вряд ли

можно признать нормальным. Ст. 9, п. «3» постановления ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. устанавливает, что «не считается нарушением авторского права использование композитором для музыкального произведения текста, заимствованного из чужого литературного произведения, при отсутствии на это запрещения, объявленного автором последнего на каждом экземпляре произведения».

По прочно укоренившемуся обыкновению ни один автор у нас о таком запрещении никогда нигде не объявляет. В результате композитор извлекает доходы из обработанных им для музыки стихотворных произведений единолично. Было бы правильнее признать здесь наличие соавторства со всеми вытекающими отсюда последствиями (ст. 5 пост. ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г.).

К числу острых вопросов авторского права надлежит отнести также проблему ответственности автора, по неосторожности причинившего убытки издательству, напечатавшему представленное им недоброкачественное произведение (невнимательное отношение к выбору и просмотру иллюстраций, приложенных автором к тексту, использование при составлении труда непроверенных материалов, устаревших статистических данных и т. п., вследствие чего получился производственный брак).

По действующему закону, потерпевшее убытки издательство взыскать с такого автора-бракодела ничего не может.

В соответствии с общим смыслом трудовых законов (ст. 83 и сл. Кодекса законов о труде) нужно было бы твердо установить принцип имущественной ответственности автора в указанных случаях, ограничив размер такой ответственности определенными пределами (20—25% с суммы гонорара по данному договору).

Приведенным перечнем, разумеется, не исчерпывается весь круг недоуменных вопросов в действующем авторском праве. При предстоящем пересмотре авторского права в связи с составлением, согласно Конституции, проекта всесоюзного гражданского кодекса необходима осторожная и вдумчивая кодификация. Из существующих узаконений по авторскому праву многое настолько стабилизировалось и так прочно вошло в жизнь, что ни в каких изменениях не нуждается. Кое-что придется вовсе отбросить как совершенно ненужное, а на все наиболее важные вопросы, надеемся, будут даны в законодательном порядке окончательные и исчерпывающие ответы.

Дуэль А. С. Пушкина и царский суд

В обширной литературе о дуэли Пушкина с Геккереном-Дантесом совершенно не имеется таких работ, которые знакомили бы читателя с правой стороной судебного дела об этой дуэли.

Объяснение полному молчанию криминалистов и отсутствию всякой критики и оценки постановленного военным судом приговора об участниках дуэли лежит в значительной степени в цензурных условиях того времени. Такое объяснение тем более правильно, что судебное дело о дуэли было начато производством по повелению «самого» Николая I. Процесс происходил в условиях полной безгласности. В производстве оказалось немало бумаг с пометкою «секретно», и все дело закончилось собственноручной конфирмацией приговора царем.

Дуэль Пушкина была не только его поединком с Геккереном. Она была схваткой двух миров, двух политических и общественных течений: демократии с придворной аристократией, радикализма с крепостничеством, свободы с деспотизмом — с гнетом николаевщины.

По справедливому словам П. Е. Щеголева, «убийца был не один, убийцей был целый коллектив, члены которого были объединены и спаяны общим пороком. В этом патологическом коллективе один играл роль руководителя, другие — исполнителей»¹. Так же расценивали убийство Пушкина и его современники из числа представителей передовой интеллигенции. Так, Андрей Карамзин, сын историка, в письме из Парижа писал своей матери о смерти Пушкина: «Поздравьте от меня петербургское общество — оно сработало славное дело. Пошлыми сплетнями, низкой завистью к гению и к красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке... «То, что пишет мне сестра о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостинной аристократии (чорт знает как эту сволочь назвать), меня ни мало не удивило: оно выдержало свой характер. Убийца бранит свою жертву, и это в порядке вещей...»². Пушкин был убит, но с его смертью борьба противоположных политических течений не закончилась. Дело об его дуэли было одним из эпизодов этой борьбы и не могло не отразить на себе соотношения борющихся сил.

Правительство боялось и мертвого Пушкина. Волнение и негодование, вызванные убийством Пушкина в широких народных массах, были огромны. Тысячи народа шли в квартиру поэта проститься с его прахом. До администрации доходили слухи о возможности демонстраций при переносе тела. Поэтому в ночь перед выносом гроба из квартиры туда явились жандармы и сыщики; друзья Пушкина были вынуждены перенести в полуночной темноте гроб вместо Исаакиевского собора в Конюшенную церковь. В церковь была впущена по особым билетам та аристократия, о которой уже цитированный мною Карамзин писал: «выгнать бы их и впустить рыдающую толпу, и народ-

ная душа Пушкина улыбнулась бы свыше...» После отпевания гроб с останками поэта был спущен в подвал на церковном дворе, откуда в ночь с 3 на 4 февраля был увезен под охраной жандарма в Святогорский монастырь Псковской губернии.

Негодование в народе объяснялось не только любовью к великому народному поэту, но и условиями политического характера. Убийца поэта оказался один из тех аристократов, в лицо которым, под живым впечатлением смерти Пушкина, бросал свое пламенное обвинение другой великий русский поэт Лермонтов:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных от-
цов,

Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов.
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи.
Таитесь вы под сению закона.

Пред вами суд и правда — все молчи...

В этой беспощадной оценке политической и правовой системы царской николаевской России Лермонтов был выразителем настроения всего передового общественного мнения России того времени.

Общественное мнение предвидело, что высокопоставленным убийцам Пушкина сойдет безнаказанно их преступление. Оно это предвидело и волновалось... С этой точки зрения интересны два анонимных письма, впервые опубликованные лишь в 1922 г. Они найдены в архиве третьего отделения «собственной его величества канцелярии».

Одно из этих писем адресовано поэту Жуковскому. Оно имеет штампель Петербургской городской почты от 30 января 1837 г., т. е. было отправлено на следующий же день после смерти поэта. В письме анонимный автор писал: «Неужели после сего происшествя может быть терпим у нас не только Дантес, но и презренный Геккерен?»¹. Автор письма спрашивает, неужели преступление Дантеса останется безнаказанным.

Второе письмо этого же автора было отправлено им графу Орлову, когда по Петербургу распространились неверные сведения, что Геккерен-Дантес уже осужден и приговорен лишь к «лишению всех званий и ссылке на вечные времена в дальние гарнизоны» солдатом. Этот приговор, по словам автора, «не может удовлетворить русских за злоумышленно обдуманное убийство Пушкина...». Письмо заканчивается аккордом чисто политического содержания с указанием на то, что «увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть, врученная недостойным

¹ Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Предисловием Цявловского. Москва, 1936, стр. 324.

² Гросман, Карьера Дантеса. Москва, 1935, стр. 6.

¹ Здесь имеется в виду усыновитель Дантеса, посланник Нидерландского двора, барон Геккерен, сыгравший, как известно, позорную роль в отношениях между женою Пушкина и Дантесом. Сам Пушкин в своем письме к нему называл его сводником и сравнивал со старой развратницей (см. Фон-Кауфман, Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном, 1900, стр. 56).

лицам, стоя исцел — все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и в самом народе.

Для отыскания анонимного автора этих писем третье отделение и тот самый шеф жандармов Бенкендорф, которому была вручена «неограниченная власть» и от которого непрерывно страдал Пушкин, предприняли более энергичные поиски, чем для розыска автора анонимного пасквиля, сыгравшего роковую роль в дуэли Пушкина.

В то самое время, когда жандармская тройка мчала ящик с гробом Пушкина по ухабам, а в аристократических гостиных трепали имя поэта, шло спешное приготвление к комедии военного суда над участниками дуэли, оставшимися в живых. Вместе с тем, готовилось гнуснейшее поругание памяти убитого поэта.

Как было мною указано выше, процесс о дуэли Пушкина не стал предметом гласности. Все дело было запрятано в подвалы архива военного министерства и только через 63 года увидело свет. В 1900 г. Кауфман издал это дело и притом, как указывается в предисловии к изданию, — в полном объеме, с дословною точностью и сохранением подлинного правописания.

Следует предполагать, что подлинное военное-судное дело будет доставлено на Пушкинскую юбилейную выставку, и тогда представится возможность сличения печатного издания с оригиналом.

Кауфман не дал описания внешней стороны дела, ограничившись только указанием, что все дело состоит из трех производств:

- 1) канцелярии аудиторского департамента о предании военному суду поручика Кавалергардского полка барона Геккерена,
- 2) военно-судной комиссии, учрежденной при Лейб-гвардии конном полку,
- 3) переписки аудиторского департамента и определения генерал-аудиториата.

Все производства сохранились в порядке и целости, за исключением двух кем-то изъятых листов (листы 67 и 68), на которых было изложено показание секунданта Пушкина Данзаса, данное им комиссии военного суда в заседании 10 февраля 1837 г.

Подлинное показание Данзаса, впрочем, было найдено в архиве морского министерства. Сообщение об этой находке было опубликовано Протасьевой в 1920 г. в журнале «Дела и дни». Возникло предположение, не являются ли эти листы теми, которые были изъяты из дела о дуэли Пушкина. Но исследование этих листов доказало неправильность такого предположения. Несмотря на глубочайший интерес, который пробуждает к себе это военно-судное дело о дуэли Пушкина с Дантесом, юридическая мысль обошла его полным молчанием и после опубликования материалов производства. Но после Октябрьской революции раскрыты тайны всех архивов царского правительства, и разъяснились и уточнились различные обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие ее. Достаточно в виде примера указать, что только после нахождения в архиве третьего отделения подлинника пасквиля с присуждением А. С. Пушкину звания рогоносца представилась возможность при помощи методов научной графологической экспертизы обнаружить анонимного автора этого пасквиля. В 1927 г., по поручению Щеголева, судебный эксперт Ленинградского уголовного розыска Сальков с точностью уста-

новил, что автором пасквиля был один из представителей родовой аристократии, князь Долгоруков Петр Владимирович¹.

Казалось бы, что по вопросу исторической важности правительство Николая I и военное ведомство должны были мобилизовать свои лучшие юридические силы и проявить максимум внимания и осторожности. Ничего этого не произошло в действительности, и для правительства и не требовалось. Царь хотел лишь скорейшего завершения этого процесса. Предпосылалось «дело сие кончить сколь возможно поспешнее».

Во всех трех указанных производствах подлинного военно-судного дела о дуэли Пушкина 234 пронумерованных и прошнурованных листов.

Помещенная в самом начале всего дела опись бумаг дает общее представление об его содержании и объеме отдельных его частей. Я воспроизвожу эту опись здесь полностью (см. таблицу на 81 стр.).

Для полноты ознакомления с подлинным делом о дуэли Пушкина необходимо напомнить, хотя бы в основных чертах, существовавшее тогда уголовно-процессуальное и материальное военное законодательство.

Военный суд осуществлялся так называемыми «комиссиями военного суда», созываемыми при полках по каждому делу. Все члены этой комиссии были из числа военных в составе председателя — «презуса» и шести членов — «ассесоров». При комиссии состоял так называемый «аудитор», который до известной степени совмещал в своем лице обязанности делопроизводителя, секретаря и прокурора. Подготовка этих аудиторов была очень невысокая: в 1817 г. для образования кадра этих сотрудников военного суда было отобрано из числа кантонистов сто человек. Они получали звание аудиторов по выдержании особого испытания. С 1833 г. было открыто в Петербурге аудиторское училище.

Порядок рассмотрения дел в комиссиях военного суда (это была первая инстанция) был, как и в общегражданском уголовном процессе, письменный, с отобранием от вызванных в суд обвиняемых письменных ответов на поставленные им «вопросные пункты».

Аудитор составлял для суда выписку из относящихся, по его мнению, к делу законов.

Постановленный приговор, носивший название «сентенции», поступал из комиссии военного суда на вторичное рассмотрение в порядке ревизии в генерал-аудиториат, независимо от принесения или непринесения жалоб. Сюда препровождалось все производство комиссии военного суда и так называемые «мнения» различных чинов высшего командования (командиры полковой, бригадный, дивизионный, корпусной).

Постановление генерал-аудиториата считалось окончательным лишь по делам нижних чинов, а по прочим делам его определения представлялись через военного министра на «высочайшее усмотрение». С 1833 г. генерал-аудиториат получил расширение права ходатайствовать о смягчении участи осужденных и излагать в докладах свое заключение о степени снисхождения².

¹ Щеголев, ук. соч., стр. 325.

² См. подробнее «Столетие военного министерства», т. XII, книга 1-я, часть 2-я.

№	Означеніе бумаг	Насколь- ких листах
1	Отношеніе командующаго Отдельным Гвардейским Корпусом от 11-го марта 1837-го, за № 307—Ом, на	1
	Мненіе	
2	Командира Кавалергардскаго ея величества полка, 27 февраля 1837-го, на	2
3	Командующаго 1-ю Гвардейскою кирасирскою бригадою, от 20-го февраля, на	1
4	Начальника Гвардейской Кирасирской дивизіи, от 3-го марта, на	2
5	Командира Гвардейскаго Резервнаго кавалерійскаго корпуса от 6-го марта, за № 1202-м, на	2
6	Командующаго Отдельным Гвардейским корпусом, от 11-го марта, за № 308-м, на	2
7	Военно-судное о подсудимых Де-Геккерена и Данзаса дело на	116
8	Выписка, составленная из дела в Комиссіи Военнаго Суда с сентенціею	21
9	Записка о мере прикосновенности к сему делу иностранных лиц на	2
10	Дело по канцеляріи Аудиторскаго департамента о предании поручика Де-Геккерена военному суду на	4
11	Записка начальника штаба Отдельнаго Гвардейскаго корпуса от 11-го марта № 1912 на	1
12	Отпуск с отношенія Аудиторскаго департамента в придворную контору от 16-го марта за № 880-м на	1
13	Отношеніе придворной конторы от 16-го марта № 1355	1
14	Выписка, составленная в Аудиторском департаменте из военно-суднаго о Геккерена дела	35
15	Определеніе генерал-аудиториата, последовавшее 16-го марта 1837 года	7
16	Записка генерала-аудитора с представленіем доклада от 17-го марта	1
17	Записка о мере прикосновенности иностранных лиц по делу Геккерена от 15-го марта	2
	Формулярные списки	
	Кавалергардскаго ея величества полка поручика барона Де-Геккерена на	4
18	Полевого инженер-полковника Данзаса	8
19	Записки военнаго министра от 18-го марта на	1
20	Отпуск с отношенія военнаго министра командующему Отдельным Гвардейским корпусом от 11-го марта 1837 г. за № 932-м	9
21	Таковій же от департамента дежурному генералу главнаго штаба того же числа № 933	3
22	С рапорта военнаго министра в правительствующій сенат от 19-го марта № 952	2
23	Отношеніе начальника штаба Отдельнаго Гвардейскаго корпуса от 19-го марта № 2171	1
24	Высочайшій приказ, состоявшійся в 20-й день марта 1837 года	1
25	Отпуск с записки генерал-аудитора директору канцеляріи военнаго министерства от 30 апреля за № 1514-м на	1

Столоначальник Иванов

Помощник столоначальника Иванов

В частности на утверждение царя поступали приговоры о лишении дворянства, чинов, ордеров и к наказаниям в размере большем, чем указано в законе.

Исполнительным органом при генерал-аудиториате был аудиторский департамент.

Военно-уголовными законами того времени являлись: «Воинский устав 1716 г.», «Устав полевого производства» и «Полевое уголовное уложение» 1912 г. Но военные судьи были обязаны руководиться также многими указами и общими законами, как, например, «Уложениями Алексея Михайловича», «Генеральным регламентом», «Сводом законов» 1832 г., «Дворянской грамотой» и др.

Разбор дел в военных судах происходил, конечно, быстрее, чем в общих судах, но волочита так крепко срослась со всяким судом царской России, что на завершение процесса

о дуэли Пушкина потребовалось полтора месяца. Из этого срока время с 3 по 19 февраля ушло на рассмотрение дела в первой инстанции военного суда (комиссия военного суда). Затем в период после приговора и до 11 марта собирались «мнения» от пяти генералов о постановленном приговоре. Во второй инстанции (генерал-аудиториат) дело находилось с 11 по 18 марта, когда последовала конфирмация приговора царем.

В комиссии военного суда было 13 заседаний, т. е. они происходили, за исключением четырех дней, ежедневно. Местом заседаний комиссии была квартира председателя комиссии полковника Бреверна в казармах полка.

Исключительно благожелательное отношение к убийце Дантесу сказалось с первых же дней процесса. Он был оставлен лишь под домашним арестом. Вместо доставки Дантеса в засе-

дание суда на 5 февраля, как это постановила комиссия, командир полка ограничивается отпиской, что подсудимый, «по случаю раны, им полученной на дуэли, живет у себя на квартире». Из приложенного же свидетельства врача было видно, что полученная Дантесом-Геккереном рана была несерьезная, что «больной может ходить по комнате, разговаривает свободно, ясно и удолетворительно». «Вообще же он кажется в хорошем и надежном к выздоровлению состоянии». Несмотря на такое очень определенное сообщение врача, военный суд не решает беспокоить обвиняемого личной явкой в суд и сам направляется к нему на квартиру для снятия с него допроса через двух своих ассессоров... Такое предупредительно внимательное отношение суда к обвиняемому тем более бросается в глаза, что подсудимый был человек военный.

Очень интересно и показательно заключение врача при освидетельствовании подсудимого 8 февраля. Врач находил возможным перевод обвиняемого на гауптвахту, но при условии, чтобы это была «особая сухая и теплая комната, которая бы следовательно ничем не отличалась существенно в отношении к его здоровью от занимаемой им теперь квартиры»... Нельзя не признать, что заботы военного врача о легко раненом и уже выздоровевшем кавалергарде заходили очень далеко, когда он даже требовал, чтобы подсудимому была отведена комната, сходная с теми апартаментами, которые занимал посланник, барон Геккерен.

Комиссия военного суда, с одной стороны, выясняла поводы к дуэли, а с другой — интересовалась самой дуэлью. Но первый из названных вопросов был выяснен ею очень поверхностно. Секундант Пушкина, Данзас, говорил об анонимных письмах, полученных Пушкиным, и об оскорбительных для чести жены его слухах. Со своей стороны Геккерен на поставленный ему вопрос, не известно ли ему, кто автор анонимных писем Пушкину, отвечал незнанием. Несмотря на показание Данзаса, что Пушкин считал автором анонимного письма посланника Нидерландского двора барона Геккерена, суд удовлетворился ответом обвиняемого Геккерена-Дантеса, что он не знает автора этого письма. Никаких мер к дальнейшему выяснению этого вопроса суд не предпринял. В сентенции, или приговоре, суда первой инстанции совершенно не упоминается об анонимных письмах, но подробно излагается чрезвычайно резкое оскорбительное письмо Пушкина к посланнику Геккерену.

В окончательном же приговоре второй инстанции это письмо барону Геккерену прямо было поставлено в вину Пушкину, и в резолютивной части определения генерал-аудиториата «преступный поступок» состоял, по мнению суда, с одной стороны, в «написании дерзкого письма к министру Нидерландского двора», а с другой — «в согласии принять предложенный ему незаконный вызов на дуэль».

Но приговоры обеих инстанций военного суда, и особенно первой, заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее.

Из дела не видно, когда царь повелел судить участников дуэли, и в том числе Пушкина, военным судом. Во всяком случае следует подчеркнуть, что царь, вполне осведомленный о безнадежном положении умирающего поэта, успел отдать военному министру это повеление о военном суде. Уже 29 января (день смерти

А. С. Пушкина) военный министр передал это повеление командующему гвардейским корпусом. Этот последний секретной бумагой от 30 января предписал начать следствие. О смерти Пушкина уже было известно, и потому приказ о суде над ним не мог быть выполнен. Тем не менее секретный приказ требовал от суда «юсдику же известно, что камергер Пушкин умер, то следует объяснить только в приговоре суда, к какому бы он за поступки его наказанию по законам подлежал».

Этот приказ о наказании уже мертвому поэту, был в точности выполнен обеими инстанциями суда, но вынесенные ими определения наказаний были не одинаковы.

При определении наказания суд первой инстанции и генералы, представившие свои «мнения» о постановленном приговоре, совершили (может быть, из «усердия») грубейшее нарушение уголовного закона. Ко всем участникам дуэли, и в том числе к Пушкину, был применен текст 139 и 140 артикулы «Воинского устава» 1716 г., и в качестве наказания для всех них было определено повешение. Суд, находя «виновными как барона Геккерена-Дантеса, так и камергера Пушкина в произведении строжайше запрещенного законами поединка...», «приговорил подсудимого поручика Геккерена-Дантеса повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертью прекратить».

Ссылка приговора на 139 и 140 артикулы Военного сухопутного устава 1716 г. имела значение лишь в отношении диспозитивной части этих артикулов о запрете дуэли, но ни в каком случае не в отношении репрессии, которая, за отменой смертной казни, еще при Елизавете должна была быть определена по статьям 352 и 354 Свода законов, том XV, изд. 1832 г. Эти статьи, источником которых был манифест от 1787 г. о поединках, фактически отменяли постановления названных артикулов.

Может быть, этот незаконный приговор к повешению, вынесенный судьями крамольному поэту после его смерти, доставил злорадное чувство удовлетворения его врагам...

Не будь приказа свыше определить наказание, какому Пушкин подлежал, если бы остался живым, то этот суд, на точном основании того же 139 артикула, должен был бы присудить труп Пушкина к повешению за ноги. Этого требовал названный артикул, текст которого воспроизведен в деле полностью.

Интересно проследить отношение к приговору комиссии военного суда, выразившееся в так называемых «мнениях» запрошенных генералов. Каждый из них старался превзойти другого в смягчении наказания для оставшихся в живых участников дуэли. Никто из них не шел далее требования заключения Геккерена-Дантеса на шесть месяцев в крепость с лишением дворянства и разжалованием в солдаты. При этом полковой командир, высказавшийся первым, предлагал определить рядовым в дальние гарнизоны Сибири, второй — на Кавказ, третий — просто предлагал разжаловать в рядовые, лишив чинов и дворянства. Четвертый генерал, командир корпуса, пошел еще далее: не говоря ни о лишении дворянства, ни о побое, он предлагал разжаловать Геккерена в рядовые с выслугой.

Смягчающие вину обстоятельства для убийцы Пушкина генералы видели в молодости

убийцы, в том, что он вступался за честь отца или, совсем не мотивируя смягчения, указывали лишь на «высочайшее милосердие».

Никто из этих генералов не касался вопроса о смягчении наказания, определенного убитому поэту.

Окончательное определение второй судебной инстанции признало поручика Геккерена виновным в нанесении Пушкину смертельной раны. Суд на основании 139 артикула и Свода законов, том XV, статья 352, приговорил Геккерена-Дантеса к лишению дворянства, чинов и к разжалованию в рядовые. Вместе с тем генерал-аудиториат определил такое же наказание Пушкину «за преступный поступок его», выразившийся в написании дерзкого письма посланнику Геккерену и в принятии вызова на дуэль. Но за смертью Пушкина суд «предавал» эти преступные проступки «забвению».

Вынесенный Геккерену-Дантесу приговор ни в какой степени не отвечал содержанию той статьи 352 Свода законов том XV, на которую он ссылается. Эта статья требует за убийство на поединке такого же наказания, которое полагается за умышленное убийство. По статье же 332 того же Свода виновный в умышленном убийстве подлежит «лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работе». Поскольку обвиняемые из дворянского сословия были освобождены от телесных наказаний, убийца Пушкина подлежал лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы. Таким образом ссылка генерал-аудиториата на ст. 352 лишена всякого практического значения, и

наказание убийце не стояло ни в каком соответствии с требованием статьи 352.

Во всяком случае безоговорочное определение генерал-аудиториата — «преступный поступок Пушкина, подлежащего равному с подсудимым Геккереном наказанию» — неправильно уже потому, что Пушкин, не будучи офицером, не мог быть разжалован в солдаты.

Царь, утвердив определение генерал-аудиториата, повелел вместо службы в солдатах, выслать рядового Геккерена за границу.

Определение генерал-аудиториата, подписанное восемью генералами, говоря о преступных поступках Пушкина и уравнивая наказания для убийцы и убитого, прикрывало гнусность этого суда над мертвым поэтом пышной фразой о предании преступлений Пушкина за его смертью забвению. Правительство хотело бы предать забвению все дело о дуэли Пушкина с Геккереном-Дантесом. Этого не случилось.

Пришли новые дни — дни суда над судьями Пушкина, над палачами «свободы, гения и славы». Сбылись слова Лермонтова:

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,

И

Тогда напрасно вы прибегнете к зло-
словью;

Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью

Поэта праведную кровь.

В. ТРАХТЕРОВ

Кастрация и стерилизация¹

Законом 24 ноября 1933 г. в «III империи» была введена кастрация (оскопление) преступников против половой нравственности. По инициативе же германских фашистов в программу «XI международного конгресса по уголовному праву и пенитенциарии» включен был вопрос: «в каких случаях следует применять кастрацию в современной карательной системе?» И конгресс, собравшийся осенью 1935 г. в Берлине, постановил рекомендовать мероприятие, тяжело калечащее человека физически и морально.

Область применения кастрации при этом должна быть чрезвычайно широка. В докладах речь идет не только об особо-опасных преступниках, не только о том широком круге, который предусмотрен ст. 42 фашистского закона «об опасных привычных преступниках», но и о таких формах, как гомосексуализм и даже невиннейший эксгибиционизм².

¹ По материалам XI международного конгресса по уголовному праву и пенитенциарии.

² Помимо кастрации, применяемой в принудительном порядке, она рекомендуется в резолюции конгресса и «при настоянии или с согласия лица», имеющего «склонность» к совершению половых преступлений. Но добровольность эта мнимая. В самом деле, в ряде случаев на них напускает и «комментарий», приложенный к тексту данного вопроса и указывающий, что эта мера «может эвентуально заменить лишение свободы» — согласие подвергнуться кастрации есть условие для того, чтобы избежать интернирования или условия для получения досрочного освобождения: какая же

Но мало того, кастрация оказывается средством против всех преступлений: «Даже имущественные преступления, совершенные многими преступниками против нравственности до кастрации, прекратились затем после кастрации в большинстве случаев». В этом утверждении фашистов не только «убедительный» довод в пользу кастрации, удар по колеблющимся, но и прямой призыв применять тяжкое телесное наказание и за имущественные преступления.

Все эти случаи далеко еще не заполняют области применения кастрации: кроме «слов», имеются и «дела» германских фашистов. В «руководящих кругах» признаны «образцовыми» заключения «Баварского криминально-биологического пункта» в Мюнхене. Вот, к примеру, одно из них: «Испытуемый (учитель школы для девочек) совершил преступления, предусмотренные п. 3 § 176 и п. 1 § 174. Нет сомнения, что согласно п. «к» § 42 нового закона... предпосылка для кастрации налично. Но... в отличие от других преступников против нравственности... испытуемый показал себя таким товарищем по народу, каких мы себе только желаем... он после войны добровольно

здесь добровольность? Или возьмем другие еще более разительные случаи: «Есть заключенные, которые заявляют о намерении подвергнуться операции не столько из опасения дальнейших рецидивов, сколько для того, чтобы на короткое время выйти из тюрьмы». И здесь не добровольность, а лишь яркое свидетельство о страшном режиме фашистских застенков.

участвовал в гражданской войне против изменников народа и отечества, прилагал затем старания в своей педагогической деятельности (sic!), а не «выжидал», как очень многие другие». На этом основании эксперт высказывает ся против кастрации.

Это заключение представляет интерес с различных точек зрения. Прежде всего, как новая иллюстрация к тому, что «в толщу национал-социалистической партии все более внедряются уголовные элементы»¹ — растлители, изнасилватели в роли педагогов. Затем как образец услуг, которые оказываются классовой юстицией не только верхушке национал-социалистической партии, но и второстепенным фашистам — участникам гражданской войны против рабочего класса. Наконец, если кастрация не применяется, несмотря на наличие законных предпосылок к ней, то зато, наоборот, она превращается без всяких законных оснований в террористическое средство расправы фашизма с революционным пролетариатом.

Стерилизация (обесплодение) «неполноценных» мужчин и женщин введена была в Германии законом 14 июля 1933 г. и, как известно, вскоре получила там широчайшее применение. Вопрос, поставленный германскими фашистами пред XI конгрессом гласил: «в каких случаях следует применять стерилизацию в современной карательной системе». И конгресс ответил: «Принудительная стерилизация по показателям евгенического порядка рекомендуется в качестве меры предупреждения ввиду того, что она уменьшит в будущем количество ненормальных лиц, из которых рекрутируется значительное число преступников».

Судя по германской практике и даже по одной этой формуле, «показателей евгенического порядка» великое множество.

Но даже на конгрессе, проходившем при чрезвычайной активности германского фашизма, невозможно было скрыть ту научную истину, что по отношению к большинству «показателей» законы наследственной передачи болезненных свойств, патологических «ген» слишком еще шатки и недостоверны. «Можно ли уже в настоящее время установить с уверенностью законы болезненной наследственности»; «наша неосведомленность в этой деликатной области слишком велика... нельзя вводить... столь тяжкие меры безопасности, раз у врачей не может быть единодушия относительно их целесообразности» и т. п.

Любопытно все же ознакомиться с «теоретическими» доводами, с последним словом фашистской науки в пользу применения стерилизации. Такая форма «неполноценности», как слабоумие, «вероятно, наследственно»; хотя относительно наследственной передачи всех других форм неполноценности «известно слишком мало», но ведь есть уже некоторые исследования, открывающие «многообещающую перспективу».

Святейшая инквизиция тоже считала лишь «вероятной» связь ее жертв с дьяволом и сжигала их в таких же массах, в каких современные варвары подвергают «неполноценных» стерилизации...

Политическое значение стерилизации сравнительно с кастрацией еще более глубокое.

Политическую заостренность имеет уже идеологическое обоснование применения этой меры — биологизация преступности, попытка установления связи аномалий с преступлениями. Ведь к вопросу о биологизации общественных явлений можно применить слова Ленина, что «такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы»².

Политическую заостренность стерилизации за тем можно усмотреть в том, например, указании инструкции к фашистскому закону, что лица, инплатившие за содержание в лечебнице, стерилизации не подлежат: только неимущие, только эксплуатируемые массы становятся ее жертвами...

Но особенно важно подчеркнуть следующее. Применение меры принудительного характера не за преступление, а за «неполноценность», отсутствие часто демаркационной линии, отграничивающей «неполноценных» от «полноценных», полная необоснованность предпосылок евгенического порядка для большинства случаев, культивирование расовой теории, сближающей наследственно неполноценных преступников и борцов за дело рабочего класса, неукротимая потребность во все новых наследственных мероприятиях, ибо «главное в фашизме — это его открытое наступление на рабочий класс всеми методами принуждения и насилия, — это гражданская война против трудящихся»³, вот комплекс условий, который неизбежно будет открывать все пути, все шлюзы для злоупотреблений в определенном направлении. «Стерилизация превращена в средство политической борьбы», — говорил т. Димитров на VII конгрессе Коминтерна.

Это значение фашистской стерилизации начинают, наконец-то, понимать и разоблачать даже отдельные буржуазные криминалисты из более умеренного лагеря. Очень резко протестует против принудительной стерилизации Y. W. Sliwowski. «Задачей научных конгрессов не является оказание политической услуги правительству страны, где конгресс происходит». «Научная истина оказалась на последнем месте просто потому, что она была немцам невыгодна». «Было бы чрезвычайно желательно, чтобы будущий конгресс занялся этим вопросом в более научной и объективной обстановке».

Впрочем, другие соотечественники польского автора думают несколько иначе: W. Grzywo Dabrowki выступает с предложением о применении стерилизации в широчайшем объеме также и к лицу, которое «вследствие своего болезненного состояния не сможет воспитывать своих детей»; польское «евгеническое общество» спешит представить в сейм проект закона о принудительной стерилизации, составленный в духе германского фашистского законодательства и реакционнейшей резолюции последнего международного конгресса.

¹ Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, стр. 75.

² Ленин, т. XXI, стр. 375.
³ Мануильский, Компартия и кризис капитализма, доклад на XI пленуме ИККИ.

Вместо фельетона

Трудно себе представить пределы человеческого многословия. В устах опытного болтуна самый простой, самый примитивный жизненный факт может обрести такой неудержимой порослью всяческих посторонних сообщений, приводящих обстоятельство, смежных происшествий и общих сентенций, что когда слушаешь такого говоруна, страшно становится за судьбу самого факта.

Ну, к примеру, самая тривиальная карманная кража, совершенная в трамвае каким-нибудь гражданином Ивановым у гражданина Петрова в присутствии гражданина Сидорова, изпод пера болтливого следователя может выйти в таком, например, фантастически-роскошном виде:

«Во время переезда свидетеля Сидорова на службу, на которой он работает в течение восьми лет, не имея ни одного взыскания, а наоборот, получил даже в премию патефон и коричневые ботинки на резиновом ходу (лист дела 195), в трамвае было значительное количество пассажиров, ехавших по разным общественным, хозяйственным и по другим неизвестным свидетелю Сидорову делам (лист дела 454), в результате чего имели место некоторая теснота и другие затруднения для граждан, как-то отрывание пуговиц и нажимание на чужие мозоли (лист дела 639). В это именно время обвиняемый Иванов, сделав рукой по направлению снизу немножко вверх (лист дела 18), а затем чуть-чуть вперед (л. д. 574) вошел в непосредственное соприкосновение с кошельком потерпевшего Петрова, который, по словам свидетеля Сидорова, произвел на него впечатление человека, имеющего 42 года от роду, несудимого, неимущего, по всей вероятности женатого (л. д. 272), хотя, как утверждает свидетель Сидоров в другом своем показании (л. д. 934-об), вполне возможно, что потерпевший Петров является человеком холостым»...

«Если у тебя есть фонтан, заткни его, — дай отдохнуть и фонтану, — выразился небезызвестный Козьма Прутков по поводу такого рода болезненных проявлений словесного недержания.

Но нужно прямо сказать. Все мыслимые шедевры многословия, все патентованные образцы трескучей болтливости превзошел старший следователь Одесской прокуратуры т. Лещинский, обвинительное заключение которого демонстрировал недавно А. Я. Вышинский на конференции начальников следственных отделов.

На долю т. Лещинского выпало произвести расследование очень серьезного дела. В один из совхозов Одесской области проникла шайка прохвостов. В течение довольно длительного времени некто Миронюк, устроившийся директором этого совхоза, вместе со своими сподвижниками Авербухом, Юргелайтисом и другими разворовывали государственные добро, жульничали, спекулировали, издевались над рабочими и т. д. Целый комплекс больших и малых отвратительных проделок самого низкого контрреволюционного пошиба был выявлен в процессе следствия по этому делу.

Перед следователем, который, судя по обвинительному заключению, собрал в этом деле большой обличительный материал, стояла задача — на конкретных, убедительных и неоспоримых фактах показать преступную работу этой компании. А так как фактов оказалось много, то особенно важно было эти факты систематизировать, показать последовательность событий, показать взаимосвязь явлений и людей, точно определить время и место действия и т. д.

Но для того, чтобы это сделать, для того, чтобы обвинительное заключение, — этот важнейший синтетический акт, венчающий собою весь процесс следствия, — получилось убедительным, чтобы оно звучало так же полнозвучно, как звучат отраженные в нем факты, нужно... нужно, по крайней мере, добросовестно над ним поработать...

Мы не можем, к сожалению, воспроизвести всего обвинительного заключения т. Лещинского ввиду прямо-таки угрожающего его размера. На страницах этого журнала оно должно было бы занять по крайней мере два печатных листа... Но достаточно будет привести только две-три выдержки из этого уникального произведения, чтобы читатель составил себе ясное представление, что это за документ.

Итак, дорогой читатель, набери в свои легкие побольше воздуха и попробуй прочесть, не переводя дыхания, хотя бы нижеследующий абзац:

«В беседе с Миронюком (директором) Авербух (кладовщик) стал советоваться как ему поступить и получил распоряжение от Миронюка о том, чтобы неоприходованную муку и смушковые шкурки выкрасть из опечатанной кладовой, временно их спрятать, а после прохождения ревизии их снова использовать, для чего обещал Авербуху отослать сторожей и дал в помощь Горовца, а также и Монятовского, с которыми Авербух и совершил вышеуказанную кражу, для совершения которой Миронюк вместе с ними вышел во двор, где встретил начальника ночной охраны Федоровского, которого под предлогом проверки постов отослал на другой участок, сам стал у выключателя электрического света. Авербух вместе с Монятовским и Горовцем направились в кладовую, где Авербух взломал потолок, через отверстие в котором вошел в кладовую, откуда подавал стоящим внизу Монятовскому и Горовцу муку и шкурки, а последние ее прятали в яму, специально выкопанную в сарае, а после окончания выкрадывания всей муки и шкурок Авербух слез с чердака, снова таки через вышеуказанное отверстие, и часть неспрятанной муки вместе с Горовцем и Монятовским стал переносить на квартиру к Горовцу, где таковая и была обнаружена».

По совести говоря, можно ли что-нибудь сказать из этой сумасшедше построенной фразы? Что собственно произошло? Ведь если не верить тому, что наворочено здесь неудержимо болтливым следователем, то получается какая-то сплошная чертовщина с какой-то дикой эквилибристикой всех действующих лиц.

Ведь что получается? «Авербух... направился... в кладовую, где взломал потолок, через отверстие в котором влез в кладовую»... То есть, иначе говоря: человек проник каким-то образом в запечатанную кладовую, будучи уже в кладовой взломал каким-то способом отверстие в потолке и затем через это отверстие в потолке влез в ту же кладовую. Да ведь это же совсем по барону Мюнхгаузену, который сам себя за волосы вытащил из колодца.

Но читаем дальше. «Авербух через отверстие в потолке влез в кладовую, откуда подавал стоящим внизу... муку и шкурки». Представляет ли т. Лещинский, что он тут нагородил? Человек находится в кладовой,—а кладовая-то закрыта и запечатана. Влез он в эту кладовую через отверстие в потолке. Значит сверху. Значит сам он находится внизу. Спрашивается, как же человек, находящийся сам внизу, может «оттуда» подавать стоящим тоже внизу в то время, как отверстие-то наверху. Ведь это же что-то тоже из барона Мюнхгаузена или во всяком случае из детской сказочки о телеге, которая ехала задом наперед...

Но читаем еще дальше, и тогда оказывается, что «после выкравывания (!) всей муки и шкурок Авербух слез с чердака снова таки (!) через вышеуказанное отверстие»... И мы «снова таки» спрашиваем т. Лещинского: ведь только что мы слышали, что все свои сверхъестественные штуки Авербух проделывал в кладовой. Откуда же вдруг взялся какой-то чердак? И что это за сумасшедший такой чердак, с которого слезают через отверстие, продланное в кладовой...

Есть одно замечательное народное выражение, которое мы встретили где-то у Горького, удивительно точно определяющее добротность работы, подобную той, которую продемонстрировал т. Лещинский:

Сбил, сколотил — вот колесо!
Сел да поехал — ах хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат...

Сбил, сколотил... наворотил тысячу слов, скрепил все это тягучим клейстером сугубо туманной, сугубо непереваренной мысли, рассовал впазд и невпазд изрядное количество знаков препинания и вот, пожалуйста, «обвинительное заключение». Ах, хорошо. А как коснешься всей этой рыхлой постройки — одни спицы лежат...

Описывается в этом обвинительном акте еще одна какая-то жульническая проделка Миронюка, в которой не последнюю роль играют четвероногие — свиньи и поросята. На изысканном языке Лещинского эта история обозначается как «сделка со свиньями», хотя, как известно, со свиньями вступать в какие-либо сделки весьма затруднительно. Но мы готовы были бы внести предложение объявить премию тому человеку, который взялся бы эту часть обвинительного акта перевести на враждебный человеческий язык.

Посудите сами:

«31 июля с. г. с целью личной наживы по предварительной договоренности с Юргелайтисом, Миронюк купил в подсобном хозяйстве «Экспортхлеба» 34 штуки свиней за 12 336 рублей из расчета 3 р. 50 к. за кило живого веса, причем денег за этих свиней Ми-

ронюк не платил, а решил часть свиней по себестоимости раздать рабочим, а часть свиней больших и жирных в количестве 10 штук продать на базаре по спекулятивным ценам и разницу между себестоимостью и продажной ценой присвоить, ибо (?) эта сделка совершенно не была отражена по бухгалтерии.

Для этой цели Юргелайтис лично получил деньги от рабочих за розданных им поросят, а в это же время, по распоряжению Миронюка, 2 августа, была зарезана большая свинья, весом около 8 пудов, после чего Миронюк и Юргелайтис подписали справку о том, что эта свинья принадлежит рабочему Грищенко, эту справку выдали ему на руки, после чего он эту свинью отвез на базар, где продал по спекулятивной цене, а вырученные деньги сдал в кассу кассиру Муленко, которому Юргелайтис велел их не приходить, а Грищенко выдать неофициальную расписку в получении этих денег.

На следующий день, 3 августа, снова были зарезаны две еще большие свиньи, которые были проданы на базаре по спекулятивной цене от имени рабочих Шоха и Соцкой, для чего им также были выданы фиктивные справки за подписью Юргелайтиса о том, что эти свиньи принадлежат им. После продажи этих свиней, вырученные за них деньги были сданы кассиру Муленко и снова таки (опять это излюбленное «снова таки») по распоряжению Юргелайтиса не оприходованы.

8 августа с. г., когда в совхоз прибыла комиссия для обследования деятельности Миронюка, последний с целью сокрытия своих преступлений решил завуалировать сделку со свиньями, для чего Юргелайтис составил задним числом список на розданных свиней, где указал, что проданные на базаре свиньи выданы Шоху, Соцкой и Грищенко, причем Шох до этого и фактически получил поросенка и таким образом по этому списку у Шоха значатся полученными две свиньи. Кроме этого Юргелайтис велел кассиру Муленко оприходовать сданные Грищенко, Шохом и Соцкой деньги за свиней задним числом, а так как по балансовой стоимости эти свиньи стоили гораздо меньше, нежели за них было выручено от продажи на частном рынке, то разница в этих ценах также была оприходована и вышеуказанные лица получили официальные квитанции, а также за труды, за то, что они их продали, получили по 15 рублей без всяких расписок, а Шох получил 40 рублей за убой этих свиней, также нигде не расписавшись в получении денег.

Таким образом бухгалтерская проводка по приходу денег от продажи этих свиней оказалась странной, ибо свиньи были проданы вышеуказанным трем рабочим по одной цене, а уплачено за них больше, нежели они стоят, к тому же эти деньги были оприходованы задними числами...

Можно ли представить себе что-нибудь более путаное, более кашеобразное, нежели то, что здесь «сбито-сколочено».

Какие-то свиньи... какая-то сделка... какая-то дикая скачка из одного противоречия в другое!

То вас Лещинский уверяет, что Миронюк что-то присвоил. То вам начинает казаться, что Миронюк еще ничего не присвоил, а еще только собирался что-то присвоить.

Вот вам рассказывают, что какие-то свиньи, «большие и жирные», были проданы на базаре с помощью Шоха, Соцкой и Гриценко. Но через несколько строк вас огорошивают сообщением, что свиньи были проданы самим этим «вышеуказанным трем рабочим».

То вам кажется, что разница в цене пошла в широкий карман Миронюка и Юргелайтиса. Но затем вас сбивают с толку сообщением, что сам же Юргелайтис распорядился эту разницу заприходовать по кассе специально как будто для того, чтобы вы ничего не поняли во всей этой истории.

А когда вы хотите, наконец, узнать ответственный, синтетический следовательский вывод самого товарища Лещинского из блестяще описанного им события, то он вам под конец кокетливо и интригуяще заявляет: ничего вам не могу сказать, кроме того, что вся эта история со свиньями какая-то, знаете, — «странная» история...

Много еще других драгоценных страниц и сверкающих перлов таит в себе этот документ.

В одном месте указывается, например, что областная комиссия, проверявшая совхоз, прибыла «8 августа». Через пять страниц это же обстоятельство излагается так: «после приезда комиссии, т. е. 9 июля». А если вы пороетесь немощно, то в третьем месте вы обнаружите, что комиссия прибыла «9 августа».

Ответственные должности в этом совхозе заполнены, как уверяет Лещинский, не людьми, а всяческими «элементами». И перемещены были вышеперечисленные «элементы» не просто на работу в совхоз, а на работу «в прорывной» совхоз... и т. д. и т. п.

Но мы не станем утомлять читателя дальнейшим разбором творчества т. Лещинского. Приведенного достаточно, чтобы определить

характер этой работы. Большое, серьезное дело опошлено, искажено, затуманено. В невообразимой бестолковщине, в неудержимой болтливости следователя потоплено самое существо дела. Забыта элементарная истина, что обвинительный акт в каждом судебном деле — это ответственный политический и юридический документ и что в зависимости от качества этого документа это или аттестат зрелости или свидетельство о бедности, которое следователь сам себе выдает.

Судьба обвинительного заключения т. Лещинского такова: заместитель одесского областного прокурора т. Кузоваткин, оставшийся, видимо, в высшей степени довольным продукцией т. Лещинского, прислал это обвинительное заключение т. Вышинскому «для сведения».

А вслед за этим он получил от т. Вышинского телеграмму, в которой областной прокуратуре запрещалось утверждать такое обвинительное заключение. А еще через пару дней областная прокуратура получила от прокурора СССР подробное письмо, где после тщательного разбора всех нелепостей этого документа было сказано:

«Ввиду обнаруженного таким образом мною «прорывного» обвинительного заключения предлагаю впредь ни одного обвинительного заключения не утверждать без моей санкции, а, следовательно, впредь все обвинительные заключения должны до направления их в суд представляться, немедленно по их составлению, мне на утверждение. Я знаю, что эта мера вызовет замедление в работе вашего аппарата, но эта вопиющая безграмотность и безответственность, которую ваш аппарат обнаружил в обвинительном заключении по делу Миронюка и других, лишает меня возможности отнести к этой важнейшей работе прокуратуры с должным доверием».

Первое всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам

25—28 декабря 1936 г. состоялось совещание судебно-прокурорских работников. Совещание было открыто вступительными словами народного комиссара юстиции СССР т. Н. В. Крыленко и заместителя прокурора СССР т. Г. М. Леплевского.

Тов. Н. В. Крыленко в своем вступительном слове указал, что это совещание практических работников нашей судебной системы в области гражданского права созвано для того, чтобы посоветоваться о том, как сейчас, в нашу эпоху, в дни введения в жизнь великой сталинской Конституции, накануне крупного переустройства нашей судебной системы, нужно работать на том участке судебной работы, который делается сейчас все более и более крупным, делается в целом ряде отношений ведущим как по количеству дел, которые входят на рассмотрение наших судебных учреждений, так и по значению, которое эти дела приобретают в общей системе правовых отношений нашего социалистического общества.

Было время, когда мы полагали, что очень скоро мы сможем повесить замок на граждан-

ские отделы наших судов за полной ненужностью таковых, хотя тогда еще в практике живы были традиции гражданских судов старого времени и разрешение гражданских дел шло по старым образцам еще революционных законов.

Было время, оно соответствовало первому периоду нэпа, когда гражданские дела снова начали в нашей судебной практике играть большую роль, когда мы вынуждены были обратить свое внимание на этот участок нашей работы, но когда мы делали это также нехотя, когда мы подходили к гражданским правоотношениям с известного рода опаской. И поэтому и в этот период времени нашей работы, несмотря на то, что гражданские дела занимали большое место, тем не менее они не пользовались у нас популярностью.

И был период времени, когда на базе борьбы с эксплуататорскими элементами, с эксплуататорскими классами в момент окончательного разрешения вопроса «кто кого», какая система, система социалистических отношений или система капиталистических отношений, возьмет

верх, в годы великого перелома тем паче к гражданским делам укрепилось такого рода отношение. Это был период, когда в гражданском суде и гражданской практике восторжествовало «упрощенство», наилучшее свое выражение нашедшее в том, что гражданские коллегии, как таковые, были вовсе ликвидированы.

Мы сейчас вступаем в иной период. Мы сейчас вступаем в такой период, когда гражданское право во всем многообразии и богатстве содержания этого понятия не только целиком и полностью вернуло себе право на существование, но когда оно как социалистическое гражданское право в нашем социалистическом обиходе начинает играть ведущую роль, ибо в содержание этого гражданского права входят не только правоотношения граждан друг с другом, но и их правоотношения к государству и государственным и хозяйственным организациям и отношения хозяйственных организаций друг с другом и с государством. И поскольку характернейшим отличительным признаком социалистического строя является единая система социалистического народного хозяйства и государства, отсюда понятна и выросшая роль в нашем хозяйственном социалистическом обороте советского социалистического гражданского права во всех его отраслях — в области производства и в области распределения по принципу: от каждого по способностям, каждому по труду.

Гражданское право становится с этой точки зрения основой нашего гражданского социалистического правопорядка. Недаром эта роль уже наша свое отражение в росте гражданских дел, достигающем 75% всех дел, поступающих в суды.

Нельзя в этих условиях дальше терпеть прежний упрощенческий подход к этой категории дел и к этому громадному участку нашей практической работы.

Возьмите любую из статей нашей Конституции об общественном устройстве — ст.ст. 4, 5, 6 Конституции, трактующие об основах нашего общественного порядка, возьмите статьи, говорящие о правах колхозов, о различных видах социалистической, общественной собственности, различающейся по своей природе, с вытекающими отсюда различными правовыми последствиями. Возьмите ст.ст. 9, 10, говорящие о праве распоряжения личной собственностью граждан СССР, — все они трактуют о правах, все они являются руководящими статьями нашего гражданского права и в новом Гражданском кодексе СССР займут свое ведущее место.

Этого всего достаточно, чтобы показать, какое огромное значение получает сейчас гражданское право, а следовательно, и гражданский суд. И сейчас, когда права граждан, в частности в гражданских правоотношениях, охраняются законом и судом, как носителем этого закона, — вопрос о том, как лучше построить работу судебных органов в сфере гражданских правоотношений, получает исключительное политическое значение.

Работа нашего совещания построена в целях чисто делового обсуждения и делового анализа основных недочетов нашей работы в этой области и изыскания методов, которые дали бы нам возможность эту область наладить и поправить.

Общий доклад — о работе судов по гражданским делам, характеризующий имеющиеся недочеты в работе судов, построен так, что дает анализ основных недочетов работы судов по определенным участкам материального права с акцентированием внимания и на процессуальных нарушениях, которые имеют место.

Первый доклад объединяется с докладом прокуратуры по гражданским делам; я думаю, что не ошибусь, если скажу, что гражданские дела самый слабый участок и в прокурорской работе. Если мы еще с грехом пополам добиваемся того, чтобы прокурор выступил в суде первой инстанции по уголовным делам, то добиваться, чтобы он выступил по гражданскому делу, еще труднее. А работа прокурорского аппарата в области надзорной судебной практики по гражданским делам такова, что иногда заставляет желать, чтобы ее было поменьше. К сожалению, в той же мере, в какой работа прокуратуры блещет своим отсутствием в первой инстанции, она страдает гипертрофией в судебной надзорной работе.

Тут нам нужно посоветоваться по вопросу координирования деятельности суда и прокуратуры в гражданском процессе. Выслушать, что скажут товарищи с мест, безусловно целесообразно.

Второй доклад будет об итогах применения закона 27 июня по алиментным делам. Закон этот дал чрезвычайный приток дел в гражданские суды и в гражданскую прокуратуру и, вместе с тем, породил ряд серьезнейших вопросов, неразрешенность которых очень больно бьет по живым людям и как раз часто по людям, которые меньше, чем кто-либо другой, способны правильно, самостоятельно защищать свои интересы, — по женщинам и детям. Вот почему выделен этот вопрос.

И, наконец, отдельным вопросом стоит вопрос — тоже очень большой — об исполнении судебных решений.

Я должен предупредить товарищей, что одни жалобы по поводу того, что судебные исполнители получают незначительную зарплату, дела не поправишь и не исправишь. Этот вопрос мною, где нужно, поставлен, но я никогда не позволю себе обещать товарищам то, за что я не могу ручаться. Вот почему достаточно сказать, что этот вопрос мною уже поставлен, и пока в эту область не входит, а ставить вопрос конкретно: как мы должны в нынешних условиях поставить работу исполнения судебных решений, ибо это — конкретный ответ на конкретный вопрос о системе руководства и о системе проверки исполнения.

Вот какие вопросы стоят у нас в порядке дня. Все они, однако, упираются в один общий вопрос — о руководстве народными судами при разрешении гражданских дел со стороны наших гражданских коллегий краевых и областных судов. Как поставить правильно систему руководства, систему проверки исполнения, систему судебного надзора, чтобы эта отрасль ни на одну секунду не выпадала из нашего поля зрения? Так стоит вопрос.

Мы знаем пока лишь одно развернутое решение по этому поводу — это решение 55 пленума Верховного суда Союза ССР и 53 пленума. Мы имеем по этому поводу директивы нарком юстиции РСФСР. На нашем совещании стоит еще раз подвергнуть его обсуждению, как правильно поставить систему руководства,

систему судебного надзора и систему проверки исполнения по гражданским делам. Разрешения этих вопросов мы ждем на нашем совещании, ибо они все актуальны, все исключительно значимы, все имеют большое политическое значение.

Я повторяю: в наших условиях, товарищи, когда вопросы нашего социалистического гражданского права приобретают такое значение, что превращаются в политические вопросы, очень остро стоит вопрос о гарантировании необходимого качества наших судебных решений по гражданским делам.

Наше совещание имеет задачей помочь продумать и разрешить эти вопросы.

В итоге этого совещания мы прежде всего хотим, чтобы в сознание всех судебных работников глубоко проникла мысль о том, что эта область заслуживает внимания, что к ней должно подходить с сознанием величайшей политической значимости и политической ответственности.

Заместитель Прокурора Союза ССР т. Г. М. Леплевский в своем выступлении указал, что Прокурор Союза ССР т. Вышинский поручил передать совещанию, что его отсутствие в настоящий момент отнюдь не объясняется тем, как здесь говорил т. Крыленко, будто вопросы прокурорской работы, связанные с работой гражданской прокуратуры, и весь комплекс вопросов гражданского права занимают второе место. Тов. Вышинский занят подготовкой к процессу троцкистского антисоветского центра и поэтому не может сегодня здесь присутствовать.

Тов. Крыленко в своем вступительном слове сказал, что гражданское право и интерес к нему пережили различные стадии своего развития, что в период военного коммунизма оно не имело особого значения и мы относились к вопросам гражданских правоотношений более чем прохладно. С установлением нэпана, которые наши работники не поняли основных вопросов гражданского права и процесса, поставленных по-новому.

Тов. Крыленко правильно сказал, что некоторые наши товарищи не хотели заниматься этим делом. Я считаю, что хорошие коммунисты не могли так относиться к этому делу.

Очень плохи те судебные и прокурорские работники, которые к важнейшим вопросам гражданского права подходят нехотя, полагая, что вопросу о праве личной собственности или наследования или о других очень существенных гражданских правах, которые так ярко отражены в великой сталинской Конституции, можно не уделять серьезного внимания.

Я хочу поделиться впечатлением, которое я вынес недавно из заседания Совета народных комиссаров Союза ССР. Вопрос о гражданском праве в этом заседании получал очень интересное и яркое освещение. При рассмотрении программ наших высших учебных заведений Комитетом по высшей школе было внесено предложение об утверждении в качестве одной из дисциплин преподавания в наших вузах «хозяйственного права». Я должен сказать, что глава нашего правительства В. М. Молотов уделял этому вопросу чрезвычайно большое внимание и проявил к нему исключительный интерес.

Тов. Молотов прежде всего поставил вопрос, правильна ли сама постановка вопроса о хо-

зяйственном праве. Чем хозяйственное право отличается от гражданского права?

Тов. Молотов поставил вопрос очень глубоко. Он прежде всего подверг сомнению, имеются ли у нас хорошие учебники по хозяйственному праву, являются ли они достаточно серьезными.

Тов. Молотов поставил вопрос, есть ли у нас, например, точное определение того, что такое объединение, предприятие, главк, трест. Что эти вопросы интересны и содержательны для нашего государственного устройства и для правильного руководства отдельными отраслями управления, — вы сами понимаете. Мы знаем, насколько эти вопросы серьезны, а сейчас, с новой Конституцией, вопросы гражданского права приобретают сугубо важное значение.

Все права граждан ярко выражены в нашей Конституции.

Гражданское право — отрасль исключительно большая.

Третьего дня ко мне на прием записалось около 50 человек и $\frac{1}{4}$ из них были по вопросам, связанным с алиментами, квартирными, трудовыми и тому подобными делами. Зачастую дать ответ на жалобы по этим вопросам бывает исключительно трудно.

Наше совещание сыграет огромную роль, если мы сумеем изучить наш опыт в общесоюзном масштабе по ряду больших вопросов. Великая сталинская Конституция подчеркивает заботу о живом человеке. Забота о живом человеке связана с целым рядом вопросов гражданского права, с вопросами жилья, трудового устройства и др. Наш старый Гражданский кодекс содержит ряд статей, которые никакого отношения к настоящей нашей эпохе не имеют. Значит, нужно их пересмотреть, переработать в свете нынешних общественных отношений.

Все это будет хорошо сделано, если мы наладим обмен опытом, если все судебно-прокурорские работники, присутствующие на совещании, расскажут нам обо всех этих вопросах, если эти вопросы будут подвергнуты тщательной разработке, анализу и если мы в результате сможем внести предложения о необходимых изменениях в нашем законодательстве.

С докладом о работе судов по гражданским делам выступил заместитель председателя гражданской судебной коллегии Верховного суда СССР т. Рейхель.

Перед советским судом по гражданским делам, — сказал т. Рейхель, — стоят три основные задачи. Первая задача — охранять и обеспечивать материальную базу каждого гражданина нашей страны: сюда входят защита права на труд, зарплату, жилище и пр. Вторая задача — охранять и защищать социалистическую собственность. Третья задача — осуществлять огромную воспитательную работу по преодолению капиталистических пережитков в экономике и сознании граждан.

Объем работы судов по гражданским делам чрезвычайно велик. По неполной статистике судов РСФСР, в 1931 г. через гражданские суды прошло 760 тыс. дел, в 1932 г. — 940 тыс., в 1933 г. — 1096 тыс., в 1934 г. — 1342 тыс. и в 1935 г. — 1741 тыс. дел. Количество гражданских дел с 1931 г. все возрастало, что являлось отражением огромных сдвигов социального порядка, происшедших в Советском союзе и связанных с колоссальным культурным ростом населения, колоссальным улучшением

материального положения трудящихся и с укреплением социалистического правосознания. Однако в последний год уже намечается известная стабилизация гражданских дел. По неполной статистике этих дел по РСФСР (кроме Москвы, Дальневосточного края и др.), в первом квартале 1935 г. было рассмотрено 433 тыс. дел, во втором квартале — также 433 тыс., а в третьем квартале — 483 тыс. Однако в том же третьем квартале количество алиментных дел в связи с изданием закона 27 июня 1936 г. возросло на 57 тыс. Это означает, что прирост алиментных дел перекрыл общий прирост, иначе говоря, что мы подошли к известной стабилизации потока гражданских дел.

Судебным работникам недостаточно отметить намечающуюся стабилизацию этих дел, но следует проверить, нет ли в работе самих судов таких моментов, которые тормозят эту стабилизацию. Такие моменты есть.

Сюда относится судебная волокита, польуясь которой неисправные ответчики рассуждают: дело будет тянуться долго, так зачем мне исполнять свое обязательство.

В некоторых республиках, по данным I и II кварталов 1936 г., около 10% дел находилось в народных судах свыше трех месяцев. Особенно плохо обстоит дело в Белорусской и Азербайджанской ССР, где количество гражданских дел, продолжающихся от одного до трех месяцев, достигает 55%.

Второй отрицательной причиной, способствующей приходу дел в суды и развитию сутяжничества, является отсутствие твердой судебной линии, причем по некоторым категориям дел еще недавно ни один самый осведомленный член коллегии защитников не мог бы сказать, выиграет ли он данное дело или проигрывает. По жилищным делам в некоторых судах развилась теория «приобретательной давности», при которой временного жильца, если он прожил два или три года, считают уже не временным, а постоянным жильцом. Такую «давность» применяют не только к тем жильцам, у которых она возникла до суда, но и к тем, которые накопили ее в течение судебного процесса. Если ответчик сумеет затянуть дело года на два, то он получает 80—90% шансов за то, что он выиграет дело. Здесь мы сталкиваемся с вредным и неправильным упрощением и с применением «приобретательной давности», которой наш закон не знает и не допускает.

Одной из причин волокиты является нарушение процессуальных норм. Вынесенное с нарушением закона решение поступает в высшую инстанцию, отменяется, дело рассматривается вновь, решение снова отменяется и т. д.

Совершенно неудовлетворительна работа по исполнению судебных решений, также создающая дополнительный поток обращений в суды.

Нужно признать, что там, где суд лучше работает и не допускает волокиты, приток дел становится меньше.

Одним из основных дефектов работы судов является упрощенство, о котором Верховному суду СССР приходилось писать в каждом инструктивном письме. До сих пор наблюдаются случаи, когда дела, подлежащие рассмотрению с народными заседателями, слушаются без них, когда оказывается, что народных заседателей, рассматривавших дело, никто не избирал и т. д. Такие случаи отмечены в Грузии и в Татарской АССР.

Очень плохо обстоит дело с вручением повесток, в чем вина как судов, несерьезно относящихся к этому вопросу, так и органов связи. Нам следует просит НКЮ СССР договориться по этому поводу с Наркоматом связи.

Не осуществляется досудебная подготовка гражданских дел, что вызывает задержку их рассмотрения.

Ни один советский орган, вероятно, не вооружен для истребования доказательств так, как вооружен народный суд. Он имеет право истребовать доказательства и наложить штраф на любое лицо, не выполняющее требования суда о представлении выписок, документов и пр. Но суд этим почти не пользуется, тогда как по алиментным, например, делам непредставление справки о зарплате или выписки из загса вызывает большую волокиту.

Зачастую встречается неправильное применение закона или прямое пренебрежение к закону. Оно проявляется даже в трудовых делах. До судебного-надзорной коллегии Верховного суда Союза дошел такой случай, где ответчиком был сам народный судья. Гр. Сухова работала сторожем в Краснопресненском народном суде и не получала платы за работу в выходные дни, а потом за что-то была уволена. РКК признала ее право на оплату за работу в выходные дни; это право было признано и инспектором труда и администрацией, но потом кто-то закапризничал и Сухова добилась уплаты 120 руб. лишь через год, обойдя все инстанции. Разве это не формально-бездушное отношение к закону, граничащее с преступлением?

Плохо организованы судебные заседания. Через камеры народных судов и кассационные инстанции проходят миллионы людей и теряют много времени. Вызывают людей на 10 часов утра, а отпускают вечером, иногда же предлагают явиться на другой день. С такими явлениями надо повести решительную борьбу.

Качество работы судов характеризуется в известной степени количеством кассационных жалоб. Одно время количество этих жалоб стало падать, что как будто свидетельствовало о том, что суд стал лучше работать. В 1936 г. количество жалоб увеличилось, и это объясняется повышением активности сторон. В РСФСР в первом полугодии 1935 г. процент обжалованных решений составлял 13,7; во втором полугодии — 11,7, — довольно заметное снижение. В первом полугодии 1936 г. — 11,1%, третий квартал 1936 г. дал повышение количества кассационных жалоб.

В УССР в первом полугодии 1935 г. было 6,9% обжалованных решений, во втором полугодии — 7,9%, и в первом полугодии 1936 г. — 9%. Количество жалоб увеличивается.

В Армянской ССР мы имеем неожиданные цифры: в первом полугодии 1935 г. жалобщики принесли жалобы по 17,8% рассмотренных дел, во втором полугодии — по 11,3%, а в первом полугодии 1936 г. — по 22% дел. Это — тревожная цифра. Едва ли население Армении настолько активной по судебным делам сравнительно с населением других союзных республик. Следует проверить, не объясняется ли эта цифра низким качеством работы судов.

По Туркменской ССР имеются следующие данные по полугодиям: 7%, 5,4%, и 6,6% — это либо неправильные статистические данные,

либо свидетельство о беспомощности населения в гражданских судебных делах.

О проценте утвержденных решений имеются такие данные: по СССР в первом полугодии 1935 г. — 59%, во втором — 55% и в первом полугодии 1936 г. — 55%. В УССР этот процент значительно ниже: 42%, 46% и 46% соответственно.

Переходя к работе кассационных инстанций, нужно отметить, что нередко дела рассматриваются в незаконном составе. В Азово-Черноморском краевом суде, например, в качестве докладчиков дел привлекались юрисконсульты. Привлечение народных судей к участию в заседаниях кассинстанций кое-где проходит явно неправильно.

Так, в Донбассе в одно заседание назначалось иногда до ста дел, причем большая часть их давалась для доклада нарсудьям. Последние, естественно, не могли справиться с задачей.

В кассационных инстанциях допускается перегрузка судебных заседаний, что ведет к поверхностному рассмотрению дел.

Вопрос об упорядочении работы кассинстанций в значительной мере связан со штатами и составом этих инстанций. Необходимо осуществлять правильное распределение работников по гражданским коллегиям.

Грубым извращением в работе кассационных инстанций является то, что во многих республиках (кроме РСФСР) стороны не извещаются о слушании дела. Это бескультурие нужно решительно изжить.

Кассационные инстанции не выполняют своих обязанностей по руководству народными судами, особенно в части живого инструктажа и обобщения практики. В большей части и не знают профиля народного суда.

Среди нарушений материального права наиболее типичными являются случаи, обнаруживаемые в делах по защите права на личную собственность. Все еще наблюдаются случаи «кампаний» со стороны горсоветов и райисполкомов по демунципализации строений, принадлежащих частным лицам. Подобные кампании проводились, например, в Узбекистане, причем по одному из дел обнаружилась механизация таких судебных дел на 100%: горсовет Ферганы завел печатные бланки исковых заявлений, актов о дефектах, обнаруженных при осмотре дома, и даже... печатные бланки решений. Суды не всегда дают надлежащий отпор незаконным поползновениям на личную собственность граждан, и прокуратура располагает значительно большим материалом в этом отношении.

В случаях, когда домовладение принадлежит нескольким лицам, суды зачастую не учитывают прав всех участников. Они оставляют в силе сделку о продаже дома, совершенную одним из совладельцев, хотя сделка нарушает права других соучастников.

В делах о праве застройки мы решительно должны бороться с перерастанием личной собственности в собственность капиталистическую. Мы не должны допускать эксплуатации застройщиками своих жильцов и спекуляции. Но если застройщик основательно просит освободить комнату в его доме потому, что у него выросла семья, родились дети, то иногда суды отказывают застройщикам без законных оснований.

По трудовым делам, особенно в Узбекской и Таджикской ССР, недостаточно охраняются права рабочих и служащих и случаи незаконных увольнений не всегда встречают отпор со стороны судов.

Необходимо изжить недооценку гражданских дел. Нужно воспитать уважение к закону, нужно бороться за стабильность закона. О всяком нарушении закона со стороны административных органов необходимо немедленно доводить до сведения прокуратуры.

В наступающем году нужно покончить с упрощением и другими недостатками работы судов и укрепить кассационные инстанции, наладив их работу по руководству народными судами. Великая сталинская Конституция выдвигает наших судей в ряды первых людей нашей страны, и мы должны стать достойными великих задач, поставленных перед нами. Тогда мы сможем рапортовать великому вождю нашей страны товарищу Сталину об успехах нашей работы на судебном фронте.

Помощник Прокурора Союза ССР т. Борисов¹ свой доклад «О работе прокуратуры по гражданским делам» начал с указания, что принятая на Чрезвычайном VIII съезде советов сталинская Конституция ставит перед прокуратурой задачу борьбы за социалистическую законность: а) в области охраны общественной, социалистической собственности, б) в области охраны личных прав и прав на личную собственность трудящихся, в) в области правильного разрешения гражданско-правовых споров между отдельными трудящимися и государством, исходя из принципа единства интересов и тех и других.

Вопрос об активной роли прокуратуры в гражданском процессе не впервые ставится сегодня. Первый и до сих пор действующий ГПК 1923 г. разрешил положительно этот вопрос и предусмотрел те случаи, когда прокуратура от имени государства должна вмешиваться в гражданский процесс.

Советская прокуратура с момента своей организации стояла неизменно на той точке зрения, что для нашего государства, которое борется за перестройку быта, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, которое заботится о поднятии материального благосостояния трудящихся, не может быть безразлично, как складываются гражданско-правовые отношения в нашем обороте и быту. Поэтому наш ГПК зафиксировал активное вмешательство прокуратуры и в эту сферу правовых отношений, в сферу, считающуюся, с точки зрения буржуазного процесса, запретной зоной для вмешательства государства. Тогда же, в 1923 г., когда принимался наш ГПК, не все, однако, стояли на этой точке зрения.

Я вам приведу цитату из статьи профессора Люблинского, опубликованной в журнале «Право и жизнь» (июль 1922 г., стр. 75), где он останавливается на вопросе об отношении прокуратуры к гражданским делам:

«Административный надзор прокуратуры намечен слишком широко, распространяясь не только на деятельность официальных учреждений и должностных лиц, но и проникая в сферу общественных и частных организаций и частных лиц». По мнению Люблинского, это

¹ Печатается по исправленной докладчиком стенограмме.

неправильно, так как «в области, отведенной частной или общественной деятельности, частные организации и частные лица не могут создавать чего-либо, затрагивающего публичный интерес; отстаивание же нарушаемых ими законных интересов граждан следует предоставить самим гражданам».

На той же точке зрения стояли и некоторые другие. Вы видите, таким образом, что в журнале «Право и жизнь» была высказана другая точка зрения, продолжающая настаивать на буржуазной трактовке этого вопроса, исключая вмешательство прокуратуры в гражданско-правовые отношения, представляющие,

по мнению автора, личное дело каждого отдельного гражданина.

Нам не приходится сейчас принципиально пересматривать свою точку зрения, зафиксированную в ГПК 1923 г. Нужно, однако, сказать, что удельный вес участия прокуратуры в гражданских делах был неодинаков на различных этапах социалистического строительства. В первый период нэпа, период восстановительный, прокуратура принимала довольно энергичное участие в гражданских делах. Я могу привести следующую статистическую справку, которая иллюстрирует динамику роста участия прокуратуры в гражданском процессе по РСФСР:

	Истребовано гражданских дел	Выступлений прокуратуры в процессе	Возбуждено прокуратурой дел в порядке ст. 2 ГПК
1923 г.	100%	10.0%	100%
I пол. 1924 г.	212%	175%	260%
II пол. 1924 г.	265%	223%	331%
I пол. 1925 г.	460%	308%	623%
II пол. 1925 г.	752%	362%	652%

Задача, которая тогда ставилась перед прокуратурой, была иная. Прокуратура как страж социалистической законности боролась, с одной стороны, против остатков и пережитков военного коммунизма, а с другой с обходом советских законов и злоупотреблениями частнокапиталистических элементов. Своим участием в гражданских делах прокуратура тогда осуществляла присущими ей специфическими методами общую политику государства, направленную на ограничение и вытеснение частнокапиталистических элементов из нашего народного хозяйства. По этим делам проходили тогда в качестве сторон различного рода подрядчики, поставщики, представители товариществ «полных» и «на вере» и другие представители частнокапиталистической стихии. Опираясь на ст. 2 ГПК РСФСР, прокуратура вмешивалась в эти дела, исходя из интересов государства и трудящихся масс.

Если мы имеем возможность констатировать активность прокуратуры в гражданском процессе в период нэпа, то мы не можем этого сказать про следующий период, о котором сегодня нам достаточно ярко напоминали Николай Васильевич Крыленко и докладчик «О работе суда по гражданским делам» т. Рейхель.

Речь идет о последних годах, начиная, приблизительно, с 1928—1929 гг. В этот период прокуратура фактически не принимала вовсе или принимала очень слабое участие в гражданских делах.

Надо сказать, товарищи, что теоретически никто из работников, возглавлявших суд и прокуратуру в эти годы, не стоял на той точке зрения, что ликвидация кулачества как класса влечет за собой отмирание гражданского права и что прокуратура, следовательно, может пренебрежительно относиться к гражданско-право-

вому участку судебной работы. Наоборот, имевшие место левацие «теоретические» вылазки подобного рода были встречены сокрушительным огнем и немедленно разоблачены. Однако на практике в целом ряде мест этому фронту внимание не уделялось. Перелом в отношении к гражданским делам связан с I всесоюзным совещанием работников юстиции.

Тогда по докладу т. А. Я. Вышинского было принято постановление о том, что «суд является основным производственным участком работы прокуратуры» и что в средних и высших звеньях судебной системы должны быть восстановлены гражданские коллегии, с начала 1936 г., по инициативе т. Вышинского и с разрешения правительства, стали создаваться в системе прокуратуры гражданские отделы.

7 апреля 1936 г. Прокурором Союза ССР был разослан подробный циркуляр, давший развернутую характеристику значения гражданских дел на данном этапе социалистического строительства и подробно остановившийся на роли прокурора в гражданском процессе и методах его работы. Таковы организационные мероприятия, которые должны были обеспечить поворот внимания прокуратуры к гражданским делам и усиление ее активности в гражданском процессе.

Некоторые спрашивают, зачем необходимо сейчас активизировать в такой степени работу прокуратуры в области гражданских дел.

Я думаю, товарищи, что если мы стоим на той точке зрения, что суд является основным производственным участком работы прокуратуры, то совершенно невозможно ставить вопрос иначе.

Процент гражданских дел в суде составляет 70—75% всех дел.

Не принимать участия в разрешении такого огромного количества дел, значит по существу отвернуться от суда, отказаться от точки зрения, что суд является основным производственным участком для работы прокуратуры.

Мы имеем, несомненно, рост гражданских дел. Одной из причин этого роста является укрепившееся/социалистическое правосознание трудящихся, в силу которого заинтересованные лица более настойчиво и последовательно защищают свои материально-правовые интересы. Ведь факт, что, как только был опубликован новый закон о взыскании алиментов, мы стали наблюдать из квартала в квартал увеличение количества этих дел. После того, как мы констатировали неуклонный рост гражданских дел, необходимо посмотреть, что собой представляют эти дела по своему содержанию, каков их удельный вес по своей политической и социальной значимости. Стоят ли они того, чтоб прокуратура уделяла им столько внимания? С этой точки зрения проанализируем отдельные категории гражданских дел в зависимости от участвующих в них лиц. В первую очередь остановимся на делах по спорам внутри общественного хозяйства, о которых, кстати сказать, т. Рейхель вообще ничего не говорил, полагая, очевидно, что эти дела составляют исключительную компетенцию системы Государственного арбитража; между тем, в суде на сегодняшний день имеется большой процент этих дел. По статистике Белорусского суда 50% гражданских дел — это дела внутри общественного хозяйства.

Сюда относятся дела колхозные, коммунальные, железнодорожные, банковские и др. Перед судом в этой области, как и перед Государственным арбитражем, стоит борьба за хозяйственный дисциплину и укрепление рубля.

Вторая категория дел — это дела между частными лицами и государственными и общественными организациями и предприятиями. В отличие от того содержания, которое имела эта категория дел в первый период нэпа, в настоящее время по ним проходят споры между отдельными трудящимися и государством, споры о заработной плате, о жилище, об авторском гонораре, об оплате изобретательства и т. д. Это — споры вокруг правильной охраны материально-правовых интересов трудящихся, которые должны быть разрешены, исходя из единства их интересов и интересов государства; мы не можем противопоставлять эти интересы друг другу. Это — сложнейшая категория дел, возлагающая на нас обязанность суровой охраны материальных интересов живого человека.

И, наконец, третья категория дел — это дела между частными лицами: лучшей их иллюстрацией являются дела алиментные. Таким образом, мы можем констатировать, что и по своему содержанию и по политической значимости гражданские дела заслуживают сегодня того внимания, о котором в последнее время столь много говорят. При таких условиях должно быть совершенно ясно, что активизация прокуратуры в гражданском процессе является задачей неотложной и злободневной. Против такой постановки вопроса можно было бы еще выдвинуть такое возражение: зачем, мол, нужен особый надзор прокуратуры по гражданским делам, когда суд и так хорошо справляется с ними, когда социалистическая законность по этой категории дел и так обеспечена. Однако

факты и цифры говорят совершенно обратное. Я лично не совсем понял т. Рейхеля, считает ли он положительным фактом то обстоятельство, что имеется ничтожный процент обжалования дел (13,8%, 14,2%, 15,2%, 11,4% и т. д.). На 100% дел 88 не обжалуются вообще; решения по этим делам остаются в силе без проверки кассационной инстанцией. Я не склонен считать это обстоятельство положительным моментом и не допускаю, что отказ сторон от обжалования по такому большому количеству дел вызван тем, что решения судов оказались для них столь авторитетными и убедительными. Это явление безусловно нуждается в анализе и изучении. Может быть, это отчасти связано с непопулярностью нашей кассационной инстанции, с неверием в реальность вынесенного решения, а отчасти со слабой работой в смысле оказания юридической помощи тяжущимся.

Надо, товарищи, иметь в виду, что процент обжалования гражданских дел гораздо меньше соответствующего процента по уголовным делам. Например, в Белоруссии, процент обжалования гражданских дел составляет половину количества жалоб по уголовным делам.

Какова же судьба тех 11—12% дел, которые поступают в кассационную инстанцию? Ведь это факт, что 60—70% этих дел там отменяются и изменяются.

Возьмем, например, Донецкую область. Там, судя по статистике за 10 месяцев 1936 г., из 100 обжалованных решений остаются в силе лишь 36. Это лучшее доказательство, что народные суды еще плохо справляются с гражданскими делами. Можно ли при таких условиях ставить серьезно вопрос о том, что активность прокуратуры в смысле помощи и борьбы за социалистическую законность на этом судебном участке не нужна? Текущая практика нашей работы доказывает необходимость повседневного вмешательства прокуратуры в эту область судебной работы. В своем докладе я мог бы не заниматься отдельными примерами из работы суда; однако для характеристики я разрешу себе на несколько минут задержаться ваше внимание на некоторых случаях, с которыми мы столкнулись в последнее время.

Прокурор Плесенского района (БССР) возбудил дело в порядке ст. 2 ГПК в пользу колхоза. В своем исковом заявлении он просил рассмотреть дело, в связи с его возможной командировкой, — в его отсутствие. Суд же вынес определение о прекращении этого дела за неявкой прокурора; надо отметить, что суд проводил судебное заседание в том же помещении, где работает прокурор, который, кстати сказать, никуда в тот день и не уезжал.

Второй пример: тот же прокурор подает в тот же суд иск в интересах колхоза; суд выносит определение: «до тех пор, пока прокурор не внесет государственной пошлины, суд дело разбирать не будет».

Следующий пример. Прокурор Глуцкого района (БССР) направил в один день 15 протестов на 15 определений суда, в коих было сказано, «что ввиду неявки истца, который, очевидно, делом не интересуется, дело производством прекратить». Таким образом судом был прекращен все 15 дел.

Интересно одно дело, рассматривавшееся в Грузии. К одной американской фирме был предъявлен иск на 700 или 800 тыс. долларов. Суд вручил непосредственно истцу повестку для передачи ее ответчику в Америке. Когда

прошло около месяца, суд снова назначил это дело к слушанию, хотя ответа о том, что эта повестка вручена, не было. Дело было заслушано заочно (ответчик, несмотря на посланную ему повестку, в суд не явился) и было постановлено взыскать с этой фирмы 700 тыс. долларов.

Вот еще один свежий пример. Народный судья Белопольского района по иску Пугачевой к Пугачеву о выселении выносит решение об удовлетворении иска «условно, с испытательным сроком на один год».

Народный судья пригородной зоны г. Харькова по одному гражданскому делу, вместо вынесения решения, выдал судебный приказ, не указав в нем ни фамилии, ни имени, ни отчества ответчика; вместо этого, было написано: «взыскать с директора Артемуголь столько-то рублей».

При таком качестве работы судов навряд ли приходится еще доказывать необходимость активного участия прокуратуры в гражданском процессе.

Следующий вопрос, который нам нужно разрешить — в каком же направлении надо эту прокурорскую активность проявлять и что нужно делать для ее реализации.

Товарищи, у нас до сих пор часто забывают о том, что прокурор, борющийся за социалистическую законность, тем самым борется за стабильность закона и за стабильность судебного решения, вступившего в законную силу. Поэтому мы должны обеспечить такую активность прокуратуры, чтобы она всемерно содействовала укреплению и стабилизации правильного судебного решения, вступившего в законную силу. Между тем, наша активность очень часто проявляется совершенно в другом направлении. Прокурор, как правило, встречается с решением суда только тогда, когда оно уже вступило в законную силу; лишь с этого момента обычно начинается его активность.

Отчего это получается? Почему прокурор сталкивается с решением суда только тогда, когда оно вступило в законную силу? Потому, что он не принимает, как правило, никакого участия ни в первой, ни в кассационной инстанции. Я думаю, что нам необходимо несколько перестроить работу гражданской прокуратуры. Активность прокурора должна осуществляться не только в том, что он приносит протесты в порядке надзора, но также и в том, что он принимает систематическое участие в работе судов первой и второй инстанций. Такая практика значительно содействовала бы задаче укрепления судебного решения и привела бы, несомненно, к сокращению случаев для возбуждения надзорного производства.

Я думаю, что через некоторое время мы начнем характеризовать работу прокуратуры, исходя не только из процента припесенных в порядке надзора протестов, но и из процента участия прокуратуры в первой и второй инстанциях.

Теперь возникает следующий вопрос: каким же образом осуществить участие прокурора в первой и кассационной инстанциях. Как говорил т. Рейхель, через наши суды проходят в год около 5 миллионов гражданских дел. Необходимо, следовательно, нам установить твердые принципы, руководствуясь которыми прокурор мог бы отбирать из этой массы дел те из них, по коим его участие действительно

необходимо. В ГПК РСФСР имеется ст. 2, которая дает критерий для участия прокуратуры в гражданском процессе. Она говорит, что прокуратура вмешивается в гражданское дело тогда, когда этого требуют интересы государства и трудящихся; критерием этим очень хорошо пользовалась прокуратура в первый период нэпа, когда она использовала свое участие в гражданских делах для борьбы с классовым врагом (нэпманом, кулаком и т. п.).

Теперь же, когда, как правило, во всех гражданских делах проходят в качестве сторон представители государства и трудящихся, использование этого критерия в смысле правильного отбора дел стало делом более трудным и сложным.

Не имея твердой линии в этом вопросе, поддаваясь «текучке», мы можем легко сбиться на беспринципную, либо случайную политику.

Я, однако, думаю, что и на сегодняшний день ст. 2 ГПК можно с успехом использовать. В тезисах мы наметили путь, по которому должна идти прокуратура, возбуждая дела по своей инициативе, в порядке ст. 2 ГПК; в первую очередь необходимо обеспечить участие прокуратуры в тех делах, где мы имеем существенную материальную заинтересованность государства. Например, дела по исключению из описи значительного конфискованного имущества, дела о крупной наследственной массе, могущей стать выморочной, дела о расторжении сделок, заключенных в обход закона, дела в результате которых может возникнуть вопрос о возбуждении против какой-либо из сторон уголовного преследования.

Следующая категория дел, в коих необходимо участие прокуратуры, — это дела, имеющие в тех или иных условиях особое политическое значение. В данный момент, например, к такого рода делам относятся дела колхозные, только недавно переданные в суды из системы Госарбитража. Очень хорошо поступила Молдавская прокуратура, предъявившая в течение последних шести месяцев 551 обоснованный иск в интересах колхозов.

Третий критерий касается участия прокуратуры в интересах отдельных лиц. В этих случаях прокурору надо участвовать лишь тогда, когда налицо имеются обстоятельства, создающие необходимость особой заботы государства об интересах этой стороны; так, например, когда в гражданском деле участвуют недееспособные или подопечные, когда спор идет о расторжении сделки, заключенной на кабальных условиях, под влиянием угрозы, обмана или насилия.

И, наконец, участие прокурора чрезвычайно полезно в делах, затрагивающих вопросы принципиального порядка, сигнализирующих о неясности или устарелости того или иного циркуляра или закона.

Вот в основном те критерии, которые можно было бы положить в основу участия прокуратуры в суде первой инстанции.

Я полагаю, что те же принципы должны лечь в основу участия прокурора и в кассационной инстанции.

При этом необходимо добавить, что участие прокурора в кассационной инстанции должно стать во всяком случае обязательным в отношении тех дел, в коих принимал уже участие прокурор, когда они разбирались в суде первой инстанции. Само собой разумеется, что участие прокурора в кассационной инстан-

дии не должно быть формальным. Заключение его (все равно—письменные или устные) должны быть принципиально выдержанные, в правовом отношении грамотные и по содержанию своему отражающие имеющиеся в деле фактические обстоятельства.

Что касается рассмотрения дел прокуратурой в порядке надзора, то надо думать, что более активное участие прокурора в первой и второй инстанциях, несомненно, повлечет за собой уменьшение количества случаев, требующих возмуждения надзорного производства. Надо, товарищи, помнить, что применение протеста в порядке надзора связано с ломкой решения, вступившего в законную силу; обстоятельство это в условиях борьбы за стабильность закона делает особо ответственным и сложным реальное использование прокурором своего «надзорного» права. Тем более, что обычно истребование дела в этих случаях, как правило, сопряжено с приостановлением решения. Вот почему от прокурора требуется в данном случае сугубо-четкое выполнение ст. 254 ГПК РСФСР (и соответствующих статей других союзных республик), в силу которой протест в порядке надзора может принести лишь тогда, когда имеется налицо «особо существенное нарушение закона или явное нарушение интересов государства или трудящихся».

Если же прокурор уже подал протест, причем протест этот верный и основанный на законе, то его необходимо доводить до конца. Если он был неправильно отклонен в одной инстанции, необходимо добиваться через вышестоящую прокуратуру перенесения протеста в вышестоящую судебную инстанцию.

Между тем, Прокуратура Союза ССР за этот год получила всего три обращения от прокуроров союзных республик с просьбой поддерживать их протесты перед Верховным судом Союза ССР. А отклонений на местах немало, и прокуроры не всегда основательно с ними мирятся.

Товарищи, я попытался изложить те принципы, которыми должен руководствоваться прокурор, осуществляя надзор за работой судов по гражданским делам; на практике, однако, обстоит далеко не так.

Разрешите привести в подтверждение этого положения некоторые данные.

По БССР мы получили от прокуратуры доклад; в нем об участии прокурора в кассационной инстанции вообще ничего не говорится; что касается первой инстанции, то надо сказать, что 60 районных прокуроров за четыре месяца (июль — октябрь) 1936 г. выступили в суде всего 82 раза, т. е. на долю одного районного прокурора приходится на $\frac{1}{4}$ года одно дело с дробью. В докладе прокуратуры Украины вообще не приводятся данные об участии прокурора в какой-либо судебной инстанции. Весь доклад посвящен лишь работе прокуратуры в порядке надзора. По Харьковской области за весь 1936 г. на 9 тысяч дел, рассмотренных в кассационной инстанции, было дано прокурором всего 168 заключений.

В Одесской области за весь 1936 г. имело место 27 выступлений прокурора в кассационной инстанции.

Я хочу отметить Молдавию, небольшую республику, показавшую, однако, положительную работу в этом отношении: прокурором там за 1936 г. предъявлены 554 иска в порядке ст. 3 ГПК (большинство из них в интересах

колхозов по делам о покрытии дебиторской задолженности). Вообще, надо сказать, что украинская прокуратура в последнее время серьезно взялась за гражданско-правовой участок своей работы. Я имел недавно случай в этом убедиться, присутствуя на Всеукраинском совещании начальников гражданских отделов. В частности прокурор республики т. Железнодорожский лично очень внимательно уделяет этому фронту. На Украине впереди других областей идет Молдавия и Харьков, однако и в этих, относительно лучших областях надо работу перестроить по-новому.

По РСФСР мы имеем довольно крепкий, напряженно работающий гражданский отдел в Прокуратуре Республики; на периферии же, как правило, дело обстоит еще неудовлетворительно. Например, в Красноярском крае за весь июль этого года имело место только одно выступление районного прокурора в суде.

По Московской области 107 районных прокуроров принимали участие в суде в течение июля 1936 г. всего 45 раз. Вот вам статистический ответ на вопрос о том, как участвует прокуратура по гражданским делам в суде первой и второй инстанций.

Совершенно иную картину представляет работа прокуратуры в порядке надзора. Возьмем, например, Украину; за 10 месяцев 1936 г. по судам грошли 504 тысячи гражданских дел, из этого количества рассмотренных в судах дел районные прокуроры затребовали в порядке надзора 54 тысячи дел, т. е. свыше 10% всех дел, рассмотренных в суде.

По Харьковской области за три квартала 1936 г. было рассмотрено в суде 89 397 гражданских дел; из них 14 792 дела, т. е. 12,3% дел, затребованы прокуратурой в порядке надзора. Днепропетровской области истребовано 10% дел, Киевской — 8% и т. д. Попробуйте сопоставить эти данные с теми, которые приводил т. Рейхель в своем докладе о работе судов по гражданским делам; в результате получается, что в кассационном порядке было рассмотрено 11% всех рассмотренных дел, а в надзорном порядке — 13%. Совершенно ясно, что такое положение нельзя считать нормальным, когда центр тяжести проверки переносится из кассации в надзор. Ведь надзорный порядок является не третьей инстанцией, а исключительным порядком проверки дел, решения по которым уже вступили в законную силу. К этому еще необходимо иметь в виду, что истребование дела в порядке надзора, как правило, сопряжено с приостановлением судебного решения; надо, однако, сказать, что, поскольку в большом проценте случаев у прокуроров не было никаких оснований для истребования дел, подобная практика неизбежно была по устойчивости судебного решения.

Это положение лучше всего можно проиллюстрировать на количестве поданных прокурорами протестов.

Так, по БССР было опротестовано 33—34% всех затребованных дел. Этот процент гораздо ниже процента отмены решений в кассационном порядке. По УССР рассмотрено за 9 месяцев 48 740 дел, опротестовано же всего 13% дел. Итак, из 100 затребованных дел 87 возвращены обратно в суд «по минованию надобности»; по большинству же из них приостанавливались судебные решения. Мы констатируем, таким образом, сплошь да рядом несерь-

езное отношение к истребованию дел; дело, как правило, надо требовать лишь тогда, когда имеется достаточно данных для утверждения, что решение суда не может остаться в силе. Такое же положение мы имеем и в отдельных областях.

По Харьковской области, например, из 14 782 затребованных дел опротестовано 1532, т. е. 11—12%.

По Днепропетровской области опротестовано 6% всех затребованных дел.

Теперь разрешите остановиться на вопросе о качестве принесенных прокурорами протестов. Надо сказать, что эти протесты, как правило, грешат тем, что в них не бывает ссылок на законы и что они не ставят принципиальных вопросов.

На Украинском совещании было констатировано, что большинство протестов имеют ссылки на две статьи ГПК (7 и 116), нарушаемые судами (ст. 7 ГПК УССР говорит об обязанности суда активно и внимательно исследовать все фактические обстоятельства дела, а ст. 116 регламентирует случаи заочного рассмотрения дел).

О нормах материального права в протестах упоминается очень редко.

Как характеризуют качество протестов прокуратуры отдельных союзных республик? Так, Прокуратура РСФСР в своем отчете пишет: «Почти нет протестов, носящих принципиальный характер, поднимающих вопрос на необходимую теоретическую высоту или ставящих общие вопросы законодательства или линии судебной политики».

Прокуратура УССР пишет в своем отчетном докладе: «Причины значительного отклонения протестов объясняются тем, что районные прокуроры не выделяют наиболее принципиальных дел, часто не обосновывают свои протесты фактическим материалом, а исключительно занимаются переоценкой доказательств. Наконец районные прокуроры часто протестуют лишь по формальным моментам, не оспаривая на решениях судов по существу, и не учитывают нецелесообразности пересмотра дел».

Харьковская прокуратура пишет: «В протестах нет ссылок на нарушение законов, большей частью это не кассационные, а апелляционные протесты, касающиеся только существа дела».

Вот вам отзывы, которые дают сами места о качестве своих протестов.

Теперь разрешите мне привести несколько примеров, иллюстрирующих недочеты наших протестов.

По недостаткам своим протесты можно разбить на следующие группы: 1) протесты, которые приносятся по незначительным, совершенно ничтожным случаям; 2) протесты, приносимые по мотивам сугубо формального порядка; 3) протесты неправильные с точки зрения действующего законодательства; 4) протесты, сознательно ориентирующие суд на нарушение закона, и, наконец, 5) протесты, недопустимые по стилю и по языку изложения.

Разрешите вам привести отдельные примеры.

Обращаю ваше внимание на язык протеста областного прокурора Кабардино-Балкарии, направленного в ГПК Верховного суда по делу Батькина и Нальчикского горжилсоюза: «Гражданин Батькин вселился «по блату», в квартиру...» Язык, совершенно недопустимый в

официальном документе. Я выше говорил о протестах по настоящим делам, вот прокурор Ленинского района г. Харькова подал протест на решение суда, которое было вынесено два года назад по делу по иску Федорова к Дондэ о возвращении брюк.

Вот пример совершенно неграмотного протеста: один районный прокурор Молдавии спутал гражданское дело с уголовным, он принес протест по тому мотиву, что на одной стороне в процессе участвовал защитник, а на другой стороне его не было.

Вот вам еще один пример подобного рода. Речь идет о возмещении вреда, причиненного истцу неосторожной ездой на автомашине. Народный судья решил взыскать в пользу увечного с предприятия, которому принадлежит машина; прокурор же г. Бобруйска незаконно опротестовал это решение, исходя из того, что за действия шофера материальную ответственность должен нести шофер, а не учреждение.

Разрешите привести пример формально-бездушного протеста.

Гр. Бульба был осужден за убийство своей жены. Ребенок его был по суду отдан на воспитание матери убитой, назначенной горсоветом опекуном ребенка. В постановлении горсовета было указано, что гр. Бульба издевался над ребенком, с гр. Бульба были присуждены алименты на содержание ребенка. Недавно Бульба за отбытием наказания возбудил ходатайство о возвращении ему ребенка. Опекунский совет вернул ему ребенка по тем соображениям, что он не был формально лишен родительских прав. Прокурор на этом основании принес протест о возврате убитце-отцу ребенка.

Нюрина. При чем тут протест?

Борисов. Протест на первое судебное решение, согласно которому был отобран ребенок с присуждением алиментов в пользу матери убитой.

Мы имеем дальше протесты, которые толкают суд на вынесение неправосудных решений.

В Донбассе, например, гр. Лысенко занял самовольно освободившуюся комнату. Суд постановил выселить Лысенко, как захватчика комнаты, а прокурор протестует, исходя из того, что член правления жакта договорился с Лысенко относительно занятия комнаты. Совершенно ясно, что при таком качестве протестов мы неизбежно имеем большой процент их отклонений со стороны судов. Так, по Воронежской области из рассмотренных в июле 1936 г. 17 протестов 10 отклонено, по Калининской области за тот же месяц из 12 протестов отклонено 10, по Карельской АССР за тот же месяц из 11 протестов отклонено 7.

Специально, товарищи, я хотел бы остановиться на вопросе о соблюдении сроков для принесения протестов. С точки зрения борьбы за стабильность судебного решения вопрос о точном соблюдении существующих сроков имеет большое значение.

По действующему ГПК РСФСР крайние (оо-ластные) прокуроры не имеют права приносить протестов в порядке надзора по истечении трех месяцев со дня вступления решения в законную силу. На местах эти сроки часто не соблюдаются: суды на этом основании отклоняют, и совершенно правильно, прокурорские протесты.

В тех случаях, когда по обстоятельствам дела краевой (областной) прокурор считает все-таки необходимым истребовать дело и приостановить исполнение судебного решения по истечении законного срока, он обязан предварительно получить на это соответствующую санкцию прокуратуры союзной республики.

Разрешите кратко остановиться на других недочетах. С организацией гражданских отделов в ряде мест еще дело обстоит очень плохо; там, где они уже созданы, они, как правило, не укомплектованы; так, в Одесской прокуратуре в гражданском отделе один человек; такое же положение в Винницкой прокуратуре. В Молдавии полчеловека, потому что один работник занимается одновременно уголовными и гражданскими делами.

На наше совещание не приехали вовсе представители Туркменистана, Армении, Таджикистана и Киргизии; очевидно, это случилось потому, что в натуре таких начальников гражданских отделов не оказалось.

Прокурор Киргизии, например, хотел послать на это совещание начальника спецотдела.

Мы в тезисах предлагаем в течение первого квартала 1937 г. окончательно организовать, а там, где они уже имеются, полностью укомплектовать все гражданские отделы прокуратур, с таким расчетом, чтобы меньше двух человек вообще не было ни в одном гражданском отделе, иначе нельзя будет серьезно говорить о повороте внимания прокуратуры к гражданско-правовому участку судебной работы.

Следующий вопрос касается роли прокуратуры в деле надзора за исполнением судебных решений. У нас уже завелась традиция, что жалобы на действия судебных исполнителей идут в прокуратуру, а не в народные суды.

Прокуроры, идя по течению, стали оперативно вмешиваться в работу судебных исполнителей (сами предоставляют отсрочки, указывают порядок взыскания, налагают арест на имущество и т. п.). Дело дошло до того, что в Западносибирском крае один районный прокурор сам восстановил судебного исполнителя, уволенного по распоряжению народного судьи; правда, в этом случае судья предложил прокурору и самому оплачивать этого судебного исполнителя (оживление в зале). Между тем, практика эта ничего общего не имеет с функциями прокуратуры. За действиями судебных исполнителей, согласно ГПК, наблюдает народный судья. Прокурор вмешивается в порядке общего надзора лишь в тех случаях, когда имеют место незаконные действия судебных исполнителей, злоупотребления или случаи преступной волокиты. Во всех указанных случаях, однако, прокурор, кроме случаев возбуждения уголовного преследования, не сам решает спорные вопросы, а ставит их в форме протестов перед судом.

Следующий вопрос касается надзора прокуратуры за разъяснениями судов по вопросам гражданского права и процесса. К сожалению, за некоторыми исключениями прокуратура за этими разъяснениями не наблюдает. Прокуратура РСФСР за этот год принесла несколько протестов на незаконные постановления президиума Верховного суда РСФСР (о запрещении судам принимать иски об оплате частных заказов на чертежи и проекты, о слу-

чаях выселения в связи с расторжением трудовых договоров). В других же республиках мы вообще не имеем подобного рода протестов; между тем, подобный надзор составляет прямую компетенцию гражданских отделов прокуратур.

Теперь несколько слов о жалобах и служебной дисциплине прокуроров. На этом совещании этот вопрос может интересоваться только часть делегатов, т. е. прокуроров, с которыми надо серьезно поговорить; надо прямо сказать, что по жалобам продолжает иметь место исключительная волокита. По данным ряда областей Украины у них 64% жалоб рассматриваются свыше месяца. Прокуроры часто в порядке рассмотрения жалоб подменяют народных судей; так, харьковский прокурор пишет, что ему удается часто ликвидировать гражданско-правовые конфликты, минуя суд; таким образом, вместо того, чтобы обратиться в суд, жалобщик идет к прокурору, который в административном порядке заставляет ответчика выполнить то, что нормально должно быть реализовано по судебному решению.

По вопросу о служебной дисциплине я приведу следующий случай. Нижестоящим прокурорам мы даем поручения, а они их иногда выполняют годами. Возьмите дело Пекелиса, которое прошумело и в газетах. По этому делу мы имеем переписку с Киевом с 1 декабря 1935 г. Пекелис — инженер, командированный на временную работу на Магнитострой. Во время его отсутствия незаконно вселили в его квартиру одну семью. И вот в течение 10 месяцев шла борьба за освобождение этой незаконно занятой комнаты, и только 1 октября 1936 г. законные права Пекелиса были восстановлены.

Наконец, последний вопрос — об обобщениях нашей практики. Прокуратура по гражданским делам, как правило, не занимается обобщением своей работы. Только Харьковская прокуратура, по имеющимся у нас данным, изучила три категории дел: жилищные, алиментные и бытовые и разработала на этой основе циркулярные письма.

Прокуратура Союза ССР убеждена, что данное совещание послужит переломным моментом в работе прокуратуры по гражданским делам; мы надеемся, что II всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам сможет констатировать значительные успехи в деле борьбы за социалистическую законность в сфере личных и имущественных отношений социалистического общества.

По документам тт. Рейхеля и Борисова вернулись оживленные прения. Первым в прениях выступил т. Зарайский (Московской областной суд). Поступление гражданских дел в суды растет из месяца в месяц. В первом квартале 1935 г. в судах было 36 248 гражданских дел, а в первом квартале 1936 г. — 48 638 дел, во втором — 49 500, в третьем — 55 000. В октябре 1936 г. в судах было 18 344 дела, а в ноябре — 19 000. Особенно увеличивается рост алиментных дел: в первом полугодии 1936 г. этих дел было 17 300, а в июле, августе и сентябре — 22 000. Народные судьи на местах проявляют большой интерес к гражданским делам, так как эти дела охватывают все хозяйственные вопросы быта. Кассационная коллегия по гражданским делам организовалась в Московском областном суде в 1935 г.,

но организационный период длился до 1936 г. При наличии 200 народных судов в области, кассационная коллегия имела всего 9 членов и иногда в состав суда, рассматривавшего кассационные жалобы, входило 2 народных судьи при одном члене областного суда. Сейчас в гражданской коллегии областного суда имеется 17 членов, но и при этом количестве состав коллегии крайне перегружен, что ведет к понижению качества работы и препятствует осуществлять живой инструктаж народных судей на местах.

Из вопросов материального права являются сложными вопросы, возникающие по жилищным делам в сельских местностях. Ряд колхозов имеет по несколько домов, принадлежавших бывшим кулакам. Эти дома сдаются в пользование колхозникам, а последние со своей стороны сдают их в наем жильцам-дащикам. Возникает вопрос о ставках квартиплаты, подлежащей взиманию, и о порядке выселения из этих домов. По делам застройщиков возникают такие случаи: застройщик выстроил дом согласно заключенному с ним договору, но помимо договора построил еще пару сараев, а затем превратил их в жилые помещения. Спрашивается, как рассматривать эти строения и распространять ли на них действие договора о праве застройщик? Нет ясных инструкций по делам о разделах в колхозных дворах. Колхозник-стахановец получил телку и вырастил ее; при разделе имущества возникает вопрос, считать ли эту телку его личной собственностью или общим имуществом двора, поскольку она паслась на общем поле.

Капустин (начальник гражданского отдела прокуратуры Западносибирского края). В суды Западносибирского края в 1931 г. поступило 77 179 уголовных дел и 39 895 гражданских, т. е. 51,7% числа уголовных дел. В 1932 г. уголовных дел поступило 68 956, а гражданских — 38 313, т. е. 55,5%. В 1933 г. уголовных дел было 79 093, а гражданских — 50 308, что составляет уже 62,3%. В 1934 г. уголовных дел поступило 74 737, а гражданских уже 74 748, т. е. более 100% к числу уголовных. В 1935 г. уголовных дел было 54 738, а гражданских — 83 344, или 151,5%. За 10 месяцев 1936 г. картина еще более резкая: уголовных дел поступило 35 951, в то время как гражданских — 90 930, что составляет 289% к числу уголовных дел. Объяснить этот рост только общим нашим ростом, конечно, нельзя, но одной из самых важных причин является повышение культурного уровня трудящихся и укрепление социалистической законности.

Большой рост дают алиментные дела. В 1935 г. их было около 17 000, а за 10 месяцев 1936 г. уже 25 000. Такова же картина и по делам колхозов: в 1935 г. их было 9000, а за 9 месяцев 1936 г. — свыше 15 000. Возрастает и количество поступающих в прокуратуру жалоб по гражданским делам. За 5 последних месяцев прокуратурой рассмотрено 38 183 жалобы, из которых удовлетворено около 45%, оставлено без последствий 27% и передано в другие организации 28%. Дефекты работы прокуратуры, отмеченные в докладе т. Борисова, относятся и к органам Зап.-сибирской прокуратуры. В порядке ст 2 ГПК за 5 месяцев имели место 532 выступления прокуроров, что на каждого прокурора составляет немного более одного дела в месяц.

Вериго (начальник гражданского отдела прокуратуры Ленинградской области). Созыв настоящего совещания является следствием того, что сталинская Конституция поставила гражданские дела на большую высоту. До этих пор наблюдалась недооценка работы по гражданским делам. В Ленинградской области теперь 80% — дела гражданские и только 20% падает на уголовные дела. При огромном количестве гражданских дел мы имеем 45% решений, отменяемых в кассационном порядке. Этот процент крайне высок и говорит о неподготовленности низового аппарата судебных и прокурорских работников к рассмотрению гражданских дел. Большой процент отмены решений наблюдается по колхозным делам. Одной проверки знания работниками юрминимума недостаточно и нужно установить непосредственную, живую проверку работы на местах.

Тов. Борисов развернул большую программу работы прокуратуры в области гражданских дел, но как выполнить эту работу, если гражданских дел 80% и если у прокурора, как, например, в Ленинградской области, 7—8 участка народного суда в районе. Попробуйте в этих условиях побывать в каждом участке и выяснить, по каким делам нужно выступить прокурору. Если бы судьи выполняли ст. 12 ГПК, то это облегчило бы работу прокурора, но судьи этого не делают даже тогда, когда помещаются в одном доме с прокуратурой: непосредственной связи суда с прокуратурой нет.

Обобщение опыта по колхозным делам показало, что много необжалованных дел было решено неправильно. Необжалование решений по этим делам объяснялось тем, что колхозы недостаточно защищают свои интересы. Отсюда ясно, что необжалование решений еще не говорит об их правильности.

Работа прокурора в области гражданских дел очень сложна. Прокурор должен работать так, чтобы не дать гражданским делам делаться надзорными, но при наличии недостаточно квалифицированных кадров мы еще не можем добиться этого. По жилищным делам, загружающим судьи и в Ленинграде, и в Москве, следует обобщить имеющееся законодательство и практику.

Файнблит (административно-политический отдел ЦК ВКП(б)). Сталинская Конституция, подчеркивая значение гражданских дел, устанавливает вместе с тем ряд организационных мероприятий, которые облегчают разрешение гражданских споров. Конституция устанавливает порядок выборов судей на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, что высоко поднимает значение судейской работы. Она устанавливает длительные сроки назначения прокуроров и выборов судей — на 5 лет. Согласно Конституции суд подчиняется только закону. Это подчеркивает огромное значение работы суда и прокуратуры, в том числе и по гражданским делам. В настоящее время, когда идет речь о подготовке к выборам народных судей, перед НКЮ СССР и всеми нами стоит вопрос о том, чтобы надлежаще подготовить кандидатов в судьи. Судья подчиняется только закону, следовательно, он должен знать этот закон. Школы подготовки судебных работников требуют особого внимания.

Тт. Борисов и Рейхель дали правильную картину работы судебно-прокурорских органов

по гражданским делам. На этом участке работы многое неблагополучно.

Работа Верховного суда СССР по гражданским делам в 1936 г. была незначительна. Гражданская коллегия Верховного суда истребовала в порядке надзора лишь 234 дела. Эта цифра была бы достаточной, если бы по этим делам были вынесены принципиальные решения. Однако ни в общей, ни в специальной печати не было опубликовано таких решений Верховного суда Союза ССР, которые явились бы руководящими для периферии.

Выездов работников гражданской коллегии на места было мало, и выезжавшие товарищи не давали руководящих указаний местам.

Вызовам местных работников в Верховный суд (что является правильным методом проверки работы) не предшествовало предварительное обследование их работы на месте. В работе Верховного суда Союза ССР по гражданским делам имеется ряд недостатков, нуждающихся в устранении для того, чтобы центральный орган правосудия нашей страны укрепился и усилился.

Прокуратурой Союза ССР в 1935—1936 гг. был издан ряд циркуляров и указаний по работе по гражданским делам, но все же общегосударственного плана этой работы прокуратура не имела. Гражданский отдел Прокуратуры Союза ССР за 6 месяцев 1936 г. проверил 225 дел, из которых принес протесты по 63 делам. Я не хочу сказать, много это или мало, но эти 63 дела не были опубликованы и принципиальное значение их не было выявлено. Тов. Борисов говорил о десятках тысяч протестов, но каковы они были? Не проверялось качество протестов, и в этом отношении работы было мало или совсем не было.

Необходимо улучшить руководство и инструктаж со стороны Верховного суда и Прокуратуры СССР. Нужно бороться за соблюдение закона и за то, чтобы судьи знали закон. Гражданской коллегии Верховного суда Союза ССР нужно выносить мотивированные решения по гражданским делам, чтобы они являлись руководством для судебной периферии. Нужно систематически инструктировать периферию путем выездов и снабжать ее литературой. Необходимо ускорить организацию гражданских судов и прокуратуры по гражданским делам. Если эти мероприятия будут выполнены и если мы надлежаще подготовимся к выборам народных судей, то задачи, поставленные перед нами партией и нашим вождем товарищем Сталиным, безусловно будут выполнены.

Бакшеев (народный судья Ухтомского района Московской области). Нагрузка работников народных судов крайне велика, штаты ее недостаточны. Помещения народных судов неудовлетворительны. Люберецкий народный суд помещается там, где раньше был трактир. Правда, мы отремонтировали это помещение, но все же оно непригодно для суда. Многие судьи еще не имеют правовой подготовки, тогда как в московских районах, где население очень культурно, судьи должны быть квалифицированными. Недавно к нам приехал стахановец-рабочий завода «Фрезер» и говорит: «В приговоре очень много орфографических ошибок, как же этот судья может судить?»

У нас возникают дела застройщиков, спекулирующих площадью. Но как установить, имеются ли элементы спекуляции? Мы устанавли-

ваем так: берем справку из финотдела и если видим, что обложение резко растет, то говорим, что застройщик спекулирует.

Нужно рассмотреть вопрос об авторитете судебных решений. Решение выносится именем РСФСР, оно вступило в законную силу, а прокуратура требует дело и ломает решение. Зачастую прокуратура подолгу задерживает дела и этим создает волокиту.

По многим делам соцсектора стороны просят рассмотреть дело заочно; сторонам нужно только решение о списании той или иной суммы. Юрисконсульты государственных учреждений не делают ссылок на законы, не привыкли к этому. Плохо обстоит дело с вручением повесток, так как в подмосковных районах люди с утра до вечера отсутствуют, а по ночам почтальоны не ходят. Очень большой вопрос с секретарями народных судов, так как на ставку в 225 руб. хорошего секретаря не найти.

Постников (Верховный суд Туркменской ССР). В 1929 г. был выработан Гражданский процессуальный кодекс Туркменской ССР, но он не был переведен на туркменский язык, хотя большинство судей туркмены. На русском языке кодекс также не отпечатан и имеется всего один экземпляр. Положение о нотариате имеется старое, нуждающееся в переработке. Судьи в большинстве неподготовлены к рассмотрению гражданских дел. За первое полугодие 1936 г. в кассационном порядке было отменено и прекращено 243 дела из 689, т. е. 43%. О результатах рассмотрения дел гражданская коллегия Верховного суда сообщает всем народным судьям поквартально, так что каждый судья видит результаты как своей работы, так и своих соседей.

За первое полугодие 1936 г. народными судьями было рассмотрено 5512 гражданских дел, из них обжаловано 831, т. е. 15%. В третьем квартале рассмотрено 2500 дел, обжалованы решения по 435 делам, т. е. 17%.

Работа прокуратуры недостаточна, так как в гражданском отделе ее имеется лишь один работник. Из 328 надзорных дел, рассмотренных Верховным судом, только 56, т. е. 17%, было рассмотрено по протестам прокуратуры.

Тамаркин (Прокуратура БССР). Вопрос об участии прокуратуры в гражданских делах следует поставить значительно шире, чем это сделано т. Борисовым. Необходимо разбить имеющееся еще у многих прокуроров мнение, что гражданские дела — это частное дело, а уголовные дела имеют государственственный интерес. Прокурор должен начинать дело и вступать в дело во всех случаях, когда этого требует охрана социалистической собственности. Следует взять под непосредственную защиту прокуратуры те организации, работники которых еще недостаточно юридически подкованы, например, колхозы, зачастую не предъявляющие исков о взыскании причитающейся им задолженности. В ряде дел требуется помощь судье со стороны прокурора, например, по жилищным делам. Эту работу прокуратуры следует вести в плановом порядке, заранее разрабатывая план. Необходимо участие прокурора в делах алиментных, наследственных, увечных, в делах обобщественного сектора и т. д. Необходимо дать положение о гражданских отделах прокуратур: эти отделы завалены невероятным количеством жалоб, рассмотрение которых не оставляет времени для

другой работы. В частности поступает много жалоб на неисполнение судебных решений; суды и арбитраж отсылают эти жалобы к прокурору. Необходимо точно установить, кто должен осуществлять надзор за работой судебных исполнителей. Нужно определить функции гражданских отделов прокуратур, штаты которых определены лишь в 2 человека, так как сейчас имеется тенденция все, что не связано с уголовным делом, направлять в гражданский отдел.

Иванов (председатель ГК Ленинградского областного суда). Количество гражданских дел в Ленинградской области чрезвычайно растет. В 1935 г. в Ленинграде эти дела составляли 87,7% всего количества дел.

Примерно 40% гражданских дел падает на иски организаций обобщественного сектора. Эти иски в большинстве порождаются запущенностью бухгалтерии в организациях. Представители по этим делам не являются в суд и по этим делам обжалуется только 6% судебных решений, тогда как по трудовым делам обжалуется 35%, по алиментным — 20% и т. д.

В среднем процент обжалования решений по Ленинградской области составляет 11,5%. Низок процент обжалования решений колхозами, так как колхозы не получают необходимой юридической помощи. Гражданской коллегии пришлось предупредить дортранс и лесотрест, которые предъявляли к колхозам неправильные иски.

Вышинский. Как вы их предупредили?

Иванов. Получив сведения, что лесотрест предъявляет к колхозам рваческие иски, мы изучили эти дела, вызвали председателей трестов и предупредили, что по этим делам требуются такие-то материалы и что при непредставлении материалов мы не будем рассматривать исков.

Вышинский. Вы объяснили, что такое рваческий иск?

Иванов. Мы предупредили, каким должен быть иск.

Вышинский. Предъявить иск — дело истца, а ваше дело — отказать в иске или удовлетворить иск. Поменьше занимайтесь профилактикой и обращайтесь больше внимания на оперативную работу.

Иванов. Необходимо разрешить вопросы, кем будут выбираться судьи в участках, где рассматриваются железнодорожные дела. Правление Октябрьской ж. д. дает 600 дел в месяц. Если организуется судебный участок на один этот дом, то кто будет избирать судью?

В Ленинграде обисполкомом избраны несколько профессоров в состав запасных судей областного суда. Эти запасные судьи совмещают свою научную работу с работой в кассационной коллегии, что дает теоретикам ознакомление с нашей практикой, а постоянным работникам суда дает стимул к овладению теорией.

Судам необходимо установить обмен опытом судебной практики и публиковать свои решения. Нужно возродить журнал «Судебная практика».

Случевский (начальник гражданского отдела Прокуратуры УССР). В Украинской ССР прокуратура проверила в порядке надзора около 13% всех дел, что свидетельствует об активизации надзорной работы. Районные прокуроры работали в значительной степени ошупью, самотеком и не имели твердых установок. Мы

считаем, что задача прокуратуры — стать ближе к суду. Прокурор должен знать, что делает суд и какие в нем имеются дела, и тогда он выберет принципиальные дела, требующие его участия. Пока же наши прокуроры стоят в стороне от суда и больше находятся во власти жалобщиков. В начале 1937 г. мы проведем во всех областях совещания районных прокуроров по гражданским делам и не менее двух раз в квартал будем вызывать прокуроров в Прокуратуру Республики для доклада, предварительно обследовав их работу в области гражданских дел. Непосредственный контроль за их работой мы подготовим прокуроров к участию в народных судах и кассационных инстанциях, это поведет к сокращению работы в порядке надзора. В настоящее же время отказ от надзорной работы невозможен.

Лютый (Днепропетровский областной суд). В первом квартале 1936 г. мы имели 13 332 гражданских дела, во втором — 22 091, а в третьем — 55 113 дел, из которых рассмотрено 52 235. Рассмотрено почти все количество поступивших дел, но качество работы невысокое. Областной суд в 1936 г. обследовал 83% народных судов и 76 камер судебных исполнителей; работа последних была неблагополучной: мы обнаружили 6 случаев растрат. Здесь не говорилось о работе общественных судов, в которых имеется много гражданских дел. Эти суды настолько выросли, что можно поставить вопрос о расширении их подсудности. В Днепропетровске имеется нотариальная контора, но в районах этих контор нет и нотариальные дела, количество которых очень велико, поступают в суды. Мы возбудили вопрос об организации нотариальных контор и в других городах области.

В кассационную инстанцию областного суда в 1936 г. поступило 14 908 жалоб. В коллегии работает 6 человек. Это число работников недостаточно, так как на каждого члена приходится по 10 дел в день, а нужно еще осуществлять руководство народными судами и выезжать на места для обследований.

В кассационную инстанцию стороны являются даже из отдаленных пунктов, и бывают дни, когда стороны проходят по 70% дел. Из рассмотренных дел 6 158 было рассмотрено в 5-дневный срок, 3875 — в 10-дневный, остальные — до 20 дней.

Казанский (Прокуратура Горьковской области). Тов. Борисов правильно указал, что для сих пор участие прокуратуры в гражданском процессе сводилось, главным образом, к опротестованию решений, вошедших в законную силу, и что это создавало угрозу устойчивости судебных решений. Сейчас основная задача заключается в том, чтобы активизировать работу прокурора в начальной стадии судебного процесса. Некоторые предлагают установить перечень дел, в которых прокурор должен участвовать. Создание такого перечня было бы неправильным: прокуратура должна вступать во всякое дело, в котором нарушены интересы государства и трудящихся. Теперь прокуратура поздно вступает в процесс потому, что узнает о состоявшемся решении только от жалобщика, а жалобщик обращается к прокурору тогда, когда он исчерпает нормальные пути обжалования решения. Среди прокурорских работников существует мнение, что прокурор должен интересоваться делом только после рассмотре-

ния его в кассационной коллегии и что споры между двумя госорганами вообще не должны интересовать прокуратуру; это — явная недооценка значения судебных решений по вопросам обеспечения договорной дисциплины и укрепления хозрасчета. Нужно повысить качество протестов, приносимых прокуратурой. Протесты часто построены лишь на фактическом материале и не содержат ссылок на закон. Это объясняется недостаточностью подготовки работников прокуратуры в области гражданского права; необходимо поднять их квалификацию.

Вишняков (народный судья Подольского района Московской области). В нашем районе из 5000 рассмотренных дел только 700 уголовных, остальные — гражданские. Мы, народные судьи, коренным образом перестроили свою работу по директивам 52 пленума Верховного суда СССР, и процент отмены наших решений не всегда свидетельствует о качестве нашей работы. У нас был случай, когда стороны по двум однородным делам получили в кассационной коллегии различные разрешения их дел: одно решение народного суда было утверждено, а другое, однородное — отменено.

Надзор со стороны прокуратуры неудовлетворителен. Дела в порядке ст. 2 ГПК возбуждаются формально, исковое заявление не подается, и дело рассматривается без участия прокурора. Иногда прокуроры чувствуют себя не прокурорами, а командирами, и по одному делу прокурор сказал ответчику: «Ничего, я могу отменить решение». Прокуратура иногда требует обратного вселения лиц, выселенных судебным решением, только на том основании, что прокуратура собирается опротестовать это решение.

Мы страдаем от разбросанности законодательства и от отсутствия систематизированных материалов. Мы сдали юрминимум, но этого мало; мы должны просить, чтобы НКЮ предложил нам сдать юрмаксимум, так как сталинская Конституция ставит громадные задачи перед судом. Нужно больше заботы о кадрах: некоторые судьи растут, а некоторые говорят, что нет перспективы и что все равно — дальше работы судьи не уйдешь.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР т. А. Я. ВШИНСКОГО

Товарищи, я думаю, что теперь совершенно бесспорно, насколько своевременно собрано это совещание, которое обсуждает очень важные и интересные вопросы, связанные с работой прокуратуры по гражданским делам. Я бы сказал, что оно даже немного запоздало, потому что все то, что сегодня говорится здесь и что, очевидно, говорилось и вчера, в частности докладчиком по вопросу, по которому я сейчас здесь выступаю, — это все вопросы, которые настолько наболели, что требуют своего немедленного разрешения. В порядке самокритики я должен сказать, что один из недостатков доклада т. Борисова, который строился по тезисам, утвержденным мною, заключается в том, что не было уделено места в этом докладе критике работы и Союзной прокуратуры и прокуратуры в целом с точки зрения опоздания в постановке ряда в высокой степени важных и злободневных вопросов, без разрешения которых сдвиг работы наших орга-

нов по линии рассмотрения гражданских дел абсолютно невозможен. Это относится раньше всего к гражданскому отделу нашей Союзной прокуратуры. По стенограмме выходит, что Борисов сделал прекрасный доклад, все очень гладко, хорошо. На самом деле не так это все благополучно и просто.

В Прокуратуре Союза ССР, прежде чем перейти к установкам, о которых здесь правильно докладывал т. Борисов, была проделана немалая работа. К сожалению, и наш Институт судебной политики тоже очень отстал в этом отношении и своевременно не поставил и не разрешил тех вопросов, которые так назрели и которые так необходимо разрешить возможно скорее.

Вот несколько примеров. Возьмем закон о застройщиках и о правах застройщиков. Вы знаете, как практика сталкивает наше социалистическое правосознание с теми задачами, которые на наш суд возлагаются самим характером и природой его работы.

Мы знаем, что у нас имеется известный разрыв между нашими требованиями и теми нормами, которые сейчас особенно бросаются в глаза своей отсталостью, как нормы отжившие, и в этом отношении на нашей прокуратуре лежит не меньшая ответственность, чем и на суде, потому что гражданский отдел не пытается перестроить практику своей работы в этой области, в соответствии с требованиями нашего гражданского права, как они должны быть понимаемы в настоящих условиях, а продолжал идти по проторенной дорожке. Тов. Борисов ничего не сказал о борьбе, которая шла внутри прокуратуры по этой линии. Наш основной недостаток заключается раньше всего в том, что у нас нет современного Гражданского кодекса. Работает комиссия по созданию Гражданского союзного кодекса, но не можем же мы ждать, пока комиссия закончит работу. Правда, наш Гражданский кодекс и наш Гражданский процессуальный кодекс могут быть правильно использованы и в нынешних условиях.

И если, однако, мы этого не делаем, то это только потому, что мы не умеем в законе найти конкретных выражений тех или иных юридических требований. Самое основное, что в каждом законе заключается, — это юридический, политический и общественный принцип. Этот принцип мы нередко нарушаем.

Здесь выступал т. Иванов из Ленинграда. Я о нем говорю, потому что я застал его выступление и потому что он очень интересно выступал, потому что он, очевидно, интересуется своей работой и понимает всю ту ответственность, которая лежит на нем, как на судье и председателе гражданской коллегии Ленинградского областного суда. Но надо сказать, что т. Иванов в своей работе допускает грубейшие извращения закона, когда требуется мое вмешательство и вмешательство т. Крыленко для того, чтобы устранить эти нарушения закона. Тов. Иванов позволил себе, например, не выполнить требование Прокуратуры Союза о высылке дела, ссылаясь на то, что прокурор может требовать дела после какого-то специального промежутка и т. д. Иванов на наш запрос ответил: «Ваше предложение о направлении вам такого-то дела в порядке надзора считаю не подлежащим удовлетворению».

Тов. Иванов, который является, если я не ошибаюсь, доцентом Ленинградского юридиче-

ского института, не знает законов. Мне пришлось его исправлять и притом не особенно деликатно.

Иванов. Я это исправил без вашего вмешательства, так как на следующий день я направил это дело к вам, потому что вспомнил Положение о Прокуратуре Союза.

Вышинский. Я очень рад, что т. Иванов иногда вспоминает законы, но я хотел бы, чтобы он не забывал эти законы.

У нас в Москве был такой случай, когда президиум Верховного суда РСФСР отклонил один мой протест на том основании, что опротестовать прокурор может решение или приговор Верховного суда по первой инстанции только в отношении правильности квалификации, а не в отношении размера наказания. И мне нужно было опротестовать это постановление президиума Верховного суда РСФСР в судебно-надзорную коллегия Верховного суда Союза ССР для того, чтобы Верховный суд уразумел закон. Таких примеров немало.

Мне кажется, что наше совещание должно было бы нащупать больные вопросы в нашей работе. Оно должно было бы сказать, что, может быть, нам не нужно так высоко подниматься в «стратосферу» всяких проблем гражданского права, что лучше было бы нам обратиться к брэнной нашей земле. Наша основная задача сейчас заключается в том, чтобы знать законы, чтобы у нас не было такого положения, когда председатель гражданской коллегии областного суда забывает существующие законы, а президиум Верховного суда РСФСР нарушает законы. Я думаю, что большая наша беда в том, что мы не знаем закона.

Тов. Иванов похвастался в своем выступлении (это очень интересно для вас, Николай Васильевич, как Наркома юстиции) тем, что он проводит профилактическую работу по борьбе... с рваческими исками. Мы вызвали, говорит он, тресты (к счастью, у них оказалось только два треста, но, очевидно, он этот пример хочет рекомендовать всем нам) и сказали, что имейте в виду, что рваческих исков мы принимать к рассмотрению не будем. Я спросил т. Иванова, что такое рваческий иск. Он, конечно, ничего не ответил.

У нас существует ст. 117 ГК. Должны мы ее применять или нет? У нас нет сейчас нэпманов, нет кулаков, которых мы в свое время били. Но ст. 117 остается, и мы должны уметь ее применять. А вот т. Иванов установил в Ленинградском суде такую практику, что он не принимал исков по упущенной выгоде. Спрашивается, куда т. Иванов девал ст. 117? Вы, может быть, скажете, что эта статья нэпманская? Нет, эта статья направлена против тех людей, которые разбазаривают чужие интересы, чужое время.

Недавно на совещании московских судей и прокуроров выступил т. Хрушев, который говорил о том, как иногда у нас растрачивается дорогое время, когда мы задерживаем по целым часам в приемных пришедших к нам граждан, не уважая их труд, вызывая и держа того или иного гражданина в приемной в течение почти целого дня. Вот я допускаю, что какой-нибудь гражданин, не бездельник, как тот, который вызвал к себе этого гражданина, а человек деловой, предъявит к этому бюрократу иск об упущенной выгоде. Не может быть такого иска? Нет, такой иск может быть. Может ли такой иск принять наш суд? Да, он обязан

этого иска принять. Будем мы пользоваться ст. 117? Будем. Гражданин предъявит иск об упущенной выгоде за то, что он два часа или четыре простоял в очереди в сберкассе, за то, что он долго простоял у прилавка за сахаром и т. д., и эти иски суд будет обязан принимать к своему производству, ибо так диктует нам сталинская Конституция.

Иванов. Убытки, но не упущенная выгода.

Вышинский. Новое профессорское толкование, но эта упущенная выгода есть мой убыток. Тут, т. Иванов, такого рода крючкотворство делу не поможет...

Я не рассчитываю специально на этом останавливаться, я хочу проиллюстрировать на этом примере, на выступлении т. Иванова систему так называемой профилактической работы суда. То, что говорил здесь т. Иванов — издевательство над интересами и правами граждан, над законом, над правосудием. На каком основании Ивановы вызывают к себе людей, не совершивших ни проступков, ни преступлений, и предъявляют к ним незаконные требования?

Недавно один прокурор позволил себе вызвать в прокуратуру председателя товарищеского суда для объяснений по поводу поступившей на этого председателя жалобы. Когда этот товарищ обратился ко мне, я сказал: «Вы к прокурору не ходите, а я его вызову к себе». Я вызвал этого прокурора и спросил его: на каком основании вы позволяете себе такие вызовы? То же самое я могу сказать т. Иванову. У суда есть другой метод борьбы — отказать в иске и возложить судебные издержки на виновную сторону. А то, что говорил т. Иванов, способно вызвать тревогу. А это ведь председатель Ленинградской гражданской коллегии. Что мы не знаем законов, не умеем законами обращаться, как нужно, как требуется, и очень часто опираемся в узко формальную сторону, опираемся в текст, в слова, несмотря на то, что действительные правоотношения совершенно иные, чем те, которые скрываются за формулами, указанными в законе, — это наша большая беда. В этом отношении нужно обратиться к действующему кодексу, который знает ст. 5 ГК, которая обязывает суд рассматривать правоотношения, как они действительно существуют, которая не позволяет ссылаться на формальную сторону дела. Некоторые думают, что это не касается суда.

Научиться при помощи великой теории Маркса—Ленина—Сталина, единственно и по-настоящему научной теории, уметь читать законы, понимать законы, суммировать законы, уметь эти законы корректировать и определять направление их огня — это наша первая задача. Мы должны преодолеть узкий, частично-правовой горизонт нашего Гражданского кодекса и ГК, как и УК и УПК. Нам пужно скорее изжить болезнь юридической схоластики. Я не могу согласиться с тем, что, пока не будет создан новый Гражданский кодекс, до тех пор мы поставлены в положение людей, связанных по рукам и ногам, и не можем развернуть творческой работы для удовлетворения требований нынешней социалистической эпохи. Я думаю, что можно на основании нынешнего кодекса вести линию правильно, если уйти из-под влияния пережитков буржуазного юрицизма, который, к сожалению, у цивилистов является чем-то вроде второй природы, гораздо в большей степени, чем у кого-либо другого.

Тов. Борисов в своем докладе сделал попытку провести некоторую черту размежевания между вопросами, которые должны привлекать внимание прокуратуры в порядке выполнения требований ст. 254 и других статей ГПК, и между теми вопросами, которые не должны привлекать ее внимания. Он эту попытку сделал и в известной степени удачно. Но я согласен с т. Казанским, который обращал внимание и на другую сторону этого дела, говоря, что нельзя руководствоваться внешним, формальным определением, что нельзя говорить так: когда нарушены интересы государства — это дело прокуратуры, а когда этого нет — то и прокуратуры это не касается.

Дело не в том, чтобы определить признаки или условия, требующие прокурорского вмешательства, а вмешиваться тогда, когда это вмешательство оправдывается принципами, лежащими в основе нашего ГПК, а этот принцип — интересы государства и трудящихся масс. Выполняем ли мы правильно этот принцип? Я должен сказать, что нет. Мы очень часто слишком расширительное понимание вкладываем в эту формулу — интересы государства и трудящихся масс, мы даем слишком распространительное толкование пониманию о трудящихся массах.

Нередко мы вмешиваемся в дело, когда оно вовсе не затрагивает интересов государства или трудящихся масс, когда оно ограничивается очень узким кругом интересов, вовсе не затрагивающих интересов государства или трудящихся масс.

Мы чрезвычайно широко и вопреки прямому смыслу закона пользуемся ст. 254-6 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.

Правильно это или неправильно? Это, конечно, неправильно. Очевидно, для прокурора должен быть более строгий критерий вмешательства в гражданские дела, чем нарушение интересов отдельного гражданина. Я подхожу тут к первому положению т. Борисова, которое нужно несколько уточнить и немного подправить. Я так понимаю его выступление, и это соответствует той тенденции, которую он пытается осуществлять в нашей работе, вопреки предостережениям, которые руководство прокуратурой в этой области делает, — именно побольше вмешиваться в гражданские дела первой инстанции. Мне кажется, что это требование неправильно. Эта установка для прокуратуры опасна.

Опасность и ошибочность этой установки вытекают из двух положений: во-первых, прокуратура не может с такой задачей справиться. Я утверждаю, что она с этой задачей не справится и ее захлестнет этот поток дел и отвлечет от основной задачи — стоять на страже интересов государства и трудящихся масс.

Если прокуратура будет вмешиваться в каждое гражданское дело — в спор о комнате, о лампе, об уюте, о выбитом стекле и не вовремя уплаченной арендной плате за квартиру и т. д., то за целым ворохом этих, хотя и важных дел отдельного человека, дел прокуратура не сможет выполнить своей основной задачи — охраны интересов трудящихся масс и Советского государства. Это неправильно еще и потому, что внушает мысль, что защита человека в суде — это дело только прокурора, но это из чего не вытекает.

В самом деле, у т. Борисова сквозила такая мысль, что если прокуратура будет вмешиваться широким фронтом в гражданские дела, то в суде наступит справедливость, в суде будет меньше ошибок и судебная политика поднимется на должную высоту. Это, по-моему, неправильно. Это — извращение представления о задачах нашего суда как стража закона и интересов социалистического государства и граждан.

Правда, на прокуратуру возложена государством специальная обязанность охраны закона и интересов Советского государства. Прокурор — это представитель государственной власти, на которого возложена защита государственных интересов в суде. Но суд точно так же призван к охране этих интересов. А по т. Борисову выходит так, что будто суд отвечает в меньшей мере или совсем не отвечает за это. Он говорит: «Я думаю, что через некоторое время наступит такой момент, когда мы будем говорить о качестве работы прокурора, исходя не из процента участия прокуратуры в делах в порядке осуществления надзора, а исходя из участия его в первой и второй инстанциях».

Значит, качество работы прокуратуры по гражданским делам и гражданского суда должно зависеть от того, участвует или не участвует прокуратура в гражданских делах в первой или кассационной инстанциях. Я считаю, что это неправильно. Если мы так поставим вопрос, как ставит его т. Борисов, то получится, что суд есть привесок к прокуратуре, и все пыльные слова о том, что нельзя допускать, чтобы прокуратура командовала судом, — все эти пыльные речи превратятся в пустые слова. Суть же заключается в том, что как судья ни старайся, но пока не будет стоять около него дядьки — прокурора, работа суда на должную высоту не поднимется.

Я как Прокурор Союза не рекомендую прокурорам переносить центр тяжести своей работы по гражданским делам в первую инстанцию, я не говорю: поменьше надзорных протестов, побольше участия прокуратуры в первой инстанции. Я не могу выбросить такого лозунга потому, что это не нужно. Не нужно, чтобы прокуроры совали свой нос во все дела, проходящие через первую инстанцию. Это значило бы ослабить судебный надзор прокуратуры, подменить прокурорский надзор непосредственным участием в практической работе первой инстанции. Если бы мы последовали такому совету, мы утонули бы в настоящем океане мелких гражданских дел.

Участие прокурора в работе суда по гражданским делам должно определяться важностью в принципиальном смысле этого слова вопросов, подлежащих прокурорской ревизии или надзору.

Как в кассационном порядке, так и в порядке судебного надзора прокурор должен вмешиваться в гражданские дела лишь в особо ответственных случаях, тогда, когда это вызывается интересами государства, социалистического строительства и трудящихся масс. Что это значит? Это значит: прокурор защищает интересы советского строя, советского общества, интересы, где затрагиваются общественные или государственные нужды или потребности, интересы, в которых отражаются принципы советского государственного социалистического строительства, когда нужно помочь слабому

(ребенку, матери, старикам-родителям), когда нужно предотвратить нарушение закона, затрагивающее интересы государства, целого народа, когда нужно вступить в бой с несправедливостью, когда нужно дать или обеспечить удовлетворение социалистическому правосознанию, чувству социалистической законности.

Рассчитывать на то, что прокуроры могут вступать во все дела, нельзя. Они могут вступать в эти дела тогда, когда этого требует закон и общественный, государственный интерес. Сам закон (ст. 2 ГПК РСФСР) обязывает прокурора это делать тогда, когда, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс.

Я обращаю ваше внимание на тот момент, который подчеркивается в ст. 2, «по его мнению». Значит, заранее закон не устанавливает, когда это будет. Закон это предоставляет прокурору, который своим социалистическим сознанием, пониманием своих прокурорских обязанностей, правильным пониманием того, чего требуют интересы государства, должен определить, должен или не должен он, прокурор, вступить в то или другое дело. Это возлагает на прокурора громадную ответственность. Он должен быть готов выполнить эту высокую свою обязанность.

Я считаю, что задача наших органов прокуратуры в области гражданской судебной практики заключается отнюдь не в том, чтобы звалить на свои плечи возможно большее участие в гражданских делах, начиная с первой инстанции. Наоборот, я бы сказал: поменьше участвуйте в первой инстанции и в кассационных инстанциях по гражданским делам, побольше вступайте в дела по мотивам принципиального характера.

Тут надо подчеркнуть еще одну важную деталь. Дело не в том, что судья не может правильно разобраться в деле и что поэтому ему нужна помощь прокурора. Дело в том, что судья не может отделить мелкие дела от крупных дел; судья обязан рассматривать все и всякие дела. В потоке дел, с которыми судье приходится иметь дело, он не в состоянии зачастую выделить дела, имеющие принципиальное значение.

И вот здесь ему нужна помощь прокурора, которая должна заключаться в том, чтобы помочь судье из массы дел, из целого потока гражданских дел, который судья не имеет права не принимать к своему производству, чтобы из этого потока отобрать важнейшие, принципиальные, имеющие политическое значение дела и помочь судье на этих вопросах сосредоточить свое внимание. Тогда у нас меньше будет политических ошибок, потому что прокурор будет не дублировать работу судьи, а будет помогать ему на том участке, который судья не охватил и не мог охватить по особенностям своей судейской работы.

Судья не может сказать, что такое-то дело я не желаю рассматривать, это мог только т. Иванов так сказать. А прокурор может сказать, что в эти дела я не буду вмешиваться, потому что закон меня не обязывает вмешиваться во все дела, а обязывает меня вмешиваться в те дела, которые требуют защиты интересов государства, защиты интересов трудящихся масс.

Поэтому я должен внести поправку в эту часть доклада т. Борисова.

Я не могу согласиться с т. Борисовым и в другом вопросе.

Тов. Борисов говорит: «Если прокурор подал протест, то будь любезен этот протест довести до конца... Если провал в ГКК, иди в президиум, в пленум, до конца добивайся торжества своей точки зрения, несмотря на то, что протест отклонен».

В такой «прямолинейной» постановке этот совет неправилен. Конечно, нужно добиваться «торжества своей точки зрения». Но при одном, очевидно, условии: если эта точка зрения правильна. Тов. Борисов это-то и упустил сказать. И вышло, что прокурор должен протестовать «до конца» и несмотря ни на что...

По т. Борисову выходит так, что прокурор в суде ничему научиться не может, ничего не может узнать, увидеть и услышать, что могло бы изменить его первоначальную точку зрения. Он забывает, что благодаря состязательности прокурор часто получает возможность увидеть вещи и явления в новом освещении, с иной стороны, чем он их видел до суда. Противная сторона представляет свои доводы, свои доказательства. Может же случиться так, что истина окажется не на стороне прокурора и что суд станет против прокурора в полном соответствии с фактами, логикой и требованиями закона. Почему в таком случае прокурор должен протестовать по борисовскому рецепту «до конца» и «несмотря»... Почему? Такая установка неправильна. Этот совет очень похож на совет «дуй до горы», лишь бы не остановиться, не отстать, не посрамить чести прокурорского мундира.

Я советовал бы действовать иначе, так, как обязывает прокуроров действовать, например, ст. 206 УПК: при отсутствии внутреннего убеждения в виновности подсудимого надлежит отказать от обвинения.

Так и в гражданских делах: при отсутствии уверенности в правильности своей позиции, после отклонения прокурорского протеста, дальше не ити. Тов. Борисов говорит:

«Одно из двух, либо не надо было соваться с протестом, а если протест подал, то добивайся его до конца, до судебно-надзорной коллегии и до пленума Верховного суда Союза ССР»...

Как вы видите, мы здесь с т. Борисовым расходимся, как говорится, во взглядах. Придет т. Борисов внести и в эту часть своего доклада поправку.

Еще два слова. Я не могу не остановиться на одном замечании народного судьи, который выступал передо мною. К сожалению, я застал только конец его речи. Он сказал, что в настоящее время у судьи нет никакой перспективы. Сидишь, мол, судей и дальше двигаться некуда. Это очень неправильная точка зрения. Ведь что может быть почетнее должности народного судьи в Стране советов? Разве можно подходить к судебной работе с точки зрения служебной карьеры? Разве не обеспечивает наша великая сталинская Конституция нашему судье высокий почет, высокое уважение и внимание, как избраннику советского народа, избраннику, получающему из рук самого народа громадную власть, получающему великое право именем народа и социалистического государства решать дела, затрагивающие самые священные интересы и государства и граждан? Народный судья в нашей стране — это народный избранник, обеспеченный величайшим на-

родным доверием. Это ли не величайшая награда, не величайшая честь!

Звание советского судьи — одно из почетнейших званий в Советском государстве, которое обложено величайшим доверием масс советского народа. Судья должен осуществлять функции, которые записаны в Конституции великим, замечательным словом «советское правосудие». Это надо помнить. Это великая честь, которое может быть оказано человеку, искренне и честно участвующему в строительстве нашего социалистического общества (шумные, продолжительные аплодисменты).

Острер (гражданский отдел прокуратуры УзССР). Работа гражданского отдела началась 15 июля 1936 г., однако прокуроров в отделе до сего времени нет и отдел работает в составе только одного начальника. За 4 месяца было затребовано 113 дел, принесено протестов по 35% этих дел. Поступает много жалоб по алиментным делам на несвоевременный платеж алиментов. По существу это — жалобы на судебных исполнителей и они не должны направляться в прокуратуру. Прокуратура мало участвует в работе суда и не выступает в первой инстанции. Все же в последнее время мы предъявили 450 исков по алиментным делам, когда обнаружили, что ответчики платят по 5—7 руб. в месяц.

Пруицкий (председатель ГК Верховного суда УССР). Наиболее больным в работе наших судов по гражданским делам является то, что когда приходишь в народный, областной и даже Верховный суд, то не чувствуешь, что находишься в суде. Порой кажется, что находишься в жилищном отделе треста. Нет ссылки на закон, а решение дела не имеет правового характера.

Недавно случилась кража в студенческом общежитии. Воры украли чемодан техника общежития, и техник потребовал возмещения стоимости украденного. Народный суд допросил свидетелей о том, какие были вещи и сколько они стоили. Институт возразил, ссылаясь на правила внутреннего распорядка, по которым вещи нельзя держать в помещении, а следует сдавать в кладовую. Но техник сказал, что не знает такого правила, и суд удовлетворил иск. Кассационную жалобу института не удовлетворили, так как факт кражи был подтвержден комендантом, а стоимость вещей — свидетелями, а правовой вопрос о том, обязано ли учреждение отвечать за кражу, совершенно обошли.

Здесь говорилось, что бухгалтерам нечего делать и потому они отправляют дела в суд. Между тем, по инструкции НКФ, утвержденной СНК СССР, заключительные балансы должны содержать расчеты, признанные и кредитором и должником, а если расчеты не признаны, дела должны быть переданы в суд или арбитраж.

Суды занимаются делами организаций общественного сектора до 1000 руб. Нужно поставить вопрос о работе арбитража и если все останется попрежнему, то и дела до 1000 руб. надо передать в арбитраж.

Вышинский. Сие от нас не зависит.

Пруицкий. Пока мы будем заниматься делами до 1000 руб., мы не заставим наших судей как следует заниматься ими.

Вышинский. Занимайтесь хорошо делами до 1000 руб.

Пруицкий. По жилищным делам мы считаем, что нельзя так выселять, как предлагает т. Рейхель. Вот пример: рабочий ломает замок и занимает комнату, которая присуждена другому гражданину. Прокурор дает распоряжение выселить захватчика. Когда приходит милиция, то беременная жена рабочего ложится на пол и начинает кричать. Прокурор дает распоряжение не выселять, и комната остается у захватчика. Дело не только в захватчиках, а в той массе людей, которые получают от жилищных отделов неправильно выдаваемые ордера. Когда этим ордероносцам говорят, что жилищный отдел сделал ошибку и вас нужно выселить, — то им трудно понять законность выселения.

Суды зачастую не хотят брать на себя ответственности за решение дела. Как только у судьи возникает сомнение, он обращается в высшую инстанцию. Отсюда — тяга к циркулярам. С этим нужно повести решительную борьбу: ты судья, решаешь дело, правильно применяешь закон.

Литовский (прокуратура Дагестанской АССР). У нас гражданские дела составляют 64% всех судебных дел. Имеется особенность: в Дагестане есть высокогорные и плоскогорные районы. В плоскогорных районах на 72 уголовных дела приходится 422 гражданских, тогда как в высокогорных районах уголовных дел больше, чем гражданских. Горцы не обращаются в суды, за разрешением имущественных споров, а разрешают их на основании адата и бытовых пережитков. Процент отмены решений за 1936 г. у нас достиг 36. Сроки прохождения дел, в особенности трудовых и алиментных, еще велики. Причины этого в недостаточности подготовки работников и в том, что в главном суде Дагестана до сих пор не создана специальная гражданская коллегия. Гражданские дела во второй инстанции рассматриваются теми членами главного суда, которые свободны. Продолжается рассмотрение дел пачками, не изжито упрощенство, дела рассматриваются без участия ответчика и т. д.

Гражданский отдел прокуратуры еще не организован. Настоящее совещание и, особенно, установки, данные т. Вышинским, должны подтянуть судебно-прокурорскую работу в Дагестане.

Лисицын (председатель ГК Верховного суда РСФСР). Обследуя Калининский областной суд, я зашел в камеру народного суда. В течение часа народный судья рассмотрел 8—9 алиментных дел, уделяя каждому делу около 5 минут. Такое отношение к делам недопустимо: судью, общественного и политического работника, явно не интересовало социальное явление, отраженное в этих делах. Есть вдумчивые судьи в том же Калинин, например, т. Воронцевич, поставившая интересный вопрос: Заготзерно принесло пачку исков, я отказала в них, они не обжаловали. Эти иски — требования штрафов от крайпотребсоюзов за опоздание в подаче заявок, тогда как заявки никакого реального значения не имеют. Это — мелкие дела, но пренебрегать ими нельзя.

Определения наших кассационных коллегий пишутся канцелярским языком, в них больше фраз, чем правильных мыслей. В том же Калинин народных судей привлекают для работы в кассационной коллегии. Это — хорошая школа, но она часто превращается в формальную школу. Мне попалось определение, написанное

молодым народным судьей на двух страницах, а когда я попытался его отредактировать, то от него осталось только 10 строчек, все остальное был набор ненужных слов, причем в каждом по 2—3 орфографические ошибки. Нужно учить на таких определениях, выправлять их и с политической стороны, и с точки зрения доказательств и стиля, но этого не делается.

Необходимо поставить вопрос о пределах прав судьи при применении закона. Может ли судья, считая, что закон устарел или что по конкретному делу нет закона, сказать: «Я решаю дело, исходя из общего смысла политики партии и правительства». Это серьезный вопрос и нужно продумать, как судье подойти к решению целого ряда дел, которые подлежат разрешению в духе сталинской Конституции.

Таковы вопросы по делам личной собственности, права застройки, жилищные, колхозной собственности, вопрос о ст. 407 ГК, по которой госорганы не отвечают, если их ответственность не предусмотрена особым специальным законом. Специальных законов же нет. Эта статья была в свое время направлена против покушений нэпманов на государственный карман, в настоящий же момент ее применения затруднительно. Если считать, что она устарела, то возможны случаи, когда дела будут решаться вопреки этой статье, исходя из духа сталинской Конституции. Но нельзя предоставлять судье решать, как вздумается: надо дать указания, как решать, надо потребовать, чтобы НКЮ Союза в самое ближайшее время дал эти указания.

Амфитеатров (Институт советского права). Теоретическая работа по вопросам гражданского права на известном этапе не только не препятствовала, но даже содействовала недооценке ряда правовых категорий. Это находилось в общей связи с левачкой недооценкой права и государства, которая нашла определение и в конкретных вопросах нашего хозяйственного и гражданского права. Основная причина недооценки объясняется тем, что не были поняты до конца новые черты, присущие гражданскому праву в социалистическом обществе. Некоторые теоретические работники утверждали, что развитие и укрепление социалистических имущественных отношений ведет к свертыванию личных имущественных отношений граждан. Эта позиция оказалась полностью битой: люди недооценивали новых социалистических правоотношений, возникающих в условиях победы социализма.

Социализм заключается в обобществлении средств производства и в распределении продуктов по мере работы каждого. Личная собственность в условиях социализма есть собственность на предметы потребления, а не на средства производства. Она связана с социалистическим хозяйством. Охраняя социалистический принцип распределения по труду, мы тем самым охраняем общественную, социалистическую собственность.

Право на личную собственность является выражением нашей политики, направленной на укрепление материальных и культурных интересов трудящихся. Недооценка значения регулирования гражданских правоотношений есть непонимание того нового, что социализм дает каждому трудящемуся.

Ошибочно было бы отождествлять всю систему имущественных отношений в социалистическом обществе только с гражданским правом. Граж-

данское право регулирует имущественные отношения трудящихся друг с другом и с обществом. Наряду с этим мы имеем систему хозяйственных отношений социалистических предприятий и организаций. В ней мы сталкиваемся с вопросами общественной, социалистической собственности. Эта область, которую мы в теоретических работах называем областью хозяйственно-административного права, вместе с гражданским правом в целом называется хозяйственным правом. Гражданское право есть существенная часть единой системы хозяйственного права.

Наши практические работники в области гражданского права слабо знают не только теоретическую литературу, но и действующее законодательство. Работа не пойдет вперед, если не будет взята установка на учебу.

Солодиков (гражданская судебная коллегия Верховного суда СССР). В выступлении т. Прушицкого отметилась нотка противопоставления законности и целесообразности. В практике УССР имеется ряд таких случаев, и в Киеве установилась следующая практика: вы выезжаете в командировку и оставляете квартиру, а в ваше отсутствие ее занимают. Вернувшись, вы предъявляете иск о выселении гражданина, занявшего квартиру, но суд говорит: он все делал законно, так как получил ордер, а потому его нельзя выселить, пока ему не дадут другой площади; вы же пока живите, где хотите. Вот к чему приводит «целесообразность» в жилищных делах.

Аналогичные случаи есть и в практике Верховного суда РСФСР. Нужно поставить принципиальный вопрос о недопустимости таких решений. Когда народный судья получает такое определение Верховного суда, то он думает: значит, и я могу делать то же самое.

На Украине, в Узбекистане и Туркменистане до сего времени сторонам не посылают повесток о слушании дела в кассационной инстанции. Это должно быть устранено.

Следует сказать о работе сельских судов. Их подсудность значительна, и они разрешают дела на большие суммы, но за работой их никто не надзирает. Нужно организовать этот надзор.

Орлов (Прокуратура РСФСР). В разрешении гражданских дел наблюдается пренебрежение к закону: оно заключается в чрезмерно расширительном толковании, в присвоении непредоставленных по закону прав, в отсутствии в судебных решениях ссылок на закон. Ряд судов, в частности столичные, перебрасывают дела из судов в административные органы, в результате чего не выполняются решения партии и правительства. Так, невыполнено постановление о выселении из студенческих общежитий, и прокуратура с трудом убедила Мосгорсуд, что ряд дел о выселении из общежитий подведен суду.

Резкие нарушения законности имеются и по трудовым делам. Вчера пришла одна работница и сказала, что ее уволили за невыполнение распоряжения начальства. Оказалось, что ее заставили дежурить 2 раза по 12 часов. Суд признал ее увольнение правильным, тогда как это является издевательством над законом. Неблагополучно положение с колхозными делами: так, в Смоленском суде есть дела организации, предъявившей к колхозам иски на сумму свыше 12 млн. руб. за невыполнение дорожных работ; колхозу не предъявляют

предварительно акта о невыполнении работы, а прямо обращаются с иском в суд. Вот отдельные примеры из судебной работы: в деле народного суда 3 уч. г. Златоуста есть только исковое заявление и решение, протокола судебного заседания нет, ответчик не вызывался. В Свердловске вынесено решение: «восстановить на работе с оплатой вынужденного прогула, а если администрация не согласится, выдать выходное пособие». Милютинский сельсовет выдал справку о рождении ребенка, а в графе примечаний написал: «незаконнорожденный от девки». Это — кулацкая вылазка, мимо которой прошли и судьи, и прокуроры.

Гоглидзе (народный судья г. Тбилиси). У нас на каждом шагу применяется целесообразность, но этого не должно быть. Решение дела предусматривается законом, и помимо закона нельзя говорить о какой-то целесообразности. Прокуратуре следует стать ближе к суду. Она чаще участвует в порядке надзора, а это задерживает исполнение судебных решений и приводит к тому, что в конце концов суд, по соображениям целесообразности, отменяет законно вынесенное решение.

Розенберг (прокуратура Харьковской области). Условия нашей работы таковы, что выступления прокурора в первой инстанции, как правило, исключаются. Нужно улучшить порядок надзора. Особенно большими являются вопросы выселения, отнимающие у нас 50% времени, как и во всех больших городах. Сложность их в том, что никто не желает выселять. Закон предоставил право ведомствам выселять посторонних из ведомственных домов, но суды и прокуратуры под разными предлогами отклоняют выселения.

Ястржембский (Мосгорсуд). Правильной работе суда мешает отсутствие единой судебной политики, в частности по жилищным делам. Я не согласен с т. Прушицким, который сказал, что судье достаточно знать закон и он разрешит дело. С такой задачей справятся квалифицированные судьи, а малоподготовленным судьям нужны указания. Нашим работникам нужно дать сборники разъяснений законов и теоретическую литературу. Перед нами задача подготовить для Москвы не менее 100 новых судей и дать трудящимся в суде защиту их прав. Сейчас есть недостатки, примером которых служит, например, ответ народного судьи Сокольнического района, который на ходатайство прокурора освободить от судебной пошлины иск женщины о разделе имущества с мужем ответил: «пусть прокурор платит за вас». Такой работник суда не будет избран населением в народные судьи.

Швейцер (гражданский отдел Прокуратуры СССР). Необходимо изменить порядок надзора за судебными решениями. Теперь надзор осуществляется одновременно и прокуратурой и судебными органами, и этот параллелизм ненормален. В работе судов союзных республик имеется ряд дефектов. В г. Баку судебный исполнитель выселил гр. Кириллова без судебного решения. Судебный исполнитель ведал исполнением решений по делам Азнефти и по просьбе директора последней выселил в административном порядке Кириллова из дома, арендуемого Азнефтью; прокуратура санкционировала выселение. Это было в 1933 г., но Кириллов не вселен обратно и по сей день. В свете того, о чем здесь говорил т. Вышинский, трудовые дела требуют особого внима-

ния. Один гражданин был уволен с работы, и Верховный суд УССР (т. Прушицкий) признал, что увольнение было незаконным, но не постановил восстановить его на работе. Когда же прокуратура стала настаивать на восстановлении, т. Прушицкий ответил, что восстановление не может быть удовлетворено, так как с момента увольнения прошло много времени: «В СССР нет безработицы и т. Мендель, неправильно уволенный, мог за такой большой промежуток найти себе работу». Это неправильно, противоречит закону и не учитывает, что хотя безработица у нас ликвидирована, но все же отдельные работники из-за бюрократических грубых нарушений законов могут по несколько месяцев не получать работы.

Крейчман (Верховный суд БССР). В судах БССР все еще отмечается пренебрежительное отношение к гражданским делам. В гражданской коллегии Верховного суда до ноября 1936 г. было лишь три человека, из которых большую часть года работали только двое. Этот состав не мог, понятно, справиться с рассмотрением 12 000 гражданских дел. Та же недооценка этих дел и в прокуратуре БССР. Не случайно за первое полугодие 1936 г. ею были принесены протесты по 1079 уголовным делам и только по 54 гражданским. Нам предлагают разгружать гражданские дела, но мы не грузчики. Мы должны судебным порядком рассматривать дела, а не разгружать их. До организации гражданского отдела прокуратуры, как ни странно, прокуратура принимала больше участия в рассмотрении гражданских дел: то придет прокурор с.-х. сектора, то прокурор промсектора, теперь же организован отдел из двух человек, и положение ухудшилось. Нужно усилить кадры работников.

Борисов (заключительное слово). Прокурором СССР т. Вышинским были сделаны отдельные поправки к моему докладу. Надо сказать, что на протяжении последних двух лет т. Вышинский неоднократно ставил вопрос о значении гражданского правового фронта и о задачах, стоящих перед прокуратурой по гражданским делам. Еще на I всесоюзном совещании работников юстиции т. Вышинский требовал, чтобы суд стал основным производственным участком в работе прокуратуры. Тогда же по его докладу был поставлен вопрос о восстановлении гражданских коллегий в судах. В 1935 г. т. Вышинский возбудил перед СНК СССР вопрос об организации специальных гражданских отделов в прокуратуре. На ряде оперативных совещаний в Прокуратуре Союза уделялось очень много внимания конкретным гражданским делам.

Такое внимательное отношение нашего руководителя к проблемам гражданского права должно помочь работникам прокуратуры успешно реализовать стоящие перед нами задачи.

Тов. Вышинский отметил, что он не почувствовал в моем докладе достаточной самокритики гражданского отдела Прокуратуры Союза. Отделом было сделано многое, но следует констатировать основной недостаток его работы: недостаточное руководство периферией — не была найдена та форма работы, которая сочетала бы вопросы текущей работы и вопросы руководства. Наряду с этим имело место недостаточно критическое отно-

шение к истребованию дел в порядке надзора, текучка в работе и пр.

По вопросу о принесении протестов т. Вышинский подчеркнул, что не со всяким протестом нужно идти «до конца». Если протест основан на правильно понимаемом законе, если в нем прокурор борется за социалистическую законность и если протест неправильно отклонен, то от этого протеста нельзя отказываться. Но если протест оказался неосновательным, то поддерживать его дальше не нужно.

По вопросу об участии прокуратуры в работе суда не следует считать, что прокурор является каким-то комиссаром при суде; суд должен в первую очередь сам бороться за социалистическую законность. По вопросу о работе прокурора в суде первой инстанции и в кассационном суде необходимо подчеркнуть, что эта работа должна охватить наиболее ответственные категории дел, политически важные с точки зрения государства и трудящихся. Тов. Вышинский отметил, как положительную, мою попытку наметить принципиальный критерий для участия прокурора в гражданских делах. Критерии, по моему мнению, должны быть следующие: материальная заинтересованность государства, дела, имеющие сугубо политическое значение (например, колхозные), и дела частных лиц, нуждающихся в особой заботе со стороны государства. Нужно добавить еще один критерий: дела принципиального значения; там, где вопрос ставится по-новому, там, несомненно, полезно будет участие прокуратуры.

По вопросу о надзоре по гражданским делам нужно сказать, что надзор нам необходим, так как имеется целый ряд неправильных решений, требующих прокурорского вмешательства. Но надзор должен быть введен в рамки: требовать дело в надзорном порядке нужно лишь тогда, когда имеется достаточно данных утверждать, что дело решено неправильно. По вопросу о сроках надзора: областной прокурор не может самостоятельно затребовать дело по истечении трехмесячного срока, но если Прокуратура Республики поручит ему затребовать дело и принести протест и после этого срока, то такое поручение должно быть выполнено.

Рейхель (заключительное слово). Тов. Файнблит правильно указал на недостатки работы гражданско-судебной коллегии Верховного суда Союза. Все же к активу работы коллегии следует отнести организацию гражданских коллегий в судах, достигнут некоторый поворот судебных работников лицом к гражданским делам и то, что постановление 52 пленума Верховного суда о соблюдении процессуальных норм стало основным документом для работы судов.

Цифры, касающиеся кассационных жалоб, очень важны, но неправы те, кто понял меня так, как будто я говорил о слишком большом количестве подаваемых у нас жалоб. При надлежащей постановке юридической помощи и при повышении юридической грамотности населения цифры обжалования должны расти, но в то же время эти цифры должны уменьшаться, если повышается качество судебных решений. В 1936 г. процент обжалования решений не понизился, а увеличился; это ведет к выводу о том, что приостановилась борьба за улучшение качества судебных решений. На-

ше совещание должно дать толчок к новому сдвигу в этом отношении.

Сталинская Конституция подчеркивает роль и значение закона и провозглашает принцип стабильности закона на данном этапе развития социалистического строительства. Мы должны вести борьбу за устойчивость закона. Стабилизации закона корреспондирует в нашей работе устойчивость судебных решений. Поэтому, когда некоторые товарищи, цепляясь за старое, продолжают противопоставлять закон целесообразности, то ясно, что это несозвучно переживаемой нами эпохе. К решению судебных дел мы должны подходить не с точки зрения пресловутой целесообразности, а с точки зрения закона.

По вопросу об исках обобщественного сектора здесь говорилось, что нужно отмахнуться от этих дел, передать их арбитражу и т. д. Это — недооценка наших судов и их роли в деле укрепления хозрасчета и приведения в порядок расчетов внутри обобщественного сектора.

Следует отметить выступление т. Лютого из Днепропетровского областного суда, где борются за внесение культуры в работу кассационной инстанции. Необходимо, чтобы все суды, до сих пор применяющие вывешивание списков дел, назначенных к слушанию в кассационной инстанции, перешли к порядку, осуществленному в Днепропетровске.

Затем был заслушан доклад председателя гражданской коллегии Верховного суда РСФСР т. Лисицына об исполнении судебных решений. В своем докладе т. Лисицын указал, что 22 апреля 1936 г. Комиссия советского контроля при СНК СССР, обследовав работу по исполнению судебных решений, дала резкую, но справедливую оценку этой работе. Она констатировала крайне запутанное состояние этой работы, волокиту, формализм, невниманье к живому человеку, плохие условия работы судебных исполнителей. Были отмечены запутанность учета исполнительных документов, механическая пересылка исполнительных листов на алименты по месту работы ответчиков без последующей проверки со стороны суда, отсутствие подбора кадров судебных исполнителей и случаи злоупотреблений и растрат.

По этому постановлению был принят ряд мер Верховным судом Союза и НКЮ РСФСР. В частности, была предпринята проверка личного состава судебных исполнителей. Однако эта работа еще не полностью выполнена.

По штатам НКЮ СССР намечено значительное увеличение количества судебных исполнителей. В РСФСР в 1936 г. было около 2000 судебных исполнителей, причем в 30% народных судов исполнителей не было. Теперь по РСФСР намечается 3956 единиц народных судов и при каждой из них судебный исполнитель. До сих пор там, где не было судебных исполнителей, исполнение решений судов было возложено на сельсоветы. Это вело к тому, что решения в большей части совсем не исполнялись. Были курьезы, когда исполнение решений поручалось сельсоветом члену пожарной дружины, удерживавшему, наряду с высканьем, 5—6% в свою пользу. Учета взысканий не велось, листы лежали в сельсовете и за ненадобностью уничтожались. По отзыву Западносибирского суда решение приводилось в исполнение только тогда, когда должник хотел его выполнить.

Будет очень хорошо, если благодаря новым штатам судебные исполнители будут иметься в каждом народном суде и можно будет отказаться от услуг сельсоветов, за исключением мелких взысканий в тех районах, куда судебный исполнитель не может скоро добраться.

В данное время состав судебных исполнителей характеризуется следующими цифрами: рабочих — 20%, крестьян — 30%, служащих — 50%, членов партии 17,5%, комсомольцев — 17,3%, беспартийных 65,2%. Женщин очень мало, всего 143, тогда как на этой работе женщина могла бы принести много пользы. С юридическим образованием 11 человек, окончивших ВЮК — 1 человек, 168 чел. окончили курсы и 2044 человека не имеют никакой юридической подготовки. В 1936 г. было передано суду 64 человека. Качественный состав исполнителей неудовлетворителен.

В ряде вопросов работы судебных исполнителей возникают трудности. Как произвести взыскание с совхоза? Вся продукция совхоза принадлежит государству. Один судебный исполнитель описал легковую машину, но она является средством передвижения и без нее совхоз не может работать. С точки зрения неплатежей себя зарекомендовали райпотребсоюзы; можно ли описать имущество сельпо за долг райпотребсоюза? В некоторых системах хозорганизаций есть хозяйственные единицы, являющиеся юридическими лицами. Некоторые из них не платят долгов, а потом ликвидируются. Кто должен отвечать за их долги? В отношении таких организаций мы пришли к выводу, что следует обращать взыскания на вышестоящую хозяйственную единицу, на систему. В Калининне есть организация, у которой за долг НКФ текущий счет арестован в течение нескольких лет; судебный исполнитель, производивший взыскание мелкой суммы, описал пишущую машинку этой организации, и она немедленно уплатила долг. Однако законы не действия судебного исполнителя, получающего взыскание помимо Госбанка, в котором счет ответчика арестован? Думаю, что по мелким взысканиям это не будет нарушением кредитной реформы.

Поражает волокита. Судебные исполнители зачастую не дают ответов на запросы взыскателей, в каком положении их дело. 30% и даже более всех взысканий переходят на следующий месяц, следующий квартал, полугодие и т. д. В 1935 г. 41% взысканий осуществлялось в течение 10 дней, до 1 месяца — 32%, свыше месяца — 26%. В 1936 г. темпы ускорились: до 10 дней — 43%, до 1 месяца — 34%, но эти темпы совершенно недостаточны.

В ряде случаев описывалось имущество, которое по закону нельзя описать; на предприятиях описывали сырье, нужное для производства, в Московской области описали единственную корову у колхозницы за долг по алиментам ее сына, находящегося в Красной армии. Колхозница потеряла корову, а взыскательница получила очень небольшую сумму. По закону эту корову нельзя было описывать.

Суды в большинстве не проверяют денежных книг судебных исполнителей и не производят ревизий. Имеются растраты. В Н-Тагиле в 1936 г. два судебных исполнителя растратили более 20 000 руб., но это удалось вскрыть лишь специальной бригаде, высланной на ме-

сто. Судебных исполнителей осудили на 10 лет, но с народным судьей, в ведении которого они находились, ничего не сделали: говорят, нецелесообразно, он уже переведен в другой район. Нужно выяснять, в чем причины растраты, кто виноват и как ликвидировать растраты.

Условия работы судебных исполнителей крайне неудовлетворительны. Рабочей комнаты нет, иногда нет даже стола, судебный исполнитель сидит в общей канцелярии. Средств передвижения нет, он ходит пешком. Вид его: ходит в майке, засученные рукава, толстый портфель и зверский вид. Необходимо поставить вопрос о форме для судебных исполнителей. Есть факты безобразного отношения к судебным исполнителям: в Татарии директор совхоза, когда судебный исполнитель законно описал лошадь, выгнал судебного исполнителя и лошадь отобрал. На эти случаи суды не обращают внимания и не привлекают к ответственности за дискредитацию суда.

Наблюдаются случаи неправильного вмешательства прокуратуры, когда прокурор после судебного выселения давал приказ вселить обратно. После проверки дела прокурор признал, что выселение было произведено правильно. Мы стали на такую точку зрения: правильное решение было исполнено; раз вы вселяли, то теперь выселяйте сами.

Мы ставим вопрос о стимулировании работы судебных исполнителей, оплачивая их работу по количеству и качеству их труда, о передаче всех денежных взысканий с учреждений и предприятий в Госбанк, о введении вынужденного присмотра и об организации общественного актива вокруг работы по исполнению судебных решений, в частности, путем создания соцсовместителей для осуществления взысканий по тем делам, где есть волокита, злоупотребления и где необходима защита живого человека.

По докладу т. Лисицина развернулись прения, в которых приняли участие: т. Дельцов (Мосгорсуд), Черлунчакевич (Верховный суд СССР), Домбровский (Прокуратура СССР), Булаев (народный судья г. Москвы), Зарайский (Мособлсуд), Рогов (Главный суд Татарской АССР), Андрейчик (Верховный суд БССР), Гогнидзе (народный судья г. Тбилиси).

Выступавшие указывали на недостаточную квалификацию судебных исполнителей, необходимость увеличить их число и повысить их подготовку. Тов. Зарайский отметил существующую безответственность народных судей за работу судебных исполнителей, при которой судебные исполнители рассматриваются не как помощники суда, а как побочный аппарат.

Последним был заслушан доклад заместителя председателя гражданско-судебной коллегии Верховного суда СССР т. Рейхеля о предварительных итогах применения закона 27 июня 1936 г.

Свой доклад т. Рейхель начал с того, что отметил, что статистические данные по 21 краю и области РСФСР указывают, что после издания закона алиментные дела возросли в 1½ раза. В первом квартале 1936 г. было 81 тыс. алиментных дел, во втором — 95 тыс., а в третьем — 138 тыс. Примерно, таковы же данные по другим союзным республикам.

Около ¼ дел, прошедших в третьем квартале, представляет собой дела по пересмотру ранее состоявшихся решений. В то же время ряд докладов с мест отмечает не только рост

дел, связанных с пересмотром, но и прирост новых, впервые заведенных дел. При рассмотрении дел отмечается специфический недостаток работы суда—невручение повесток. Если вообще нельзя рассматривать дело без вызова обеих сторон, то тем более это недопустимо при исках об отцовстве. Число дел, по которым не были своевременно вручены повестки, колебалось в Крымской АССР от 32 до 50%, в Москве из изученных дел по 13% нет сведений о вручении ответчику повестки. Это — недопустимое явление.

Суды очень редко обеспечивают иски по алиментным делам и редко пользуются ст. 24 Кодекса законов о браке, которая позволяет суду до разрешения вопроса о том, у кого останутся дети, присуждать временно сумму, необходимую для обеспечения детей. Немедленное исполнение решения дается не по всем делам, а это незаконно и нарушает интересы детей. Иногда решения пишутся: «присудить в пользу истицы столько-то», не указывая имен, отчеств и фамилий сторон и возраста ребенка, что затрудняет исполнение решения. В решениях допускаются безобразные формулировки, например, судья Елоховского района Куйбышевской области написал: «отказать истице в иске на том основании, что она вообще ведет себя все время распушено». С другой стороны, нельзя доходить до таких положений, какие принял главный суд Татареспублики: «запретить судам отказывать в исках об отцовстве»; это — недопустимый перегиб.

В АССР немцев Поволжья народный судья для проверки сходства ребенка с предполагаемым отцом выбрал из публики трех наиболее солидных людей и сказал: «решите, похож или нет». Те сказали, что похож, и он присудил. Это — негодный прием.

Метод анализа крови разрабатывался Ученым советом Наркомздрава, причем признано, что на данной стадии развития науки он является надежным методом, который может быть рекомендован судам. Мы ставим перед НКЮ вопрос о проработке этого метода и даче соответствующих указаний судам.

Суды не оказывают достаточной помощи в розыске скрывающихся ответчиков. Основной аппарат, имеющий больше возможностей для розыска, НКВД, не достаточно еще мобилизован на эту работу, и суды жалуются, что милиция отказывает в содействии для розыска.

По вопросу о размере алиментов имеется затрудняющий суды вопрос: нужно ли понимать закон так, что никогда нельзя отступать от указанных в нем норм, например, в случаях, когда буквальное применение закона ведет к неравномерному обеспечению одних детей ответчика за счет других его детей. Закон должен быть выполняем так, как он написан, никаких отступлений не допускается.

Ответчики пытаются обойти закон путем искусственных исков детей, оставшихся при отце. Вторая жена, живущая с ответчиком, предъявляет, с его согласия, иск от себя, суд удовлетворяет его, и у судебного исполнителя оказывается 2 исполнительных листа: один в пользу детей, живущих отдельно от отца, другой — в пользу совместно с ним живущих. С такого рода обходами закона необходимо бороться.

Алиментные дела крайне важны. Для правильного их рассмотрения не нужно особой юридической подготовки, правовой материал

легко усваивается. Тем более необходимо достигнуть правильности разрешения этих дел.

В прениях по докладу т. Рейхеля выступили т. Салынь (Прокуратура г. Москвы), Дворецкий (народный судья Горьковской обл.), Алексеев (Горьковский областной суд), Веригин (Прокуратура Ленинградской области), Удрис (председатель Верховного суда УзбССР), Давыдов (народный судья Западной области), Случевский (Прокуратура УССР), Юрина (и. о. прокурора РСФСР), Примак (Одесский областной суд), Борисов (Прокуратура СССР).

Тов. Веригин сообщил, что получил протест районного прокурора по делу одного заслуженного артиста РСФСР, обязанного уплачивать алименты; его заработок составляет 4000 руб., дохода иногда до 10—12 000 руб. в месяц. Народный суд присудил с него 1000 руб. в месяц на одного ребенка; кассационная коллегия областного суда изменила решение, признав достаточной сумму в 500 руб. Истица жалуется на это определение кассационной коллегии, указывая, что она претендует на 25% от заработка ответчика и в те месяцы, когда заработок достигает 10 000 руб. Для таких случаев необходимы ясные указания, в каком размере следует взыскивать алименты.

Тов. Удрис отметил увеличение количества осужденных за неплатеж алиментов после издания закона 27 июня 1936 г.: в Узбекистане в 1935 г. было осуждено 70 человек неплательщиков, а после издания закона количество осужденных увеличилось в 1½ раза. В 1935 г. лишение свободы было применено к 34% осужденных за неплатеж, а в третьем квартале 1936 г. — 47%.

Тов. Давыдов находит необходимым обеспечить положение детей, остающихся у отца, когда последний признан обязанным уплачивать алименты за других своих детей. Он привел пример из практики: истица — учительница, получает 350 руб. зарплаты, имеет домик и на ее иждивении находится один ребенок. Ответчик — рабочий, получает 200 руб., имеет новую семью, 4 детей и стариков отца и мать. Разошлись 10 лет назад. Истица предъявила иск об увеличении алиментов и ей присуждено 25% из зарплаты ответчика.

Случевский. Украинский Кодекс законов о браке, семье и опеке содержит статью о том, что если отец ребенка неизвестен и по делу привлечено несколько соответчиков, то суд вправе избрать одного основным ответчиком, а других признать соответчиками (голос с места: «Получается в виде акционерного общества»). Это — позорная статья и нужно срочно устранить неправомерности, имеющиеся в законодательстве УССР.

Юрина. Я не разделяю мнения товарищей, считающих метод исследования крови для установления отцовства высококультурным методом: даже когда мы прибегаем к судебной психиатрии, имеющей твердую научную основу, то не всегда получаем твердые ответы; в отношении же установления отцовства наука пока еще только карабкается. Задача алиментных дел — обеспечить интересы ребенка. Это еще не всеми судами усвоено. Вот пример из практики Северного областного суда. Женщина жила одновременно с мужем и с его братом, муж об этом знал. Ребенок был записан на имя мужа. Через год — полтора брат мужа женился, а женщина из ревности предъявила иск о признании его, а не мужа отцом ребенка. Муж

в суде заявил, что считает ребенка своим, имеет средства на его воспитание, живет с его матерью, но народный суд удовлетворил иск матери, а областной суд утвердил решение. Подан протест в Верховный суд. Ясно, что народный суд и областной суд копались в ненужных вещах, в интимных письмах и вынесли решение, противоречащее интересам ребенка. У ребенка были все нормальные условия для существования, а его сделали объектом дразн.

Если отец и мать поделили детей, то суду следует взвесить материальную базу обеих сторон и в соответствии с этим вынести решение. Женщины также обязаны платить алименты, и если они иногда поставлены в менее хорошие материальные условия, чем мужчины, то отсюда не вытекает, что их нужно освобождать от материальной ответственности.

Я получила запрос, верно ли, что по закону ребенок при всех условиях отбирается от отца и передается матери. Я ответила, что это бывает в 99% случаев, но что нельзя всегда применять это как схему. Бывают случаи, когда ребенку лучше у отца, и установить это — задача суда.

По вопросу о взыскании алиментов нужно провести пару показательных процессов в отношении тех «хозяев», которые помогают своим служащим укрываться от судебных исполнителей при предъявлении исполнительных листов. Что касается размера алиментов, то нельзя подвергать новый закон никаким колебаниям. Есть закон, и нужно его выполнять. Прокурор должен вмешиваться в алиментные дела только при наличии волокиты, а сейчас он вмешивается больше чем нужно, так как суды плохо работают. Если работа будет поставлена лучше и обязанности суда и прокуратуры будут правильно распределены, то не будет колебаний судебных решений и поднимется их авторитет.

Борисов. Вопрос об исследовании крови по делам об отцовстве важен потому, что это исследование дает доказательный материал при недостатке других доказательств. Тов. Вышинский поставил вопрос об отмене устаревшего циркуляра, не допускающего метода исследования крови, как одного из видов доказательств. По вопросу об участии прокуратуры

в делах об отобрании детей следует напомнить, что это участие обязательно; по этому поводу имеется циркуляр Прокурора Союза ССР. О розыске ответчиков имеется циркуляр НКВД о том, что розыск будет производиться только по предъявлению исполнительных листов; при этом, говорят, можно к ответчику предъявить иск по последнему местожительству, признать его отцом и после этого начать его розыск. Такая установка неправильна, так как толкает на упрощенческий подход к делам об отцовстве. Есть случаи, когда прокуратура одной союзной республики приостанавливает решение, вынесенное судом другой республики. Это незаконно; прокуратура может приостановить дело только при условии затребования его для опротестования, но если, например, Прокуратура РСФСР не вправе опротестовать решение народного суда другой республики, то она не может и приостановить его исполнение.

Рейхель (заключительное слово). Из выступлений некоторых товарищей видно, что они не поняли вопроса о том, можно ли делать отступления от норм, указанных в законе, и учитывать имущественное положение сторон. Повторяю, что закон 27 июня должен применяться во всей его полноте и должны прирассуждаться указанные в нем ставки, не делая коррективов по имущественному положению. Недопустимо халатно относиться к вопросам о вручении повесток по алиментным делам. По вопросу о взыскании судпошлин по искам к колхозникам (где алименты нечисляются в трудоднях) имеется соглашение НКЮ и НКФ, что пошлины в этих случаях будут взыскиваться по твердой ставке 3 руб. При взысканиях алиментов с безработных надо брать суммовой итог, исходя из прежнего заработка, очевидно, этот человек либо укрывается от платежа, либо болен, так как вообще безработных у нас нет. Что касается больших заработков, то никаких директив не имеется и следует исходить из указаний закона.

По алиментным делам особенно необходимо добиться привлечения общественности к работе суда. Общественность окажет помощь в выявлении и розыске ответчиков и в исполнении решений.

Обмен опытом

Оговор со стороны обвиняемых

(Из практики следователя)

Задача следствия заключается в том, чтобы всесторонне исследовать обстоятельства дела и, в случае подтверждения виновности, представить суду исчерпывающий, обоснованный материал.

В практике нередко приходится сталкиваться с фактами, когда обвиняемый по делу указывает на других лиц или как на участников преступления, или как даже на инициаторов его. Показания обвиняемого в данных случаях служат уликой против того, на кого они направлены. Иногда эти ссылки бывают обоснованы и отвечают действительности, а иногда

да являются ложными и направлены только к тому, чтобы переложить вину на другого и тем самым скрыть свою вину. Поэтому подобные факты, когда обвиняемый затрагивает других лиц как участников преступления, подлежат всестороннему исследованию.

Одного показания обвиняемого, конечно, недостаточно, чтобы на их основе предъявить обвинение лицам, против которых они направлены. Показания обвиняемого будут иметь вес и силу как улика, если они подтверждены иными данными по делу. Иначе «оговор» один, без подтверждения, не может быть положен в основу обвинения. В следственной практике случаи такого оговора нередки, и от следователя требуется очень осторожный и вдумчивый подход к показаниям обвиняемого, оговаривающего других лиц.

Приведем один пример из практики, представляющий с нашей точки зрения, некоторый интерес.

Весовщик склада Заготзерна в г. Калуге Чудаков обратил внимание на то, что склад стали посещать неизвестные ему лица, которые постоянно спрашивают заведующего складом Ефимова. На указания Чудакова, что если они приехали за получением хлебобулочных, то он может, при наличии оформленных документов, отпустить сам, эти люди уклончиво заявляли, что им нужен Ефимов — член ВЛКСМ, комсорг всех складов, расположенных при станции Калуга, где был и его склад. Чудаков, дабы не вызвать недоразумений, никому не говорил о своих подозрениях, но наблюдения продолжал. Однажды Чудаков заметил, что на склад приходил какой-то молодой человек, поговорил с Ефимовым, а через некоторое время в склад въехала подвода, на которую Ефимов стал грузить муку, крупу, рис и т. д. Всего было погружено 14 мешков, весом в тонну. Передачи документов Ефимову Чудаков не видел, да и подвода была, очевидно, частного найма. Чудаков усомнился в законности отпуска продтоваров и поставил в известность заведующего всеми складами Соколова. За подводой установили наблюдение и, идя следом за ней, дошли до магазина № 62 Калужторга, где она и остановилась. Как и следовало ожидать, документов на отпуск и получение муки, крупы и т. д. со склада Заготзерна не оказалось. Продтовары получал продавец магазина Анисимов по поручению зав. магазином Чернышкова, сказавшего Анисимову: «Поезжай, получишь такое-то количество таких-то продтоваров, получение уже оформлено».

Иными словами, Ефимов и Чернышков были пойманы с поличным. Ревизия склада установила недостачу на 20 тыс. руб., а по магазину — на 3000 руб. Было возбуждено уголовное дело и начато расследование. Ефимов и Чернышков виновными себя признали. Вместе с тем Ефимов заявил, что не только участником, но даже инициатором хищения был Чудаков, раскрывший преступление, а он, Ефимов, поддался его влиянию. Далее Ефимов показал, что и в этом с Чернышковым случае Чудаков был участником; с ним была договоренность; Чернышков сам говорил с Чудаковым и может подтвердить, что Чудаков — участник преступления.

Чернышков показал, что он, якобы, договорившись с Ефимовым о хищении со склада товаров для последующей реализации через магазин, был послан к Чудакову, а тот его сразу встретил вопросом: «Вы из магазина? Приезжайте». Чернышков, кроме того, показал, что он и Анисимов (продавцу) велел ехать прямо на склад и спросить Чернышкова.

Чудаков свою причастность к преступлению категорически отрицал. Получалось так: с одной стороны, Чудаков раскрыл преступление, а с другой — он участник его, что подтверждалось двумя обвиняемыми.

Руководящие складские работники Заготзерна дали хорошую характеристику Чудакову. Существенное значение имело показание продавца магазина Анисимова, который совершенно не подозревал, что через него производят вывоз похищенных продуктов. Так, Анисимов (получавший товары по поручению Чернышкова) показал, что Чернышков посылал его

на склад, велел найти Ефимова, передать ему записку и привезти груз. Фамилии Чудакова Чернышков совершенно не называл. На складе муку, крупу и пр. отпускал сам Ефимов, и он, Анисимов, больше никого не видел. Чернышков же ждал его у изгороди склада. Отпустил продтовары Ефимов сразу.

Показания Анисимова — совершенно объективного свидетеля — подтвердил еще тот факт, что Ефимов, при содействии Чернышкова, умышленно хотел «впутать» в дело Чудакова за разоблачение его преступной деятельности. Как Ефимов, так и Чернышков приговорены к лишению свободы, Чудаков же не был привлечен, так как в данном случае оговор его со стороны уличенных обвиняемых не только не был подтвержден обстоятельными делами, но прямо им противоречил.

М. Виноградов.

Прием жалоб на производстве

Прокурор Донецкой ж. д. т. Любимов, поставив перед собой задачу максимально приблизить работу прокуратуры к массам рабочих-железнодорожников, направил 11 июня п. г. всех работников прокуратуры в основные предприятия дороги для проведения бесед с рабочими о решении III пленума Комиссии советского контроля «О рассмотрении жалоб трудящихся» и для приема жалоб от трудящихся на производстве.

Работниками прокуратуры Донецкой ж. д. лишь в один этот выезд было принято 240 жалоб на различного рода нарушения революционной законности. 125 жалоб были тут же разрешены на месте, а по остальным были приняты меры к их немедленной проверке и разрешению.

Будучи на производстве, работники прокуратуры получили сведения о многих производственных неполадках, и на основе этих материалов прокурор дороги поставил ряд вопросов в управлении дороги и в политотделе дороги.

В своем приказе от 22 июня Прокурор Союза, полностью одобряя проделанную прокуратурой Донецкой ж. д. работу, указал, что это является «реальным шагом к повышению качества работы прокуратуры по жалобам и к усилению связи прокуратуры с массами населения».

В том же приказе Прокурор Союза предложил всем прокурорам широко использовать опыт прокуратуры Донецкой ж. д.

В настоящей статье мы ставим себе задачей показать, как опыт Донецкой ж. д. применяется в работе транспортной прокуратуры.

В тех прокуратурах, где серьезно подошли к использованию опыта Донецкой ж. д. и стали применять этот опыт в повседневной работе, там мы имеем значительные достижения в работе по рассмотрению жалоб трудящихся.

Прокурор Конотопского участка Московско-Киевской ж. д. т. Любимов, договорившись с партийными и профессиональными организациями Конотопского вагоноремонтного завода, стал принимать жалобы в цехах завода во время обеденного перерыва. После краткого вступительного слова о задачах прокуратуры и о решении пленума Комиссии советского

контроля т. Любимовым принимались жалобы. Большинство жалоб разрешалось на месте, и жалобщики тут же получали исчерпывающий ответ. На жалобы, требующие проверки, ответ сообщали на второй день.

Жалобы рассматривались в цехе в присутствии администрации и завкома. Всего было подано 145 жалоб.

Интересен характер жалоб. На неправильное использование по специальности — 14, на снижение разрядов — 10, на невыдачу спецодежды — 23, на неправильную оплату труда — 32, на непредоставление отпусков — 12, на неправильные действия администрации — 11, на производственные неполадки — 28.

Как видно из этого перечня, эти жалобы крайне актуальны и касаются насущнейших интересов рабочих.

Принятыми прокурором мерами ряд рабочих был переведен на работу по своей специальности; пять жалобщиков были переведены на более легкую работу согласно заключению врачебной комиссии.

Непосредственное общение с рабочими убедило прокурора в том, что с охраной труда на заводе обстоит крайне неблагоприятно.

Так, администрация формально-бюрократически отнеслась к выдаче рабочим спецодежды. Вследствие недоброкачества материала рукавицы приходили в негодность через три дня. Независимо от явной непригодности рукавиц администрация завода доказывала, что рабочий имеет право на получение новых рукавиц лишь через 3 месяца. В сборном цехе мастер решил «экономить» и додумался до того, что выдавал котельщикам только одну рукавицу на правую руку.

Возмутительное отношение к нуждам рабочих подтверждает и следующий факт: рабочий поезд на Бахмач отправляется в 23 ч. 33 м., а работа на заводе оканчивается в 24 часа. Рабочие были вынуждены до утра находиться или на вокзале или в цеху.

46 рабочих малярного цеха имеют право на получение молока, но вследствие халатности и разгильдяйства молоко на завод привозили поздно, часто к концу рабочего дня. В результате молоко портилось, и рабочие отказывались получать его. Вследствие этого накопилось большая задолженность молока и рабочим выдавали молоко сразу за 20 дней.

Все эти и многие другие выясненные прокурором факты наглядно показывали, что заводом и инспекция труда не борются с грубейшими нарушениями законодательства о труде. Прокуратурой был поставлен вопрос перед ЦК союза ж. д. о принятии решительных мер к улучшению работы инспекции труда и завода.

Помощник прокурора Ашхабадской ж. д. т. Ногосян выехал для приема жалоб на ст. Казандумы. Всего им было принято 30 жалоб (15 письменных и 15 устных). В основном жалобы подавались на неправильно наложенные дисциплинарные взыскания. Большинство жалоб были признаны прокурором основательными, и тут же были приняты меры к отмене неправильно наложенных взысканий.

Для иллюстрации приведем две жалобы. Машинист Касаткин был уволен с работы жалобой за опоздание на один день, несмотря на то, что им был представлен бюллетень о болезни. Принятыми прокуратурой мерами Касаткин восстановлен на работе.

Уборщица станции Матюнина, будучи уволена, в течение двадцати дней не могла получить расчета. По предложению прокурора Матюниной деньги были немедленно выплачены.

Принятые прокурором жалобы дали основание сделать вывод, что начальник депо несерьезно подходит к применению устава о дисциплине и зачастую становится на путь огульного применения наказаний. Об этом прокуратурой было сообщено начальнику дороги и начальнику политотдела дороги.

Хорошо был организован тем же прокурором прием жалоб на ст. Джебел. Из 20 поданных жалоб 16 жалоб были разрешены в пользу жалобщиков.

В основном жалобы были на неправильное применение устава о дисциплине и на неправильную выдачу зарплаты.

Вот факты: кубовщица станции Корчагина жаловалась на неправильное объявление ей строгого выговора за якобы несвоевременный выход на работу. Оказалось, что от Корчагинки не было истребовано объяснения, что никаким взысканиям она ранее никогда не подвергалась. По предложению прокурора, начальник станции пересмотрел свой приказ.

Группа машинистов жаловалась на неправильную оплату маневровой работы. Здесь же вопрос был поставлен перед начальником депо и разрешен в пользу машинистов.

Рабочие-железнодорожники ст. Казанджик и ст. Джебел горячо приветствовали и одобряли прием жалоб непосредственно на производстве.

Пом. прокурора Октябрьской ж. д. т. Захаров выехал на Пролетарский паровозоремонтный завод.

Им было принято 25 жалоб, из коих часть жалоб, касавшихся задержки оплаты за сверхурочную работу, были немедленно удовлетворены.

Большая часть жалоб была на отказ администрации завода увольнять по собственному желанию. Прокуратура занялась изучением этого вопроса и установила, что рабочие подают пачками заявления с просьбой освободить их с работы, потому что администрация цехов не загружала рабочий день полностью, что приводило к снижению заработка.

Вопрос о правильной загрузке рабочего дня прокуратурой был поставлен перед администрацией завода.

Прокурор Алатырского участка Казанской ж. д. т. Егоров выехал на станцию Красный узел. Им было принято 16 жалоб.

Рабочие жаловались по разным вопросам. В частности один рабочий обратился с жалобой на неправильное исключение из школы его 10-летнего ребенка. Прокурор тут же вызвал директора школы со всеми документами об исключении. Оказалось, что еще в прошлом году мальчик был за шалость исключен из школы на 3 года. Прокурор разъяснил директору неправильность такого приказа. Директор заявил, что приказ будет пересмотрен, и мальчик будет принят в школу.

Прокурор Грозненского участка Северокавказской ж. д. т. Геллер систематически производит прием жалоб на производстве.

За 2 месяца (июль и август) им было принято и рассмотрено непосредственно на производстве 140 жалоб.

Прокурор Вяземского участка Западной ж. д. т. Бойков принял в сентябре на производстве 27 жалоб.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят о том, что там, где прокуратура принимает жалобы на производстве не от случая к случаю, а систематически, там авторитет прокуратуры сильно возрос, и работа прокуратуры значительно улучшилась. Это видно и на общем увеличении жалоб, поступающих в прокуратуру. Так, если в прокуратуру Грозненского участка за период с 1 июня по 15 сентября поступило 261 жалоба, то в соседнюю Махач-Калинскую участковую прокуратуру той же Северокавказской дороги за 6 месяцев поступило всего 77 жалоб. Такое незначительное количество жалоб объясняется не тем, что на Махач-Калинском участке меньше нарушений революционной законности, а тем, что прокурор Махач-Калинского участка на производстве не бывал, его там не знали и к нему поэтому не обращались.

Надо со всей категоричностью подчеркнуть, что еще далеко не все прокуратуры дорог приступили к систематическому приему жалоб на производстве. На большинстве дорог работа эта носит случайный характер. Выезды предварительно не подготавливаются. Рабочие не информируются о предстоящем приезде прокурора. В результате в ряде случаев, когда прокурор приезжает, рабочие об этом не знают, и никто к нему с жалобами не приходит.

Самым резким образом необходимо осудить практикующуюся кое-где такую подготовку к приему жалоб на производстве, вроде послышки телеграмм завкому, что «такого-то числа я, прокурор, приеду принимать жалобы на производстве».

Надо установить такой порядок, при котором прокурор принимал бы жалобы в крупных, решающих пунктах своего участка в строго определенные дни и часы и в определенном месте. Все рабочие данного предприятия должны быть об этом широко оповещены, кроме того, необходимо своевременно договориться с местными партийными и профсоюзными организациями.

Помимо заранее установленных и строго регламентированных дней приема прокурор участка должен в течение месяца организовать 3—4 выезда в другие пункты своего участка для приема жалоб.

Крайне полезно использовать выезды с сессиями линейного суда. Выезжая с судом, необходимо заранее согласовать с местными организациями вопрос о пункте приема жалоб и широко информировать об этом рабочих.

Надо, чтобы и прокуроры дорог лично принимали жалобы. Должен быть установлен такой порядок, при котором прокурор дороги, бывая на линии, обязательно лично принимал бы жалобы. Это во многом поможет прокурору дороги в его борьбе с нарушениями революционной законности.

Надо объявить жесточайшую борьбу с нездоровыми настроениями, наблюдающимися сейчас в ряде прокуратур и заключающимися в том, что раз принимаются жалобы на производстве, то нет надобности бороться за быстрое рассмотрение жалоб, поступающих непосредственно в прокуратуру.

Обследование Минераловодской участковой прокуратуры (прокурор Тонкаль), произведенное заместителем прокурора Северокавказской ж. д., выявило совершенно недопустимую волокиту по жалобам.

Вот несколько фактов.

23 июня гр. Склярова подала заявление, что ей не платят алиментов по исполнительному листу. В тот же день прокурор запросил директора известково-железобетонного комбината о причине невысылки причитающихся Скляровой сумм. И на этом прокурор успокоился. Не получив ответа, секретарь механически начинает посылать напоминания. Посылается запрос 5 июля, затем 17 августа, и так бы продолжалось бесконечно, если бы не обследование зам. прокурора дороги. Жалоба, которая могла и должна была быть разрешена буквально в 2—3 дня, волокитилась 1 месяц и 24 дня.

6 июля дежурный по станции Минеральные воды Степкин подал жалобу на неправильное удержание из его зарплаты 5% за брак работе. В тот же день прокурор запросил начальника станции, находящегося на расстоянии 5 шагов от прокурора участка. Не получив ответа, прокурор посылал напоминания. Жалоба «разрешалась» в течение 2 месяцев 15 дней — до приезда прокурора дороги.

13 июля дежурный по станции Минеральные воды подал жалобу на то, что в трудовом списке неправильно записана формулировка о его увольнении. 16 июня прокурор запросил начальника отделения (который кстати находится с ним в одном здании). Не получая ответа, он посылал напоминания. Так прошло 2 месяца 8 дней, пока не приехал прокурор дороги.

Самая решительная борьба должна быть объявлена бюрократизму в нашей работе.

Как иначе, как не бюрократизмом, возмутительным издевательством над живым человеком, можно назвать подобное отношение к жалобщику.

Борясь с волокитой, надо обратить серьезное внимание на глубокое расследование поступающих жалоб, не допуская формальных отписок.

Каленым железом надо выжигать такое отношение к жалобам, какое допускал зам. прокурора Горьковской ж. д. т. Деев.

Вот пример его бюрократического отношения к жалобам.

26 сентября зам. начальника 9 дистанции пути Алексин обратился с жалобой в прокуратуру, что в его отсутствие и в то время, когда жена его находилась в родильном доме, его вещи были выброшены из одной комнаты в другую, а в другой комнате представили новому заместителю начальника дистанции. По заявлению Алексина при переселении из комнаты пропали золотые часы и 420 рублей денег.

27 сентября Деев дал телеграмму о прекращении незаконного уплотнения, а 29 сентября получив сообщение начальника дистанции, что уплотнение производилось на основании распоряжения начальника службы пути, сообщил жалобщику дословно следующее: «На вашу жалобу по вопросу уплотнения вас сообщают, что такое произведено по распоряжению П. в части похищенных вещей необходимо обратиться в суд». Так Деев разрешил жалобу.

Раз уплотнение произведено по распоряжению П. (нач. службы пути), это уже для Деева

оказалось достаточным. Не разрешение жалобы по существу, а формально-бюрократическая отписка.

Сталинская Конституция Союза ССР возлагает на прокуратуру высокоответственную и почетную задачу охраны социалистической законности.

Вытравив же все элементы бюрократизма в нашей работе, обеспечим охрану законности на железнодорожном транспорте.

Ю. Элькинд.

Следователь и милиция¹

На совещании Прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского с народными следователями, в ответ на заявление одного следователя о том, что в УССР ответственные дежурные по милиции приходят к народному следователю и получают от него инструктаж, т. Вышинский сказал: «Очень плохо». Далее т. Вышинский пояснил, что следователь делает это, когда ему нечего делать, что следователь должен быть только следователем, а не пом. прокурора, и он должен знать только следствие.

В заключительном слове на этом же совещании т. Вышинский сказал: ...на следователя нужно смотреть, как на заместителя прокурора по следственной части»².

Совершено правильно, что следователь — это следователь, это лицо, имеющее своим назначением расследование конкретных преступлений.

Всегда ли, при всяких ли условиях, по любому ли делу следователь самостоятельно от начала и до конца, без всякой помощи может установить виновных в совершении преступления лиц? Нет, не всегда.

Есть категория дел, в которых тщательный осмотр места преступления и зафиксирование всех следов, допрос лиц, имеющих отношение к делу, является недостаточным для установления конкретного лица, совершившего преступление, давая лишь ключ к тому, где следует искать преступника. Обнаружение преступника, относящегося в таких случаях к категории деклассированных элементов, требует применения специальных розыскных мер. Может ли следователь сам заниматься такими розысками? Нет, не может. В этом случае он вынужден прибегать к помощи милиции и уголовного розыска, располагающих специальными для этой цели средствами. Может ли следователь оставаться пассивным наблюдателем по такому делу и ждать, пока ему пришлют материал? Нет, не может и не должен.

Отсюда напрашивается необходимый вывод: следователь должен обладать какими-то правами для объединения своей и других органов работы по розыску преступников по конкретному делу.

Из практики известно, что по ряду дел, расследованных органами милиции и уголовного розыска, народному следователю приходится проводить дополнительные следственные дей-

ствия в порядке ст. 109 УПК или по специальному предложению прокурора.

В нашей практике был такой случай. Мы разыскивали пропавшего человека. Труп его был обнаружен через 3 месяца в лесу. Случайно удалось узнать, что в этом же лесу за месяц до обнаружения трупа разыскиваемого нами человека был также обнаружен труп неизвестного. В милиции мы разыскали дело об обнаружении этого трупа, причем оказалось, что личность его не установлена и дело сдано в архив. Между тем очевидно было, что в обоих случаях имело место убийство, а ряд характерных признаков указывал, что оба убийства совершены одной и той же группой лиц. Следователь установил, что убитый является жителем деревни, расположенной в 4 километрах от места, где был обнаружен труп, осужденный ранее на 10 лет лишения свободы и скрывшийся до убийства в этой деревне. Путем установления связей убившего удалось выявить шайку убийц, действовавших с целью ограбления, и привлечь их к ответственности.

Народные следователи освобождены от надзора за расследованием, производимым милицией. Этот надзор возложен непосредственно на районных прокуроров. Против освобождения народного следователя от всеобъемлющего надзора возражать не приходится. Мероприятие это необходимое, оно освобождает народного следователя от мелочной опеки над милицией и обеспечивает единство руководства борьбы с преступностью и делом расследования. Однако лишать народного следователя права ознакомления с находящимися в производстве милиции особо сложными делами, требующими в соответствии со ст. 108 УПК предварительного следствия, по-моему, неразумно, так как эти дела подследственны ему, следователю, и по выполнении милицией необходимых следственных действий должны будут перейти к нему.

Не вызовет ли это параллелизма и, как следствие, безответственности в части наблюдения за работой милиции и не оторвет ли это следователя от выполнения прямых его обязанностей по производству следствия?

Прокурор в районе осуществляет наблюдения за расследованием во всех органах, ведущих борьбу с преступностью, и единственно ответственен за качество и сроки расследования дел. Народный следователь, непосредственно выполняя функции следователя по наиболее важным делам, требующим предварительного следствия, одновременно должен быть в курсе всех таких дел, находящихся в производстве милиции и уголовного розыска. Если он видит, что дело не получает правильного разрешения, он своевременно должен ставить перед прокурором вопрос о передаче этого дела ему.

Такое право народного следователя не только не оторвет его от выполнения прямых обязанностей по производству следствия, но, наоборот, значительно может облегчить его работу. Не говоря уже о живом общении с работниками милиции и уголовного розыска по конкретным делам, которое всегда полезно, народный следователь сможет предотвратить получение из милиции дел, по которым, в результате упущений при первоначальном следственных действиях, дополнительное следствие будет совершенно бесплодно.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения. Ред.

² «Соц. законность», 1936, № 11, стр. 55, 59, 60.

Надо полагать, что этот вопрос, равно как и ряд других, будет разрешен новым Уголовно-процессуальным кодексом СССР, который точно определит положение, права и компетенцию каждого органа расследования.

В. Власов.

Договор и судебное решение

Без плана не может жить ни одна организация, ни одно предприятие в стране социализма. В плане — успех и сила советского государства. Бесспорно и то, что договор является неотъемлемой частью плана. Выполняется договор — выполняется план, нарушается договор — хромает план. Если аксиому эту усвоили и проводят в жизнь работники ведомственных и государственных арбитражей, то о народных судах этого сказать нельзя.

Вот примеры.

Дорожный трест Сталинского райсовета г. Москвы в Старорусском районе имеет камнеразработку. Производственная программа их — 100 000 кубометров булыжного камня. Работа, кажется, не такая уж большая, но каждому ясно, какое значение она имеет для реконструкции Москвы и очистки от камня старорусских колхозных полей. Производитель работ в зимний период заключил с колхозами и единоличниками договоры на добычу и вывозку камня к линии железной дороги. Под производственную программу, таким образом, был подведен реальный фундамент — договор. А договоры, наряду с другими, содержат и такой пункт: «Сторона, нарушившая обязательство, платит пеню и неустойку... Уплата санкций не освобождает стороны от выполнения договора». Казалось бы, что, раз план охвачен такими договорами, выполнение его, так или иначе, гарантировано. Однако на практике получилось несколько иначе.

Дорожный трест за первое полугодие предъявил 9 исков за невыполнение договоров. В каждом исковом заявлении излагалась и подтверждалась просьба: «Невыполнение работ по договору ставит под угрозу срыва наш производственный план. Просим в порядке § 8 договора взыскать с ответчика пеню и неустойку с суммы невыполненного обязательства и обязать его выполнить договор». Народные судьи в своей практике не нашли ответа на вопрос: «а какие же надо принять меры, чтоб обеспечить выполнение договора?», хотя они и знали, что органы арбитража в этих случаях устанавливают штрафы на случай, если договор не будет выполнен в установленный ими срок. Они рассуждали, примерно, так: «права арбитров установлены для арбитров, а не для народных судей, и нечего тут нам мудрить»... И они присуждали только пеню и неустойку, оставляя вторую часть иска — выполнение договора — без рассмотрения. Правда, иногда они писали в решении: «Обязать ответчика выполнить договор в 1936 г.». Но ответчик слушал такое решение и думал: «Ну, а если не будет выполнено?» и легко выкручивался из создавшегося положения. «Неустойка с меня присуждена, а второй раз не присудят», — говорит тем, кто пытался воздействовать на его «чувства»; судебное решение оказывалось в этих случаях беспомощным.

А как на подобные решения реагировала кассационная коллегия Ленинградского областного суда?

10 января 1936 г. Лендорснаб обязался к 10 марта доставить к складам камнеразработок 1000 кубометров камня. Лендорснаб своего обязательства не выполнил. А так как договор имеет пункт «за невыполнение — неустойка, и уплата ее не освобождает от выполнения договора», то камнеразработки обратились в народный суд Волотовского района с иском. Народный судья т. Павлов решил: «Неустойку взыскать, а в выполнении договора отказать». Причем в решении не было приведено никакой мотивировки, почему суд в выполнении договора отказал. Камнеразработки обжаловали решение, и кассколлегия определила: «Решение суда оставить в силе».

Эти примеры говорят о том, что суды в своей практической работе забыли о борьбе за план, за укрепление договорной дисциплины и контроль рублем. Они забыли о том, что, освобождая от выполнения договора, они создают безответственность сторон, ибо неустойка в 30% с невыполненного обязательства по мелким договорам (подчинены народным судам по обществу сектору иски до 1000 руб.) обычно не представляет собой силу, и любой нарушитель договора охотно идет на то, чтобы заплатить неустойку и освободиться от исполнения договора. Поэтому на очереди дня стоит задача, которую необходимо разрешить таким образом, чтобы в судебных решениях обязывали сторону, нарушившую договор, независимо от уплаты пени и неустойки, выполнять под угрозой штрафа договор к определенному сроку.

Пена и неустойка являются не только гарантией выполнения договора, но и резервом для покрытия убытков, нанесенных его нарушителем.

СНК СССР в своем постановлении от 19 декабря 1933 г. по вопросу о заключении договора указал: «В случае систематического нарушения договорных обязательств органы государственного и ведомственного арбитража могут устанавливать повышенные против договора штрафы». Эти меры не ослабляются, а усиливаются. И те, кто следит за практикой арбитража, знает, что в 1936 г. это проводится особенно настойчиво.

Народные судьи или не знают этого, или думают, что их это не касается.

Так, например, ликвидировавший на Украине свое хозяйство и приехавший в Ленинградскую область Василий Корзун заключил с камнеразработками договор на вывозку 500 кубометров камня. В обеспечение договора ему был выдан аванс в 1500 руб. на покупку лошади и телеги. Получив деньги, гр. Корзун положил их в карман, а на договор махнул рукой. Камнеразработки обратились с иском в народный суд Волотовского района, и народный судья Павлов вместо 400 руб. обусловленной договором неустойки присудил Корзуну лишь 100 руб.

А по делу Константина Борисова тот же народный суд (народный судья Иванов) вынес совсем оригинальное решение: «Ответчик Борисов из полагаемых по договору 500 кубометров не вывез 100 кубометров вследствие бездорожья и отсутствия камня у самого истца, а потому на него (т. е. на Борисова. — М. А.), ответственности никакой быть не может». Эта мотивировка была взята судьей из

объяснений ответчика, ничем не подтвержденных.

Между тем, в деле имеется справка бухгалтерии, что Борисов вместо 500 кубометров выполнил лишь 89 (а не 400, как он говорил на суде) и что договор он заключил 11 декабря 1935 г., обусловив срок вывозки камня не позднее 1 марта 1936 г., т. е. договор действовал как раз в такое время года, когда дорога (санный путь) самая лучшая. Откуда судья Иванов взял «бездорожье» — ведомо только ему.

Волотовский народный суд взял себе за право: если неустойка составляет для частного лица сотни рублей — ее надо снижать, а если она выражается в десятках рублей и для нарушителя договора не страшна — ее можно присудить. К этому еще нужно добавить одну деталь: понижая неустойку частным лицам, суд ни разу не нашел оснований понизить ее кохозам.

Такая политика в применении договорных санкций ослабляет силу договора и колеблет его авторитет.

Старорусские камнеразработки имеют 13 исполнительных листов, но, к сожалению, ни один из них не приведен в исполнение.

В Псковском сельсовете Волотовского района с 1 июня находится исполнительный лист на взыскание с гр. Корзун 1823 руб. Этот Корзун, не будучи связан с сельским хозяйством, имеет двух лошадей и корову и ежедневный заработок в 60—70 рублей. Хотя гр. Корзун живет и работает в 3 километрах от сельсовета, последний не принял в течение двух месяцев никаких мер к взысканию с него денег.

Автору этих строк пришлось, в качестве представителя камнеразработок, выехать на место для установления причин. Оказывается, никаких причин нет: следовало или описать и продать имущество гр. Корзуна или производить удержание из его заработной платы.

По моей просьбе, сельсовет у Корзуна произвел опись имущества. Но когда я с этой описью явился к Волотовскому районному прокурору и попросил его воздействовать на сельсовет, зная, что иначе опись превратится в клочок бумаги, прокурор ответил:

— Разорять людей не наше дело. Вам надо передать исполнительный лист туда, где он работает.

— Это же не разорение. Лошади его куплены на деньги камнеразработок...

Но прокурор был непреклонен.

— Нет, пусть это сделают камнеразработки. Аналогичные примеры можно бы еще привести, но и этот дает достаточное представление о том, как органы местной власти относятся к хозяйственным договорам.

Мы в этой статье рассказали о практике только двух народных судов и одной маленькой хозяйственной организации. Но каждый из читателей понимает, что подобная практика выходит далеко за пределы взятых нами конкретных учреждений. Какие же выводы из всего этого нужно сделать? Их немного, и они ясны.

1. По спорам, связанным с выполнением договоров, практика народных судов и Госарбитра должна быть единой, ибо по делам, связанным с договорами, народный судья — тот же арбитр, только с меньшей подсудностью.

2. Нельзя снижать пени и неустойки, предусмотренные договорами без особо уважительных причин, ибо применение договорных санкций означает взаимный контроль рублем над выполнением договора. Но, взыскивая санкции, необходимо помнить о постановлении СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о заключении договоров на 1934 г., в котором в § 19 сказано: «Уплата пени, неустойки и штрафа не освобождает сторону, уплатившую их, от исполнения договора». А для этого в судебном решении следует назначать новые сроки и такой штраф за невыполнение, который гарантировал бы это выполнение.

Исполнение решений должно быть быстрым и реальным, иначе оно не достигает цели. Приводить эти решения в исполнение должны не сельские советы, а судебные исполнители, с отнесением всех расходов, связанных со взысканием, за счет ответчика.

Эти меры, несомненно, поднимут авторитет и договора, и судебного решения.

М. Антиков.

Практика применения закона от 27 июня 1936 г. о пособиях много-семейным матерям

В практической работе при проведении в жизнь закона от 27 июня 1936 г. нам приходится встречаться с многочисленными случаями, вызывающими серьезные затруднения.

Некоторые особенности этого закона требуют, по нашему мнению, авторитетного разъяснения, ибо затрагиваемые мною ниже вопросы не везде разрешаются одинаково.

Многочисленные случаи из своей практики я разбиваю на 4 категории. Я позволяю себе по каждой группе случаев высказать свое мнение.

1. Случай смерти матери

Субъектом права на пособие (правомочным лицом) является мать семьи. В статье 10 закона это подчеркивается дважды: «Установить государственное пособие многосемейным матерям...» и дальше в той же статье: «а матерям, имеющим 10 детей...». Целевое назначение этого пособия изложено во вступительной части закона: «Необходимо материальное обеспечение женщин и детей, государственная помощь многосемейным и т. д.». Таким образом из текста закона ясно, что требуется наличие обоих моментов: мать семьи и соответственный состав семьи, т. е. количество детей. Поскольку сам заголовок второго раздела закона говорит «об увеличении материальной помощи государства роженицам и установлении государственной помощи многосемейным» и поскольку во вступительной части закона ясно стремление закона к улучшению материального положения женщины-роженницы, то при отсутствии правомочного лица, субъекта права — матери семьи — это пособие не выдается. А пособию ходатайства отцов семьи нами не удовлетворяются. Однако несколько случаев вызывают у нас большее сомнение. Конкретный случай такой. Гражданка Гребнева (Винницкой области и района) подала в августе 1936 г. заявление о назначении ей государственного пособия в связи с наличием у нее 7 детей. Потребовалось некоторое время для проверки указанного за-

явительницей обстоятельства, для получения метрических свидетельств на детей, и в начале сентября Винницкий облисполком утвердил для гр. Гребневой пособие 14 сентября с. г. до проведения в жизнь постановления ОИК гр. Гребнева родила восьмого ребенка и после родов скончалась, а ребенок остался жив. Возникает вопрос, подлежит ли выдаче установленное пособие за седьмого ребенка и кто должен получать это пособие за восьмого ребенка? Нам кажется, что вопрос должен быть разрешен в положительном смысле для обеих выдач на один 1936 г. Ст. 10 закона говорит, что право на пособие для матери приобретает сам фактом рождения седьмого и следующего ребенка. Если выдача денег в натуре требует прохождения некоторых формальностей (проверка состава семьи, проверка метрических свидетельств и т. д.), то это только отодвигает на некоторое время осуществление права матери. Право же матери наступает немедленно после рождения соответствующего ребенка, и это право как приобретенное является ее имуществом, которое, в случае смерти ее, переходит к законным наследникам — детям. После смерти матери отпадает правомочный субъект на дальнейшее получение пособия, но то право, которое приобретено матерью при ее жизни (право на пособие за этот год, как в случае с гражданкой Гребневой, — на пособие за седьмого и восьмого ребенка на 1936 г.), как право приобретенное, переходит к ее детям. Такое толкование соответствует целевому назначению пособия — материальной помощи осиротевшим детям.

2. Случаи усыновления

Усыновление является институтом правовым, когда путем юридических актов между лицами создаются отношения семейные, вроде тех, которые создаются самим фактом рождения одного лица от другого. Таким образом путем усыновления количество детей в семье может быть увеличено, причем по закону усыновленный пользуется всеми правами родного ребенка. Подлежат ли включению в состав семьи усыновленные дети при исчислении состава семьи для получения государственного пособия? По нашему мнению, вопрос разрешается отрицательно. Это вытекает из смысла вступительной части закона (забота о женщине-роженице) и из буквального текста статьи 10 закона «...многосемейным матерям, имеющим 6 детей при рождении...». И дальше: «матерям, имеющим 10 детей, — единовременное государственное пособие при рождении...». Очевидно, что такое право приобретает только фактом рождения ребенка, увеличения семьи естественным путем, а не путем искусственным. По этому поводу имеется инструкция Главного управления загс при Наркомате внутренних дел СССР, которая допускает включение в состав семьи при выдаче пособия усыновленных детей при условии, если усыновители проявляли к усыновленным полностью родительское отношение в смысле ухода, воспитания и т. д. Мы все же считаем точку зрения Главного управления загс НКВД неправильной и полагаем, что разъяснение Народного комиссариата здравоохранения СССР по этому вопросу, исключающее усыновленных из состава детей при исчислении пособия, более соответствует смыслу закона.

Гр. Люлька Е. И. (Ситковецкий район Винницкой области) заявила, что у нее имеется семь детей, но старшего сына (еще 14 лет назад) ее родители «забрали» к себе, поскольку у них при себе детей не осталось. Какова была действительная подкладка усыновления дедушкой и бабушкой внука, нежелание ли оставить имущество выморочным, желание ли помочь многосемейной дочери, были ли иные мотивы морального или материального характера, — из сухих бумаг установить невозможно. По соображениям, изложенным нами выше, нам кажется, что мать своего права на пособие не потеряла. Если юридически она свое родительское право утерьяла, то фактически ее старший сын, отданный в усыновление, — ребенок, ею рожденный. Юридическая отчужденность не разрывает фактических, естественных связей матери и ребенка, и если даже ребенок перестал носить фамилию своих естественных родителей, то мы все же, в случае тяжелой нужды родителей или ребенка, не освободили бы их от взаимной обязанности давать алименты друг другу. Мы полагаем, что содержание закона, направленное к моральному и материальному обеспечению женщины-роженицы, диктует нам, что отданных в усыновление детей необходимо засчитывать в состав семьи естественных их матерей при выдаче государственного пособия.

4. Случаи смерти детей

Текст и смысл закона 27 июня 1936 г. не оставляют сомнения в том, что пособие выдается только при наличии в живых всех рожденных детей. В таком случае следует понимать слово «имеющих», которое дважды повторяется в законе, «...многосемейным матерям, имеющим 6 детей», «матерям, имеющим 10 детей...». Целевая установка — помощь многосемейным — требует этого момента — многосемейности. Однако были случаи смерти одного из ребят после издания закона, какое обстоятельство уменьшило общий состав семьи и довело его до количества, не дающего права на пособие. Так, гр. Мамчура Ф. Д. (Хмельницкий район Винницкой области) в своем заявлении указывает, что у нее родилось 7 детей, но один из них в сентябре 1936 г. умер от дизентерии. Мы считаем, что гражданка эта права на пособие не потеряла, так как такое она приобрела в день издания закона, когда семья имела в наличии 7 детей. Всякое последующее изменение в составе семьи может отразиться на ее праве в дальнейшем, а то пособие, которое ей полагается в 1936 г., она вправе получить.

С. Алукер.

Из практики следственной работы по делам о растратах

Дела о растратах в той или иной мере по сравнению с другими делами страдают в большей степени неполнотою следствия. Сложность этих дел заключается в том, что в большинстве

случаев они возникают на основании актов ревизии, которые не всегда отвечают действительности. Обычно, когда следователь получает акт ревизионной комиссии, он в качестве свидетелей по этому делу допрашивает тех же «ревизоров», которые составляли акт. И в конечном итоге получается только то, что акт ревизионной комиссии, как и протокол допроса, независимо от правильности акта предъявляется обвиняемым как обвинение. Безусловно, что такой материал следствия нельзя считать доброкачественным.

Начиная с 1932 г., я занимался специальным изучением растрат. На основании достигнутых мною данных я могу привести несколько примеров, которые говорят о том, что следователь при расследовании этих дел не должен копировать акты ревизионных комиссий, а должен вести следствие гораздо глубже и более всесторонне.

Работая в Ляховецком районе (Винницкая область УССР), я, будучи в одном из сел, в беседе с колхозниками узнал, что продавец кооператива в течение одного месяца потратил на личные потребности более тысячи рублей. Колхозники уверяли меня, что личных денег такой суммы иметь он не мог и что где-то он их взял. Я решил это обстоятельство проверить и предложил председателю райпотребсоюза произвести у подозреваемого продавца ревизию. Однако председатель райпотребсоюза уверил меня, что в ближайшие дни заканчивается квартал и во всех кооперативах будет произведена плановая ревизия, а посему нет надобности и делать специальной. С таким предложением я согласился и решил ожидать плановой ревизии, попросив по окончании таковой прислать мне копию акта. Через некоторое время акт ревизионной комиссии я получил, но к большому удивлению в акте указывалось, что у подозреваемого мною продавца все гладко. Я решил этот акт проверить и немедленно составил вторую ревизионную комиссию. Вторичная ревизия обнаружила у этого же продавца до трех тысяч рублей растраты. В процессе следствия оказалось, что этот продавец, зная дату, когда у него должна была быть плановая ревизия, имел связи с секретарем сельсовета, всегда перед ревизией, под предлогом закупки товаров, занимал у последнего деньги, а через 2—3 дня после ревизии возвращал обратно. На основании этих данных я пришел к заключению, что плановая ревизия не всегда себя оправдывает и что необходимо практиковать внезапные ревизии. Райпотребсоюз, исходя из опыта этого дела, после плановой ревизии произвел по всему району вторичную внезапную ревизию и в течение декады внезапными ревизиями было выявлено до 30 тыс. руб. растрат по району. Этот случай говорит о том, что при наличии иных данных нельзя полностью верить акту ревизионной комиссии.

Второй случай противоположен первому. Это было в текущем году. Ко мне поступили материалы инструктора Шепетовского окрпотребсоюза о том, что бывший председатель потребительского кооператива с. Б. Пузырек растратил 1300 руб. кооперативных денег. Я, ознакомившись с материалами, пришел к заключению, что они далеко не полны, и для некоторого объяснения вызвал к себе инструктора. Однако это ничего не дало, он подтвердил, что при сверке доку-

ментов остаток кассы оказался меньше на 1300 руб. Также никакого объяснения в свое оправдание не дал и допрошенный по делу подозреваемый. Он лишь заявил, что кооперативных денег для себя не брал. Факт недостачи подтвердили три человека местной ревизионной комиссии. Таким путем мне оставалось только предъявить обвинение и дело направить в суд, где оно, возможно, прошло бы с успехом, но я на этом не остановился и решил произвести вторичную проверку денежных дел потребкооперации и одновременно занялся изучением личности обвиняемого. В течение каких-нибудь двух часов было установлено, что на счет подозреваемого лица два раза оприходован по бухгалтерии один и тот же документ на сумму 1300 руб. Это мне удалось установить благодаря внимательному осмотру бухгалтерских записей.

В этом году органы розыска ознакомили меня с материалами, в которых указывалось, что заведующий центральным магазином антонинского свеклорабкоопа и бухгалтер того же магазина систематически тратят кооперативные деньги. Произведенная ревизия ничего не дала, — растраты не оказалось. Несмотря на это, я все-таки приступил к следствию. Моя цель была — установить, где обвиняемыми взята разница денег между полученной ими зарплатой и фактически выплаченной суммой, которая превышала зарплату в десять раз. В процессе следствия все обвиняемые признались, что они растратили до 13 000 руб. кооперативных денег, но периодически покрывали эти суммы за счет заготовки нелегальных товаров, т. е. они производили по городским магазинам закупку различного товара, но не приходовали его по бухгалтерии, делали на нем высокую наценку и накопленными прибылями покрывали растрату.

И последний интересный случай — это обнаруженная растрата в колхозе. Дело началось с того, что при ревизии одного из потребительских кооперативов обнаружилось 800 руб. недостачи. На следствии подозреваемый предъявил на эту сумму квитанцию соседнего колхоза о возврате колхозу 800 руб. паевых вкладов. Вызванный мною председатель колхоза подтвердил правильность квитанции. Таким путем не оставалось ничего делать, как прекратить дело. Но прежде чем это сделать, я решил выехать в это село и проверить личность подозреваемого. По дороге в это село я заехал в колхоз, которому подозреваемый возвратил 800 руб. В колхозе предъявил указанную квитанцию счетоводу колхоза, но счетовод, ознакомившись с ней, отказался от своей подписи на квитанции. Это обстоятельство натолкнуло меня на размышления, что председатель потребительского кооператива с председателем колхоза действуют сообща. И действительно, при одновременной ревизии потребительского кооператива и колхоза оказалось, что председатель кооператива растратил 3000 руб. кооперативных денег и покрывал эту сумму поддельными документами председателя колхоза, а председатель колхоза растратил 2600 руб. колхозных денег и покрыл свою растрату документами председателя кооператива. Все эти случаи говорят о том, что дела о растратах требуют очень тщательного расследования.

Осиячук.

К вопросу о бухгалтерской экспертизе

В № 11 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. помещена статья т. Л. Зонненберга «За высокое качество следственной работы по хозяйственным преступлениям, требующим производства бухгалтерской экспертизы».

Автор правильно указывает на большое значение бухгалтерской экспертизы для полного и объективного расследования дел о присвоении или разбазаривании материальных ценностей и отмечает как серьезный дефект следствия — неумение пользоваться бухгалтерской экспертизой.

Однако, пытаясь формулировать правила организации бухгалтерской экспертизы в стадии расследования, автор допустил несколько весьма существенных методических ошибок.

Путая экспертизу с ведомственной ревизией, т. Зонненберг предъявляет к экспертам-бухгалтерам требования проверять фактические остатки денег и материальных ценностей у подотчетного лица (подозреваемого), проверять правильность записи счетов в бухгалтерии предприятия, получать объяснения администрации предприятия по обнаруженной недостатке. Все эти действия входят в функции ревизии, а не экспертизы и должны быть отражены в ревизионном акте, обычно предшествующем возбуждению уголовного дела. При отсутствии в деле акта ревизии следователь в необходимых случаях может предложить вышестоящей хозяйственной организации произвести ревизию. Но поручать ревизионную работу экспертам, требовать, чтобы эксперты шли на склад или в магазин, снимали там натурные остатки и восстанавливали учет в бухгалтерии предприятия, значит совершенно не понимать задач и процессуального значения экспертизы вообще и судебно-бухгалтерской экспертизы в частности. Единственным возможным объяснением допущенной здесь т. Зонненбергом путаницы может служить то, что он, во время работы над своей статьей, еще не успел познакомиться с циркуляром Прокуратуры Союза ССР от 7 октября 1936 г., регулирующим порядок производства судебно-бухгалтерских экспертиз и проводящим резкую грань между экспертизой и ревизионной работой.

Второй ошибкой статьи надо признать установление об организации «экспертных комиссий». Наши процессуальные законы не знают таких «комиссий» и не требуют назначения по делу обязательно нескольких экспертов. Эксперт-бухгалтер может давать (и часто дает) единолично свое заключение по делу. Никакого «коллективного» заключения не требуется. Наоборот, ст. 173 УПК РСФСР гарантирует возможность изложения каждым из экспертов своих выводов в том случае, если он расходится в каком-либо отношении с мнением другого эксперта.

Наконец, последнее, на чем надо остановиться, — это требование т. Зонненберга по адресу следователя «руководить экспертизой от начала до конца». Разумеется, следователь должен быть в курсе работы эксперта, должен путем постановки перед экспертом вопросов ставить задачи экспертизе, может в процессе работы

эксперта, в соответствии с уже полученными результатами, ставить новые, дополнительные вопросы. Но было бы совершенно неправильно ограничивать инициативу эксперта и требовать от следователя прямого «руководства» экспертизой. В этом отношении совершенно ясные указания даны упомянутой уже директивой Прокуратуры Со за ССР: «следователь должен предоставить эксперту полную возможность самостоятельно вести изучение всех имеющихся материалов, должен помочь эксперту путем истребования необходимых дополнительных материалов, должен предоставить эксперту возможность получить объяснения обвиняемого или свидетеля».

Бранецкий.

Защита при расхождении с позицией подзащитного

Одной из основных трудностей в развитии защиты, в превращении ее в институт, отвечающий требованиям не только лиц, обращающихся за юридической помощью, но и, что в сущности главное, требованиям социалистического правопорядка, требованиям нашего государства, является сравнительно слабая разработка и популяризация руководящих принципов и основных вопросов советской защиты.

Это обстоятельство тем более ощутительно, что молодые кадры защиты, чуждые навыкам и традициям дореволюционной адвокатуры, начиная свою адвокатскую работу, лишены возможности правильно ориентироваться при выборе методов и принципов своей будущей деятельности.

Основной вопрос — о правдивости защитника перед судом — бесповоротно решен и воспринят всеми судебными работниками, как не что само собой разумеющееся по принципу: «Защитник не имеет права обманывать суд».

К сожалению, этот же вопрос, немного более углубленный, перенесенный, условно говоря, плоскость юридическую, т. е. анализ материалов, выводы и т. д., еще часто вызывает разногласия и колебания в нашей среде.

А если правдивое и честное изложение ублюдка защитника идет в разрез с позицией подзащитного?

«Ведь человек обратился к защитнику за помощью, в большинстве случаев уплатил за это деньги, и вдруг этот же защитник признает вину доказанной при отрицании таковой обвиняемым, и это тогда, когда в деле имеются кое-какие материалы, выгораживающие его».

Кто же после этого обратится к такому защитнику, так ведь сам Институт защиты может кончить свое существование вследствие прекращения обращений к защите.

В 1925—1926 гг. этот вопрос вызвал довольно оживленную дискуссию в правовой литературе, но определенного решения все же не получено и остался до последнего времени спорным и вызывающим разногласия.

Тов. Голубовский¹ рекомендует предельно хорошо изучить дело и с величайшей

¹ «Соц. законность», 1936, № 12.

ос. ороженностью принимать защиту в тех делах, где приходится ставить вопрос о недоказанности преступления. Но разве это достаточная гарантия от возможных расхождений с точкой зрения подзащитного?

Ведь часто, очень часто в следствии процесса картина совершенно меняется, и как быть, если в начале процесса, вполне согласный с позицией обвиняемого, защитник к концу такового убедится в противоположном?

По-моему, единственно правильное решение этого вопроса в том, что защитник должен честно изложить суду основания, по которым он не может настаивать на невиновности своего подзащитного, и перенести защиту в другую плоскость (в плоскости переквалификации деяния, смягчения наказания и т. д., которые могли бы оказать влияние на решение суда).

Поэтому я считаю вполне допустимой защиту и таких дел, где защитник расходитсся с подзащитным в позициях. Это тем более основательно, что всякий защитник должен рассматривать свое выступление в суде не только как исполнение договора с клиентом, но в первую очередь как исполнение публично-правовой обязанности, и поэтому расценивает его «исходя не из интересов только клиента, а в первую очередь из интересов социалистического правопорядка, из интересов нашего государства» (В ы ш и н с к и й).

Единственное, но безусловное ограничение этого положения должно заключаться в предупреждении клиента, что его точка зрения на дело, его позиция на процесс ни в коей мере не связывает защитника и не определяет его поведения на судебном заседании.

Лишь при таком решении этого вопроса защита может стать истинным помощником суда и внести свою посильную лепту в дело укрепления революционной законности.

А. Кобешавидзе.

О защите в линейном суде¹

Особенность разбора дел в линейных судах состоит в том, что дела в этих судах в огромном большинстве случаев рассматриваются не в месте нахождения линейного суда (при управлении ж. д.), а на месте или вблизи места совершения преступления в выездных сессиях. Выездная сессия обычно приезжает на место слушания дела за несколько часов до начала процесса, иногда за 2—3 часа. Защитник уведомляется о процессе телеграммой за 4—5 дней и часто не может до начала слушания дела найти своего подзащитного (особенно, если он живет на линии) и не может предварительно ознакомиться с делом по копии обвинительного заключения, находящейся на руках у подзащитного.

Защитнику по назначению приходится знакомиться с делом на лету. Хорошо еще, если дело не представляет особой сложности (а таких бывает в линейном суде очень мало), но как быть, если подзащитные обвиняются в крушении по сложным техническим причинам, или в развале работы в депо и в крупной недостаче по орсу и тому подобным делам.

В таких делах, особенно связанных с техникой ж.-д. транспорта, защитнику нужно не

только продолжительное время для детального знакомства с делом в спокойной деловой обстановке (а не на час или полтора в служебном вагоне или на сцене рабочего клуба), но и знание правил технической эксплуатации, сигнализации, служебно-должностных инструкций, коммерческой эксплуатации, знаний учета товаров, бухгалтерии, иногда торгового планирования и товароведения. Лишь овладев делом и с юридической (соблюдение процессуальных норм в предварительном следствии) и с технической стороны, защитник может стать действительным помощником суда. Что нарисованная мною обстановка в ознакомлении защитников с делами в выездных сессиях линейного суда не является вымышленной — это должны и могут подтвердить не только защитники, но железнодорожные транспортные прокуроры и судьи.

Что же нужно сделать, чтобы избежать указанных ненормальностей?

Как временная мера до издания общесоюзного УПК защитники должны уведомляться линейным судом одновременно с посылкой повесток, и им (защитникам), так же как и обвиняемым, должны посылаться копии обвинительных заключений.

Вместе с этим нужно обсудить вопрос: не целесообразно ли было бы, поскольку существуют специальные суды и специальные прокуратуры (военная, железнодорожная, транспортная, воднотранспортная), организовать при этих судах и специальные коллективы защитников.

Кораблинов.

О юрминимуме повышенного типа

Руководящие работники Института уголовной политики гг. Маньковский, Ошерович и Шляпочников своевременно и правильно поставили вопрос об издании учебных пособий по «юрминимуму повышенного типа» (см. «Социалистическая законность» № 7 за 1936 г.).

Работая в так называемом среднем звене прокуратуры и одновременно преподавателем консультационного пункта и правовой школы, я особенно ощущаю необходимость и важность учебных пособий. На протяжении года мне пришлось читать лекции по уголовному праву и криминалистике и принимать зачеты по юрминимуму по этим дисциплинам. Здесь можно было убедиться, что даже те работники юстиции, которые получали хорошие отметки по юрминимуму, и те по своей теоретической подготовке стояли на низком уровне, особенно в вопросах уголовного права, хозяйственного права и общей теории права. Есть и такие судьи, прокуроры и следователи, которые переросли юрминимум. От них можно требовать уже не только юридической грамотности, но и юридической образованности. Поэтому мне кажется, что должен быть разработан учебник по каждому разделу права в отдельности, но этот учебник не должен быть копией существующих учебников для вузов, он должен быть несколько популярней по изложению, чем вузовские учебники. Если при разработке юрминимума удалось вместить в два тома все материалы по различным вопросам права (кроме криминалистики), то при выработке пособий повышенного типа такое положение не удастся, и навряд ли оно будет полезно. Можно

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

не спешить с каждой работой, чтобы не задерживать остальные, а выпускать их по мере подготовки каждой.

На наш взгляд, следует разработать в первую очередь учебные пособия по ведущим разделам права: уголовное право, уголовный процесс, хозяйственное и гражданское право, общая теория права.

Следовало бы в первую очередь издать пособие по общей теории права уже по одному тому, что учебников у нас по этому предмету нет; ни в вузах, ни в юрвузах нет литературы по общей теории права. При разработке пособия повышенного типа необходимо отвести значительное место исторической части каждого курса. Нельзя больше мириться с тем положением, когда работники юстиции в своем большинстве не знают истории уголовного права, истории прокуратуры, истории суда, истории государства и права.

Но самое большое место в пособиях должно быть отведено советскому законодательству.

Известно, что выпущенный двухтомник по юрминимуму беден фактическим материалом. Пора, давно пора знакомить практических работников с первоисточниками и чем больше, тем лучше.

Например, в качестве приложения к пособию по уголовному праву должны быть такие важнейшие документы по истории уголовного права, как «Руководящие начала по уголовному праву» 1919 г., декрет о красном терроре от 5 сентября 1918 г. и ряд других. Нет сомнения, что, работая над таким учебным материалом, каждый прокурор, судья и следователь приобретет действительно глубокие знания.

Пособия должны быть написаны серьезно и углубленно, на достаточно высоком научном уровне.

Такие действительно научные пособия по различным разделам права будут способствовать поднятию общей и юридической культуры работников юстиции.

Кстати об энциклопедии государства и права. В 1926 г. была издана пятитомная энциклопедия государства и права и больше не издавалась. Нет сомнения, что хорошая энциклопедия имеет большое значение для всех прокуроров, судей и следователей. Изданная же в 1926 г. энциклопедия стала библиографической редкостью и настолько устарела, что ею пользоваться невозможно. Новая энциклопедия государства и права явилась бы прекрасным дополнением к учебникам права.

М. Авербах

Второе заседание методического совета при Прокуратуре Союза ССР

С 10 по 13 февраля, под председательством тов. Вышинского, состоялось второе заседание методического совета при прокуратуре СССР.

На обсуждение совета были представлены проекты методических писем, выработанные следственным отделом Прокуратуры СССР и образец следственного чемодана, сконструированный лабораторией научно-следственного дела при Прокуратуре СССР.

Первым обсуждался проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности. Прения по этому вопросу представляли особый интерес потому, что в них был поставлен принципиальный вопрос о том, что должны представлять собой методические письма.

По этому вопросу т. Вышинский высказал мнение, полностью принятое советом, что каждое методическое письмо о расследовании того или иного вида преступлений должно содержать в себе следующие данные: необходимые следователю основные сведения о технике работы той отрасли хозяйства, к которой относится данное письмо. Например, письмо о методах расследования растрат и хищений в органах связи должно содержать в себе сведения о том, какова техника оформления переводных операций, порядок приема, пересылки и выдачи ценных посылок, какова система отчетности по этим операциям и т. д. Письмо о методах расследования растрат и хищений в торгующих организациях должно содержать сведения о структуре этих организаций, о распределении в них ответственности между отдельными работниками, о схеме движения товаров, об отчетности по торговым операциям и т. п.

Но т. Вышинский особенно подчеркнул, что все эти технические сведения должны излагаться отнюдь не отвлеченно, а каждый раз в связи с конкретными указаниями о методике расследования. В методическом письме должно быть показано, какими способами на той или иной стадии движения ценностей эти ценности могут быть похищены, какие приемы могут быть использованы, чтобы скрыть в отчетности совершенную растрату или хищение, а в связи с этим также и то, какие приемы должен употребить следователь для того, чтобы раскрыть ту или иную форму этих преступлений.

Вслед затем в каждом методическом письме должны содержаться указания о том, как строить план рассмотрения по делам о тех видах преступлений, которым посвящено данное письмо.

Наконец в методическом письме должны быть отмечены особенности доказательственного материала, которым следователю приходится оперировать при расследовании данного вида преступлений и должен быть описан порядок собирания процессуального оформления и оценки доказательств.

По предложению т. Вышинского совет постановил в каждом методическом письме особо обращать внимание следователей на необходимость в каждом отдельном случае индивидуализировать приемы расследования, применять их к особенностям расследуемого дела, исходя из основной задачи: добиться наибольших результатов с наименьшей затратой сил и в наиболее короткий срок.

Методические письма должны содержать большой иллюстративный материал из конкретных следственных дел.

Представленный совету проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности не соответствовал указанным требованиям. Этот проект письма был составлен так, что само по себе это письмо не могло бы служить для следователя руководством при расследовании дел о хищениях и растратах общественной социалистической собственности.

Для этого следователю каждый раз пришлось бы пользоваться, по крайней мере, двумя источниками: письмом об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности и специальным методическим письмом о технике и методике расследования дел о растратах и хищениях на данном участке хозяйства, напр., письмом о расследовании дел о растратах и хищениях в торгующих организациях, в колхозах, в органах связи и т. п.

Поэтому совет постановил поручить т. Голунскому представленный проект письма переработать с учетом поправок и замечаний, сделанных в совете не в качестве методического письма, а в виде опыта систематизации некоторых методических приемов расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности.

Такое письмо послужит полезным пособием при изучении следователями и прокурорами методики расследования.

Вместе с тем совет признал необходимым на основе материалов, собранных при разработке этого проекта, в десятидневный срок выработать новый проект методического письма об основных принципах методики расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности на основе принятых советом принципиальных установок. Составление этого письма также поручено т. Голунскому, как автору первоначального проекта.

Вслед затем совет рассмотрел представленные следственным отделом проекты методических писем о методике расследования дел о растратах и хищениях общественной социалистической собственности в органах связи (т. Шабер) и в строительных организациях (т. Голунский). Совет детально обсудил оба эти письма, содержащие в себе большое количество технических сведений об особенностях расследования дел указанных категорий.

В оба эти письма совет внес ряд поправок и дополнений, направленных, главным образом, на облегчение усвояемости этих писем для следователей, на усиление наглядности методических указаний. Совет исходит при этом из основной установки, что в методическом письме не должно быть таких формулировок, которые представляли бы следователю самому догадываться, что он должен делать при указанных в письме обстоятельствах.

Во всех случаях, где в указанных письмах имелись такие формулировки, совет дополнил их конкретными методическими указаниями.

С этими поправками и дополнениями оба эти письма были советом утверждены. Текст обоих писем, после окончательного редактирования, будет сдан в печать. В скором будущем оба эти письма выйдут из печати и будут разосланы на места.

Представленный совету образец следственного чемодана был признан удовлетворительным, хотя и чрезмерно громоздким. Чемодан содержит в себе все, что может потребоваться следователю при осматре места преступления: фотографический аппарат со всеми принадлежностями, измерительные приборы, вещества для опыления (шеллан) отпечатков пальцев и для снятия слепков со следов ног, со следов взлома и т. п., планшет для снятия планов местности, электрический фонарь и проч.

Но в том виде, как он был представлен совету, чемодан был чересчур объемист и тяжел (8 кг). Совет предложил, с одной стороны, несколько дополнить содержимое чемодана некоторыми предметами, которых в образце чемодана не было (напр., рулетка, спирт), а с другой — облегчить чемодан и сделать его более компактным, частью за счет изъятия из него предметов, которые могут понадобиться следователю только в исключительных случаях (вроде набора отмычек), частью — за счет более рационального размещения в нем содержимого. Кроме того, совет предложил пронумеровать все содержащиеся в чемодане предметы и приложить к каждому чемодану подробную инструкцию о способах употребления каждого из содержащихся в нем предметов.

Лаборатории научно-следственного дела при Прокуратуре СССР предложено принять меры к тому, чтобы немедленно обеспечить серийное производство таких следственных чемоданов и теперь же запросить прокуроров союзных республик о числе чемоданов, которые им требуются.

Ориентировочная стоимость одного следственного чемодана намечена 350—400 рублей.

Следующее заседание методического совета намечено на 15 марта с. г. В повестку этого заседания включены отчетные доклады ряда научно-исследовательских криминалистических учреждений: Минского, Харьковского и Одесского институтов и лаборатории научно-следственного дела при Прокуратуре СССР. Кроме того, в повестку мартовской сессии совета включены проекты методических писем о возбуждении уголовного дела и о методике расследования дел о хищениях и растратах общественной социалистической собственности в торгующих организациях.

По предложению члена Совета прокурора Харьковской области тов. Брона, Совет признал необходимым к апрельской сессии Совета подготовить проект методического письма о расследовании дел о нарушениях правил техники безопасности, использовав для этого письмо, помимо прочих данных, также и материал о контрреволюционном вредительстве со стороны троцкистов и других врагов народа, выражавшееся в посягательствах на жизнь и здоровье рабочих.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Неправильная оценка обстоятельств дела при кассационном рассмотрении

Приговором воднотранспортного суда Азовского и Донокубанского бассейнов от 15 августа 1936 г. были осуждены по п. «д» 162 ст. УК: Бородин и Белау к лишению свободы каждый на три г., Болмачев на два и Путивен по п. «д» ст. 17—162 УК к лишению свободы сроком на полтора года.

Определением воднотранспортной коллегии Верховного суда СССР от 7 сентября 1936 г. приговор был отменен в отношении Бородина, Белау и Путивена и дело о них в уголовном порядке производством прекращено, Толмачеву же наказание было снижено до одного года исправительно-трудовых работ.

Прокуратура Союза опротестовала определение воднотранспортной коллегии Верховного суда СССР в части прекращения уголовного дела в отношении Бородина и Белау по следующим основаниям.

Имеющимися в деле материалами установлено, что в Ростовский порт, в адрес Ростовского финансово-экономического техникума, прибыл цемент в количестве 16 тонн, который был вывезен из порта экспедитором техникума Белау 24 июня по ордеру № 4158.

В день вывоза этого цемента приемщик склада порта Бородин предложил Белау вывезти еще некоторое количество цемента, на который документов не было и который оставался в порту в результате недогрузки по отправлениям. Белау в свою очередь предложил купить этот цемент начальнику снабжения строительства театра им. М. Горького Якиро, и последний дал согласие. Чтобы иметь возможность вывезти цемент из порта, Бородин и Белау использовали старый ордер № 4158, внося в него фиктивные записи. 28 июня и 3 июля цемент вывозил Белау, который не имел никакого отношения к строительству театра, а 4 июля по тому же фиктивному пропуску цемент был вывезен ответственным исполнителем театра Путивен. Всего было привезено на строительство театра 21,5 тонны цемента.

Хотя по делу не установлено и не представляется возможным сейчас установить, за какую именно сумму согласился Бородин отпустить весь бездокументный цемент и сколько он именно получил, однако, установлено, что 4 июля при вывозе цемента Бородин получил 150 руб., причем из этой суммы он дал приемщикам склада Улякову и Толмачеву — первому 40 руб., а второму 30 руб., а магазинеру Новикову — 40 руб., которые последний и сдал в органы НКВД, сообщив о незаконном вывозе цемента.

Поступление цемента на склад строительства театра не было оформлено, ибо никаких документов на право получения этого цемента театр не имел. Поэтому указание воднотранспортной коллегии, что здесь имело место лишь

«несвоевременное оформление» продажи цемента, несостоятельно и расходится с имеющимися в деле материалами.

Ссылка воднотранспортной коллегии на отсутствие сговора, о чем, якобы, свидетельствует непривлечение к делу в качестве обвиняемого начальника снабжения театра Якиро, — несостоятельна, ибо по делу не было установлено, что Якиро знал о незаконном характере этой сделки, почему он и не был привлечен.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор воднотранспортной коллегии в части, касающейся Бородина и Белау, отменить и дело о них передать на вторичное рассмотрение в воднотранспортный суд в ином составе со стадии судебного следствия; в отношении Путивена дело прекратить за его смертью.

Неправильное заочное рассмотрение дела, приведшее к неосновательному приговору

8 мая 1936 года народный суд Кюрдамирского района Азербайджанской ССР приговорил по ч. 3 ст. 139 и по ст. 155 УК к 8 годам лишения свободы Абдулаева Ису и по ч. 3 ст. 139 УК к 5 годам лишения свободы Эйвазова Алхаза.

Суд признан установленным, что заведующий Кюрдамирским раймагом Гулам Алиев, уклонившийся от суда, совместно с бухгалтером раймага Абдулаевым, получил для реализации через магазин мануфактуру на 21 693 руб., составил на эту мануфактуру фиктивную накладную, преувеличив в ней стоимость мануфактуры на 7482 руб., а затем поручил реализацию мануфактуры по повышенной цене гр. Эйвазову, не имеющему никакого отношения к раймагу.

При реализации указанной мануфактуры Эйвазов был задержан инспектором Азертифака Эфендиевым.

Кассационная коллегия Верховного суда приговор по этому делу отменила с передачей дела на новое рассмотрение. Кассационная коллегия нашла, что суд без достаточных к тому оснований рассмотрел дело в отсутствии главного обвиняемого — заведующего раймагом Алиева, несмотря на то, что располагал сведениями о местожительстве последнего и что, помимо того, суд не установил степени участия каждого из обвиняемых в совершении преступления.

15 июня п. г. дело Абдулаева и Эйвазова было рассмотрено Президиумом Верховного суда АзССР. Президиум признал, что обвинение Абдулаева и Эйвазова в указанном выше преступлении основано на материалах дела и что отсутствие в судебном заседании

обвиняемого Алиева не повлияло на вынесенный судом приговор. Исходя из этого, президиум Верховного суда определение кассационной коллегии отменил, восстановил приговор суда первой инстанции.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Верховного суда Азербайджанской ССР по следующим основаниям:

Указанным постановлением президиум Верховного суда нарушил ст. 28 Основ уголовного судопроизводства СССР, восстановив приговор суда первой инстанции, отмененный кассационной коллегией, без передачи дела на рассмотрение нового состава кассационной коллегии.

Дело разрешено неправильно и по существу. Несмотря на имевшиеся сведения о том, что основной обвиняемый Алиев находится в г. Баку, суд не обеспечил его явки в судебное заседание. Между тем, это имело существенное значение для установления степени участия каждого из обвиняемых в инкриминируемом им преступлении. Из материалов дела видно, что осужденный Абдулаев является бухгалтером раймага, а осужденный Эйвазов ни в раймаге, ни в каком-либо другом учреждении не работал. Естественно, что ни Абдулаев, ни Эйвазов не могли явиться инициаторами повышения цен на мануфактуру, и таким образом, их участие в этом преступлении являлось второстепенным. В то же время не установлено, знал ли вообще Эйвазов о реализации мануфактуры по повышенной цене или только являлся техническим исполнителем поручения по продаже мануфактуры, которое дал ему заведующий магазином Алиев.

Приговором суда не установлено, какое количество мануфактуры, было реализовано по повышенной цене. Между тем, этот вопрос имел существенное значение при определении меры наказания обвиняемым.

Наконец и квалификация действий осужденных — Абдулаева по ч. 3 ст. 139 и по ст. 155 УК и Эйвазова — по ч. 3 ст. 139 УК является неправильной. Действия Абдулаева следует квалифицировать по ст. 135 УК, а действия Эйвазова по ст.ст. 18 и 135 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление президиума Верховного суда АзССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение народного суда в ином составе со стадии предварительного расследования.

Судебный процесс, послуживший орудием родовой мести

Приговором судебной коллегии Верховного суда ССР Армении были осуждены за убийство из мести в ночь на 11 августа 1934 г. на хлопковом поле 65-летнего колхозника Абушара Наджар-Оглы по ст. 162 УК — Кязим-Аббас Али Оглы — к 8 г. лишения свободы, Али Алашраф (Ашраф) Таверды Оглы Гусейнов — к 6 г. лишения свободы, Алияр Мамед Оглы Пейрамов — к 6 г. лишения свободы.

По этому же делу был осужден по ст.ст. 17—162 УК и 195 УК за пособничество в убийстве и незаконное хранение оружия: Авад Гасан Али Оглы — к 3 годам лишения свободы.

Протест, принесенный на этот приговор Прокуратурой ССР Армении, был пленумом Верховного суда ССР Армении отклонен как необоснованный.

Прокуратура Союза, считая приговор судебной коллегии и утвердившего его постановление пленума Верховного суда ССР Армении неправильным, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Суд обосновывает свой приговор на трех основных уликах: а) на показаниях сына убитого, б) на показаниях свидетелей Ислама и Джавада и в) на факте враждебных отношений между убитым и обвиняемыми.

Однако, при ближайшем рассмотрении всех указанных улик, оказывается, что ни одна из них не может служить доказательством виновности обвиняемых в приписываемом им преступлении.

Сын убитого Али Наджафов при допросе в судебном заседании показал, что, находясь на расстоянии 15 шагов от места убийства, видел, как отец упал после выстрелов, как обвиняемый Алашраф подошел к трупу, как обвиняемый Кязим дотронулся до трупа и произнес: «дыхание прекратилось», «пойдем». Словом, дал отчетливые показания об обстоятельствах убийства и роли каждого обвиняемого, на основании лично видеанного и слышанного.

Однако, стоит проследить эволюцию показаний этого «очевидца», данных им на предварительном расследовании, чтобы убедиться, что в действительности Али ничего не видел и ничего не слышал, а данные им суду показания продиктованы особыми соображениями.

Прежде всего, необходимо констатировать, что Али, прибежав после убийства домой, никому из своих домашних или из посторонних лиц не сообщил, что видел убийство и опознал убийц. Этот факт сам свидетель вынужден был признать перед судом: «В ночь убийства я никому не говорил о том, кто убил моего отца».

При первом допросе в милиции Али уже показывает, что он по голосу узнал двоих из убийц и что это были Ализаман Гасан Оглы и Али Мамед Оглы Зейналовы, а в отношении третьего, им не опознанного, он предполагает, что это был Гасан Мамед Оглы Зейналов.

Таким образом, в этом показании он называет в качестве убийц, им якобы опознанных, Ализмана и Али Зейналовых, но отнюдь не кого-либо из обвиняемых.

Проходит 3 дня, и в показании от 14 августа 1934 г. свидетель Али Наджафов, резко меняя свои показания, заявляет, что убийцами его отца являются обвиняемые Кязим, Алашраф и Алияр, которых он хотя и не мог разглядеть (было очень темно), но безошибочно распознал по голосу.

Факт дачи свидетелем Али этих двух взаимно исключających одно другое показаний, не говоря уже о целом ряде других противоречий между ними, свидетельствует о том, что его показания не могут быть положены в основу судебного приговора.

К аналогичным выводам приходится прийти и при анализе показаний двух других «очевидцев» — Ислама и Джавада.

Эти два свидетеля, будучи допрошены 15 августа 1934 г., т. е. на другой день после дачи Али Наджафовым избыточного обвиняемых

показания, показали, что они находились во время выстрелов вблизи, на полпути между хлопковым полем и селом, что, притаившись за забором, они подслушали разговор убийц и опознали в них обвиняемых Кязима, Алашрафа и Алияра.

Однако, несмотря на то, что эти два свидетеля помогли перенести труп, несмотря на то, что тут же присутствовали не только многочисленные соседи и односельчане, но и работники милиции и даже местный прокурор, они не обмолвились о том, что им известны имена убийц их родственника.

И только четыре дня спустя, уже после того, как сын покойного свидетель Али Наджафов дал показания, изобличающее обвиняемых, и эти двое свидетелей заговорили, вторя ему.

Для того, чтобы установить мотивы показаний Ислама, Джавада, и Али Наджафова, необходимо остановиться на взаимоотношениях между этими тремя лицами и обвиняемыми.

В показаниях от 14 августа 1934 г. Али Наджафов поясняет, что из числа троих обвиняемых Алашраф убил его отца, как старый враг на почве кровной мести, ибо он был убежден, что покойный Абузар являлся убийцей его брата Аллаберды. Эта старая месть и руководила, по мнению Али Наджафова, Алашрафом, когда тот убивал его отца Абузара. Что же касается Алияра, то он, — говорит Али, — «являлся зятем Алашрафа, следовательно, в этом деле он непременно должен был принимать участие, как самый близкий Алашрафу человек».

Это рассуждение Али Наджафова раскрывает тот путь, который привел этого свидетеля к его второму, обличающему обвиняемых показанию, и свидетельствует о том, что в основе последнего лежит не виденное и слышанное, а лишь умозаключение.

Еще менее вразумительное умозаключение кладет Али Наджафов в основу своих показаний против Кязима. «Кязим являлся двоюродным братом подозреваемого Алияра. Таким образом, поскольку Алашраф отомстил нам, то Алияр должен был быть первым помощником своего шурина Алашрафа, а Кязим, двоюродный брат Алияра, с другой стороны, находившийся с нами в споре, они объединились и убили моего отца»...

Эти рассуждения о причастности Кязима как «двоюродного брата» убийцы совершенно недостоверны.

При таких условиях вряд ли приходится сомневаться в том, что сын покойного, свидетель Али Аджафов, меняя свои первоначальные показания в сторону изобличения Кязима и других обвиняемых, действовал по мотивам мести.

Только не критическим подходом суда к свидетельским показаниям и неучетом взаимоотношений между свидетелями и «уличаемыми» или обвиняемыми можно объяснить тот факт, что явно недостоверные, полные противоречий показания кровных врагов положены в основу обвинительного приговора.

Объективные данные дела свидетельствуют о том, что убийство Абузара произведено не группой, а одним лицом. Об этом говорит результат осмотра местности, запечатлевшей следы одного человека, а не трех. Эти следы, совпавшие по размерам со следами ноги об-

виняемого Алашрафа, при всем несовершенстве способа их сличения, дают указания на то, что убийство было совершено последним. Ряд других косвенных улик против Алашрафа, в том числе обнаружение у него ружья со следами недавнего выстрела и притом того же калибра, что и патрон, найденный возле трупа, также говорит против него. Факт же давней кровной вражды между ним и покойным Абузаром объясняет мотивы, которые толкнули преступника на убийство.

Совокупность этих объективных данных, независимо от свидетельств мнимых «очевидцев», сама по себе являлась достаточной для осуждения Алашрафа.

Но никаких достоверных данных для того, чтобы заодно с ним осудить Алияра и Кязима, в материалах дела не имеется.

Поэтому дело по отношению к ним подлежит прекращению за недоказанностью обвинения.

Особо стоит вопрос о четвертом обвиняемом — Авазе. Осужден он за хранение оружия (нагана) и соучастие в убийстве. Что касается первого из этих обвинений, то факт незаконного хранения нагана полностью доказан, и осуждение Аваза по ст. 195 УК представляется правильным. В отношении же его соучастия в убийстве Абузара (в чем конкретно выразилось это соучастие — приговор не говорит), то это обвинение абсолютно никакими данными по делу не подтверждено и принято судом лишь в силу того соображения, что у Аваза были якобы личные счёты с покойным Абузаром на «любобной» почве.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: считая недоказанным участие в убийстве со стороны Кязима Абас Али Оглы и Алияр Мамед Оглы Кярамова, а в отношении Абас Гасан Али Оглы недоказанным лишь незаконное хранение им оружия — отменить приговор судебной коллегии Верховного суда ССР Армении от 9 декабря 1934 г. и постановление Пленума Верховного суда ССР Армении от 1 июля 1935 г. в отношении Кязим Абас Али Оглы и Алияр Мамед Оглы Кярамова и дело о них за недоказанностью производства прекратить. Исключить из приговора в части, касающейся осужденного Абас Гасан Оглы, обвинение по ст. 17—162 УК ССР Армении, оставив в отношении его обвинение по ст. 195 УК ССР Армении, по которой определить ему в виде меры наказания лишение свободы в размере 2 лет без поражения в правах, с зачетом времени, отбытого под стражей.

Недопустимая небрежность при кассационном рассмотрении

31 декабря 1935 г. приговором воднотранспортного суда Печорского бассейна был осужден по ч. 1 ст. 116 УК к лишению свободы на 2 года Наволоцкий Иван Васильевич за то, что в сентябре 1935 г., работая временным продавцом ларька орс, Печорского речного пароходства, растратил 2187 р. 96 к.

Определением воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР от 14 февраля 1936 г. приговор воднотранспортного суда был отмен-

нен и дело возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, ввиду неполноты исследования обстоятельств дела.

Прокуратура Союза опротестовала определение воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР как вынесенное в явном несоответствии с материалами дела.

Виновность Наволоцкого в растрате № 113 п. 96 к. вполне доказана. Наволоцкий, не оприходовав принятые им товары по накладной № 110 на 1490 р. 49 к., по накладной № 113 — на 103 р. 50 к. и по приемно-сдаточному акту на 593 р. 97 к. и не показав в своих отчетах их поступление в ларек, присвоил их стоимость. В своих показаниях Наволоцкий признал, что товары по указанным накладным действительно получил и не отрицал это получение в отчетах якобы из-за потери документов. Не отрицая общей суммы недостачи по ларьку, Наволоцкий признал себя виновным в присвоении около 1000 руб.

В определении коллегии Верховного суда РСФСР имеются ссылки на акты ревизии от 17 ноября 1935 г., от 16 декабря 1935 г. и от 5 января 1936 г.

Вышеуказанных актов в материале дела нет и не было.

Вполне вероятным представляется, что коллегия Верховного суда РСФСР, вынося определение по делу Наволоцкого, рассматривала материалы какого-то другого дела. Это подтверждается тем, что коллегия Верховного суда, отменяя приговор воднотранспортного суда Печорского бассейна, в своем определении указала, что приговор вынесен 8 января 1936 г., тогда как он был вынесен 31 декабря 1935 г.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание, что 1) обосновывая необходимость передачи дела на новое расследование, воднотранспортная коллегия Верховного суда РСФСР ссылается на акты ревизии от 17 ноября 1935 г., 16 декабря 1935 г. и 5 марта 1936 г., которых в деле не имеется, а акты от 5 января 1936 г. и не могли быть, поскольку дело было рассмотрено судом 31 декабря 1935 г., 2) в заключительной части определение указывает на отмену приговора от 8 января 1936 г., тогда как приговор по делу Наволоцкого вынесен 31 декабря 1935 г., — 3) все эти обстоятельства дают основания полагать, что, вынося определение по делу Наволоцкого, воднотранспортная коллегия Верховного суда РСФСР оперировала материалами по какому-то другому делу — постановила определение воднотранспортной коллегии Верховного суда РСФСР по данному делу отменить и дело Наволоцкого передать на новое кассационное рассмотрение в воднотранспортную коллегия Верховного суда СССР.

Неправильное применение ст. 73¹ УК РСФСР

7 июля 1935 г. линейный суд ж. д. им. Дзержинского приговорил Башкатова Николая Ивановича по ст. 73¹ УК к 3 г. лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР 25 июля 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Предварительным и судебным следствием по этому делу установлено, что Башкатов, состоя в должности заведующего электросетью электростанции Курск, 6 июня 1935 г. в нетрезвом виде в помещении электростанции схватил за шею электромонтера Антропова и с руганью начал его душить. Антропов вырвался, подошел к телефону и стал звонить в оперпункт НКВД, а Башкатов после этого ушел из помещения электростанции.

В приговоре указано, что Башкатов напал на Антропова из мести за выступления с критикой на производственном совещании.

Это утверждение линейного суда не соответствует материалам судебного заседания. Допрошенный на судебном заседании Антропов по этому вопросу показал, что он действительно выступал на производственном совещании с критикой производственных дефектов электростанции, но Башкатова не касался.

Так как побои были нанесены Башкатовым Антропову не на почве недовольства выступлением Антропова с критикой действий Башкатова, а вследствие неприязненных отношений личного порядка, на основании ст. 416 УПК действия Башкатова должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 146 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать действия Башкатова со ст. 73¹ на ч. 1, ст. 146 УК РСФСР и снизить определенную Башкатову меру наказания до 6 месяцев исправительно-трудовых работ с соответствующим зачетом времени, проведенного под стражей, и из-под стражи Башкатова освободить.

Суровое наказание за нераспорядительность

Линейный суд Западной ж. д. 9 марта 1936 г. приговорил по ст. 111 УК гр. Агафонова Петра Федоровича к трем годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР определением от 22 апреля 1936 г. приговор в отношении Агафонова оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда в отношении Агафонова по следующим основаниям:

Предварительным и судебным следствием установлена виновность Агафонова в том, что он, временно исполняя обязанности заведующего магазином, 15 декабря 1935 г. дневную выручку по магазину в сумме 7668 руб. не сдал в Госбанк, а оставил на хранение в магазине, спрятав деньги в ларь с сахарным песком. В ночь на 16 декабря неизвестными преступниками, проникшими в помещение магазина через окно, эти деньги были похищены.

Агафонов объясняет несдачу денег в Госбанк 15 декабря 1935 г. тем, что в этот день инкассатор за деньгами в магазин не явился. Это объяснение Агафонова материалами предварительного и судебного следствия не опровергнуто.

Агафонов работал в должности врид. заведующего магазином всего в течение 15 дней. Ранее взысканиям не подвергался. При этих обстоятельствах примененное судом в отношении Агафонова наказание следует признать явно чрезмерным.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: снизить определенную Агафонову меру наказания до одного года исправительно-трудовых работ с зачетом времени, проведенного под стражей; из-под стражи его освободить.

Недопустимость вторичного предъявления гражданского иска по тому же основанию

19 февраля 1935 г. гр. Родина М. И. продала принадлежащий ей дом в г. Вязьме Вяземскому районному комитету РОКК за 8000 руб., из которых комитет 6500 руб. уплатил при совершении договора, а 1500 руб. обязался уплатить 19 марта 1935 г.

Комитет не уплатил 1500 руб. в срок, но когда Родина предъявила к нему иск, ответил встречным иском о взыскании 3650 руб. Этот иск был мотивирован тем, что Родина не освободила проданный ею дом от жильцов, чем причинила комитету убытки.

Народный суд Вяземского района 14 сентября 1935 г. удовлетворил иск Родиной в сумме 1500 руб. и 105 руб. судебных расходов; встречный иск комитета он удовлетворил в сумме 1350 руб. и 27 руб. судебных расходов и по зачете обязал комитет уплатить Родиной 228 руб.

3 октября 1935 г. кассационная коллегия Западного облсуда отменила решение народного суда в части встречного иска комитета за явной необоснованностью и в этой части прекратила дело. Решение народного суда в части взыскания 1500 руб. с комитета в пользу Родиной осталось в силе.

Затем против Родиной было возбуждено уголовное дело по обвинению ее в мошеннической перепродаже дома. Народный суд того же Вяземского района 26 февраля 1936 г. в уголовном деле рассмотрел гражданские иски комитета РОКК и гр. Богдановой. Приговорив Родину по ч. 2 ст. 169 УК к 2 годам лишения свободы, народный суд удовлетворил иск комитета в сумме 1100 руб. и иск Богдановой — в 1000 руб.

Гр. Богданова при рассмотрении уголовного дела заявила, что она будто бы через гр. Ашкирова дала Родиной в задаток за ее дом 1000 руб., но не получила этих денег обратно. Расписки Родиной в получении денег она не представила, а гр. Ашкиров не был вызван в суд. Родина же утверждала в суде, что она получила 1000 руб. от Ашкирова и 470 руб. вернула ему, а 530 руб. зачла в счет квартплаты, так как Ашкиров был жильцом в ее доме.

Кассационная коллегия Западного областного суда 11 марта 1936 г. оставила приговор народного суда в силе, снизив наказание Родиной до 1 г. исправительно-трудовых работ.

Президиум областного суда, рассмотрев дело по протесту председателя областного суда, постановил: «Не усматривая в деле ничего кроме гражданских взаимоотношений, дело в уголовном порядке прекратить, оставив в силе удовлетворенный гражданский иск».

Прокуратура СССР, считая, что и последняя часть постановления президиума областного суда неправильна, опротестовала эту часть постановления по следующим основаниям:

Районному комитету РОКК было уже отказано в его иске к Родиной; определение кассационной коллегии областного суда от 3 октября 1935 г. о прекращении дела по этому иску вступило в законную силу и никем отменено не было. При этих условиях народный суд не мог 26 февраля 1936 г. вновь рассматривать искивые требования комитета в уголовном деле.

При рассмотрении же в уголовном деле требования гр. Богдановой о взыскании в ее пользу 1000 руб. народный суд 26 февраля 1936 г. вынес постановление при отсутствии каких либо доказательств.

Поэтому определение Западного областного суда в части «оставления в силе удовлетворенного гражданского иска» подлежало отмене, и Прокуратура СССР находила необходимым, отменив это определение, прекратить гражданское дело по иску комитета РОКК к Родиной, а в части исковых требований Богдановой к Родиной — предложить истцу обратиться в народный суд с иском заявлением.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР удовлетворила протест Прокуратуры Союза.

Незаконность внесудебного аннулирования брони, выданной на площадь лица, командированного за границу

Командированный в 1932 г. в Монголию для работы по линии Наркомвнешторга гр. Павлов до выезда в Монголию проживал в Москве в принадлежащем ему доме по Кузнецкой ул. № 6 с женой и ребенком.

Уезжая за границу, он оставил гр. Захарову, совместно с ним проживавшему, доверенность на управление домом, сроком по 10 сентября 1935 г. За границу выехала и его семья.

На основании этой доверенности Захаров с сентября 1935 г. передал дом в жакт, получил 10 сентября броню от Мосжилотдела на одну комнату размером 14,72 кв. м. Броня была выдана на имя Павлова сроком по 10 сентября 1938 г.

Однако 25 сентября 1935 г. Мосжилотдел аннулировал броню на комнату Павлова, сославшись на то, что Павлов потерял право на площадь вследствие истечения 10 сентября 1935 г. срока, на который была выдана доверенность Захарову. Комната (где оставались вещи Павловых) была вскрыта и передана проживающей в доме гр. Петруниной, а комната последней занята по ордеру Мосжилотдела гр. Меламедман.

Возвратившись из-за границы и найдя комнату занятой, жена гр. Павлова предъявила в народный суд 7 участка Сокольнического района иск к гр. Петруниной, Меламедману и Сокольническому райжилотделу, требуя освобождения комнаты.

Народный суд 8 июня 1936 г. вынес решение, которым обязал Сокольнический райжилотдел предоставить Павловой другую жилплощадь размером 14,72 кв. м.

Это решение было обжаловано Павловой в райжилотделом. ГКК Московского городского суда 22 июня 1936 г. отменила решение, ука-

зав, что за командированными за границу сохраняется, на основании постановления СНК РСФСР от 24 марта и 5 апреля 1928 г., их жилплощадь, и предложив народному суду при новом рассмотрении руководствоваться этими постановлениями.

Вновь рассмотрев дело, народный суд 8 июля 1936 г. постановил: комнату гр. Павловых, размером 14,72 кв. м, вернуть им, Петрунину переселить в ту комнату, которую она занимала ранее, и обязать Сокольнический РЖО в кратчайший срок, не позднее 20 июля 1936 г., предоставить площадь гр. Меламедману.

Это решение было 20 июля утверждено ГКК городского суда. В своем определении ГКК отметила, что право Павловой на площадь бесспорно и что Мосжилотдел не вправе был аннулировать броню.

Решение было приведено в исполнение, и Павловы были вселены в комнату, Петрунина — переселена, а Меламедман выселен и получил от РЖО ордер на другую комнату.

Однако, 28 сентября 1936 г. президиум Мосгорсуда по протесту районного прокурора Сокольнического района оставил в силе решение народного суда от 8 июня 1936 г. об обязанности РЖО предоставить Павловой другую площадь и отменил все последовавшие решения по делу от 5 октября 1936 г. Народный суд Сокольнического района рассмотрел вопрос о повороте решения и постановил Павлову выселить, Петрунину вселить в комнату Павловой, а Меламедмана — в комнату Петруниной и обязал РЖО предоставить другую площадь, годную для жилья.

Павловым была предложена комната в д. 4 по Богородскому шоссе, меньшего (чем в д. 6 по Кузнецкой ул.) размера и имеющая ряд неудобств (кухни нет, уборная находится во дворе, воду нужно брать из колонки далеко от дома и пр.).

Признавая бесспорным право Павловых на комнату, забронированную в 1935 г., и учитывая, что семье Павловых предоставляется далеко не равноценная площадь и что вызванный в Прокуратуру СССР заведующий РЖО заявил, что никакой другой площади Павловым не может быть предоставлено, Прокуратура СССР принесла протест на постановление президиума Мосгорсуда от 28 сентября и решение народного суда от 5 октября.

При этом Прокуратура СССР положила в основание протеста следующие соображения:

- 1) при выезде за границу Павлов не имел надобности бронировать за собой комнату в собственном доме;
- 2) комната была законно забронирована за Павловым 10 сентября 1935 г. (при переходе дома в жакт) на 3 года на основе действующих законов о бронировании площади за работниками, находящимися за границей;
- 3) получая 10 сентября 1935 г. броню на комнату Павлова, гр. Захаров действовал на основании доверенности Павлова, в этот день имевшей полную силу;
- 4) аннулирование брони без судебного решения, распоряжением того же Мосжилотдела, который выдал броню, не может быть признано правильным; оно нарушило инструкцию НКХ и НКЮ РСФСР от 27 июля 1933 г.;
- 5) вселение гр. Петруниной в комнату Павловых, где находились вещи последних, могло произойти не иначе, как по суду; РЖО, вселив Петрунину, допустил нарушение циркуля-

ра НКХ и НКЮ РСФСР от 1 апреля 1934 г. «О борьбе с самоуправным вселением и несвободные жилые помещения».

Гражданская судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: согласиться с протестом, отменить постановление президиума Московского городского суда от 28 сентября 1936 г. и решение народного суда от 5 октября 1936 г. и оставить в силе решение народного суда от 8 июля 1936 г. и определение кассационной коллегии Московского городского суда от 26 июля 1936 г., которые фактически уже приведены в исполнение.

Недопустимость условных судебных решений

В июне 1934 г. гр. Карпук П. Г. заключил договор с Ленпроектконторой НКПС «Ленпроектпуть», по которому гр. Карпук продал, а «Ленпроектпуть» купил за 30 000 руб. дом в пос. «Красный бор», принадлежавший гр. Карпуку на праве собственности.

Согласно п. 3 договора Ленпроектпуть обязался внести первый взнос в 15 000 руб. в течение 3 дней по подписании договора, а вторые 15 000 руб. уплатить после полного освобождения дома от всех проживающих в нем жильцов.

Согласно п. 4 договора гр. Карпук обязался для переселения жильцов, проживающих в доме, предоставить годные для жилья помещения.

Карпук просрочил исполнение этого обязательства, за что уплатил 3137 руб. неустойки.

Карпук, хотя и с просрочкой, но предоставил помещения для всех жильцов дома.

Все жильцы дома, за исключением гр-на Харитонова, выехали. Харитонов выехать отказался. Тогда Ленпроектпуть предъявил иск о выселении Харитонова, но кассационная коллегия областного суда в иске отказала на основании ст. 169 ГК.

Ленпроектпуть выплатил Карпуку 25 500 руб. из причитающейся по договору суммы в 30 000 руб., не доплатив 4500 руб.

Карпук предъявил иск к Ленпроектпути о взыскании 4500 руб. и пени, а всего о взыскании 5938 руб. 15 коп.

Народный суд решил взыскать с Ленпроектпути в пользу Карпука 4363 руб.; в остальной части иска отказал и оговорил, что решение должно быть приведено в исполнение «после переселения железнодорожника от ответчика, для чего ответчику предложить выдать истцу доверенность».

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда в последней его части по следующим основаниям:

Народный суд считает, что выплата денег Ленпроектконторой Карпуку может быть произведена лишь после переселения «железнодорожника» (не указана даже фамилия лица, подлежащего переселению), но в том же решении народный суд устанавливает, что право выселения Харитонова принадлежит Ленпроектпути. Это следует из указания народного суда, что «ответчик» (т. е. Ленпроектпуть) «должен выдать «истцу» — Карпуку доверенность на выселение «железнодорожника» (Харитонова).

Народный суд правильно указал, что правом на иск к Харитонову о выселении может пользоваться не Карпук, а Ленпроектпуть, так как последний является собственником дома.

В таком случае остается непонятным, почему от выселения Харитонова, уже не состоящего ни в каких отношениях с Карпуком, зависит получение Карпуком задолженности Ленпроектпуте.

Решение народного суда от 27 февраля 1935 г. тем более неправильно, что еще ранее состоялось определение кассационной коллегии Ленинградского областного суда об отказе Ленпроектпуте в иске о выселении Харитонова. Карпук же, который при выселении Харитонова должен будет действовать по доверенности Ленпроектпуте, естественно, не может иметь более прав, чем его доверитель — Ленпроектпуть.

Народный суд неправильно истолковал договор, заключенный сторонами, трактуя его как договор аренды (тогда как он является договором о купле-продаже строения) и приписывая истцу обязанность переселить всех жильцов; в действительности же Карпук по п. 4 договора обязался освободить не весь дом, а 3 комнаты (что он и выполнил); он обязался предоставить другим жильцам помещения и возместить расходы по перевозке их имущества, но вовсе не переселять их. Такая обязанность и не могла быть возложена на Карпука, так как с момента регистрации договора право собственности на дом уже перешло к Ленпроектпуте, а выселение и переселение жильцов может осуществляться лишь настоящим, а не бывшим собственником строения.

Указание в договоре, что второй взнос Ленпроектпуте должен быть сделан только после полного освобождения дома от всех жильцов, не может быть истолковано в смысле принятия Карпуком на себя обязанности переселения всех жильцов.

Боле того: это указание (п. 3-б договора) вообще не может быть признано обязывающим Карпука. Поскольку после заключения договора право на переселение жильцов могло принадлежать только Ленпроектпуте, поскольку уплату второго взноса следовало ставить в зависимости не от переселения жильцов (то есть от действия Ленпроектпуте), а лишь от того, выполнил ли Карпук свои обязательства по п. 4 договора: предоставил ли он за свой счет годные для жильцов помещения в районе поселка «Красный бор». Если народный суд установил, что Карпук выполнил эти обязательства, то он должен был удовлетворить иск Карпука: ибо Карпук и не обязывался осуществить переселение Харитонова, да и не мог бы его осуществить, перестав быть собственником дома.

В заседании народного суда представитель Ленпроектпуте признал, что Карпук предоставил жильцу (Харитонову) помещение, но в 3 верстах от станции; рабочий говорит «перед, но предоставляйте помещение соответствующее». Из материала дела видно, что Карпук предоставил для Харитонова помещение в пос. «Красный бор» на Международном проспекте д. 23 площадью 30 кв. м — иначе говоря, выполнил свое обязательство по п. 4 договора; этот пункт не оговаривает, на каком расстоянии от железнодорожной станции должны на-

ходиться помещения, предоставляемые Карпуком жильцам.

При этих условиях народному суду следовало удовлетворить иск Карпука без дополнительного условия о том, что решение приводится в исполнение «после переселения железнодорожника». Нельзя ставить исполнение ответчиком решения в зависимости от тех действий, которые могут быть осуществлены лишь самим ответчиком.

Поэтому Прокуратура СССР считает необходимым изменить решение народного суда, исключив из него слова «решение привести в исполнение после переселения железнодорожника от ответчика, для чего ответчику предложить выдать истцу доверенность».

Президиум Ленинградского областного суда согласился с протестом и постановил исключить из резолютивной части решения народного суда: «решение привести в исполнение»... и пр.

Нарушение правил гражданского процесса (неоформление прокурором его искового заявления, непредставление ответчику возможности подготовить объяснения и пр.) как основание для отмены решения

4 января 1936 г. народный суд Стародубовского района Западной области, рассмотрев дело по иску районного прокурора о расторжении договора купли-продажи дома, заключенного артелью «Свой труд» с гр. Азбелем, решил: договор расторгнуть, возвратив дом артели, а деньги в сумме 900 руб. — Азбелю. Народный суд обосновал свое решение ссылкой на ст.ст. 30 и 147 ГК.

Это решение было 25 января 1936 г. утверждено кассационной коллегией областного суда, со ссылкой на ст. 28 ГК.

Из дела видно, что артель «Свой труд» в свое время приобрела у гр. Энтиной за 1150 руб. 2-этажный дом размером 6 × 8 кв. м, с хозяйственными постройками. В заседании народного суда председатель правления артели гр. Гапонов объяснил, что дом требовал ремонта и что часть дома была сломана, а остаток продан Азбелю за 900 руб. По объяснению того же Гапонова, договор артели с Азбелем был оформлен в 1934 г. в сельсовете.

В решении народного суда о расторжении договора было указано, что Азбель заключил договор с артелью, несмотря на то, что был лишен избирательных прав; между тем, это не соответствовало действительности (что видно из имеющейся в деле справки), да и не имело отношения к вопросу о действительности сделки. По поводу регистрации договора в решении указано, что Азбель добился регистрации «путем обмана районных организаций», хотя в деле по этому поводу нет никаких материалов.

Исходя из того, что страховая оценка дома составляет 4100 руб. и что Азбель в 1935 г. стал принимать меры к продаже дома, требуя от покупателя 7 тыс. руб. вместо уплаченных 900 руб., а также находя, что Азбель неосновательно обогатился, — народный суд вынес вышеизложенное решение.

Прокуратура СССР опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Чрезвычайно существенны процессуальные нарушения, допущенные по этому делу. Районный прокурор, получив ходатайство сельсовета о расторжении договора артели с Азбелем, направил это ходатайство в суд с резолюцией на нем: «В порядке ст. 2 ГПК прошу расторгнуть незаконно совершенную сделку». Особого искового заявления прокурором подано не было. Народный суд рассмотрел дело в тот же самый день, 14 января, когда прокурором была написана эта резолюция. Ответчик — гр. Азбель — и свидетели не были вызваны в суд повестками. Дело было рассмотрено без предварительного извещения ответчика и без предоставления ему возможности подготовить объяснения, получить правовую помощь и пр. Между тем, в постановлении 52 пленума Верховного суда СССР о порядке рассмотрения гражданских дел прямо указана недопустимость подобной спешки, лишаящей граждан правовых гарантий.

По существу дела народный суд не выяснил, к какому времени относится имеющаяся в деле страховая оценка дома в 4100 руб. (справка об этой оценке не имеет даты); осталось также невыясненным, какая часть дома была сломана и как это отразилось на его оценке.

Народный суд допустил ошибку, сославшись на ст.ст. 30 и 147 ГК, но не установив, какой именно ущерб понесен государством или артелью, если артель продала дом на 250 руб. дешевле, чем его сама купила и притом после того, как имела место частичная сломка дома. Народный суд неправильно сослался на ст. 147, возвратив стороны в первоначальное положение, так как указанная статья не допускает этого возврата.

ГКК областного суда неправильно сослалась на ст. 28 ГК, не имеющую отношения к делу.

Ввиду изложенного Прокуратура Союза ССР находила необходимым отменить решение народного суда от 14 января, и определение ГКК от 25 января 1936 г. и передать дело на новое рассмотрение.

Президиум областного суда Западной области, согласившись с протестом Прокуратуры Союза, отменил решение народного суда и ГКК областного суда и возвратил дело в тот же народный суд для рассмотрения в другом составе суда.

Обязанность учреждения предоставлять другую жилплощадь лицу, выселяемому из дома учреждения, если это лицо продолжает работать в той же системе

Народный суд 3 участка Сокольнического района г. Москвы решил выселить гр. Ефимова из помещения, принадлежащего Институту Наркомпищепрома.

Кассационная коллегия Московского городского суда решение оставила в силе.

Ефимов получил в 1934 г. жилплощадь в помещении Института Наркомпищепрома, в связи с работой в 25 отд. милиции по охране студенческого городка института.

Впоследствии Ефимов был уволен с работы в отделении милиции и перешел на работу на макаронную фабрику Наркомпищепрома.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям: согласно разъяснению пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. лицам, работающим в другом учреждении той же системы, при выселении предоставляется другая жилплощадь.

Ефимов получил спорную площадь в учреждении Наркомпищепрома СССР в связи с работой и в настоящее время работает в другом предприятии Наркомпищепрома СССР, т. е. в той же системе и на основании разъяснения пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г. Ефимов при выселении из помещения Института Наркомпищепрома следует предоставить другую жилплощадь.

Решение народного суда 3 уч. Сокольнического района от 19 августа 1935 г. и определение кассационной коллегии Московского городского суда от 10 сентября 1935 г. должно быть дополнено обязательством Наркомпищепрома СССР предоставить Ефимову другую, годную для жилья площадь.

Президиум Московского городского суда, согласившись с протестом Прокуратуры Союза, постановил дополнить решение народного суда указанием, что Ефимов может быть выселен лишь с предоставлением ему другой годной жилой площади.

Применение давностного срока к искам о выселении, основанном на ст. 171-а Гражданского кодекса

Народный суд 4 участка Пролетарского района г. Москвы, рассмотрев дело по иску Московского фибролитового завода к гр. Макарову о выселении, удовлетворил иск на основании ст. 171-а ГК.

Кассационная коллегия Московского городского суда утвердила решение.

Проверив дело по жалобе гр. Макарова, Прокуратура Союза ССР нашла, что Макаров получил в 1931 г. комнату в доме завода в связи с работой в должности консультанта завода.

В 1932 г. Макаров оставил работу на заводе. Завод предъявил иск о выселении Макарова в 1936 г. то есть через 4 года после утраты Макаровым связи с заводом; право же на иск возникло у завода в 1932 г.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение КК городского суда по следующим основаниям:

Не предъявляя иска в течение 4 лет, завод, согласно ст. 44 ГК, потерял право на выселение Макарова в порядке ст. 171-а ГК за пропуском исковой давности. Завод не лишен права предъявить к Макарову в дальнейшем иск о выселении его из дома завода, однако лишь при условии предоставления Макарову другой, равноценной и годной для жилья, площади.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил, отменить решение народного суда от 9 мая 1936 г. и определение КК от 31 мая 1936 г. и в иске Московскому фибролитовому заводу о выселении Макарова отказать.

По союзным республикам

РСФСР

Как работают группы содействия прокуратуре Оренбургской области

Успешная борьба прокуратуры за революционную законность невозможна без постоянного участия в этой борьбе широчайших масс общественности — передовиков промышленности и социалистических полей, организованных в группы содействия прокуратуре.

Прокурор, не сумевший окружить себя таким активом, не понимающий необходимости вовлечения актива в практическую работу, — беспомощен. Он не в состоянии будет реально бороться с нарушениями революционной законности, во-время вскрывать и, тем более, во-время их предупреждать. Прокурор должен располагать достаточно мощным и хорошо подготовленным активом, организовать его во всех важнейших точках нашего народного хозяйства, широко вовлекая его в свою работу, осуществляя постоянное руководство этой работой.

Тщательный подбор активистов, высокая бдительность, зоркость их, достаточная техническая грамотность, приобретаемая на практической прокурорской работе, достаточная грамотность, приобретаемая в процессе повседневного инструктирования прокурором актива и специального обучения его на курсах активистов — вот основные условия успеха работы групп содействия прокуратуре.

Помимо этого прокурор должен окружить свой актив постоянным вниманием и заботой, знать каждого члена группы содействия, знать кто и как из них работает, поощрять работу лучших, популяризировать ее в печати, в своих выступлениях по радио в докладах, делать достоянием всех групп содействия прокуратуре района, учить на этих лучших образцах работы отстающих.

Прокурор обязан оградить своих активистов от каких-либо нарушений их законных прав и интересов, тем более от преследований их, явных и завуалированных, в связи с их ответственной и почетной работой по борьбе с нарушениями советского закона.

Социалистическое соревнование должно быть непременным условием работы групп содействия прокуратуре. Прокуроры и бригадиры групп содействия прокуратуре должны быть застрельщиками и пропагандистами социалистического соревнования групп содействия прокуратуре и их членов, используя для этого печать, беседы и выступления. Забег энтузиазм активистов, вызвать в массе их стахановское движение — большая, почетная и прекрасная задача. Среди наших активистов немало стахановцев промышленности и социалистического сельского хозяйства. Пусть же растут и расцветают стахановцы — борцов революционную законность. Строя свою работу с активом на основе приведенных нами

предпосылок, мы неизбежно добьемся высоких показателей его работы и на деле убедимся, какой ценный капитал представляют наши люди, наши активисты, с которыми мы плечо к плечу боремся за устранение всех препятствий на пути победоносного шествия строительства социализма.

Оренбургская прокуратура — молодая прокуратура. Ей всего только 23 месяца. К моменту ее организации во вновь организованной Оренбургской области она получила от прокуратур краев и автономных республик, выделенных ей части своих территорий, только списки групп содействия прокуратуре, но почти не получила живых людей, значащихся в этих списках. Когда наши новые районные прокуроры приступили к проверке этих списков, то многие из них обнаружили, что большинство числящихся в них «активистов» либо давно было, либо вообще не существовало. Те же, кто оказались налицо, и представления не имели о том, что они состоят в группах содействия. Никто ими не интересовался и никакой работы им не поручал. Приходилось создавать актив заново. Крепко усвоив, что без актива никакая реальная работа прокуратуры невозможна, что он необходим, как воздух, руководство областной прокуратуры сразу же поставило своей неотложной задачей организацию крепкого актива. Уже через десять дней после организации областного аппарата прокуратуры, на первом же совещании районных прокуроров и следователей области 3—4 февраля 1935 г. этот вопрос был поставлен ребром. На первом областном совещании работников юстиции — 3—5 апреля 1935 г. уже присутствовали вновь избранные бригадиры групп содействия прокуратуре. К тому времени мы создали 503 группы содействия прокуратуре с 2635 членами.

В течение 1935—1936 гг. вопросы работы актива стояли в центре внимания областной прокуратуры и большинства районных прокуроров.

Работе с активом в 1935 г. были посвящены 3 областных и 4 кустовых совещания и 50 докладов районных прокуроров. В течение 3 кварталов 1936 г. на оперативных совещаниях при областном прокуроре был заслушан 51 доклад районных прокуроров. Доклады эти выявляли лучшие образцы работы групп содействия прокуратуре, на основе оценки работы докладчиков давались директивы городским и районным прокурорам. Лучшие группы содействия прокуратуре популяризировались в печати, в выступлениях по радио и на радиопереключках. Таких радиодокладов было сделано 9, радиопереключек проведено 6. В 3 местных бюллетенях, выпущенных областной прокуратурой, было помещено 17 статей, посвященных работе актива. Последний бюллетень подытоживает работу актива за 2 года его деятельности и недочеты, его задачи в свете Сталинской Конституции, итоги проведенного в октябре 1936 г. областного съезда бригадиров групп содействия прокуратуре. В феврале 1936 г. была выпущена однодневная газета «31

охрану социалистической собственности», посвященная задачам актива прокуратуры в период весеннего сева, задачам по охране им передовых людей социалистических полей стахановцев. Стремясь дать активисту настольное пособие в его практической работе, мы выпустили «Памятку активиста» с тиражом в 4000 экземпляров. Как в 1935 г., так и в 1936 г. работники областного аппарата проверяли работу актива и работу с активом всех без исключения районных прокуроров (у нас их 52) на местах, работа некоторых из них проверялась по несколько раз (в 1936 г. было 74 выезда на места). Областной прокурор т. Лутцев установил личную связь с бригадирами 37 групп содействия прокуратуре, пишет им письма и дает задания.

Большинство районных прокуроров, совершенно правильно подходу к разрешению вопроса о подняттии авторитета групп содействия прокуратуре, приняли меры к тому, чтобы заинтересовать в этой работе районные и сельские руководящие организации и добиться их поддержки. Они добились того, что не только районные слеты актива, но даже кустовые совещания стали созываться по постановлениям директивных органов. Они сумели заинтересовать работой актива районную печать и ряд совещаний актива был организован ими при участии редакций районных газет. Районные исполкомы и сельские советы стали включать в план своих работ доклады бригадиров групп содействия прокуратуре о работе групп содействия прокуратуре. Многие бригадиры по своей инициативе делали доклады на заседаниях пленумов и президиумов сельских советов и правлений колхозов. Эти мероприятия, систематическое руководство работой актива районными прокурорами и реальные результаты

работы актива завоевали ему прочный авторитет и признание в глазах местных органов и широких колхозных масс как общественной организации, защищающей права граждан и активно борющихся с нарушениями революционной законности.

Эти сдвиги нашли свое отражение в выступлении на октябрьском съезде бригадиров групп содействия прокуратуре бригадира группы содействия прокуратуре Кичкасского района т. Гиптнер, охарактеризовавшего условия работы прокурорского актива прежде и теперь. Вот что говорил он: «Я сегодня с радостью расскажу о нашем немецком районе, как легко сейчас там работать». «Тогда (несколько лет тому назад — Б. Б.) нельзя было по-хорошему с людьми поговорить. Раз ты считаешься активистом, то когда издали увидят тебя, то все разговоры прекращают, а сейчас совсем наоборот. Где только люди меня не встретят, сейчас же начинают беседовать со мной по тому или иному постановлению, и мы обсуждаем всякие постановления. Когда у нас бывают громкие читки, клуб все время переполнен».

Большинство районных прокуроров заботилось о повышении правовых знаний актива путем инструктажа, в некоторых районах проведены были краткосрочные курсы актива. Прокуроры крепко дрались с посягательствами на законные права и с преследованием своих активистов. Ни один из таких, немногих, правда, случаев не остался безнаказанным.

Внимание, которым мы окружили свой актив, вызвало большой приток активистов в группах содействия прокуратуре.

Если прибавить сюда 84 соцсовместителей прокуроров и следователей и 1705 членов.

На 1 октября 1935 г. мы имели	919 групп содействия прокуратуре с числ. чл.	4717
• 1 января 1936 г. » »	1198 »	6719
» 1 апреля » »	1203 »	6920
» 1 октября » »	1218 »	7147

393 секций ревзаконности при советах — сельских, поселковых и городских, организованных усилиями наших же прокуроров и участвующих в их работе, то окажется, что мы располагаем девятитысячным отрядом борцов за революционную законность. Мы уверены, что недалек тот день, когда эта цифра вырастет до 10 000 и, таким образом, 150-я часть населения области будет активно бороться с нарушениями советского закона.

Каковы реальные результаты работы нашего актива?

В 1935 г. активисты дали прокуратуре 1906 сигналов, за три квартала 1936 г. — 1828 сигналов.

Действительность этих сигналов о нарушениях революционной законности была очень высока. Возьмем цифры 1936 г.:

Не подтвердилось только 192 (10,5%) сигнала.

По 430 сигналам возбуждены уголовные преследования (23,5%),	
» 268 » »	дисциплинарные преследования,
» 55 » »	парторганами наложены взыскания.
» 30 » »	принесены протесты в порядке надзора,
» 853 » »	приняты разные меры.

Эти цифры говорят о том, что наш актив неплохо борется за революционную законность.

Это значит, что помимо раскрытия ряда преступлений, которые, или большая часть которых без участия в нашей работе не могла бы быть своевременно раскрыта, мы, благодаря активу, исправили ряд неправильных при-

говоров, призвали к порядку людей, не желающих исполнять наши советские законы, исправили ряд нарушений. Это значит, что наш актив бдителен и понимает свои задачи. Но это не значит, что достигнутые успехи удовлетворяют нас. Наряду с ростом сигналов в 1936 г. росло и участие актива в практической работе прокуратуры. При участии актива бы-

ло закончено около 100 следственных дел, проверено 700 жалоб и газетных заметок и проведено около 500 целевых обследований по заданиям прокуроров. Соцсовместители прокуроров рассмотрели 396 жалоб и 141 дело в порядке надзора. Активисты освещают свою работу в печати. В 1936 г. ими было помещено 97 статей в областной и районной печати и 189 статей в стенгазетах.

Реальная помощь, получаемая нами от своего актива, еще нагляднее видна на отдельных примерах. Не будет преувеличением сказать, что нет тех уголков жизни, куда бы не проникал глаз активиста и где бы не чувствовалась его помощь. Приведем несколько примеров. В науменском совхозе «Жана-Тан» группа баев, пробравшись на руководящие посты, проводила вредительскую работу, направленную на срыв сельскохозяйственных кампаний, разбазаривала и присваивала колхозное добро. Актив вскрыл эти воровские махинации, и вся шайка была предана суду. Член группы содействия прокуратуре Кичкаского района «колхозник колхоза «Путь Ильича» т. Кочергин вскрыл растрату продавцом сельпо Ладо 2500 руб. Расследование производил соцсовместитель прокурора т. Митришкин. Ладо был предан суду и осужден на 2 года лишения свободы.

Группа содействия прокуратуре на хлебозаводе № 1 г. Оренбурга, руководимая т. Никифоровой, настойчиво требовала и добилась ограждения большого конвейерного ремня и мотора. Ряд грубейших нарушений техники безопасности был ликвидирован благодаря настойчивости актива на золотом прииске «Кумак» Адамовского района. Там, например, не был расчищен проточный ход в шахту на глубину 60 метров, где работало 120 рабочих под постоянной угрозой обвала. Благодаря настойчивости нашего актива, этот ход был приведен в надлежащий вид, а виновники нарушения привлечены к ответственности.

Актив в г. Оренбурге помог выявить целый ряд людей, злобно уклонявшихся от платежа алиментов на содержание детей.

В Сорочинской машинно-тракторной станции активисты обнаружили недоброкачественный ремонт поршней для тракторов. Эти поршни были поставлены на нескольких тракторах. По сигналу актива районный прокурор организовал технический осмотр этих поршней, который показал, что работа с ними неизбежно вызвала бы расплавку их и выход тракторов из строя.

Во время поездок по полевым станам бригадир группы содействия прокуратуре Александровского района т. Самойлов заметил, что колхозный амбар никем не охраняется. Стоит лошадь полевода, а людей нет. Тов. Самойлов начал искать людей, которым была вверена охрана колхозного зерна, нашел председателя колхоза, счетовода и кладовщика за выпивкой на квартире колхозного конюха. Охрана амбара была тотчас же обеспечена, а виновники привлечены к ответственности.

В колхозе имени Сталина правление начало снимать крыши с сараев колхозников и покрывать ими тока и навесы для зерна. По сигналу актива прокурор прекратил это безобразие и привлек виновников к ответственности.

В колхозе имени Степана Разина Абдулинского района правление штрафует колхозников до 10 трудодней. Бригадир группы содействия

прокуратуре идет к председателю правления и говорит ему (приводим слова из его выступления на областном съезде бригадиров): «друг мой, вы нарушаете устав — нельзя штрафовать в размере 10 трудодней, можно только до 5 дней». Допущенное правлением нарушение им же самим исправляется.

Таких примеров можно привести еще очень много. Нужно ли после этого говорить, что наш актив законно пользуется прочным признанием местных органов власти и широких масс рабочих и колхозников?

В октябре 1936 г. на областном съезде бригадиров группы содействия прокуратуре мы подытожили пройденный путь и поставили новые задачи. На съезде присутствовали 141 бригадир из 37 районов. Мы слушали их живые, интересные доклады. Областной прокурор выступил с докладом об итогах работы актива и задачах его в свете Сталинской Конституции. От бригадиров мы услышали, что проект Конституции широко обсуждался всеми группами содействия прокуратуре. Сталинская Конституция красной нитью прошла через все выступления активистов. Все они говорили, что, приехав на места, они с новой энергией возьмутся за работу. И мы уверены, что это так и будет. Мы проникнуты решимостью драться за место в первых рядах областных прокуратур по работе с активом.

Прокуратура и ее актив все свои силы отдадут на защиту нашего Основного закона, потому что «в результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед, приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не пропала даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма» (С т а л и н).

Б. Бабичев.

Кустовые совещания районных прокуроров в Саратовском крае

В целях руководства городскими и районными прокурорами по осуществлению надзора за следствием в органах УГБ НКВД, прокуратурой Саратовской области в декабре 1936 г. было проведено два кустовых совещания городских и районных прокуроров.

Кустовым совещанием обслужено 20 районов из 57 районов области.

Перед проведением кустовых совещаний было произведено по специально разработанной программе обследование состояния надзора за следствием в РО УГБ НКВД прокуроров двух крупных районов области: Балашовского и Аткарского.

Кустовые совещания проводились с участием представителей военной прокуратуры, председателя военного трибунала и представителей областного управления НКВД.

На кустовых совещаниях были заслушаны доклады городских и районных прокуроров и содоклады командированных для обследования прокуроров.

Подведенные на кустовых совещаниях итоги работы районных прокуроров за полугодие показывают, что в ряде районов Саратовской области имеется некоторое улучшение качества надзора за следствием в УГБ НКВД.

Оконченные следствием дела прокурорами более тщательно просматриваются, на месте исправляются обнаруженные недостатки следствия, благодаря чему во многих районах создано такое положение, что дела, направленные для заслушивания в суде областной прокуратурой, областным управлением НКВД судом к доследованию не возвращались.

Отмечается более вдумчивый подход и ответственное отношение к материалам, представляемым прокурору для получения санкции на арест.

Почти совершенно отсутствуют случаи нарушения правил об арестах и случаи последующей санкции на арест.

Основной недостаток заключается в отсутствии систематического надзора за следствием с момента возбуждения уголовного преследования и до окончания следствия.

В значительном большинстве случаев городские и районные прокуроры лишь просматривают и дают свои санкции на законченные следственные дела, представляемые через УНКВД в прокуратуру области, причем районные прокуроры в ряде случаев не сообщают своих заключений по этим делам.

Слабо поставлена информация прокуратуры области со стороны городских и районных прокуроров по наиболее важным делам, возбуждаемым в районах.

В ряде районов нет еще должного порядка в постановке своего хозяйства, в ведении и хранении наблюдательных производств по следственным делам.

В январе—феврале 1937 г. намечается проведение кустовых совещаний с охватом остальных районов.

Как ликвидирована задолженность по колхозам

Моршанская юридическая консультация, по получении циркуляра Прокуратуры СССР от 16 марта 1936 г., немедленно приступила к его исполнению. Прежде всего мы занялись выявлением колхозов, имеющих дебиторов. При обращении в машинно-тракторные станции мы столкнулись с явным недоброжелательным отношением к такой «затее», кроме того машинно-тракторные станции обладали очень скудными сведениями по части дебиторской задолженности колхозам. Районный земельный отдел, куда мы обратились, также не имел сведений о задолженности по колхозам.

При отсутствии такого учета консультация вынуждена была вызывать счетоводов от каждого колхоза, и таким путем были получены необходимые сведения.

Оказалось всего по району колхозов 73, из них 32 колхоза имели задолженность в сумме 421 р. 92 к.; 10 колхозов совершенно не имели задолженности; остальные колхозы если имеют незначительную дебиторскую задолженность и то внутри самого колхоза. Консультация прежде всего решила эту задолженность ликвидировать внесудебным порядком, для чего дебиторам колхозов были разосланы пред-

ложения погасить свою задолженность. Всего с напоминаниями было послано около 100 предписаний. Результат оказался благоприятным в интересах колхозов. Таким способом, не доводя дела до суда, было погашено 45 829 руб., передано в суд 80 исковых заявлений, всего на сумму 17 676.

Трудности заключались в том, что сами руководители колхозов к ликвидации этой задолженности относились с «холодком», что затрудняло окончательную ликвидацию задолженности. Все же, несмотря на некоторую пассивность правлений колхозов, Моршанская юридическая консультация уверена, что в ближайшие месяцы дебиторская задолженность колхозам будет в районе окончательно ликвидирована.

Моршанский.

Краевое собрание членов коллегии защитников Азово-Черноморского края

Краевое общее собрание членов коллегии защитников Азово-Черноморского края обратилось к прокурору Союза ССР т. Вышинскому с письмом, в котором пишет, что «Сталинская Конституция, поднимая советский суд и советскую прокуратуру, социалистическую законность на новую ступень их исторического развития, на огромную высоту в деле борьбы за социализм, за новые победы коммунизма, также неизмеримо поднимает и советскую защиту в деле осуществления ею задач, возложенных Конституцией.

Защитники Азово-Черноморского края заявляют т. Вышинского что: «в выполнении возложенных на нас обязанностей мы все, как один, поможем вашей ответственной почетной работе, за осуществление советских законов, социалистической законности, стоящих на страже интересов нового социалистического общества, с тем, чтобы каждому гражданину, в самых далеких уголках Советского союза обеспечено, гарантировано, на деле осуществляемо все, что завоевано и записано в новой Конституции, созданной под непосредственным руководством гениального вождя, друга и учителя товарища Сталина».

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — вождь и организатор побед в Стране советов!

Да здравствует советское правительство и социалистическая законность — важнейший рычаг в деле строительства нового общества Сталинской эпохи! Да здравствует товарищ Сталин!

Выпуск Казанского заочного юридического института

В связи с выпуском окончивших Казанский заочный юридический институт, Прокурор Союза ССР т. Вышинский обратился к выпускникам со следующей приветственной телеграммой:

«Приветствую выпуск окончивших Казанский заочный юридический институт. Поздравляю работников заочной юридической системы с большой победой на фронте борьбы за высококвалифицированные кадры юристов. Уверен, что в лице выпускников, успешно преодолев-

ших все трудности заочной учебы и овладевших основами революционной теории Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, мы получим специалистов, отвечающих требованиям великой Сталинской Конституции, стойких борцов за революционную законность, за социализм. Желаю дальнейших успехов».

В ответ на эту телеграмму директор Канзаского юридического института Шалюпа по поручению профессорско-преподавательского состава и студентов-заочников информировал т. Вышинского о том, что в январе 1937 г. состоится 2-й выпуск заочно окончивших Канзаский юридический институт. Все выпускники — ответственные работники системы органов суда и прокуратуры Башкирии, Татарии, Чувашии, Мордовии и Марийской области.

Обязываемся, пишет т. Шалюпа, и впредь по-большевистски работать по подготовке юристов, стоящих на высоте требований Сталинской Конституции Социалистического государства рабочих и крестьян.

Актив за учебой

В зимние вечера много свободного времени. В станицах, в селах, в аулах края развернулась кружковая работа. Работают школы, кружки, организуются лекции.

Передовые прокуроры правильно поняли, что зимний период нужно использовать для организации учебы актива. Прокурор Семикаркорского района т. Бородавченко, прокурор Славянского района т. Попов организовали школы актива суда и прокуратуры.

Сейчас в этих школах активисты изучают программу юрминимума, особенно подробно и внимательно изучают новую Конституцию и доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Руководят кружками и школами актива работники прокуратуры и суда и партийные работники.

Вслед за этими районами учебу актива организовали еще в 12 районах, и краевая прокуратура сейчас предложила всем районам организовать учебу актива. Азово-Черноморский краевой комитет партии дал указание всем районным комитетам партии оказать практическую помощь органам суда и прокуратуры в деле проведения учебы своего актива.

А. Коновалов.

УССР

Прокуратура Донецкой ж. д. в борьбе за уголь

Донецкая дорога — крупнейшая дорога Союза. Она одна грузит в сутки 11 тысяч вагонов при общем плане погрузки на всей сети дорог в 91 000 вагонов. Основной груз — уголь.

Донецкая дорога — родина стахановского движения на транспорте и заслуженно стоит в первых рядах дорог по своей работе.

Однако, в последнее время на дороге произошла заминка; она систематически перестала выполнять государственный план погрузки. В Донбассе скопились сотни тысяч тонн невывезенного угля.

Этот невывоз произошел по вине работников Донецкой дороги и по вине работников транспортных цехов заводов и угольных трестов, на подъездных путях которых происходит погрузка. (Протяженность подъездных путей промышленленных предприятий в Донбассе равна протяженности Донецкой дороги).

Естественно, что срыв выполнения государственного плана погрузки такого важнейшего для всего народного хозяйства груза, как уголь, потребовал активного вмешательства транспортной прокуратуры Донецкой дороги.

Пребывание в декабре прошлого года на Донецкой дороге т. Л. М. Кагановича, разоблачившего оппортунистические настроения относительно невозможности выполнения плана погрузки угля, его указания о том, как надо работать, подсказали и прокуратуре дороги, какими путями она должна строить свою работу.

Прокуратура дороги возбудила в ноябре-декабре 8 уголовных дел о срыве государственного плана погрузки со стороны крупнейших трестов Донбасса: — «Донбассантрацит», «Чистяковуголь», некоторых заводов треста «Кокс» и ряда железнодорожных станций на решающих участках дороги.

Ряд судебных процессов уже проведен, и виновные осуждены к различным срокам лишения свободы.

В этой статье я хочу остановиться на некоторых моментах из практики проведения этих дел.

Одним из наиболее опасных видов преступлений, связанных со срывом государственного плана погрузки, является взаимное покрытие и очковтирательство работников железнодорожных станций и транспортных цехов заводов и трестов. Свое бездействие и саботаж по вывозу угля эти работники прикрывают очковтирательством и подлогами.

Возьмем, к примеру, транспортный цех треста «Донбассантрацит» и станцию Криндачевка, на которой идет погрузка угля этого треста. По взаимному сговору работников треста и станции срыв погрузки на протяжении долгого времени искусно маскировался. Так, например, если станция Криндачевка не подавала порожняк на шахту в обусловленное договором время, то транспортный цех треста все же свидетельствовал, что порожняк подан вовремя. А когда шахты не загружали вагонов в установленные тем же договором сроки, то работники станции свидетельствовали, в свою очередь, что вагоны загружены и поданы на станцию вовремя. Эта антигосударственная практика развратила обе стороны настолько, что все без исключения работники станции Криндачевка и соответствующие работники транспортного цеха были в нее втянуты; те же, которые противодействовали ей, преследовались и увольнялись. За получившиеся в результате этого жульничества «хорошие» показатели работы руководители транспортного цеха получали премии «за снижение простоя вагонов». Лысенко, бывший начальник станции «Андруд», на следствии показал: «дошло дело до того, что начальник движения транспортного цеха Иванов приезжал ко мне на станцию, и когда вагоны находились еще на шахте под погрузкой, он посылал на шахту списывать номера вагонов и их подъемную силу и составлять документы, а затем эти документы я славал на станции Донецкой ж. д.

Вагоны же на станцию отправлялись только через несколько часов». На указания о преступности такого порядка Иванов отвечал: «Делайте так, как вам приказано... Вы — дерево и ничего не понимаете». Когда же Лысенко стал выступать с разоблачениями на собраниях, то он был уволен «за развал дисциплины». В свою очередь, аналогичные преступления совершались и на станции Криндачевка. По показанию ряда лиц начальник станции Криндачевка Донецкой ж. д. Бусыгин говорил дежурным по станции по поводу жульнических записей: «Сегодня плохая погрузка и нужно это делать... Покажите вагоны загруженными...».

Столь же возмутительным по своему характеру является очковтирательство, практиковавшееся руководителями транспортного цеха треста «Чистяковуголь» и ряда примыкающих станций Донецкой ж. д. Здесь очковтирательство продолжалось около двух лет и было проделано в отношении многих тысяч вагонов. Методы очковтирательства те же, что и в «Донбассантраците». Работники треста получали «за хорошую работу» тысячи рублей премии вместо того, чтобы платить штраф железной дороге. Устраивались совместные пьянки, кутежи. Транспортный цех треста ежедневно давал подложные, дутые рапорта о «хорошей» работе в партийные и хозяйственные органы. Начальник транспортного цеха треста Дорохов, привлеченный к уголовной ответственности, на следствии показал: «Я считал, что эти рапорта дальше горпарткома и управляющего трестом не пойдут, и поэтому отъюлся к их составлению так легкомысленно».

Дорохов и другие слишком легко думали отделаться. Можно считать вполне установленным, что в преступных действиях этих очковтирателей железнодорожников и угольщиков лежит другая, политическая, основа: саботаж вывоза угля и желание усилить бдительность партийных и хозяйственных органов.

Конечно, и личные корыстные цели, как показало расследование, играли здесь не последнюю роль.

Этот вывод подтверждается и личным составом саботажников и очковтирателей, разоблаченных во время расследования.

Приведу характеристики лишь некоторых из числа преданных суду по этим делам:

Иванов — начальник движения транспортно-го цеха «Донбассантрацит». В 1918 г. Иванов был начальником крупнейшей на сети станции Лиман и вместе с белыми эвакуировался; впоследствии дважды увольнялся с дороги.

Новодранов — начальник погрузочных работ этого треста в 1931 г., был осужден за контрреволюционное вредительство.

Фомин — начальник транспортного цеха завода «Кокс» № 19, в прошлом увольнялся с дороги за разложение трудовой дисциплины и был судим за крушение.

Верховой — заместитель начальника транспортного цеха завода «Кокс» № 19, дважды судим за крушение и за очковтирательство. Уволен с дороги как дезорганизатор.

Сербинов — начальник транспортного цеха завода «Кокс» № 3, судим в прошлом за простой вагонов.

Первеев — начальник рудничной станции Чистяков. до 1923 г. находился в белой эмиграции.

Мандыч — начальник движения транспортного цеха треста «Чистяковуголь», за разложение трудовой дисциплины уволен с дороги. Список этих людей, вершивших судьбу погрузку угля, к сожалению, можно было бы продолжать.

Почему эти враждебные нам люди имели возможность столь длительное время безнаказанно совершать свои преступления?

Потому, что директора предприятий, управляющие трестами сами лично делом отгрузки угля не занимались, целиком и бесконтрольно передоверив это транспортным цехам, руководители которых во многих случаях люди, изгнанные с ж.-д. транспорта.

С другой стороны, это могло продолжаться потому, что работники Донецкой ж. д., вместо беспощадного разоблачения очковтирателей, стали довольствоваться показным благополучием.

Приведем еще некоторые факты.

Одним из наиболее неисправных клиентов по Донецкой дороге является трест «Кокс». Его заводы — № 1 в Алмазной, № 3 в Горловке, № 19 в Алчевске — прямо тормозят работу, перепростой вагонов и цистерн доходит у них до 45 часов свыше договорной нормы. Трест уплатил дороге штраф за перепростой вагонов в 1936 г. свыше 3 000 000 руб. Однако это мало беспокоит и руководителей заводов, и руководителей треста, и этот своеобразный откуп треста от выполнения государственных обязанностей вошел в систему. Более того, работники завода № 19 встали на явно вредительский путь. Они в целях уменьшения простоев вагонов под выгрузкой, вместо проведения необходимых организационно-технических мер, предложили грузчикам взламывать полы в вагонах и через получаемые таким образом дыры выгружать уголь. Сотни вагонов были проломлены специально сделанными на заводе ломами. В замаскированном виде вагоны с проломленными полами сдавались обратно. Об этом знали командиры станции Алчевск, но делали вид, что ничего не замечают. Грузчики, отказывавшиеся это делать, увольнялись.

Не менее возмутительным является и такой факт.

Харьковская клиентура, не могущая получить в Харькове (Южная дорога) вагоны под погрузку своих внеплановых грузов, второстепенных по своему характеру, привозила их на грузовиках на пограничную с Южной ж. д. ст. Жихорь Донецкой ж. д. и здесь получала вагоны в неограниченном количестве. Лишь в течение октября 1936 г. станция Жихорь, при плановой погрузке в 6 вагонов в месяц, погрузила сверх плана 246 вагонов, преимущественно харьковских грузов. Начальник станции Жихорь Будянский получал по телефону разрешения от диспетчеров Лиманского отделения Донецкой ж. д. отцеплять для этих грузов порожняк, шедший с Южной на Донецкую под уголь. Затем вагоны, загруженные харьковским грузом, возвращались по встречному направлению к северу от Харькова. Делалось это, конечно, не бескорыстно. За короткий срок начальник станции Жихорь Будянский, получил от «благодарной» клиентуры 7000 руб. под видом уплаты грузчикам.

В то же время Лиманское отделение Донецкой ж. д. не выполнило государственного плана погрузки угля и соли... из-за неизменения ваго-

нов. Очевидно, забыли в Лиманском отделении постановление ЦК ВКП(б) о Донецкой дороге, предлагающее квалифицировать такие действия как расхищение социалистической собственности. Прокуратуре дороги ничего не оставалось сделать, как арестовать всех виновных по этому делу и передать их суду по закону от 7 августа 1932 г.

Проведен ряд дел о срыве погрузки угля из-за преступной халатности и бездействия соответствующих работников (заводы «Кокс» № 1 и № 3, шахта Центральная-Ирмино и др.).

Следует отметить улучшение погрузки в тех местах, где были проведены процессы.

Расследование и проведение в суде этих, имеющих в условиях Донбасса актуальное политическое значение, дел было большой школой для транспортной прокуратуры. По заданиям следователей были проведены сложные хозяйственные ревизии, были допрошены в качестве свидетелей крупные хозяйственные руководители и инженеры, проведены экспертизы. Следователи и прокуроры должны были вооружиться не только юридическими знаниями, но и рядом познаний из области железнодорожной и угольной техники. Иначе бы не удалось разоблачить искусных очковтирателей. Результаты расследования и судебные процессы подробно освещались в железнодорожной и общей печати. Процессы проходили при большом внимании общественности.

Большую работу по расследованию этих дел провели участковые следователи Кривицкий (Дебальцевский участок), Пеньков (Лиманский), Самофалов (Иловайский), Хлебьиков (Кагановичский) и руководившие ими прокуроры — Куренков, Лесняк, Шестаков, а также старший следователь прокуратуры дороги т. Светов.

Крепкую помощь и систематическую поддержку в своей борьбе с преступным антигосударственным срывом погрузки и выгрузки получает прокуратура Донецкой ж. д. от Донецкого обкома КП(б)У и лично от т. Саркисова.

В процессе этой борьбы укреплялась связь транспортной прокуратуры с территориальными партийными органами, что крайне важно для нашей работы.

Перед транспортной прокуратурой полностью продолжает стоять задача: не снижать качества своей работы на этом участке, не ослаблять своего надзора за выполнением государственного плана погрузки угля, пресекать малейшие попытки проявления саботажа и очковтирательства, преступно-халатного отношения к работе и разгильдяйства.

Уголь из Донбасса должен вывозиться бесперебойно.

И. Любимов.

Как мы работаем с жалобами

Тяжело сейчас вспомнить, как мы работали с жалобами в 1933—1934 гг. Высокие, запыленные лестницы, засыпанные окурками, обрывками бумаги, темные и узкие коридоры на третьем этаже, толкотня жалобщиков, споры из-за очереди к прокурору, нервирующие жалобщика оборванные, висящие ключьями обоя — вот обстановка приема жалобщиков.

Письменными жалобами занимались все и почти никто. Господствовал стиль бумажной переписки, стиль невозмутимо эпический, стиль в значительной мере бюрократический по существу и форме.

«Придите завтра, нет ответа», такие ответы часто слышали жалобщики в канцелярии. По жалобе подолгу переписывались с руководителями учреждения, которое иногда находилось на той же улице, что и прокуратура. На запросы во многих случаях не отвечали вообще, канцелярия писала грозные «напоминания», проходил месяц — два, а затем, просматривая ожидающие разрешения жалобы, работник прокуратуры приобщал их «к наряду», полагая, что в связи с давностью жалобщик вероятно добился удовлетворения.

Были случаи, когда жалобы посылали не оформленным группам содействия прокуратуре и даже тем лицам, на которых жаловались. Так, невнимательное наше отношение к жалобе и пересылка ее председателю Терновского сельского совета Шпаку не дали нам возможности вскрыть своевременно грубейшие извращения линии партии — массовые исключения из колхозов. Эти извращения были вскрыты непосредственно областной прокуратурой.

Как же жалобы нам приходится разрешать, и как мы их разрешаем теперь?

В 1934 г. наша прокуратура получила письменных (не считая устных) 4594 жалобы, а в 1936 г. только 50% этого количества. Резко изменился характер нарушений, как это видно из жалоб и практики их разрешения.

По городу основная группа жалоб — это жалобы на нарушение трудового законодательства, жилищных прав рабочих и интеллигенции, жалобы по алиментам. Жалобы этих категорий составляют больше 50% всех поступивших в 1936 г. к нам жалоб.

Решения ЦИК СССР, Советского контроля, а в особенности историческая речь товарища Сталина 4 мая 1935 г. подтолкнули нас к улучшению работы с жалобами. Прежде всего мы поставили точный учет поступающих жалоб. Все жалобы записываются в настольный реестр, жалобы же особой категории — в специальную книгу «особого контроля». У нас не было ни одного случая утери жалобы. Жалобы рассматриваются только прокурором и его помощниками, причем государственный прокурор непосредственно занимается разрешением всех жалоб, взятых на «особый контроль», и более важных из остальных жалоб.

Естественно, что большое внимание мы уделяли сокращению сроков рассмотрения жалоб, добившись при этом первых успехов. В срок до 10 дней разрешено прокуратурой в 1935 г. — 70,6% всех рассмотренных жалоб, а в 1936 г. — 73,5%. Это свидетельствует о том, что большинство жалоб разрешалось быстро, без волокиты. 2% всех жалоб рассматривают дольше 1 месяца. Эти жалобы требовали специального расследования, переписки с другими городами и т. п.

О решении по жалобе обязательно, как правило, жалобщик извещается устно или письменно. О дате извещения секретарь делает отметку в настольном реестре. При желании жалобщика, кроме устного сообщения о решении жалобы, ему выдается также письменное решение. На 1937 г. мы обязались для жалоб завести специальные обложки для хранения

каждой жалобы, всей переписки по ней и копии решения по жалобе. Мы обязались также по каждой жалобе выносить подробное мотивированное решение с обязательной ссылкой на закон.

Какие методы мы применяем при рассмотрении жалоб?

Мы постарались, во-первых, к борьбе с волюнтаризмом привлечь работников технического аппарата, наших секретарей, работа которых имеет очень важное значение. Для этого мы почаще проверяли состояние жалоб, влезали в технику учета жалоб, проводили совещания по вопросам работы с жалобами. В улучшении работы с жалобами технические работники сыграли у нас определенную роль. Во-вторых, вместо длинной и грустной переписки по жалобам, нам удалось в значительной степени организовать их оперативное разрешение. Мы стали широко прибегать к услугам телефона, к живому общению с теми, на кого поступают жалобы.

В-третьих, при разрешении жалобы мы проявляем настойчивость, защищая нарушенные права жалобщиков, и, исчерпав методы убеждения, мы в необходимых случаях не останавливаемся перед возбуждением уголовного преследования. Это необходимо и потому, что иногда некоторые бюрократы проявляют изумительно бездушное отношение к человеку.

В один из жарких августовских дней в прокуратуру явился с жалобой гражданин Ворошилов П. Г. В январе 1936 г. он был уволен с работы как классово чуждый элемент. Из представленных Ворошиловым документов было видно, что он активный общественный работник в прошлом, председатель сельревкома, один из организаторов колхоза, его братья и сыновья в колхозе, а сам Ворошилов в 1931 г. был колхозом отпущен в отходничество и с тех пор работает рабочим. Документы и просьба Ворошилова проверить его жалобы не повлияли на администрацию. Жалобой Ворошилова занялся паспортный отдел. В течение 7 месяцев жалоба прошла ряд инстанций и последняя—начальник городской милиции—решил жалобу считать неправильной, поскольку Ворошилов кулак. Основанием для этого явилось безграмотное отношение сельсовета: «жалобщик сбежал от раскулачивания, избирательных прав никогда не лишался, сын в колхозе тоже» (?!). Мы через органы прокуратуры других районов срочно проверили жалобу Ворошилова, она оказалась целиком правильной, и жалобщик был восстановлен на работе и во всех законных правах.

В июне 1936 г. гражданка Лебедева, жена мастера коммуниста, работающего в Комсомольске, была переселена по распоряжению горсовета. Работники жилищного коммунального отдела не сумели подыскать Лебедевой квартиры и целый день возили ее с детьми и вещами под дождем по городу в поисках квартиры. Вместо квартиры семью Лебедева поместили в темной проходной комнате, ключ от которой хозяева квартиры при уходе утром на работу забирали с собой. Для сообщения с внешним миром оставалось только окно. Двухнедельные хождения Лебедевой в коммунальный отдел и другие отделы горсовета результата не дали. Сама Лебедева в прокуратуру обращаться не хотела, и устная жалоба была заявлена товарищами мужа Лебедевой.

В прокуратуре Лебедева заявила, что она не верит в то, что ей кто-нибудь поможет. По постановлению прокурора было возбуждено уголовное преследование против виновных в издевательствах над семьей рабочего, они были осуждены. Лебедевой же, согласно предложению прокуратуры, в пятидневный срок была предоставлена коммунальным отделом равноценная квартира.

Следует вспомнить еще один исключительный случай «пришибевского» отношения к трудящемуся со стороны руководителей Богоявленского поселкового совета. Они предложили гражданке Пономаренко, жене рабочего, сдать свой паспорт председателю сельского совета, заявив, что паспорт будет возвращен только после того, как она предьявит им купленный для выезда билет до г. Поти, куда выехал ее муж после развода. Паспорт у Пономаренко был действительно отобран. Разговор по телефону с разгневанными самодурами и последующее письмо прокуратуры результатов не дали. Наоборот, жалобщица была обругана за то, что она обратилась с жалобой в прокуратуру. Заставив восстановить в правах гр. Пономаренко, мы виновных привлекли к судебной ответственности, и они были осуждены судом. Соединяя оперативность с твердостью и настойчивостью в разрешении жалоб, в исключительных случаях прибегая к мерам судебной репрессии, мы улучшили свою работу с жалобами. Из рассмотренных нами жалоб удовлетворено в 1935 г. 77%, в 1936—77,5% всех жалоб. Связь с местными советскими и общественными организациями города и крупных заводов, печатью, рабочими, колхозниками значительно нам помогла в работе с жалобами. Благодаря жалобам рабочих, мы смогли выявить нарушения социалистической законности в жилищной практике коммунального отдела, случаи взяточничества, возмутительного отношения к жалобщикам и их жалобам. Виновные показателем процессом были осуждены на разные сроки. 80% удовлетворенных жалоб свидетельствуют не только о возросшей ответственности жалобщика к своей жалобе, но прежде всего о недостаточности нашего надзора за строжайшим соблюдением социалистической законности.

Мы обратили внимание на то, что многим кажется «мелочью», — на организацию приема жалобщиков и обстановку приема. Ведь в год мы по самым скромным подсчетам принимаем не менее 6000 человек. Люди эти обращаются в прокуратуру по самому разнообразному поводу: с устными жалобами, с просьбами, за юридической консультацией, просто за советом. У нас отменены всякие пропуски или их подобие, и установлены твердые часы приема от 10 до 13 часов.

Времена тесноты, толкотни, грязи отошли в область предания. При помощи местных партийных и советских организаций мы получили просторный, светлый дом. Мы его капитально отремонтировали, окрасили масляной краской, меблировали, в коридорах поставили столики, на которых всегда имеются чернила, ручки, графины с водой. Для удобства жалобщиков организовали приемную, где можно почитать газеты, посидеть в чистоте и тепле, полы всего здания устланы мягкими дорожками. Мы старались придать помещению вид достойный государственного учреждения, создав в меру

своих возможностей необходимые условия для посетителей.

Необходимо отметить, что остатки классово враждебных элементов во многих случаях пытались вводить в заблуждение нас своими жалобами, часто возводя явно безосновательные обвинения на работников колхозов, госаппарата и т. п. Характерны также требования некоторых кулаков о возврате им колхозами раскулаченного имущества потому, что «по новой Конституции все равны» (!!).

Для характеристики подобных «жалоб» мы приведем только два примера.

В 1935 г. Николаевская городская газета получила заявление, подписанное председателем Водонойского сельского совета Н. Петрашем, о том, что заведующий рабочим клубом Луценко развалил работу в клубе и даже дошел до того, что заявляет о нецелесообразности отмены карточной системы на хлеб. Заявление без всякой проверки было помещено полностью в газете под псевдонимом. В результате этой заметки Луценко был снят с работы и, после обращений в завком и наробраз, не добившись результата, покончил самоубийством. Дознание по делу было прекращено.

По устной жалобе жены покойного Луценко расследованием дела занялись прокурор и квалифицированный следователь. Что же оказалось?

Было выяснено, что Луценко — старый рабочий, активный общественник, участник гражданской войны, хороший клубный работник. Было установлено, что в процессе своей работы он пытался разоблачить группу враждебных элементов, которая пролезла в сельский совет, искривляла политику партии и государства и доходила до антисоветской пропаганды. У Луценко столкновения происходили главным образом с членом президиума сельского совета — председателем культсекции — Шапило, который ставил на сцене явно шовинистический, антисемитский хлам и пытался воспитывать молодежь в духе национализма. Луценко протестовал против постановки подобных пьес. На одной из вечеринок группой принято было решение убрать Луценко, используя для этого «повышение бдительности». Автором провокационного заявления о Луценко был директор школы Артеменко, подписал заявление председатель сельского совета Петраш. Организаторы этой гнусной выходки остались в тени. Это — Шапило, о котором речь шла выше, эсер Норов, старый меньшевик Кулаков, председатель финсекции, связанный с уголовными элементами, Юбавин и раскрытый нами в процессе следствия бывший помощник пристава в г. Москве — Бирич, работавший секретарем сельского совета, тщательной и без причин скрывавший свои «подвиги» в Московской полиции и сам факт службы в ней. Фактические убийцы Луценко были осуждены областным судом. Тщательное расследование жалобы жены Луценко дало нам возможность установить гнусную вылазку классового врага, вскрыть гнездо врагов народа всех мастей и, разоблачив их преступную деятельность, передать в руки советского правосудия для заслуженного наказания.

В июне прошлого года гражданин Ч. пытался покончить самоубийством через повеше-

ние. До этого на имя редактора всех газет и командира воинской части он послал странное заявление, в котором старинным юридическим языком, витиевато, изложил свое решение покончить самоубийством и причины, толкнувшие его на самоубийство. Эти причины — исключительный бюрократизм, который проявили к нему все городские организации и прокуратура, отказавшись разобрать его жалобу о травле его, как домохозяина — квартирантом военнослужащим, т. У. С таким письмом в руках на место срочно выехал представитель редакции газеты «Коммунист» из Киева. Была создана комиссия для расследования. Члены комиссии выяснили, что причиной попытки Ч. к самоубийству является якобы систематическая травля его со стороны квартиранта. Никаких доказательств травли привести он не мог. Комиссия вынуждена была обратиться в прокуратуру с просьбой о помощи в расследовании этой очень неясной жалобы.

Оказалось, что гр-н Ч. обращался с жалобами в прокуратуру, что они были расследованы и что в свое время сам жалобщик официально признал отсутствие факта травли его. Выяснено было, что квартирант У., командир РККА, коммунист, никогда не посягал на достоинство квартирохозяина. Оказалось, что дом должен быть продан, но предварительно очищен от квартирантов, и жалобы Ч. преследовали одну мысль — выжить т. У.

Необходимо отметить, что подобные заведомо ложные жалобы являются исключением. Что нужно для улучшения работы с жалобами?

Прежде всего своевременное разрешение жалоб, чуткое отношение к жалобщику, выяснение всех деталей дела.

Необходима оперативность, широкое использование телефонов, большевистская настойчивость в доведении дела до конца, контроль за прохождением жалоб, организация приема самих жалоб и создание необходимых условий для посетителей.

Вопросы расследования по жалобам, наиболее характерные жалобы надо широко освещать в печати, в общественных и советских организациях. Жалобы, подлежащие разрешению другими организациями и учреждениями, как и сама практика разрешения этих жалоб, также должны быть в поле внимания прокуратуры.

Но прежде всего в работе с жалобами необходима революционная бдительность, для того, чтобы суметь разоблачить всякие махинации враждебных элементов.

За хорошую организацию работы, за результаты в социалистическом соревновании прокуратура г. Николаева в 1936 г. награждена переходящим красным знаменем прокуратуры Одесской области. Но некоторые успехи в организации работы с жалобами не кружат нам голову. У нас есть еще ряд существенных недостатков, а новая Сталинская Конституция поставила перед нами неизмеримо возросшие задачи. Наш лозунг — лозунг нашего любимого вождя товарища Сталина: «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня».

В. Мыслов.

Право, процесс, судостроительство в капиталистических странах

Уголовный суд и уголовно-процессуальное законодательство Румынии

Румыния принадлежит к числу слабейших звеньев в системе европейской капитализма, так как промышленное развитие ее находится на очень низком уровне, а сохранившееся полудефеодальные пережитки сельское хозяйство, в котором занято 80% населения является основным содержанием всей экономики Румынии.

Экономическая и политическая власть находится в руках румынской крупной буржуазии и румынских крупных помещиков-бояр. Зависимая от международного империализма, Румыния проводит одновременно империалистическую политику внутри страны, угнетая национальностей.

По форме своего государственного строя Румыния является конституционной монархией с двухпалатным парламентским представительством. Конституционная реформа 1923 г. сохранила прежнюю, заимствованную у Бельгии конституцию 1831 г. и по существу своему ничего нового в государственное устройство Румынии не внесла.

Экономический кризис разразился в Румынии еще в 1927 г.

Это объяснялось экономической отсталостью страны, ее зависимостью от иностранного капитала, сильнейшим расстройством хозяйства во время войны и ростом революционного брожения в многонациональных трудящихся массах.

В результате кризиса сократилась посевная площадь наполовину, крестьянство больше чем когда-либо почувствовало свою зависимость от банков, ростовщиков и помещиков, нищете и голод. Хозяйственная разруха, в частности, получила свое отражение и углубление в расколе среди господствующих классов, приведшем к образованию в буржуазном лагере двух десятков политических партий и группировок. Часть из них, являющаяся открытой агентурой гестапо в Румынии и находящаяся на содержании Гитлеровского империализма, оформилась в виде нескольких фашистских партий и организаций («железная гвардия», антисемитская партия авантюристов Гоги и Кузы, немецкая национал-социалистическая партия с гитлеровским фюрером, бывшим капитаном Фабрициусом во главе).

Сменяющие друг друга правительства не смеют открыто проводить фашистскую политику, предпочитая применение террористических методов управления в периоды особенно обострения классовой борьбы. Это общее направление политики румынской буржуазии находит свое выражение в организации судебного аппарата и в методах его деятельности (специальный подбор судей, сужение деятельности суда с участием присяжных заседателей, военно-полевые суды).

Заемствованное у Франции судостроительство и

уголовно-процессуальное законодательство постепенно изменяются в сторону отказа от либерально-демократических принципов. В то же время, уступая французскому влиянию, правительство законом от 7 апреля 1934 г. «Об охране порядка в государстве» создало угрозу для фашистских организаций и даже на бумаге распустило их. Но в последние месяцы румынское правительство снова стало проявлять на деле исключительную терпимость к агентам гестапо, а на словах продолжало искать дружбы с Малой Антантой, Францией.

Организация уголовного суда в Румынии определяется конституцией 1925 г., положением о судостроительстве 1925 г. и УПК 1864 г.

Судебная власть объявляется самостоятельной и независимой и осуществляется ее органами (ст. 5 конституции). Дела уголовные и гражданские подсудны одним и тем же судам (ст. 107 конституции). Суды должны применять закон к установленным фактам и искать разрешения вопросов по способу, который без всяких доказательств назван ректором Ясского университета проф. Жени «свободным научным исследованием»¹. Суды не имеют права изменять постановления закона. Унификация и постоянство судебной практики, в особенности решений кассационного суда, обязательны для нижестоящих судов.

Нижней судебной инстанцией является единый участковый мировой суд, которому подсудны все дела о нарушениях и о незначительных проступках (румынский УК разделяет преступные деяния на преступления, проступки и нарушения). Участковый мировой суд рассматривает дела на основании материалов дознания, произведенного агентом судебной полиции, по жалобам потерпевших и по материалам собственного дознания, произведенного в сельских местностях. По делам о проступках участковый мировой суд приступает к рассмотрению на основании материалов расследования прокурора, по постановлению о предании суду следственного судьи и по жалобе потерпевших. Приговоры участкового мирового суда, за исключением приговоров к штрафу, которые обжалованию не подлежат, могут быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке. Апелляционной инстанцией является апелляционный коллегиальный суд, учрежденный в каждом из главных городов департаментов Румынии. Апелляционный суд в качестве суда первой инстанции рассматривает дела судей, прокуроров и офицеров судебной полиции.

Закон 19 декабря 1925 г. обязывает апелляционный суд подчиниться указанию кассационного суда после отмены приговора.

В качестве суда первой инстанции по делам о проступках и преступлениях, которые исключены из подсудности участкового мирового

¹ «La vie juridique des peuples» в. II, 1933, р. 251.

го суда и суда присяжных, действует исправительный трибунал, имеющийся в главном городе каждого департамента. Исправительный трибунал состоит из трех палат и возглавляется его председателем. Рассмотрение дел происходит в коллегиальном составе из 4 должностных судей на основе материалов расследования прокурора и по постановлению о предании суду следственного судьи, а также по жалобам потерпевших.

Организован также и суд присяжных, которому подсудны дела о преступлениях, в частности о политических преступлениях и о преступлениях в печати. Суд присяжных имеется во всех главных городах департаментов Румынии, за исключением Бессарабии и Добруджи, где судов присяжных не существует. Суд присяжных состоит из трех должностных судей и 12 присяжных заседателей. По делам о политических преступлениях обязательно постановление о предании суду следственного судьи. По делам о преступлениях в печати обязательна жалоба потерпевшего. По остальным делам для рассмотрения дела необходимы обвинительный акт, составленный генеральным прокурором, и постановление камеры предания суду. Передачей дел в военно-окружные и военно-полевые суды деятельность суда присяжных ограничивается до минимальных размеров.

Высшей судебной инстанцией является единый для всей Румынии кассационный суд, который одновременно действует и как суд верховный. Кассационный суд состоит из 45 должностных судей, 3 палат (во главе каждой имеется председатель) и первого председателя кассационного суда. Кассационный суд рассматривает дела по жалобам на неправильное применение закона всеми уголовными судами, за исключением кассационных жалоб на приговоры участковых мировых судов, которые обжалуются, по закону 1932 г. в апелляционный. В качестве суда первой инстанции кассационному суду подсудны дела по обвинению румынских министров в должностных преступлениях (ст. 26 конституции и ст. 504 УПК).

В качестве исключительных судов действуют в порядке упрощенного судопроизводства конструируемые каждый раз по приказу военного министра военно-полевые суды. Суды по делам несовершеннолетних существуют только в бывших венгерских провинциях и действуют по правилам судопроизводства, установленным венгерским УПК 1896 г. Суды для мусульман организованы главным образом в Добрудже и рассматривают дела о нарушении правил о вступлении в брак и вообще о преступлениях, связанных с семейно-бытовыми условиями мусульман, причем обращение в эти суды обязательно. Судья (кадиу) при рассмотрении этих дел руководствуется формальным и обычным мусульманским правом. Приговор произносится на румынском языке.

Судьями могут быть только мужчины, румынские подданные, имеющие ученую степень доктора или кандидата права (ст. 101 конституции). Все кандидаты на судебные должности должны пройти годичный стаж и сдать экзамен в специальной комиссии при министерстве юстиции. Судьи назначаются королем из кандидатского списка, составленного верховным советом судебной магистратуры из расчета трех кандидатов на каждую свободную судейскую должность.

Судьи по конституции (ст. 103) несменяемы: никто из судей не может быть смещен иначе, как по постановлению дисциплинарной комиссии (ст. 114 конституции). Запасные судьи могут быть смещены по распоряжению министра юстиции. Перевод должностного судьи с одной должности на другую может быть осуществлен только с согласия судьи или по постановлению дисциплинарной комиссии.

Для рассмотрения дисциплинарных дел учреждены дисциплинарные комиссии при апелляционном и кассационном судах. Дисциплинарная комиссия при апелляционном суде рассматривает дисциплинарные дела членов исправительного трибунала и участковых мировых судей. Комиссия эта состоит из председателя апелляционного суда и двух должностных судей. Дисциплинарная комиссия при кассационном суде состоит из председателя кассационного суда, трех председателей палат и пяти должностных судей. Комиссия эта в качестве первой инстанции рассматривает дисциплинарные дела членов апелляционного суда и высших должностных лиц судебной иерархии, а в качестве апелляционной инстанции рассматривает дела по жалобам на постановления дисциплинарной комиссии при апелляционном суде.

Прокуратура является иерархической корпорацией, осуществляющей прокурорский надзор. Генеральным прокурором является министр юстиции, который имеет право предписывать нижестоящим прокурорам и налагать на них дисциплинарные взыскания. Прокурорам при исправительных трибуналах и апелляционных судах гарантируется стабильность, т. е. они могут быть переведены на другую должность при оставлении за штатом только после специального расследования, закончившегося мотивированным постановлением министра юстиции. Прокуроры при кассационном суде должны занимать свою должность пожизненно и могут быть смещаемы и переводимы только с их согласия или по постановлению дисциплинарного суда. На должность прокурора при апелляционном суде назначается член апелляционного суда, специально уполномоченный министром юстиции. Вышестоящий прокурор может отдавать нижестоящему свои распоряжения, но в своих судебных выступлениях нижестоящий прокурор этими распоряжениями не связан. Таким образом, в Румынии действует французский принцип: «La plume est serve, le parole est libre».

Румыния имеет множественное уголовное процессуальное законодательство: на территории провинции, в границах довоенного времени, действует румынский УПК 1864 г., заимствованный из французского УПК 1898 г.; в Бессарабии действует русский устав уголовного судопроизводства 1864 г.; в Трансильвании, Банате, Кришане и Марамуреше действует венгерский УПК 1896 г.; а в Буковине—австрийский УПК 1873 г.

В 1931 г. была сделана попытка унифицировать уголовно-процессуальное законодательство. Составленный в 1931 г. проект УПК до сих пор не рассмотрен в законодательных органах, и содержание его неизвестно, так как проект этот не был опубликован.

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит прокуратуре. Предваритель-

ное расследование имеет две формы: дознание и предварительное следствие. Органами дознания являются агенты судебной и охранной полиции. На их обязанности лежит немедленное пресечение преступлений, соби́рание доказательств и доставление виновных в суд (ст. 13 УПК). В случае задержания на месте преступления непосредственно прокурором последний сам производит дознание. Правом производства дознания, кроме прокурора, пользуются также начальник, квестор и секретарь полиции. В сельских местностях участковый мировой судья является одновременно офицером судебной полиции и имеет право производить дознание.

Деятельность одного из органов дознания (сигуранцы) характеризуется следующими статистическими данными: за 1929—1934 гг. охранная полиция (сигуранца) арестовала 42 806 чел., из которых 10 697 чел. было ранено, а 790 было убито¹. Издевательства и пытки, учиняемые в сигуранце, доставили ей вполне заслуженную славу средневекового органа пыток, успешно конкурирующего с германским гестапо.

Предварительное следствие производится следственным судьей. Следственный судья действует по представлению прокурора или непосредственно по собственной инициативе и по жалобе потерпевших. По закону 1902 г. следственный имеет право пользоваться услугами защитника. Следственный судья имеет право прибегнуть к следующим мероприятиям: вызову, приводу (только в случае, когда подследственному угрожает тюрьма), задержанию в течение 24 часов после допроса и аресту, если оставление обвиняемого на свободе угрожает государственным интересам. Следственный судья вправе применить также и превентивный арест. Освобождение из-под стражи может быть факультативным, под залог. Предварительное заключение подлежит зачету или незачету по свободному усмотрению суда. Если обвиняемый работал, содержась под стражей, то предварительное заключение подлежит обязательному зачету (тюремный устав 1929 г.). Законченное следственное производство следственный судья направляет прокурору, который со своими указаниями возвращает это производство следственному судье

для составления постановления о предании суду.

При каждом апелляционном суде находится камера предания суду, которая наблюдает за предварительным следствием, составляет обвинительный акт и направляет дело по подсудности. В камеру предания суду можно жаловаться на неправильное постановление следственного судьи об аресте. В этих случаях производство по жалобе является секретным, а самая жалоба рассматривается в отсутствие жалобщика.

Судебные заседания по конституции объявляются публичными (ст. 110). Если публичное рассмотрение является опасным для порядка и нравов, то суд вправе постановить о закрытии дверей. По делам политическим и печати постановление о закрытии дверей должно быть вынесено единогласно. Деятельность румынских судов может быть охарактеризована следующими статистическими данными: за 1929—1932 гг. всего осуждено 1 640 166 чел., из них осуждено судом присяжных 10 807 чел., к тюремному заключению приговорено 112 354 человека².

Если учесть, что население Румынии по переписи 1930 г. достигает 18 024 300 чел., то можно прийти к выводу, что 9% всего населения, считая стариков и детей, было осуждено румынскими судами.

Судебные издевательства над антифашистами известны всему миру по процессам румынских железнодорожников, нефтяников, проф. Константинеску, Анны Паукер и многих других.

Гарантированная конституцией гласность сводится к тому, что процессы слушаются при закрытых дверях в зданиях, окруженных семью рядами полицейских и офицеров. «Равноправие» сторон иллюстрируется тем, что обвиняемых, как правило, избивают в самом зале судебного заседания во время судебного следствия, а адвокатов, которые «позволяют себе» защищать по этим делам, исключают из сословия и привлекают к уголовной ответственности.

Такова судебная система Румынии, направленная к подавлению трудящихся масс в интересах румынских промышленных магнатов и помещиков-бояр.

И. Сапфир.

В Всесоюзном институте юридических наук

Судебная экспертиза огнестрельного оружия

15 декабря в Всесоюзном институте юридических наук состоялся доклад проф. Черванова на тему: «Судебная баллистика» (экспертиза оружия).

Доклад собрал большую аудиторию. Такой повышенный интерес к настоящему докладу является не случайным. Работа проф. Черванова является первой попыткой у нас в СССР

дать работникам следствия и суда пособие по судебно-баллистической экспертизе.

Богатство и обширность материала, глубина его теоретической разработки заслуженно нашли большое одобрение у собравшейся аудитории.

Судебная баллистика, — как указывает докладчик, — термин, впервые предложенный американскими авторами, является наиболее удобным для обозначения обширнейшего из отделов современной уголовной техники, посвященного изучению тех вопросов об огнестрельном оружии, которые возникают у ра-

¹ «Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах», Москва, 1935, стр. 173.

² «Annuaire statistique de la Roumanie», 1933, № 4, p. 19.

ботников суда и следствия по делам об убийствах и ранениях огнестрельным оружием.

Докладчик подчеркивает нераздельность вопросов научно-технической экспертизы огнестрельного оружия и огнестрельных повреждений тела. Односторонняя судебно-медицинская трактовка телесных повреждений без их криминалистической оценки очень часто не может удовлетворить работника расследования.

Поэтому правильно докладчик настаивает на включении в судебную баллистику раздела судебно-медицинской экспертизы об огнестрельных повреждениях одежды и тела человека. И криминалистическое исследование огнестрельных повреждений достигнет большего результата, если это исследование будет связано с судебно-медицинским.

Практика показывает, что огнестрельное оружие нередко является вещественным доказательством в уголовных делах.

Это обстоятельство известно всякому практическому работнику суда и следствия. Но практика показывает, что исследование вещественных доказательств в этой области не поставлено на должную высоту. Для исследования огнестрельного оружия редко привлекаются специалисты, квалифицированные работники в области судебной баллистики. Обычно местные работники суда, прокуратуры и следствия направляют на исследование огнестрельное оружие случайным экспертам, обычно охотникам и военным специалистам. Еще существует взгляд, что судебно-баллистическую экспертизу может производить всякий, умеющий стрелять.

Некоторым отражением этих взглядов является и то, что до настоящего времени мы не имеем хорошего руководства по судебной баллистике. С этой стороны особенно необходимо подчеркнуть насущную потребность скорейшего издания работы проф. Червакова.

К наиболее актуальным, в научно-практическом отношении представляющим интерес для наших следственных работников, в области идентификации огнестрельного оружия принадлежат вопросы идентификации оружия по выстреленным из него патронным гильзам и снарядам. Чаще всего встают такие вопросы: 1) определение образца оружия по найденной патронной гильзе, 2) определение образца оружия по обнаруженной пуле, 3) установление идентичности оружия по представленному оружию и гильзам, 4) установление идентичности оружия по представленному оружию и пулям, и, наконец, идентификация гильз и пуль по представленным образцам последних. Определение образцов оружия и идентификация последнего по обнаруженным гильзам является вопросом, наиболее разработанным. Современные методы исследования почти во всех случаях дают возможность установить образец огнестрельного оружия и в громадном проценте случаев идентифицировать оружие по выстреленным патронным гильзам.

При обнаружении патронных гильз на месте происшествия обязательно фиксируется в протоколе их местонахождение. Последнее может в некоторых случаях принести пользу при определении места, откуда был произведен выстрел.

В процессе расследования смертельных и не смертельных ранений, нанесенных при помощи огнестрельного оружия, перед следователем

обычно стоят и требуют разрешения следующие основные вопросы: 1) имело ли место в данном случае убийство или самоубийство, 2) не произошел ли в данном случае выстрел от неосторожности потерпевшего или неумения последнего обращаться с огнестрельным оружием, 3) не является ли данный случай умышленным самоповреждением, т. е. членовредительством.

При разрешении этих вопросов всегда необходимо использование всех современных научно-технических методов исследования как места происшествия, так и вещественных доказательств по делу. Безусловно необходимо также немедленное, своевременное и полное использование судебно-медицинской экспертизы. Нужно помнить, что судебно-медицинская экспертиза выстрела и огнестрельных повреждений должна быть немедленной экспертизой, в противном случае результаты ее равны или почти равны нулю.

Так же необходимы, как и во всяком уголовном деле, тщательный осмотр и исследование места происшествия и окружающих предметов с обязательным детальным их протоколированием. Если выстрелы произведены в закрытом помещении, обязательно отмечается, не были ли заперты двери и окна изнутри и каким образом.

Предметом особой заботы следователя на месте происшествия должно быть отыскание следов выстрела и пуль на стенах, потолке, мебели и других предметах, находящихся в помещении. Характер повреждения предметов пулями и линия направления пуль должны быть зафиксированы.

Также нужно иметь в виду, что на гладких металлических частях оружия могут оставаться пальцевые отпечатки. Поэтому брать оружие нужно с большими предосторожностями и стремиться снять пальцевые отпечатки.

Пыль, имеющаяся в оружии, различного рода кусочки волокон и пр., которые могли попасть в оружие во время нахождения его в кармане преступника, необходимо тщательно исследовать.

Нахождение огнестрельного оружия плотно зажатым в руках трупа не является, как это считалось ранее, абсолютным доказательством самоубийства. Доказано, что вложенное в руки убитого оружие вскоре после убийства, может оказаться сильно сжатым в руках убитого вследствие наступившего окоченения.

Для различения убийства или самоубийства имеет большое значение месторасположение входного отверстия и направление пулевого канала. В этом случае необходимо вспомнить классический афоризм Тейлора: «Нет таких ран, наносимых самоубийцей самому себе, которые не могли быть нанесены рукой убийцы, то есть целый ряд ран, наносимых убийцей, которые не могут быть нанесены рукой самоубийцы».

Наличие нескольких огнестрельных ран на трупе не является доказательством умышленного убийства, в чем нас убеждают случаи из практики. В этом отношении характерен не обычный случай самоубийства посредством нескольких револьверных выстрелов, произведенных попеременно обеими руками, опубликованный Карэном...

Один субъект, покинутый своей женой, три раза выстрелил из револьвера себе в голову. Одна пуля попала в правый висок, второй вы-

стрел произведен в переднюю часть лобной области. Третья пуля пробила левый висок и прошла насквозь всю массу мозга. При этом нужно иметь в виду, что стрелявший после двух выстрелов мог взять оружие в другую руку и произвести третий выстрел левой рукой. По вскрытии выяснилось, что первые два выстрела оставили мозг относительно нетронутым, не вызвали немедленной потери сознания. В результате выяснения этого обстоятельства, следствием с самого начала была исключена возможность убийства.

Насколько необходима правильно организованная экспертиза, чтобы избежать судебных ошибок, показывает один поучительный случай. Рабочий Днепростроя Адам Привода был обвинен Полоцким судом в убийстве своей жены и приговорен к 8 годам тюремного заключения. Обстоятельства убийства Акулины Привода были следующие:

Семья Приводы состояла из осужденного Адама П., его жены Акулины, двух маленьких детей, племянницы и мужа последней — Прохора Д. До убийства между Адамом П. и Прохором Д. были частые недоразумения и споры на имущественной почве. В день убийства, вечером была сильная гроза и ливень. Племянницы дома не было, а муж ее еще вечером поехал пасти лошадь. Таким образом, в доме оставался только Адам П. со своей женой. О самом убийстве Адам П. в судебном заседании показал следующее: «После ужина муж племянницы Прохор отправился на ночлег пасти коня, а мы легли спать на кровать, которая стоит у окна. С края легла моя жена, у стены легла наша трехлетняя дочка, а я лежал посреди их. Некоторое время спустя после того как мы заснули, я внезапно проснулся от очень громкого выстрела и в избе я почувствовал запах как бы от оружейного выстрела. В тот же момент я почувствовал сильную боль в спине. Я окликнул свою жену, она ничего не ответила, я услышал только хрипенье, я потрогал ее руками и почувствовал, что у нее из груди что-то лилось. Я понял, что это кровь и сам потерял сознание. Не знаю, через сколько времени я очнулся, добрался до дверей и вышел на двор. Я кое-как добрался до хаты соседки, которая начала созывать людей. После этого я так же ползком вернулся в избу и лег на другую кровать. Пришедшим соседям я сказал, что нас убила молния. Если врачи признают, что это не от грома, то это дело рук моего зятя Прохора. Оружия у нас в доме не было». Ганнее на следствии Адам П. показывал: «Приехал фельдшер, поглядел рану, покачал головой и сказал, что от грома столько крови не может быть. Это ранение нанесено кинжалом». Услышав это, я сказал окружающим: «не поднимайте дела, я сам видел, что из трубы выскочила синяя полоска, ударила меня и жену и выскочила в окно».

В связи с убийством был арестован Прохор Д., но через три недели был освобожден, после ареста самого Адама П. Свидетели показали, что Адам П. имел на стороне любовницу, что и было одним из оснований обвинять Адама П. в убийстве своей жены.

Из протокола судебно-медицинского вскрытия трупа Акулины П. видно, что смерть наступила в результате огнестрельного ранения. Выстрел произведен на расстоянии приблизи-

тельно около 2 метров из обреза трехлинейной винтовки.

При освидетельствовании Адама П. врачами-экспертами через три недели после убийства его жены дано заключение, что рана его нанесена холодным острым оружием. В судебном заседании эксперт дал следующее заключение: «При осмотре мною Адама П. я нашел у него в области правой лопатки небольшую, уже зажившую рану. Если бы сюда попала пуля, то она прошла бы значительно глубже. При желании можно себе нанести ранение спины, тем более, что Адам П. столяр и имеет инструменты».

За время нахождения в тюрьме Адам П. подает многочисленные заявления о своей невиновности, с просьбой о пересмотре дела. Через год после вынесения приговора, врачом Полоцкой тюрьмы, при освидетельствовании Адама П., обнаружено в верхней части левого плеча инородное тело, какое было удалено оперативным путем и оказалось деформированной пулей от трехлинейной винтовки.

Институт криминалистики и судебной экспертизы, куда направлен был Адам П., на основании тщательного исследования пришел к заключению, что в данном случае имело место ранение одной пулей лежавших рядом на кровати Акулины П. и Адама П.

Президиум Верховного суда согласился с заключением Института, и гражданин Адам П. был освобожден от наказания.

Вышеприведенный случай судебной ошибки, где врачи-эксперты повели по неправильному пути судебно-следственные органы, к сожалению, является не единственным. Это показывает, насколько важна и необходима правильно организованная экспертиза — судебно-медицинская совместно с криминалистической.

Кроме перечисленных вопросов докладчик подробно остановился на вопросах техники расследования случаев убийства, самоубийства и самоповреждений из огнестрельного оружия, а также дал подробную классификацию огнестрельного оружия.

Большой раздел в докладе был посвящен также порохам и другим взрывчатым веществам.

Выступавшие в прениях дали высокую оценку докладу, как глубоко научному и полезному не только для работников следствия, но и для экспертов огнестрельного оружия.

Об ответственности владельцев автомашин за причиненный вред

На заседании Всеукраинского института судебной политики был заслушан доклад т. Е. И. Кельмана на тему: «Об имущественной ответственности владельцев автомашин за причиненный вред».

Основные положения доклада были таковы. Бурное развитие автомобильной промышленности СССР создало прочную базу для широчайшего внедрения автомобилей в наше народное хозяйство. Рост автомобильного движения ставит со всей остротой вопрос о борьбе с авариями автомашин и особенно в больших городах.

В отличие от капиталистических стран, в наших условиях, в условиях победы социализма, имеются все возможности для полного искоренения аварийности автотранспорта.

В борьбе с аварийностью определенное место должно быть отведено и правовому регулированию, в частности, регулированию вопроса об имущественной ответственности за вред, причиненный личности или имуществу граждан социалистического государства.

Между тем, в советской правовой литературе вопросы «автомобильного права» обходятся полным молчанием; это относится к такому актуальному вопросу, как вопрос об имущественной ответственности владельца автомобиля, а в частности, предприятий авто- и спорта за вред, причиненный автомашинами.

Этот вопрос представляет частую более общего вопроса об ответственности за вред и убытки, причиненные неправомерными действиями (так называемый «внедоговорный вред»).

В капиталистическом обществе эпохи промышленного капитализма господствующим началом, на котором строилось возмещение внедоговорного вреда, было начало «вины», нашедшее свое выражение во французском гражданском кодексе, кодексе Наполеона: «Всякое действие человека, причиняющее вред другому, обязывает того, по вине которого этот вред произошел, возместить таковой» (ст. 1382).

В позднейших кодексах имущественная ответственность строится по принципу «объективного причинения» или по началам «риска».

По вопросу об имущественной ответственности владельцев автомашин в законодательстве и судебной практике капиталистических стран наблюдается зигзагообразная линия: с одной стороны, стремление не слишком ущемлять интересы капитала, стоящего за спинами владельцев автомашин, а с другой, все-таки уступочки «общественному мнению» с целью обмануть широкие массы населения.

Во Франции единственная возможность расширения ответственности по гражданскому кодексу состоит в применении ст. 1384 французского гражданского кодекса, устанавливающей в некоторых строго ограниченных случаях ответственность собственника вещей за причиненный таковыми ущерб. В общем, судебная практика до последнего времени отрицательно относилась к возможности применения в случаях автомобильных аварий ст. 1384, возлагая таким образом на потерпевшего необходимость доказать вину причинителя вреда. Впрочем, с изданием закона от 31 декабря 1922 г., вменившего водителю машины в обязанность замедлить и даже остановить движение всякий раз, как машина может сделаться причиной несчастного случая, беспорядка или замешательства в движении, практически, в подавляющем большинстве случаев, можно установить вину водителя машины в случаях, когда машиной задавлен человек.

Новейшая французская судебная практика, которую приводил докладчик, не отказывается, однако, принципиально от конструкции вины, а именно вина собственника машины признается в том, что он предоставил машину неосторожному либо некомпетентному водителю, за что он и должен отвечать.

В Германии повышенная по сравнению с общегражданским кодексом ответственность владельцев автомашин основывается на законе об автотранспорте от 3 мая 1909 г. с изменением 23 декабря 1922 г., в силу которого владелец машины отвечает за смерть, телесные

повреждения и повреждения вещей, если несчастный случай не вызван неотвратимым событием. Таким образом, расширение ответственности здесь состоит в сущности лишь в том, что бремя доказывания переносится на ответчика, причем всякое поведение потерпевшего, третьего лица или животного при отсутствии вины владельца машины квалифицируется как неотвратимое событие, т. е. освобождает владельца машины от ответственности.

Особенно часто встречаются в судебной практике случаи, когда владелец машины защищается от иска о возмещении вреда ссылкой на то, что машина была использована шофером без его ведома и согласия (по закону от 20 октября 1932 г. — уголовно-наказуемое деяние). Обычно судебная практика возлагает и в таких случаях ответственность на владельца, если будет установлено, что самый факт использования машины шофером, без его, владельца машины, ведома был вызван неосмотрительностью, т. е. виной самого владельца, допустившего такое использование машины шофером.

Размер имущественной ответственности лимитируется определенными максимальными суммами.

Заслуживает внимания вопрос о страховании, в частности об обязательном страховании риска автотранспорта. В ряде стран введено обязательное страхование этого риска. (Дания — закон от 1 июня 1927 г., Финляндия — от 28 апреля 1925 г., Швеция — от 16 мая 1929 г., Норвегия — от 20 февраля 1926 г., Англия — от 1 августа 1930 г. и др.).

Новейший чехословацкий закон от 26 марта 1935 г. устанавливает, что владелец автомашины, внесенной в реестр чехословацких автомашин, обязан застраховать себя либо совместно иное лицо, эксплуатирующее с ведома владельца за свой риск автомашину, от последствий ответственности, вытекающей из эксплуатации этой машины. От обязательного страхования освобождаются государственные органы, а также автономные местные организации.

Суммы страхования соответствуют установленным гражданским законодательством лимитам имущественной, общегражданской ответственности за внедоговорный вред. Впрочем, как показала практика, владельцы автомашин и в Чехословакии и в других капиталистических странах, установивших обязательное страхование, находят разнообразные лазейки, чтобы усложнить, либо сделать вовсе невозможным потерпевшему получить полное страховое вознаграждение. Так например, хотя в Англии закон от 1 августа 1930 г. (Motor Vehicles Regulations) предусматривает особые уголовные санкции за использование автомашины без застрахования имущественной ответственности, тем не менее в одном лишь в 1932 г., 18 000 (!) владельцев автомашин были оштрафованы по этой причине. Существует и ряд иных приемов, закрывающих потерпевшему, даже при наличии застрахования, возможность получить возмещение от страхового общества.

Переходя затем к положению этого вопроса в советском праве, докладчик указал, что в советском праве нет специальных норм об имущественной ответственности за вред, убытки, причиненные при эксплуатации автотранспорта. Не упоминается об автотранспорте

те и в ст. 404 ГК, перечисляющей предприятия повышенной опасности.

Еще в 1924 г. пленум Верховного суда УССР опубликовал разъяснение о том, что несчастный случай, причиненный движением автомобиля, во всех случаях должен быть обрешден по ст. 404 ГК. В том же 1924 г. ГКК Верховного суда УССР утвердила решение Одесского губернского суда по иску Тимофеева к Заготконторе о возмещении убытков в результате увечья, причиненного автомобилем Заготконторы, каковым решением иск был удовлетворен на основании ст. 404 ГК. Вообще говоря, в судебной практике, не смотря на отсутствие прямых указаний в ГК, не вызывает сомнения применение ст. 404 ГК к делам о причинении вреда при эксплуатации автомашины.

Должно быть решительно отвергнуто мнение, будто в случаях, когда вред был причинен автомашиной, принадлежавшей государственному органу, надлежит применять не ст. 404 ГК, а ст. 407 ГК.

Практически такое решение означало бы установление безответственности госорганов по таким делам. Такое мнение не соответствует ни тексту ст. 404 ГК, ни ее смыслу.

Верховный суд УССР неоднократно разъяснял, что по ст. 407 ГК учреждение отвечает лишь за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц действующих как органы власти. (См., например, Определения ГКК Верховного суда УССР, вып. III, 1936, стр. 194 и др.). Поэтому к действиям лиц, управляющих автомашинами, ст. 407 неприменима, а тем самым неприменимы и те строго ограниченные условия ответственности госорганов, которые установлены ст. 407 и дополнениями к такой.

Проанализировав судебную практику по этим делам по материалам киевских судов, докладчик пришел к таким выводам.

1. Судебная практика подходит весьма строго к владельцам автомашины по этим делам. Принцип объективного причинения проводится твердо и неукоснительно. Раз доказано наличие причинения увечья, следует признание к возмещению. Спор в суде, в основном, сводится к спору о размере возмещения.

2. По большинству таких дел в гражданском процессе имеется преюдициальный приговор Уголовного суда, осуждающий шофера за допущение аварий (ст. 56, 30-а, либо чаще — ст. 96 УК УССР).

3. В отдельных случаях, при оправдательном приговоре шофера, гражданский суд, тем не менее, присуждал владельца автомашины к имущественному возмещению. Это в принципе совершенно правильно, ибо отсутствие уголовно-наказуемой вины со стороны шофера не значит, что в порядке «объективного причинения» владелец автомашины не должен отвечать за причиненный вред.

Советское государство, даже освобождая водителя машины от уголовной репрессии, не может оставить без защиты потерпевшего. В этом принципиальное отличие нашей позиции от позиции капиталистических стран.

4. Сомнение вызывает метод исчисления возмещения вреда. Практически сплошь и рядом идет речь о фикции — «усиленном питании». Недостаточность и во многих случаях необо-

снованность таких требований заставляет считать целесообразным и актуальным предоставление суду права по усмотрению назначать возмещение вреда, учитывая и немущественные моменты.

В действующем советском законодательстве, а равно и в некоторых циркулярах, НКЮ, имеется ряд правил, направленных на укрепление трудовой дисциплины в автотранспорте и надлежащее использование такового. Однако отсутствуют какие бы то ни было указания по вопросу о гражданско-правовой ответственности.

По примеру иных видов транспорта, желательно издание особого закона об автотранспорте, одним из разделов которого мог бы быть раздел об имущественной ответственности хозяев и водителей машин за причинение вреда и убытков.

В этом законе об автотранспорте можно было бы кроме того дать правовое регулирование целого ряда иных вопросов, надлежащее решение которых, в определенной мере, должно способствовать упорядочению использования автотранспорта и, тем самым, уменьшению аварийности последнего. Сюда относятся, например, такие вопросы, как порядок регистрации, передания и эксплуатации автомашин, установление номенклатуры автомашин, подлежащих действию особых правил эксплуатации, условия допущения лиц к управлению автомашинами, правила перевозок грузов автомашинами, правила ответственности за нарушение этого закона и пр.

В заключение докладчик выдвинул идею введения страхования имущественной ответственности владельцев автомашин за возможное причинение вреда при эксплуатации автомашин. Цель такого страхования — охранять владельцев автомашин от чрезмерного и неожиданного ущерба в случае предъявления к ним претензий за причиненный вред при эксплуатации автомашин третьими лицами.

Такое страхование на первых порах можно ввести как добровольное, а затем для определенных кругов владельцев (в первую очередь для собственников личных машин) установить обязательный характер такого страхования.

Сущность взаимоотношений, вытекающих из такого страхования, в основном, будет представляться в следующем виде: страхователь (владелец автомашины) выплачивает страховщику (Госстраху) страховую премию. В случае наступления страхового случая (присуждения с страхователя-причинителя потерпевшему вознаграждения) страховая сумма выплачивается ему Госстрахом.

Введение у нас такой новой системы страхования имущественной ответственности связано с разрешением ряда побочных вопросов, в частности, установлением лимитации общей гражданской ответственности за причиненный вред.

Выступивший в прениях т. Елтихнев указал, что интересный доклад т. Кельмана нужно дополнить в двух отношениях. 1. Автором не учтена такая существенная область правоотношений, как ответственность владельцев машин в тех случаях, когда таковым является коллектив, например, колхоз, и пред, причиненный члену того же коллектива. 2. Следовало бы осветить вопрос о новых тенденциях буржуазного государственоведения, расширяя

щих имущественную ответственность государства.

Тов. Л. Случевский указал, что докладчик собрал ценный материал по законодательству буржуазных стран, однако недостаточно обобщена наша советская судебная практика. Надо бы подвергнуть обсуждению установки судебной практики эпохи 1924—1926 гг., поскольку резко изменилась экономика нашего государства. Неправильно замечание т. Евтихьева в отношении колхозов. В основном орудия производства в настоящее время сосредоточены в последовательно социалистических предприятиях — МТС, а последние по договорам с колхозами предоставляют им свои машины для использования. Конечно, колхозы тоже являются собственниками автомашин, но если такая машина причинит вред, то такие случаи рассматриваются в порядке общегражданского законодательства — судебным порядком.

Тов. Каплан А. также отметил, что доклад не полностью охватил практику Верховного суда УССР за прошлые годы. Недостаточно убедительно замечание докладчика по вопросу о присуждении на усиленное питание. Что же касается морального ущерба, то этот вопрос находится вне ведения советского суда.

Тов. Энтелис Я. отметил, что докладчику следовало бы дать краткий проект закона об автотранспорте, тогда была бы твердая почва для обсуждения. Введение страхования имущественной ответственности оппоненту представляется нецелесообразным. В буржуазных странах страхование создает фикцию помощи трудящимся. У нас же возмещение за вред в порядке Гражданского кодекса имеет совершенно реальный характер. У нас есть социальное страхование, а это в корне меняет всю проблему.

Тов. Клейнбергер В. согласен с указаниями докладчика, что по данным делам в значительной части случаев все возмещение сводится к компенсации расходов на усиленное питание. В докладе следовало бы особо остановиться на вопросах, связанных с утратой малолетним трудоспособности в связи с автомобильными авариями. Необходимо также было остановиться на вопросах социального страхования. При этом надо, однако, иметь в виду, что социальное страхование далеко не всегда покрывает причиненный вред, ибо имеется значительная категория лиц, которые ввиду отсутствия трудового стажа, либо ввиду того, что они не застрахованы, не имеют права на социальное страхование либо обеспечение. Предложение докладчика о введении страхования риска может снизить чувство ответственности владельца автомашин, т. е. снизить превентивное значение права в деле предупреждения автомобильных аварий.

Резюмируя прения, т. Прушицкий С. М. указал, что указания оппонентов на недостатки

доклада правильны. Докладчик действительно непропорционально распределил материал между буржуазным законодательством, литературой, судебной практикой, советской литературой и в особенности практикой. Объясняется это тем, что докладчик лучше знаком в данном вопросе с иностранной литературой, чем с нашей судебной практикой. Докладчик затронул целый ряд вопросов, связанных с темой его доклада, но относящихся ко всей проблеме ответственности за причинение внедоговорного вреда. Сюда относится в первую очередь общий вопрос о началах вины и причинения, о размерах ответственности и ее пределах и др. И это тем досаднее, что, затрагивая эти вопросы общего порядка, докладчик совершенно не коснулся вопроса о социальном страховании, несмотря на то громадное значение, которое социальное страхование имеет именно для разрешения проблемы ответственности за внедоговорный вред в советском праве.

Затронув много вопросов, связанных с ответственностью за внедоговорный вред и затронув их лишь вскользь, докладчик недостаточно осветил вопросы, непосредственно связанные с возмещением вреда, причиненного автомашинами, как один из видов транспорта. Очень большой вопрос об автолихачестве выпал из поля зрения докладчика. Надо бы изучить, посмотреть, как в нашей практике обстоит дело с материальной ответственностью шоферов. Не нашел времени докладчик и для вопроса о влиянии на ответственность владельцев автомашин нарушения потерпевшими правил уличного движения. Докладчик не привел ни одного случая из судебной практики, когда бы отпала эта ответственность вследствие нарушения правил движения пострадавшим. А между тем немало несчастных случаев именно на автотранспорте, больше чем на другом, вызвано как раз этим нарушением. Неужели наши суды проходят мимо таких фактов?

Что касается предложения докладчика о по-зайствовании нами страхования риска, то нет оснований так решительно отвергать эту мысль, как это сделал т. Энтелис. И при наличии социального страхования в размерах, неслыханных нигде в мире, у нас существует государственное страхование жизни и имущества трудящихся.

В заключительном слове т. Кельман ответил оппонентам, что их возражения не убедили его в том, что закон об автотранспорте излишен. Если мы имеем уже в течение ряда лет правовую регламентацию железнодорожного транспорта, водного (речного и морского) и даже самого молодого транспорта — воздушного (воздушный кодекс СССР 1935 г.), то нет оснований оставлять без четкого правового оформления автотранспорт.

Библиография

И. Н. Якимов „Осмотр“. 1935 г.
стр. 120, цена 3 руб.

При крайней бедности нашей криминалистической литературы появление всякой новой работы в этой области представляет собой, несомненно, крайне желательное явление. С этой точки зрения книга И. Н. Якимова «Осмотр», содержащая на 115 страницах подробное изложение тактических и технических правил, касающихся столь важного следственного акта, как осмотр места преступления, заслуживает большого внимания как теоретических работников в области криминалистики, так и всех практических работников юстиции.

Ценность книги заключается уже в том, что она дает возможность каждому следователю иметь подробное руководство по проведению осмотра места преступления с целым рядом крайне ценных справочных материалов. Таковы, например, таблицы Бертильона для определения роста и размера частей тела по одежде и обуви (стр. 39—41); таковы подробные рецепты пластических масс для снятия слепков со следов орудий взлома и т. п.

Имевшаяся до настоящего времени литература по этим вопросам (произведения самого Якимова, Гросса, Бразоля, Боккариуса и др.) были для следователей недоступны, а многие из них по проводимым в них установкам не соответствовали основным принципам советского уголовного процесса. Поэтому именно чрезвычайно важно, чтобы эта новая работа Якимова, предназначенная стать практическим пособием в руках работников расследования, отражала полностью как основные принципиальные положения теории советского уголовного процесса, касающиеся места преступления, так и все те технические сведения, которые необходимы при практическом выполнении этого акта. К сожалению, надо констатировать, что очень многого в этом отношении в рецензируемой книге Якимова недостает.

Прежде всего, автор совершенно не касается процессуальной стороны вопроса — вопросы о доказательной силе результатов осмотра на суде, о процессуальных гарантиях точности и объективности фиксирования этих результатов разработаны в рецензируемом труде далеко недостаточно. Не сделано необходимого упора на основной вопрос, на котором спотыкается большинство наших следственных и милицеских работников, а именно, на то, что доказательная сила результатов осмотра места преступления зависит прежде всего от точности и объективности фиксирования этих результатов.

Излагая примеры осмотра места преступления (стр. 9—12), автор не только не предостерегает своих читателей о полной недопустимости смешивать факты, устанавливаемые путем осмотра, с теми выводами, которые из этих фактов вытекают, но, наоборот, сам допускает такое смешение в излагаемых им примерах. Например, излагая историю дела гр-ки

П., облившей свосму мужу лицо серной кислотой, автор не разъясняет, что результатом осмотра можно считать только то, что около дивана обнаружены темнокоричневые пятна, а около шкафа, где, по словам гр-на П., он случайно облился серной кислотой, никаких пятен не обнаружено. Только это и ничего другого не может дать осмотр. Дальнейшие выводы следователя о том, что гр-н П. не облился серной кислотой, а что его облили ею, когда он спал на диване, основываются не на одних только результатах осмотра, а на сопоставлении установленных осмотром фактов со всеми другими обстоятельствами дела: с показаниями свидетелей и потерпевшего, с выводами химической экспертизы о происхождении обнаруженных при осмотре пятен и т. д.

В изложении же т. Якимова это важное процессуальное разграничение не проведено. Выводы, вытекающие из оценки результатов осмотра, изложены им одновременно с изложением самого хода осмотра, что на практике легко может повести к проявлению следователями «субъективизма» в фиксировании результатов осмотра, к подмене точно установленных фактов догадками и предположениями лиц, производящих осмотр.

Основная тактическая задача осмотра также не указана в рецензируемой книге с необходимой полнотой и четкостью. Автор неоднократно, во многих местах своей работы касается отдельных подробностей, на которые следователь и должен обратить внимание при осмотре места преступления. Но им нигде не дано точных указаний на общую важнейшую цель всякого осмотра места преступления: выявить и зафиксировать всякое отступление от обычной нормальной обстановки того места, которое подвергается осмотру. Внушить всем работникам расследования это общее основное правило, безусловно, необходимо ввиду того, что конкретные предметы, с которыми приходится сталкиваться при осмотре, настолько разнообразны, как об этом говорит и сам автор разбираемой книги, что говорить о перечне тех предметов, на которые следователь должен обратить внимание при осмотре, совершенно невозможно.

Другой очень полезный тактический прием, могущий облегчить следователям и другим работникам расследования определение в сложной обстановке места преступления тех предметов и следов, на которые им нужно обратить внимание, — перечень основных вопросов, которые должны быть выявлены при осмотре места преступления, также не использован автором в разбираемой книге. Это тем более досадно, что в главе «Об осмотре мест преступления» в курсе криминалистики Института уголовной политики, написанной тем же автором, дается перечень 9 таких вопросов, несомненно, облегчающий всякому следственному работнику ориентировку на месте преступления. Отсутствие этих вопросов в разби-

раемой книге нельзя не расценить как ее существенный недостаток.

Основное внимание автор уделяет технике осмотра, описанию тех технических приемов, которые должны быть применены лицом, производящим осмотр, для обнаружения и закрепления следов преступления. Не нужно пояснять, что это одно представляло бы собой очень большую ценность, если бы описание этих приемов было дано так, чтобы каждому, даже мало квалифицированному следователю, можно было, прочитав эту книгу, применять на практике рекомендуемые в ней приемы. К сожалению, и здесь рецензируемая книга не вполне охватывает весь круг необходимых для этого сведений. В книге т. Якимова есть такие формулировки, которые затрудняют возможность практического применения даваемых автором указаний. Вот примеры некоторых таких формулировок.

На стр. 8—9 автор правильно указывает, что найденные на месте преступления мелкие предметы, могущие иметь значение в вещественных доказательствах, «должны быть закупорены с надлежащими предосторожностями», чтобы не произошла их порча, а каковы эти «надлежащие» предосторожности, автор не указывает.

Об этом он говорит в другом месте, на стр. 89—92. Но и там правила упаковки и хранения вещественных доказательств приведены в крайне сжатом виде и даже нет ссылки на имеющуюся по этому вопросу подробную инструкцию НКЮ РСФСР.

На стр. 21 автор указывает, что осмотр огнестрельных ранений на трупе должен помочь отличить входное отверстие на одежде от выходного. Указание совершенно правильное, но и здесь автор, к сожалению, не приводит ни одного признака, по которому следователь, производящий осмотр, мог бы судить о том, какое же отверстие является входным, какое выходным.

На стр. 23 автор указывает, что труп человека, личность которого не установлена, должен быть сфотографирован «особым способом фотографической съемки (сигналетическая фотография)», а каков этот способ, как нужно производить съемку, чтобы получившийся снимок удовлетворял требованиям, предъявляемым к сигналетической фотографии, автор также ничего не говорит.

Как известно всякому криминалисту, следы ног на месте преступления являются одним из важнейших доказательств и должны быть закреплены и приобщены к делу во всяком случае. Этот трудный и сложный вопрос о способах снятия копий со следов занял у автора всего четверть страницы (на стр. 46). Автор отсылает своего читателя к правилам уголовной техники. Но ведь разбираемая книга как раз и имеет сугубо-технический характер. Ценность ее в том и заключается, что она дает читателю технические указания о выполнении тех или иных действий, необходимых для правильного фиксирования результатов осмотра места преступления. Вполне понятно, что самое подробное изложение способов закрепления следов ног является абсолютно необходимым для всякой работы об осмотре места преступления, если эта работа стремится всесторонне исчерпать эту важнейшую для криминалиста тему.

Таких пробелов в книге Якимова можно было бы указать еще целый ряд и нельзя не признать, что наличие их значительно снижает ценность книги.

С точки зрения продуманности и четкости основных формулировок изложение также оставляет желать много лучшего. Например, на стр. 44 автор дает следующее определение следа: «Следом называется отпечаток на чем-нибудь предмете, позволяющий судить об его форме или об его назначении». Это определение с точки зрения криминалистической никак нельзя признать правильным. Сам автор на стр. 47 (т. е. через три страницы после приведенного выше определения) относит к числу следов пыль, грязь, табачную пыль, следы свечи, краску, ржавчину и пр. Ни один из этих следов под определение, данное автором на стр. 44, не подходит, так как никаких отпечатков на этих предметах не имеется, но они сами по себе являются следами преступления.

На стр. 93—94 автор дает схему протокола осмотра, излагая в 7 пунктах содержание этого протокола. Не говоря о том, что эти 7 пунктов, приводимые автором, далеко не исчерпывают всех требований, предъявляемых к протоколу осмотра (это ясно уже по одному тому, что в упомянутой выше главе об осмотре в курсе криминалистики, написанной тем же т. Якимовым, приводится 9 основных вопросов, которые должны быть выявлены при всяком осмотре места преступления), формулировки этой схемы страдают значительной нечеткостью, затрудняющей усвоение их читателем.

Пункт «а» этой схемы сформулирован так: «место преступления — в его узком смысле (место убийства, место взлома и т. п.)»; а пункт «в» той же схемы гласит: «места, где обнаружены объекты преступления (место обнаружения трупа или взломанного хранилища)». Для квалифицированного криминалиста разница между этими двумя пунктами понятна, т. е. убийство часто происходит не в том месте, где окажется труп, и взломанное хранилище может оказаться очень далеко от той точки, где был произведен самый взлом. Но для практических работников, не имеющих высокой квалификации в этом вопросе, указанная выше формулировка, несомненно, представит значительные затруднения, и очень многие читатели книги т. Якимова будут безуспешно ломать себе голову, пытаясь найти разницу между пунктами «а» и «в» его схемы.

Столь же непонятным для рядового читателя окажется и описание способа определения места нахождения пятен на стенах и на полу комнаты по методу координат, который дает т. Якимов на стр. 8. В особенности неясно составлена вся глава, посвященная съемке планов местности. Практические работники юстиции хорошо знают, каким большим и часто встречающимся недостатком в оформлении уголовных дел является или полное отсутствие в них планов места преступления, или небрежное, нечеткое составление этих планов.

Научить работников, производящих расследование, основным правилам глазомерной съемки, безусловно, крайне важно. Поэтому т. Якимов поступил совершенно правильно, посвятив этому вопросу отдельную главу. Но, к сожалению, изложение этой главы страдает такими же неясностями, примеры которых были приведены выше. Автор не дает пояснения такого

сугубо технического термина, как ориентировка планшета. Единственное пояснение, которое он приводит в скобках, ограничивается следующим: «вороненый конец компасной стрелки на север» (стр. 95). Получается, что для того, чтобы ориентировать планшет, надо установить его так, чтобы вороненый конец компасной стрелки показывал север. Но, как известно всем и каждому, значение компаса в том и заключается, что, как бы его ни поворачивали, вороненый конец стрелки всегда будет показывать север. Не ясно ли, что читатель, который не знаком с правилами съемки и который будет пытаться ознакомиться с ней по книге т. Якимова, будет долго и безуспешно ломать себе голову над значением указанного пояснения. Необходимо было указать, что на листе бумаги, предназначенном для съемки плана, надо провести сверху вниз линию, обозначающую направление с севера на юг, и что ориентировка планшета заключается в той его установке, чтобы эта линия совпадала с направлением компаса. Этого указания автор не дает, а без этого невозможно приступить к съемке плана.

На стр. 97, на рис. 24, приведены два образца планов местности, наверху первоначальный набросок — кроки, а внизу то, что т. Якимов называет законченной съемкой местности. На эту законченную съемку местности нанесены не только все линии и предметы, имеющиеся на местности, но и горизонтали. Известно, что нанести на план горизонтали методов глазомерной съемки совершенно невозможно, и читатель, изучающий метод съемки по книге Якимова, безусловно, будет в большом затруднении, когда он будет рассматривать рисунок 24 и ломать себе голову над тем, что же обозначают изображенные на этом рисунке волнистые линии.

В книге имеются некоторые и прямо неверные утверждения. Так например, никак нельзя согласиться с утверждением автора о том, что «документы обгоревшие, изгрызанные и изжеванные осмотру не подвергаются, а передаются эксперту для их восстановления» (стр. 50). Если следователь в точности последует этому совету автора, то подобные документы потеряют всякую доказательную силу, и обвиняемый на суде получит полную возможность утверждать, что заключения эксперта даны не по материалам, обнаруженным на месте преступления, а по каким-нибудь иным, которые или были кем-нибудь умышленно подданы или попали случайно.

Процессуальное значение протокола осмотра вещественных доказательств в том и заключается, что этот осмотр представляет собой гарантию тождества передаваемых суду вещественных доказательств с теми предметами, которые были обнаружены на месте преступления. Устранять эту гарантию для обгоревших и изжеванных документов нет никаких оснований. Автору следовало бы указать, что, произведя осмотр таких документов, следователь не должен делать ничего такого, что могло бы повредить эти крайне хрупкие вещественные доказательства, что он должен ограничиваться описанием их внешнего вида, количества и тому подобных признаков, предоставив детальное исследование эксперту.

Точно также нельзя согласиться и с тем, что при осмотре трупа не нужно снимать с

него дактилоскопических отпечатков, «когда личность покойного точно установлена и заведомо известна, что он не имеет никакого отношения к преступным элементам» (стр. 14). Ведь дактилоскопические отпечатки с трупа снимаются не только для установления его личности, но также и для того, чтобы иметь возможность отличить среди найденных на месте преступления отпечатков те, которые были оставлены убийцей, от тех, которые были оставлены убитым.

Автор посвящает специальную главу, занимающую всего три страницы, осмотру документов. Этого вопроса можно было вообще не касаться, поскольку он прямого отношения к осмотру места преступления не имеет. Но если касаться его, то нужно было дать детальное описание этого крайне сложного следственного действия. Автор же не только не дает такого описания, но не упоминает о таких элементарных вопросах, как определение признаков подложности печатей и т. п.

Книга оставляет желать очень много лучшего с точки зрения ее формы и стиля. Вот примеры некоторых стилистических неточностей: «Если возможно, следует устранить с места преступления все, что сделано после открытия преступления посторонними лицами» (стр. 2). Автор, очевидно, имеет в виду не открытие преступления, а его обнаружение. Раздел 7 гл. 2 о наружном осмотре трупа озаглавлен «Осмотр тела трупа и повреждений на нем». На стр. 104 при описании фотоаппарата системы Бертильона есть такая фраза: «вертикальная через оптическую ось, при плоскости, проходящая пересечения с картинной плоскостью дает «главную вертикальную» линию, пересекающуюся на картинной плоскости с линией горизонта». Ответственность за эту полную бессмыслицу лежит, конечно, не столько на авторе, сколько на издательстве. Но читателю от этого не легче. И без того трудная тема о фотограмметрической съемке до крайности затрудняется подобной недопустимой небрежностью.

Многочисленные рисунки, имеющиеся в книге, безусловно, во много раз увеличили бы ее ценность, если бы они были прилично оформлены. К сожалению, большинство этих рисунков оформлено настолько плохо, что разглядеть на них те подробности, для пояснения которых эти рисунки приводятся, совершенно невозможно.

Исключительная важность процессуального акта осмотра места преступления и неумение большинства работников расследования правильно выполнить это важнейшее следственное действие общеизвестны. При этом условия крайне желательно снабжение всех следственных и милицеских работников доступным и подробным руководством, по которому они могли бы научиться правильно производить осмотр места преступления и которое содержало бы в себе все необходимые для этого справочные материалы.

Книга т. Якимова могла бы быть руководством, лишь при условии устранения из нее отмеченных выше недостатков. Книгу нужно тщательно переработать.

С. Голунский.

Е. М. ЛЬВОВ и Л. М. ЯХНИЧ. Участие прокурора в подготовительном и судебном заседаниях в уголовном процессе. Гос. изд. «Советское законодательство», Москва, 1936, стр. 40, Ц. 48 коп.

Брошюра Е. М. Львова и Л. М. Яхнича, «Участие прокурора в подготовительном и судебном заседаниях в уголовном процессе», издающая задачи, порядок проведения подготовительных и судебных заседаний и роль в них прокурора, будет с пользой и интересом прочитана судебно-прокурорскими работниками, на которых она рассчитана в первую очередь. Брошюра могла бы послужить также пособием при прохождении уголовного процесса не только в правовых школах, но даже в вузах, если расширить ее объем и подвергнуть переработке в направлениях, которые будут указаны ниже.

В деятельности прокуратуры авторы выделяют судебную ее сторону, под которой вообще следует понимать участие прокурора во всех стадиях движения уголовного дела (в отличие от тесно связанной с ней деятельности по общему надзору). В этой судебной работе прокуратуры авторы сосредоточивают свое внимание на двух этапах: 1) на роли прокурора в подготовительных заседаниях и 2) на роли прокурора в судебных заседаниях.

Предварительно остановимся на вопросе об отличии подготовительных заседаний от распорядительных и о самом термине: «подготовительное заседание».

В этом вопросе надо отметить один из недостатков рецензируемой брошюры, а именно, отсутствие в ней хотя бы кратких справок из истории нашего уголовного процесса в тех его частях, которым посвящена брошюра.

Авторы пишут: «Мы называем заседания эти подготовительными только потому, что в действующих УПК они называются и установлены как подготовительные заседания, хотя по существу, практически они являются распорядительными заседаниями».

Сказать так — значит сказать очень мало. Разница между распорядительными и подготовительными заседаниями остается неясной.

Термин «подготовительное заседание» был введен проектом УПК 1928 г. А. Я. Вышинский в своей статье «К реформе уголовно-процессуального кодекса» («Проблемы уголовной политики», кн. 1, стр. 30) пишет: «Этот проект просто упразднил распорядительное заседание, заменив его «подготовительным» заседанием, что означало гораздо больше, чем простую перемену названий (разрядка наша — А. Б.). Дело в том, что в подготовительные заседания дела по проекту 1928 г. должны были вноситься, как правило, не для проверки основательности привлечения органами прокуратуры обвиняемых к ответственности (разрядка наша — А. Б.), а лишь в тех случаях, когда судья «усмотрит существенную неполноту материалов дела, которая не может быть восполнена в судебном следствии» или когда судья не согласится с квалификацией приписываемого обвиняемому преступления, с преданием его суду или избранной в отношении его мерой пресечения (ст. 93 проекта). Неудовлетворительность такого рода «реформы» ясна сама собою: дело

не в словах, дело в самом существовании функций и объеме прав и обязанностей этого заседания, терявшего по проекту 1928 г. характер камеры предания суду (разрядка наша — А. Б.).

Проект УПК 1928 г. не получил во всем объеме силы закона. Однако, действующий УПК 1923 г. под влиянием проекта 1928 г. подвергся изменению именно в части отмены распорядительных заседаний и замены их подготовительными заседаниями (СУ 1929 г. № 78, ст. 756) со всеми вытекающими отсюда последствиями, как они очерчены в процитированном отрывке из статьи А. Я. Вышинского.

Проект всесоюзного УПК 1934 г. внес полную ясность в этот вопрос. Проект УПК 1934 г. не только восстановил отмененное в 1929 г. название: «распорядительное заседание», но и четко обрисовал функции этого распорядительного заседания как камеры предания суду. Проект этот, как известно, пока еще силы закона не получил.

Не будем более подробно останавливаться на истории этого вопроса, так как это выходит за рамки рецензии. Напомним только, что целым рядом постановлений (47-го пленума Верховного суда СССР 7 июня 1934 г., президиума Верховного суда РСФСР 14—16 января 1935 г. и пр.) подготовительным заседаниям придан тот характер, который они должны иметь, — характер распорядительных заседаний, как камер предания суду.

Все эти вопросы не освещены в брошюре. А между тем, даже краткая историческая справка помогает сразу вскрыть разницу между подготовительными и распорядительными заседаниями. Такая справка также показывает, что самый термин: «подготовительное заседание» должен в настоящее время считаться устаревшим. Брошюра в этой части, как и в других, безусловно выиграла бы, если бы она уделила необходимое внимание истории тех советских процессуальных институтов и проблем, которым она посвящена.

В свете исторической майской речи товарища Сталина, в свете великой Сталинской Конституции, в плане разгущающей демократизма в судебном процессе роль и значение распорядительных заседаний должны еще более возрасти.

Сейчас ставится вопрос не только об участии обвиняемого в распорядительном заседании, но также его защитника.

Однако ни по вопросу о случаях и формах участия обвиняемого, а тем более его защитника в распорядительных заседаниях, ни о порядке и технике проведения этих заседаний нет специальных постановлений, а самый вопрос о распорядительных заседаниях не оформлен в законодательном порядке. Роль прокурора в этих заседаниях, взаимоотношения между докладом прокурора и подокладом судьи также нуждаются в более подробном освещении.

Вот почему постановка этих проблем в брошюре Е. М. Львова и Л. М. Яхнича является вполне своевременной.

Коснемся попутно еще одного вопроса. Авторы правильно пишут: «По другому пути идет буржуазное законодательство, вставшее на путь свертывания и полной ликвидации судебной демократии. Так, например, по итальянскому уголовно-процессуальному кодексу, всту-

пившему в действие в 1931 г., предание суду как самостоятельная стадия процесса, требующая существования особой камеры, через которую должны проходить уголовные дела, упразднена. В последнее время ликвидировано в Англии так называемое большое, или обвинительное жюри, которое в составе 23 человек, состоящих обычно из землевладельцев и мировых судей, решало вопросы предания суду (малое жюри).

Эта справка ясно недостаточна, если брошюра претендует на роль также учебного пособия (для чего она имеет все права). Авторам надлежало более подробно остановиться на институте предания суду в капиталистических странах. Обрисовав роль этого института, авторы могли бы показать, что даже в период расцвета так называемого классического буржуазного уголовного процесса предание суду не носило того характера, какой придан этому институту в настоящее время у нас, и сводилось очень часто к простой формальности.

Если разработка проблемы предания суду и роли прокурора в распорядительном заседании является по изложенным выше мотивам своевременной, то столь же своевременной является разработка вопроса о роли прокурора в судебном заседании.

В своем курсе судеустройства (3 изд. 1936 г., стр. 222—227) А. Я. Вышинский, обрисовав характер и важное значение участия прокурора в судебных заседаниях, пишет: «Незначительное участие прокуроров в судебных процессах, почти полное отсутствие прокуроров в кассационных судах — все это свидетельствует о недооценке со стороны работников прокуратуры роли и значения суда и судебного процесса и в особенности в настоящее время».

В этом вопросе, несомненно, должен наступить перелом. Брошюра авторов и с этой точки зрения отвечает назревшей потребности более точно очертить роль прокурора в судебном заседании, помочь ему в выполнении этой ответственной задачи.

Авторы пишут: «Если судебное рассмотрение уголовного дела является основной и важнейшей стадией уголовного процесса, то, следовательно, участие прокурора в этой стадии составляет один из важнейших элементов всей судебной и судебно-надзорной работы прокуратуры. Участвуя в судебном процессе и, в частности, принимая активное участие в проведении судебного следствия, в исследовании всех обстоятельств дела и проверке доказательств, прокурор лучше может судить о правильности приговора и немедленно реагировать путем принесения кассационного протеста на неправильный приговор». Это правильно. Тем не менее авторы сделали несомненную ошибку, выделив в судебной деятельности прокурора только эти два этапа. Разве роль прокурора в кассационных судах представляет меньший интерес, чем роль прокурора в распорядительном и судебном заседаниях? Разве роль прокурора в стадии предварительного расследования заслуживает меньшего внимания? Целый ряд серьезных проблем возникает в связи с изучением роли прокурора на предварительном следствии, как и роли прокурора в кассационных судах, где у прокурора особая позиция, как дающего заключение, а не выступающего обвинителем.

Авторы и сами не удерживаются в тех искусственных рамках, которые они себе поста-

вили, они вынуждены, например, попутно касаться положения прокурора в стадии предварительного следствия.

Обратимся к главе: «Роль прокурора в подготавлительном заседании».

Глава начинается следующим правильным политическим введением: «Исторические указания, которые содержит себе майская речь товарища Сталина, требуют от всех прокурорских и судебных работников нового подхода к своим задачам, к своим обязанностям. Беспощадная расправа с классовыми врагами и воспитание трудящихся в духе социалистической дисциплины — эта двуединая задача суда, оставаясь основой судебной работы, должна осуществиться под углом зрения сталинского указания о необходимости «прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу». Решая вопрос о привлечении к уголовной ответственности, о предании суду, каждый прокурор и судья должны понимать, что они в подавляющем большинстве случаев решают вопрос о судьбе живого человека нашей социалистической страны. «Надо, наконец, понять, — говорит товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Это обязывает судебно-прокурорских работников к исключительной чуткости, серьезности, вдумчивости и осторожности при принятии решения о предании суду».

Авторы, далее, подробно останавливаются на вопросе, что считать актом предания суду. Здесь правильно подчеркивается, что утверждение прокурором обвинительного заключения не является актом предания суду.

Авторы пишут: «Предварительное расследование уголовного дела, если оно не прекращается производством, заканчивается составлением обвинительного заключения. Серьезность и важность этого документа определяется тем, что в нем систематизируются материалы следствия (техническая сторона) и определяется объем обвинения, что дает обвиняемому возможность готовиться к своей защите (процессуальная сторона). Утверждение обвинительного заключения, по своему смыслу, состоит, следовательно, в том, что прокурор, наблюдающий за следственным производством и отвечающий за него, согласен как с порядком и формой изложения материалов дела, так и с пределами инкриминируемых фактов и их квалификацией. Утверждая обвинительное заключение, прокурор этим фактом констатирует свое согласие с итогом предварительного расследования по делу, осуществляя одновременно и контрольную функцию. На этом заканчивается определенная стадия процесса — предварительное расследование».

Вслед за этим возникает новая стадия процесса — предание суду, и обвиняемые приобретают некоторые новые процессуальные права (право участия в подготавлительном заседании по усмотрению суда, заявление новых ходатайств, вторичное ознакомление с делом до его судебного рассмотрения). Рассматривать утверждение обвинительного заключения как акт предания суду — это значит соединить в один процессуальный этап окончание расследования и предание суду. «Что же следует считать органом предания суду? Органом пре-

дания суду является подготовительное заседание суда, ибо оно фактически окончательно решает вопрос, судить или не судить человека... Утверждение обвинительного заключения имеет своим последствием лишь направление дела в суд... Актом предания суду является постановление распорядительного заседания как камеры предания суду. Это верно. Сомнение вызывает другой вопрос: не допускают ли авторы недооценки обвинительного заключения. Обвинительное заключение, в случае предания обвиняемого суду, является прежде всего формулировкой обвинения, которое государственная прокуратура предъявляет определенному лицу и которое она будет поддерживать в соответствии с данными предварительного и судебного следствия. Все остальное, что пишут авторы об обвинительном заключении, правильно, однако этот момент нужно было подчеркнуть в первую очередь. Вообще вопрос о роли обвинительного заключения, как и другие проблемы, авторы разработали бы более подробно, если бы занялись судебной деятельностью прокурора в полном ее объеме (в частности ролью прокурора на предварительном следствии).

Сущность, характер и формы распорядительного заседания, роль в них прокурора и других участников, порядок их проведения разработаны достаточно подробно и вполне в соответствии с нашей текущей судебной политикой.

Хорошо очерчено взаимоотношение между ролью прокурора как основного докладчика в распорядительном заседании и ролью судьи как содокладчика. Прекрасно изложены также примерные схемы и содержание докладов и содокладов. Практическая полезность этой части работы не может вызывать никаких сомнений. Если судебно-прокурорские работники будут руководиться составленной авторами схемой и выполнять поставленные в этой схеме требования, можно быть уверенным в надлежащем качестве работы самого распорядительного заседания.

Правильно очерчен круг вопросов, которым должно заниматься распорядительное заседание, объем и перспектива, в которых они должны ставиться.

Не вина авторов, что они не смогли дать исчерпывающий ответ на вопрос, какой характер, объем и формы примет участие в распорядительном заседании обвиняемого, а также еще защитника. Необходимо отметить, что тенденция к расширению рамок этого участия подчеркнута авторами правильно.

Авторы пишут: «По вопросу о том, как организуется порядок проведения подготовительных заседаний, когда вызывается обвиняемый, мы не имеем специальных указаний. На практике следует исходить из того, что объем прав обвиняемого на подготовительных заседаниях не может быть равен объему его прав, которыми он пользуется на судебном следствии. Опыт показал, что такой подход к этому вопросу правилен, и порядок, который применялся, в частности, в городском суде Москвы, оправдал себя. Заседания в этих случаях, как обычно, начинались с доклада прокурора, затем шел содоклад судьи и после вопросов и прений приглашали в заседание обвиняемого, который отвечал на вопросы судьи и прокурора и заявлял ходатайство. Исчерпав вопрос обвиняемого, выслушав его ходатайство, под-

готовительное заседание в отсутствие обвиняемого принимало окончательное решение по делу. Практика таких заседаний показала, какое огромное значение имеет привлечение самого обвиняемого в момент, когда разрешается вопрос о предании суду. Сейчас не будет ошибкой проявление некоторой большей смелости — можно практиковать подготовительное заседание с участием обвиняемого от начала его до конца. Вызов обвиняемого в подготовительное заседание практикуется сейчас еще недостаточно широко, а между тем уже поставлен вопрос, и по всей вероятности будет разрешен в положительном смысле, о допущении в известных пределах и защиты не только к участию в подготовительных заседаниях, но и в стадии предварительного расследования. Вызов обвиняемых в подготовительное заседание надо рассматривать как одну из серьезных гарантий обоснованного предания суду».

Нельзя не согласиться с правильностью и своевременностью такой постановки вопроса.

Авторы подчеркивают, что «за скверным оформлением обычно скрывается и скверная работа». Поэтому, уделяя внимание оформлению распорядительных заседаний, авторы в приложениях приводят образцы определений и протоколов.

В главе: «Роль прокурора в судебном заседании» авторы прежде всего ставят вопрос, каково процессуально-правовое положение прокурора-обвинителя в судебном заседании. Вопрос важный, который авторы разрешают в общем правильно, но несколько более сложный, чем он им представляется.

Авторы пишут: «Обвинитель в стадии судебного рассмотрения дела является стороной в процессе. Это значит, что обвинитель осуществляет свои функции под контролем председателя суда, который руководит судебным заседанием. Если в стадии предварительного расследования прокурор является органом, осуществляющим надзор и руководство расследованием, и имеет право решать самостоятельно все вопросы, связанные с производством следствия, и решения его обязательны для органов расследования, то в судебном заседании прокурор таких прав не имеет. Все вопросы, возникающие в судебном заседании, разрешает суд (выслушав, когда требуется, мнение сторон). Советский уголовный процесс признает принцип процессуального равенства сторон, поэтому прокурор в судебном заседании одна из равноправных сторон, т. е. он имеет права, равные с защитой».

Затем в развитие этого положения авторы подробно останавливаются на сопоставлении роли прокурора в судебном заседании и на предварительном следствии и высказывают интересные соображения, подтверждая, однако, этим самым правильность упрека, что им следовало бы не суживать тему, а дать развернутую работу о роли прокурора в уголовном процессе во всем объеме.

Авторы понимают, что вопрос о роли прокурора в судебном заседании — сложный вопрос, требующий более детального анализа. Они неотделимы от исследования составительного начала вообще и в применении к нашему процессу в особенности.

Необходимо было во всяком случае более точно очертить пределы «односторонности» прокурора в судебном заседании. Авторы выделили проблему, но не раскрыли ее во всей пол-

ноте. А что они видели проблему, это явствует из следующего места (как и из некоторых других, которых мы не приводим): «Несмотря на то, что прокурор, участвующий в судебном заседании, является только равноправной стороной, это не освобождает его, как представителя прокуратуры, наблюдать за соблюдением закона, от обязанности следить за тем, чтобы судом при проведении судебного заседания соблюдались требования УПК».

Авторы могли бы отметить еще ряд других черт, доказывающих, что «односторонность» прокурора в судебном заседании обладает некоторыми особенностями (например, прямая обязанность прокурора по проекту УПК 1934 г. отказаться от обвинения, когда он придет к убеждению в недоказанности обвинения, право подсудимого заявлять отвод против прокурора и пр.).

Для контраста авторы могли бы отметить, что, например, фашистский итальянский уголовно-процессуальный кодекс не позволяет прокурору бороться с нарушением процессуальных норм, если это не затрагивает интересов обвинения.

В соответствии с нашим УПК авторы разбирают судебное заседание на отдельные моменты, указывая, какова роль прокурора во время каждого из этих моментов. Это делает изложение очень наглядным, позволяет более детально остановиться на особенностях и задачах, связанных с каждым таким моментом.

Прения сторон авторами уделяется недостаточное внимание. Этот вопрос представляет большой интерес и мало разработан в процессуальной литературе.

Нельзя удовлетвориться тем, что авторы говорят об общественных обвинителях. Ввиду важности вопроса темы этой нельзя было касаться вскользь: ей нужно было уделить специальное внимание.

Разбираемая глава содержит в высшей степени ценные и интересные указания по технике и методике прокурорской работы. В неразвернутом виде дан материал, который мог бы составить содержание отдельной брошюры и даже целой книги.

У нас нет руководства по методике и технике прокурорской работы, в частности по методике подготовки к делам, к речи, к допросу. Потребность в таком руководстве бесспорно имеется. Указания, которые дают авторы прокурорам, участвующим в судебном заседании (как и указания по составлению докладов в распорядительных заседаниях), могут принести большую пользу прокурорам в их практической работе.

Все эти критические замечания не изменяют общей положительной оценки брошюры. Вместе с тем надо признать, что при последующем издании (надобность в котором несомненно представится в ближайшее время) брошюра нуждается в доработке: тему следует расширить, включив в нее всю судебную деятельность прокуратуры, соответственно следует увеличить объем работы и углубить трактовку затронутых авторами проблем.

А. Е. Брусиловский.

Проф. А. А. ГЕРЦЕНЗОН, «Учет и статистика органов прокуратуры», под редакцией А. Я. Вышинского, издание 2-е, переработанное и

дополненное, «Советское законодательство», Москва, 1936.

Правильно налаженные учет, статистика и информация играют большую роль в деле организации быстрой оперативной борьбы с нарушениями революционной законности. С помощью статистики и информации, умело используя их для изучения и обобщения своей работы, органы прокуратуры и суда могут работать гораздо продуктивнее и лучше.

С 1 июля 1935 г. в органах Прокуратуры СССР была введена новая система учета и статистики, обсужденная предварительно на целом ряде специальных совещаний по статистике. За полтора года действия новой системы учета и информации выявлен был целый ряд дефектов в проведении учетно-статистической и информационной работы.

Значение небольшой работы проф. Герцензона прежде всего в том, что она суммирует практику проведения в жизнь новой системы учета и информации и дает очень важные практические указания, как ее необходимо осуществлять прокурорским работникам, представляя собой, как указывает автор в предисловии, «своего рода «статминимум» для работников прокуратуры».

Как правильно указывает автор, основным недочетом в работе органов прокуратуры по постановке учета и информации является еще неполностью изжитый пренебрежительный подход к этой работе, как к «цифрам» и «бумажной волоките». Автор правильно отмечает, что «это является недооценкой политического значения статистики, социалистического учета, о которых Ленин и Сталин говорят как о важнейших задачах пролетарской диктатуры» (стр. 6).

В первой главе рецензируемой работы автор дает характеристику новой системы учета, статистики и информации. Основными видами информации статистических материалов по новой системе являются: 1) статистическая сводка, 2) специальное донесение. Как указывает автор, «учетно-статистическая и информационная работа прокуратуры должна осуществ-лять»:

1) учет преступлений и других нарушений социалистической законности на различных участках социалистического строительства;

2) учет оперативных мероприятий по борьбе с нарушениями социалистической законности» (стр. 9).

В целях сокращения информационно-статистических материалов, они сводятся к месячному статистическому отчету прокурора и специальному донесению. Для правильной постановки информации имеет особое значение отчетная дисциплина, которая, к сожалению, не всегда на должной высоте. Автор приводит ряд примеров, показывающих неблагоприятное положение в деле организации учетно-информационной работы в ряде районных и областных прокуратур, отмечая недостаточное руководство его некоторыми прокуратурами союзных республик (УССР, РСФСР) в 1935 и начале 1936 года. Автор указывает на мероприятия, которые нужно провести для того, чтобы обеспечить поднятие на должную высоту учетно-статистической работы. К этим мероприятиям в первую очередь автором относятся следующие:

1) Повсеместная организация в прокуратурах

республик, краев и областей информационно-статистических групп.

2) Освобождение информационно-статистических групп от всевозможных «оргинстровских» функций, с закреплением за ними задач исключительно информационно-статистической работы.

3) Проведение совещаний с районными работниками по вопросам организации учетно-статистической работы.

4) Обследования хотя бы части прокуратур в связи с постановкой у них учетной работы (стр. 13).

Дефектом этой главы, в которой дается детальная характеристика системы отчетности, сроков ее производства и задач районных, областных и союзных органов прокуратуры в деле постановки учета и информации, является отсутствие указаний на постановку учета и статистики гражданских дел. Учет и статистика гражданских дел представляют очень серьезную и важную часть нашей работы, особенно важную в свете задач, выдвигаемых перед органами юстиции новой Сталинской Конституцией. Между тем, автор не только в первой, но и в последующих главах не уделяет этому важнейшему участку почти никакого внимания, за исключением нескольких строчек, посвященных учету гражданских дел при перечислении учетных показателей работы (стр. 41).

Вторую главу автор посвящает характеристике первичного учета, значению его и видам и порядку заполнения и использования учетных карточек. Первичный учет имеет особое значение, поскольку от качества этого учета зависит вся дальнейшая работа по учету и информации. Основным документом первичного учета является единая учетная карточка, отражающая все основные сведения о привлеченных к уголовной ответственности и все основные стадии работы следователя и прокурора по делу. Кроме того, устанавливаются специальные учетные карточки на жалобы и на газетные заметки.

В третьей главе автор дает характеристику показателей статистического отчета. Как правильно указывает автор, «этот отчет должен быть таким же точным и полным, какой должна быть, например, отчетность завода о его продукции или денежная отчетность. Нужно помнить, что подтасовывание цифр или неправильное их истолкование является совершенно недопустимым, является уголовным преступлением» (стр. 34).

Проект статистического отчета районного и областного прокурора, составленный на 1937 г., значительно упрощает статистический отчет, поскольку он исключает целый ряд показателей, в частности показатели, учитывающие преступления по видам хозяйственно-политических кампаний. Этот проект идет в направлении увеличения числа показателей, учитывающих преступления прежде всего по их юридическим признакам.

Главная задача статистического отчета—дать полную и ясную картину характера преступлений и качества работы следователя и прокурора по борьбе с ними. Как указывает автор, в новом проекте статистического отчета на 1937 г. исключен раздел, в котором учитывались направленные прокурором в суд уголовные дела по месту совершения преступления (колхоз, совхоз, единоличное хозяйство, про-

мышленность, торговля и т. д.). Пожалуй, исключение этого раздела из статистического отчета является слишком поспешным. Нам очень важно знать не только характер преступлений, но и место совершения преступлений. Особое значение имеют также данные статистического отчета, в которых дается характеристика привлеченных к уголовной ответственности по их социальному положению, что дает возможность выяснить социальное лицо преступников и правильно определить направление своей работы. Можно согласиться с исключением этих показателей из проекта статотчета на 1937 г., поскольку для этой цели можно использовать более точные показатели судебной статистики. Этот вопрос автор почему-то вообще обошел в своей работе.

Очень полезна для практических работников глава IV, излагающая технику составления статистического отчета. Дефектом этой главы является то, что автор не использовал имеющихся в прокуратуре отчетов с мест для того, чтобы конкретно показать, правильны или неправильны ответы на вопросы. Проработав такую работу, автор дал бы более ясное представление о технике работы по составлению статистического отчета. В силу этого недочета эта глава очень суха и по существу представляет собой изложение данной Прокуратурой СССР инструкции по составлению статистического отчета.

Имеются, однако, в этой главе отдельные неправильные указания в области техники составления статистического отчета. Так, на стр. 60, указывая правила раскладки карточек, после раскладки их по основному признаку, автор указывает на возможность раскладки карточек по социальному составу лиц, переданных суду. Однако, технически проработать это невозможно, так как в одном следственном деле, по одной карточке могут учитываться несколько человек обвиняемых, и, следовательно, раскладка по этому признаку этой одной карточки никак невозможна.

Последняя, V глава характеризует основные приемы анализа статистических данных. Эта глава имеет особое значение, ибо она указывает основные приемы, с помощью которых прокурорские работники могут углубленно изучить опыт своей работы, используя для этого статистические данные. Учитывая значение этого раздела, нужно признать, что он составлен слишком схематично и сжато; автору следовало бы детально остановиться на показе конкретных приемов анализа статистических данных, которые он приводит в своей работе. В частности, основным недостатком этой главы является то, что автор не ориентирует на изучение социально-экономических показателей района при изучении преступности. Между тем, эти показатели имеют для нас существеннейшее значение для того, чтобы правильно понять движение преступлений в том или ином районе.

Рецензируемая книга, мобилизуя практических работников на борьбу с недочетами в области учета, поможет им поставить на должную высоту учет, статистику и информацию в органах прокуратуры, используя как важнейшее средство повышения качества своей работы.

А. Шляпчиков

О нарушениях колхозного устава

Постановление Комиссии советского контроля при СНК СССР от 16 декабря 1936 г. «О нарушениях колхозного устава в Ивановской и Свердловской областях» констатирует, что как по указанным областям, так и по другим краям и областям имеют место грубые нарушения устава с.х. артели, причем местные органы прокуратуры недостаточно энергично и успешно борются с нарушениями устава, ограничиваются принятием лишь эпизодических административно-судебных мер, пренебрегая мерами воспитательного характера.

В целях усиления борьбы с нарушениями Устава с.х. артели, в дополнение к ранее данным мною указаниям,—приказываю:

1. Обратит особое внимание на нарушения колхозной демократии (незаконный прием и исключение из членов колхоза, нарушение принципа выборности правления и ревизионной комиссии и т. д.), привлекая виновных в этом лиц к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР или по соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. Не допускать нарушения постановления СНК СССР от 27 марта 1935 г. «Об упорядочении финансов и учета в колхозах», привлекая к суровой ответственности лиц, допустивших, вопреки закону, принудительное списание сумм с текущего счета колхоза.

3. Наблюдать за тем, чтобы права колхозов на землю не нарушались, в частности не допускать сокращения земельного массива артели под видом землеустройства, не допускать взимания с колхозов арендной платы за пользование землей и сдачу колхозами в аренду земли другим организациям, а также частным лицам.

4. Не допускать привлечения к ответственности колхозников за незначительные нарушения и проступки, борьба с которыми должна вестись в соответствии с § 17 Устава с.х. артели, не допускать массового и незаконного наложения штрафов на колхозников за незначительные проступки; с другой стороны, направить острые репрессии против действительных преступников и классовых врагов, расхищающих колхозную собственность, срывающих выполнение важнейших хозяйственно-политических кампаний, дезорганизирующих работу колхозов.

5. Краевым, областным и районным прокурорам при выездах на село практиковать доклады на общих собраниях колхозов и пленумах сельсоветов о борьбе с нарушениями Устава с.х. артели, используя в качестве материала конкретные случаи нарушения устава в данной местности.

6. Районным прокурорам провести инструктирование групп содействия прокуратуре и секций ревзаконности сельсоветов, в целях систематического получения от них сигналов о случаях нарушения Устава с.х. артели.

7. Работу органов прокуратуры по борьбе с нарушениями Устава с.х. артели систематиче-

ски освещать как в центральной, так и местной печати. Вменить в обязанность прокуроров краев и областей и союзных республик изучать жалобы на нарушения Устава с.х. артели и, в необходимых случаях, представлять эти материалы со своими предложениями в местные руководящие организации, информировав меня об особо характерных и важных случаях нарушения Устава и принятых по этим нарушениям мерах.

8. Прокурорам союзных республик произвести в течение января—февраля 1937 г. плановое обследование работы отдельных звеньев прокуратуры (край, область, район) по борьбе с нарушениями Устава с.х. артели. Прокурору РСФСР и отделу общего надзора Прокуратуры СССР проверить, в частности, работу Ивановской, Свердловской, Курской, Омской областей, Западносибирского, Северокавказского краев и Татарской АССР.

9. Прокурорам союзных республик представить мне о проделанной работе подробный отчет к 1 марта 1937 г. Доклад о проверке работы областей и краев РСФСР, перечисленных в пункте 8, представить к 15 февраля 1937 г.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ
2 января 1937 г.

№ 2/1.

О лаборатории по научно-следственной работе

С 1 января 1937 г. в составе Прокуратуры Союза ССР организована лаборатория по научно-следственной работе.

В задачу лаборатории входит производство криминалистических исследований (документов, следов орудий взлома и т. п.) по требованиям следственных и прокурорских органов по наиболее сложным делам.

В соответствии с этим мое циркулярное письмо от 23 марта 1936 г., опубликованное в журнале «Соцзаконность» № 5 за 1936 г., стр. 85 «О лаборатории научно-судебной экспертизы Института уголовной политики», отменяется.

Требования о производстве криминалистических исследований, указанных выше, могут направляться по адресу: «Прокуратура СССР, лаборатории по научно-следственной работе».

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ
9 января 1937 г.

№ 4/1.

Незаконный арест

Народному следователю Маргеланской городской прокуратуры Ибрагимову за незаконный арест и содержание под стражей граждан Джафарова и Ишматова объявляю строгий выговор с предупреждением.

Прокурора г. Маргелана Шалиева, за незаконное санкционирование без достаточных оснований ареста граждан Джафарова и Ишматова, с работы городского прокурора снять.

Шалиева перевести на работу в другой район на должность помощника районного прокурора.

Зам. Прокурора Союза ССР **Г. РОГИНСКИЙ**
13 января 1937 г.

№ 37.

ПРИКАЗ ПО ГЛАВНОЙ ПРОКУРАТУРЕ ЖЕЛЕЗНО- ДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

№ 26/т 5

Москва 10 января 1937 г.

Обследован работой прокуратуры Ясиноватского участка, произведенным прокуратурой Сталинской ж. д. 29—31 декабря 1936 г., установлено, что прокурор Ясиноватского участка т. Кочетков в своей работе проявил недопустимую недисциплинированность, волокиту и прямое нарушение законов.

1. На протяжении последнего квартала 1936 г. т. Кочетков заволокитил два дела, по которым обвиняемые содержались под стражей (дело по обвинению Терентьева и других и дело по обвинению Киблера и других), вследствие чего арестованные содержались под стражей свыше 3 месяцев.

2. Прокуратура Ясиноватского участка проявила бездеятельность в области борьбы с растратами и хищениями в системе Трансторпита. На момент обследования в прокуратуре было обнаружено 39 актов о растратах в магазинах Трансторпита на сумму свыше 100 тыс. рублей, причем эти акты лежали без движения до трех и свыше месяцев.

3. Тов. Кочетков систематически не выполняет требования Главной прокуратуры ж.-д. транспорта о еженедельной проверке дел в оперпунктах НКВД.

4. Целый ряд запросов и требований прокуратуры дороги на протяжении нескольких месяцев оставался невыполненным т. Кочетковым, причем ряд заданий им прямо игнорировался.

Вызванный мною для объяснений т. Кочетков признал свою вину и дал обязательство в ближайшее время обеспечить коренной перелом в работе.

За допущенные нарушения закона, волокиту и грубую недисциплинированность т. Кочетков заслуживает снятия с работы и предания суду. Учтявая, однако, продолжительность его работы в органах прокуратуры и отсутствие взысканий в прошлом, при к а з ы в а ю:

1) Тов. Кочеткову объявить строгий выговор.

Предупредить его, что если в течение ближайшего месяца он не устранит указанных выше безобразий, он будет снят с работы с преданием суду.

2) Прокурору Сталинской дороги т. Грушко взять под повседневное наблюдение и контроль работу т. Кочеткова.

Ст. пом. Прокурора Союза ССР
главный транспортный прокурор **СЕГАЛ**

О повышении квалификации периферийных работников

В целях повышения уровня теоретической и практической подготовки прокуроров и следователей, работающих на периферии, устанавливаю, в виде опыта, на март—июнь месяцы 1937 г. прикомандирование к отделам и управлениям Прокуратуры Союза специально вызываемых с периферии работников сроком на один месяц каждого. Прикомандированные должны провести в отделах и управлениях, куда они будут направлены, оперативную работу по определенному плану, одновременно проходя и краткий курс теоретической подготовки.

В соответствии с указанным приказываю:

1. Вызвать с мест для указанных выше целей работников прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей, железных дорог, водных бассейнов, военных округов и отдельных районов из расчета по 10 человек на март, апрель и май месяцы.

2. На март месяц командировать в Прокуратуру Союза ССР:

а) Калининскому областному прокурору — одного районного прокурора для работы в следственном отделе Прокуратуры Союза;

б) Свердловскому областному прокурору — одного пом. областного прокурора для работы в отделе общего надзора;

в) Ивановскому и Ленинградскому областным прокурорам по одному пом. областного прокурора для работы в гражданско-судебном отделе;

г) Прокурору БССР и западному областному прокурору по одному пом. прокурора отдела по специальным делам для работы в отделе по специальным делам Прокуратуры Союза;

д) Прокурору Закавказской ж. д. одного помощника прокурора Закавказской ж. д. для работы в Главном управлении Прокуратуры железнодорожного транспорта;

е) Прокурору Днепровского водного бассейна одного из прокуроров прокуратуры водного бассейна для работы в Главном управлении Прокуратуры водного транспорта и

ж) Прокурору Ленинградского военного округа и прокурору Закавказского военного округа по одному помощнику военного прокурора для работы в управлении Главной военной прокуратуры.

2. Всем указанным в п. 1 лицам прибыть в мое распоряжение к 10 марта 1937 г.

3. Тов. Томскому и т. Строговичу представить мне к 1 марта с. г. на утверждение план и краткую инструкцию о порядке работы в отделах и управлениях Прокуратуры СССР прикомандированных к ним работников периферии, а также тематический план теоретических занятий с этими лицами и расписание этих занятий.

4. Тов. Бесякову и т. Томскому представить к 26 февраля с. г. на утверждение смету расходов на проведение настоящего мероприятия, предусмотрев в этой смете расходы по содержанию прикомандированных и оплату их проезда в оба конца.

5. Тов. Рогинскому Г. К. лично распределить прибывших с мест товарищей между отделами и управлениями и проинструктировать как прикомандированных на практику, так и на

чальников управлений и отделов о порядке прохождения этой практики.

6. Обращая особое внимание начальников отделов и управлений Прокуратуры Союза на всю важность настоящего мероприятия, предлагаю им лично систематически осуществлять руководство и помощь прикомандированным на практику к их отделам товарищам, доложив мне первые результаты этой работы по истечении пяти дней со дня начала работы.

7. Предложить тт. Рогинскому Г. К. (созыв), Томскому и Строговичу к 5 марта с. г. разработать и представить мне проект разверстки мест практики на апрель и май месяцы по прокуратурам других республик, краев, областей, военных округов, железнодорожных и водных бассейнов.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

23 февраля 1937 г.
№ 135.

Постановления Всесоюзного совещания судебных-прокурорских работников по гражданским делам

О практике применения закона 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам

I

1. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., являющегося новым доказательством заботы партии и правительства о детях и об интересах женщины как матери и гражданки и могучим рычагом в деле укрепления советской семьи, не могло не вызвать сильного притока в суды алиментных исков, в особенности по пересмотру ранее состоявшихся решений.

2. Однако, качество рассмотрения алиментных дел, в особенности в народных судах, неудовлетворительно. Нарушение процессуальных законов и другие проявления «упрощения», допускаемые при разрешении гражданских дел вообще, имеют место и при разрешении алиментных дел.

3. Многие народные суды допускают прямые нарушения закона 27 июня, отступая от указанных в нем долей отчисления из заработка ответчиков, произвольно и неправильно толкуя закон.

4. Народные суды редко применяют обеспечение алиментных исков. Очень редко применяется ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи других кодексов союзных республик, невзирая на все значение этой статьи для своевременного обеспечения детей. Народные суды УССР недостаточно применяют ст. 214 ГПК УССР. Очень редко применяют ст.ст. 52 и 143 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик. Предварительное (немедленное) исполнение решений нередко не дается.

5. Многие народные суды допускают нарушения закона при исчислении госпошлины.

6. Особенно неудовлетворительным продолжает оставаться положение с исполнением решений о взыскании алиментов.

7. Народные суды редко привлекают к участию в деле органы прокуратуры даже по делам об отбирании детей.

Учитывая огромную важность правильного и безволонитного разрешения алиментных дел, совещание считает необходимым дачу судам следующих указаний:

1. Судьи должны оказывать лицам, взыскивающим алименты, самую активную помощь, разъяснять им права, помогать получать необходимые доказательства, обращаться в подлежащие госорганы и общественные организации за содействием по розыску скрывающихся ответчиков и пр.

2. Шире применять ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи того же кодекса других союзных республик, допуская их применение не только при недостижении соглашения между супругами о детях при разводе, но и в тех случаях, когда происходит ребенка от ответчика установлено предусмотренным в законе порядком (запись в актах гражданского состояния или судебные решения).

3. При истребовании справок и документов от организаций и третьих лиц, предупреждать их об ответственности по ст. 52 и 143 ГПК РСФСР и соответствующим статьям ГПК других союзных республик и на виновных в непредставлении в срок затребованных справок и документов налагать установленные законом штрафы.

4. Во избежание нередко возникающих на практике трудностей и ошибок при установлении лица, с которого присуждено взыскание, точно фиксировать в деле все данные о личности ответчика (имя, отчество, фамилия, год и место рождения, постоянное и последнее местожительство, основную профессию, национальность). Точно обозначать в решении также детей, в пользу которых присуждаются алименты (имя, отчество и фамилия, место и дату рождения), а также срок, до которого алименты должны уплачиваться.

5. Особенно тщательно разрешать споры об отцовстве, обязательно требовать при этих спорах личной явки сторон или, при отдаленности их жительства, производить опрос их через народного судью по месту их жительства. Повести ответчикам по этим делам направлять обязательно по месту их действительного жительства выясняя таковое в случае его неизвестности истце, через органы милиции, домоуправления, откуда ответчик выбыл, и пр.

При рассмотрении обстоятельств интимной жизни сторон — шире применять практику разбора соответствующей части дел при закрытых дверях (ст. 95 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

6. По делам о передаче ребенка от одного лица другому обязательно производить, с привлечением органов опеки, обследование бытовых условий жизни ребенка и даваемого ему воспитания у ответчика, а также возможных условий жизни и воспитания ребенка у истца, и разрешать дела, исходя исключительно из интересов ребенка. При этом должны приниматься во внимание и собственные желания ребенка, в особенности достигшего более сознательного возраста, поскольку эти желания соответствуют жизненным интересам ребенка. По этим делам обязательно привлекать прокуратуру в порядке ст. 12 ГПК РСФСР и соот-

ветствующих статей ГПК других союзных республик.

7. При заключении под стражу лиц, обвиняемых в уклонении от платежа алиментов, ставить перед надлежащими организациями (органы охматмлада, профсоюзы, колхозы и др.) вопрос об оказании материальной помощи детям впредь до наступления возможности реального взыскания алиментов с ответчика.

8. Вести борьбу с обходом закона 27 июля 1936 г. путем предъявления исковых исков в пользу детей, живущих при ответчике (для уменьшения алиментов, присуждаемых в пользу детей, живущих отдельно от ответчика), и в таких исках отказываться.

9. При заявлениях сторон о прекращении дела миром, проверять содержание состоявшихся соглашений и не утверждать тех из них, которые ухудшают обеспечение детей сравнительно с требованиями закона 27 июня 1936 г.

Все алиментные дела, по которым выносятся решения об отказе в признании, отцовства, а также прекращенные за примирением сторон, отсылать по вступлении решения в законную силу в областные, краевые и верховные суды для проверки в порядке надзора.

10. В отношении исполнения судебных решений строго руководствоваться циркулярным письмом Верховного суда СССР от 22 мая 1936 г. за № 28, обратив особое внимание на контроль судов за действиями судебных исполнителей и на организацию при содействии общественности контроля за производством хозяйственными и учреждениями присужденных удержаний из заработной платы ответчиков.

11. При поступлении на одного ответчика нескольких исполнительных листов, превышающих в итоге установленный законом лимит взыскания в 50% от заработной платы ответчика, строго соблюдать установленную законом первоочередность удовлетворения алиментных взысканий и распределять взысканные деньги между взыскателями алиментов пропорционально суммам, причитающимся им по исполнительным листам.

При присуждении с ответчика по нескольким искам в пользу детей более 50% его заработной платы признать за ответчиком право обратиться в краевые или областные суды (в республиках, не имеющих областного деления, в Верховный суд) по месту вынесения одного из решений с просьбой о приведении в соответствие с законом 27 июня 1936 г. Суд, получивший такое заявление, должен истребовать в порядке надзора все дела, по которым вынесены решения; вступившие в законную силу, и произвести распределение 50% заработной платы (трудодней) ответчика между истцами пропорционально количеству детей у них, с указанием срока, до которого такое распределение должно действовать (в зависимости от достижения детьми совершеннолетия), о дне слушания дела извещать всех его участников.

III

Ввиду возникающих на практике сомнений считать необходимым дачу разъяснений судам о том:

1) что иски по закону 27 июня 1936 г. о взыскании алиментов в пользу детей могут предъявляться не только к отцам, но также и к матерям, усыновителям и усыновительницам.

В соответствии с этим, при распределении детей между родителями алименты могут быть присуждены той или другой стороне лишь в размере разницы между суммами платежей причитающихся с отца и с матери (например: отец зарабатывает 300 руб. в месяц, мать 15 руб., 4 детей распределены поровну. В этом случае с отца причитается 100 р. и с матер 50 р., т. е. за счетом взаимных претензий отца должно быть присуждено в пользу матери 50 руб.);

2) что иски об алиментах для детей, предъявляемые к другим лицам, обязанным при определенных условиях предоставлять детям содержание (дед, бабушка, взрослые братья и сестры и др.), должны разрешаться не на основании закона 27 июня, а по общим правилам кодексов законов о браке, семье и опеке;

3) что единая госпошлина по искам о приведении состоявшегося ранее решения о присуждении алиментов в соответствии с законом 27 июня 1936 г., должна исчисляться не со всей суммы алиментов, а лишь с той суммы на которую истец домогается увеличить или уменьшить присужденные ранее платежи.

IV

1) Просить НКЮ ускорить прохождение законопроекта об уменьшении ставок единой госпошлины по искам.

2) Просить НКЮ СССР издать совместно с НКВД циркуляр, обязывающий органы милиции оказывать суду и представителям интересов детей содействие по выяснению местожительства ответчика и устанавливающий условия, при которых должен объявляться и производиться формальный розыск ответчиков.

3) Разработать совместно с НКЗдравом СССР вопрос о допустимости и порядке производства анализа крови, доказательств в спорах об отцовстве.

Об исполнении судебных решений

I. Указания Комиссии советского контроля в постановлении от 22 апреля 1936 г., что работа по исполнению судебных решений представляет собой «крайне запущенный участок» судебной работы, сохраняют свою силу и в настоящее время.

Несмотря на некоторое оживление контроля за исполнением решений со стороны областных и краевых судов (проверка личного состава судебных исполнителей, обследования и т. п.), работа судебных исполнителей продолжает быть неудовлетворительной, причем проверка личного состава судебных исполнителей до сих пор не закончена по большинству союзных республик.

Это показывает на продолжающуюся недооценку со стороны верховных судов и НКЮ республик дела исполнения решений.

II. В работе судов и судебных исполнителей имеются следующие серьезные недочеты:

а) нетерпимая волокита с исполнением решений, которые месяцами, а иногда и годами, не приводятся в исполнение, причем наблюдается безответственное отношение к запросам сторон, которые нередко остаются без ответа;

б) самотек в работе по исполнению решений, вследствие чего очередность взысканий устанавливается не по степени важности дела, а по легкости исполнения;

в) нарушения социалистической законности судебными исполнителями — нарушение правил, установленных для описи и оценки имущества, игнорирование требований закона о порядке продажи имущества с торгов и т. п.;

г) у большинства судебных исполнителей отсутствует учет движения исполнительных листов и нередко никаких следов о времени поступления исполнительного листа к судебному исполнителю, о времени совершения тех или иных исполнительных действий нет;

д) особенно неудовлетворительна постановка денежной отчетности и хранения денежных сумм и документов. Взысканные с должника суммы принимаются из руки судебными исполнителями вопреки инструкции и не сдаются на хранение в кредитные учреждения в установленный срок. Денежные книги ведутся небрежно, хранятся в незапертых столах, открытых полках. Денежные операции оформляются крайне небрежно, в результате чего имеют место злоупотребления, присвоения и растраты денег отдельными судебными исполнителями (Свердловская область, Мордовская ССР и т. д.);

е) большинство судебных исполнителей продолжают формально относиться к исполнению судебных решений, не принимая активных мер для выяснения места нахождения должника, розыска его имущества, в особенности по алиментным делам, не контролируют исполнение по посланным для удержания на предприятия исполнительным листам. Более того, не знают об исполнении по своим исполнительным листам, а народные судьи не оказывают судебным исполнителям содействия в их работе.

III. Общественность в работу судебных исполнителей почти не вовлечена. Выделенными (ссосовместителями и составом судебного актива никто не интересуется. Суды и судебные исполнители не организуют контрольные посты в крупных предприятиях для помощи судебным исполнителям в проверке взысканий по исполнительным листам, посланным в это предприятие.

IV. Руководство судебными исполнителями со стороны судов совершенно недостаточное. Многие судьи до сих пор не считают своей обязанностью контролировать работу судебных исполнителей. На подбор кадров судебных исполнителей должного внимания со стороны областных судов и НКЮ республик не уделяется. На работу судебного исполнителя принимаются нередко случайные люди, без проверки пригодности их к этой работе. Подготовка кадров судебных исполнителей и повышение их квалификации не поставлена, 91% судебных исполнителей не имеют юридический полтора. Подавляющее большинство судебных исполнителей с низким образованием.

V. Состояние депозитных счетов беспорядочное. Областные (краевые) суды и НКЮ республик не проверяют правильности и законности задержки денежных сумм на депозитном счету и своевременности передачи их взыскателям. В некоторых случаях производится незаконное списание денег с депозитных счетов без постановления суда местными органами (Украина, Мордовия).

VI. Во многих народных судах судебные исполнители не обеспечены помещениями для работы и приема посетителей. На снабжение судебных исполнителей бумагой, бланками и

канцелярскими принадлежностями внимания не обращается, вплоть до того, что за отсутствием средств на почтовые расходы, судебные исполнители не отправляют заготовленных ответов (г. Архангельск). Транспортных средств для передвижения судебных исполнителей, как правило, не имеется.

VII. Имеют место случаи незаконного вмешательства в оперативную работу судебного исполнителя со стороны прокурорских органов и других местных организаций (распоряжение о приостановлении и отмене отдельных исполнительных действий, дача словесных и по телефону распоряжений по вопросам исполнения и т. п.).

Народные судьи и председатели краевых и областных судов и наркомюсты не принимают решительных мер к ограждению судебных исполнителей как от насильственных действий должников, так и от незаконного вмешательства каких бы то ни было должностных лиц в их деятельность.

Для правильной постановки и улучшения работы по исполнению решений совещание признает необходимым:

1) Закончить проверку личного состава судебных исполнителей там, где эта проверка до сих пор еще не была закончена, не позднее двухмесячного срока.

2) Предложить наркомюстам республик и председателям областных и краевых судов выделить для руководства и инструктажа судебных исполнителей опытных и квалифицированных разъездных инструкторов.

3) Провести в течение 1937 г. подготовку и переподготовку судебных исполнителей с обязательным испытанием по юрминимуму по специальной программе, которая должна быть преподана НКЮ СССР в течение месяца.

4) Создать для судебных исполнителей нормальные условия работы, с выделением им по смете народного суда определенных средств на оперативные расходы, обеспечить помещением, оборудованием, бумагой и бланками и т. д.

5) Указать всем народным судьям, что судья является ответственным за постановку в участие дела исполнения судебных решений и за работу судебного исполнителя своего участка.

Безразличное отношение со стороны судьи к этому вопросу недопустимо. Работа судьи должна заключаться не только в вынесении судебного решения, но и в активном содействии по проведению этого решения в жизнь.

При наличии преступной халатности, волокиты, растрат и злоупотреблений со стороны судебного исполнителя наряду с привлечением к уголовной ответственности судебного исполнителя должен быть рассмотрен и вопрос об ответственности судьи за работу своего судебного исполнителя.

6) Установить, что исполнительные листы по алиментным и трудовым делам должны быть выписаны и переданы судебному исполнителю не позже 3 дней с момента вступления решения в силу, а при допущении немедленного исполнения с момента решения.

7) Издать типографским способом правила учета денежных операций судебного исполнителя, а также инструкции по проверке работы судебного исполнителя, положив за основу соответствующие инструкции, разработанные по Верховному суду РСФСР.

Переработать инструкцию по исполнению судебных решений, учтя опыт НКЮ и Верховного суда в республиках.

8) Учитывая беспорядочное состояние депозитивных счетов и затруднения с приемом высканных денег Госбанком, разработать при участии Госбанка и НКФ мероприятия по упорядочению денежных операций судебных исполнителей. В частности, необходимо отметить практику сокращенных «давностных сроков» о хранении денег на депозитном счету (Украина) и незаконных списаний с депозитного счета местными организациями.

9) Предложить НКЮ республик принять энергичные меры к ограждению судебных исполнителей от незаконных вмешательств в их оперативную работу со стороны органов других ведомств и отдельных граждан и не оставлять без воздействия со стороны суда ни одного случая неподчинения законным требованиям судебных исполнителей или насиллий над ними. Обратиться в НКВД о даче указаний органам милиции по вопросу содействия судебным исполнителям при исполнении решений.

10) Указать судам на необходимость строгого соблюдения установленного в ГПК порядка обжалования действий судебного исполнителя. Каждая жалоба, поданная стороной на неправильные действия судебного исполнителя по исполнению решения, на медленность исполнения, волокиту и т. п., должна обязательно решаться мотивированным постановлением судьи с конкретным указанием судебному исполнителю о допущенных им ошибках и о способах их устранения.

Исполнение судебным исполнителем данных указаний должно проверяться судьей.

11) Совещание обращает особое внимание всех судов и НКЮ республик на большое политическое и практическое значение вовлечения общественности в работу по исполнению решений путем организации соцсовместителей, создания на крупных предприятиях контрольных постов по наблюдению за исполнением решений (удержание алиментов); создания при каждом суде актива из народных заседателей для помощи в деле исполнения решений и т. п.

12) Ввиду того, что взыскание с хозорганов и учреждений фактически сводится к удержанию денег с расчетного счета должника, а действия судебного исполнителя по описи и аресту имущества в большинстве случаев не дают практических реальных результатов — разработать вопросы: а) об оставлении у судебных исполнителей лишь взысканий с отдельных лиц и колхозников, а в отношении хозорганов и учреждений только исполнительные листы по изъятию и передаче имущества в натуре; б) о передаче полностью в Госбанк исполнения решений арбитражных органов и судебных решений, связанных с взысканием денег с хозорганов и учреждений; в) об установлении штрафной пени с должников, не выполняющих добровольно судебных решений; г) о мерах, обеспечивающих исполнение судебного решения при взыскании задолженности с хозорганов.

13) Поставить перед правительством вопрос об улучшении материального положения судебных исполнителей, установлении форменной одежды и установлении системы оплаты труда судебных исполнителей по принципу

стимулирования работы по количеству, темпам и качеству работы.

О работе судов Союза ССР по гражданским делам

1. Великая Сталинская Конституция победившего социализма записала и закрепила в законе завоеванные трудящимися СССР под руководством рабочего класса и его партии основы социалистического общества.

Она обеспечила всем гражданам СССР пользование политическими и личными правами.

В свете этих положений приобретают особое значение гражданские судебные дела.

2. В 1936 г. можно констатировать некоторое, но совершенно недостаточное улучшение работы судов по гражданским делам. В значительной степени это улучшение связано с образованием гражданских коллегий, восстановленных в 1935 г. Однако, гражданские коллегии верховных, главных, краевых и областных судов до последнего времени еще не укомплектованы и должного руководства народными судами не осуществляют.

3. Качество решений народных судов по гражданским делам остается на очень низком уровне. Не изжито всякого рода «упрощенчество», не выполняется постановление 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении процессуальных норм. Отсутствует предварительная подготовка дел. Часто дела разрешаются в отсутствие ответчиков, о вручении повесток которым нет сведений; недостаточно обследуются обстоятельства дела, иногда прямо безграмотно и неряшливо ведутся протоколы, составляются решения и т. д. Нередко судьи обнаруживают в решениях незнание законов, неумелое их применение и допускают прямые нарушения. Во многих случаях наблюдается волокита.

4. Неудовлетворительно работают гражданские кассационные коллегии. В большинстве республик не проводится требование Верховного суда СССР об извещении сторон повестками о дне слушания дела в кассационной инстанции; продолжается заслушивание дел «пачками». Заседания чрезмерно перегружаются делами. В применении закона нет твердой линии и принципиальной выдержанности. Качество и мотивировка кассационных определений недостаточна, а иногда мотивировка совсем отсутствует. Нередко выносятся новые решения по существу, вместо возвращения дела на пересмотр в первую инстанцию, сроки рассмотрения дел часто недопустимо длительны.

Совещание постановляет:

1. Признать основными методами руководства судами в части гражданских дел:

а) руководство работой нижестоящих судов и в особенности народных судов путем вынесения гражданскими кассационными коллегиями квалифицированных определений, обоснованных с правовой и фактической стороны; б) обобщение НКЮ союзных и автономных республик и председателями краевых и областных судов судебной практики по отдельным вопросам и составление на основе такого обобщения общих оперативных указаний судам по отдельным недочетам работы; в) производство в установленном порядке и плане обследоза-

лий и живого инструктажа судебных органов на местах.

2. Учитывая почти повсеместную недостаточность составов гражданских кассационных коллегий для выполнения возложенных на них задач, срочно предложить НКЮ союзных и автономных республик провести доукомплектование гражданских коллегий до необходимого состава.

3. Подтвердить постановление 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе, обратив особое внимание: а) на извещение сторон повестками; б) на полное обследование народным судом обстоятельств дела; в) на правильное ведение протоколов и четкую мотивировку решений; г) на соблюдение установленных законом и 53 пленумом сроков разрешения гражданских дел.

4. В целях искоренения «упрощенчества» при разрешении гражданских дел и повышении качества работы народных судов, вменить в обязанность председателям гражданских коллегий следить за тем, чтобы ни один случай серьезного нарушения судом материального или процессуального закона не оставался без соответственного воздействия на судью, допустившего такое нарушение (частные определения, товарищеские письма, вызовы для объяснений и т. п.).

5. Дать судам следующие общие указания: а) обязать НКЮ союзных и автономных республик, краевые и областные суды обеспечить не позднее 1 марта 1937 г. извещение сторон о слушании дела в кассационных инстанциях повестками или личными объяснениями под расписку; б) указать судам РСФСР, где объявление жалобщику о дне рассмотрения кассационной жалобы производится народными судами, на необходимость обеспечить вручение копий кассационной жалобы и извещения о дне слушания дела другой стороне, в) не допускать нарушения требований закона о публичном открытом рассмотрении дел в гражданских коллегиях областных, краевых, главных судов и верховных судов республик как по кассационным жалобам с вызовом сторон, так и по протестам в порядке надзора; г) обеспечить заблаговременное изучение дел докладчиками, не допускать переprints заседаниями делами, распределять слушание дел по часам во избежание излишней затраты времени лицами, участвующими в деле, и т. д.; д) разработать вопрос о ведении протоколов судебных заседаний в кассационных инстанциях и кассационных производствах, е) дать указания об использовании судами ст. 12 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик о привлечении по более серьезным делам прокуратуры к обязательному участию в гражданских делах.

6. Учитывая наблюдающиеся в практике судов ошибки по отдельным видам дел, считать необходимым:

а) по делам о праве собственности на домостроения указать на необходимость тщательной проверки судами исков местных органов власти об отобрании домов ввиду бесхозяйственности их содержания, о строжайшем соблюдении всех правил о муниципализации;

б) по жилищным делам указать на необходимость ограждения жилищных прав граждан от всяких нарушений со стороны других лиц и учреждений; лица, вселяющиеся на законно

занятую площадь самочинно, либо на основании незаконно выданного ордера, подлежат по требованию законного жильца выселению, равным образом суды не должны отказывать в выселении временного жильца, если последний по истечении срока, установленного по договоренности с постоянным жильцом, не освобождает таковой добровольно; при выселении граждан, в частности, из домов, принадлежащих предприятиям и учреждениям, строго соблюдать установленные в законе гарантии и льготы для выселяемых (предоставление другого помещения, транспортных средств и пр.);

в) по трудовым делам решительно ограждать основное право гражданина СССР — право на труд; точно соблюдать постановление 3 пленума Комиссии советского контроля при СНК СССР от 30 июля 1936 г. в части увольнения и восстановления на работу; не допускать расширительного применения установленного НКТрудом перечня лиц, увольнение которых может отменяться только вышестоящими административными органами; в случае восстановления на работу лица, уволенного по порочащим мотивам, лишившим его возможности прискискать себе другую работу, присуждать зарплату за все время вынужденного прогула, перелазая в подлежащих случаях присуждаемые суммы на лиц, виновных в неправильном увольнении; точно соблюдать законы о возмещении личного вреда («увечные» дела).

7. Подтвердить судам необходимость уделяния особого внимания колхозным делам, оказывать колхозам в этих делах необходимую помощь на основании ст. 5 ГПК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик, изучать и обобщать практику по этим делам и обо всех серьезных неполадках, появляющихся при рассмотрении этих дел, как и по другим делам, сигнализировать подлежащим органам.

8. Обязать председателей (областных) судов, а в республиках, не имеющих областного деления — председателей верховных судов, не менее раза в декаду ставить доклады народных судей по гражданским делам, отчет о рассмотрении гражданских дел с обсуждением вытекающих из предварительного обследования вопросов и недочетов.

О работе прокуратуры по гражданским делам

1. Сталинская Конституция выдвигает задачу решительного улучшения работы прокуратуры в области надзора за строгим соблюдением социалистической законности в сфере регулирования личных и имущественных отношений социалистического общества.

В основу работы прокуратуры по гражданским делам должно быть положено:

а) всемерное укрепление и охрана общественной социалистической собственности — основы советского строя;

б) строжайшая забота о человеке — участнике социалистического строительства, путем защиты его личных прав, прав на охраняемую законом личную собственность.

Всю свою работу в указанных направлениях прокуратура должна проводить в неуклонной борьбе за стабильность советского закона и устойчивость судебного решения.

2. В последние годы имела место недооценка со стороны отдельных органов прокуратуры

гражданско-правового участка судебной работы.

Решительная борьба с подобным отношением к гражданским делам начала проводиться на основе циркуляров прокурора Союза от 21 ноября 1935 г. «Об организации отдела Прокуратуры Союза по гражданским делам» и от 7 апреля 1936 года «О работе прокуратуры по гражданским делам».

В соответствии с этими циркулярами в союзных и автономных республиках, краях и областях были организованы отделы прокуратуры по гражданским делам. Циркуляр от 7 апреля констатирует неудовлетворительное состояние судебно-прокурорской работы по гражданским делам, отмечая явно недостаточное внимание прокуратуры к этому участку работы, несмотря на все растущее количество гражданских дел в судебных органах.

На гражданские отделы прокуратуры возложено:

а) расширение практики вступления прокурора в процесс в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик по отдельным категориям гражданских дел;

б) участие в кассационной инстанции;

в) принесение протестов в порядке надзора и поддержание их в президиумах и пленумах верховных и краевых (областных) судов.

Одновременно было также предложено усилить надзор за правильностью исполнения судебных решений и решительно улучшить работу прокуратуры по жалобам трудящихся.

3. Несмотря, однако, на указанные циркуляры и мероприятия организационного порядка, необходимо констатировать, что, за незначительными исключениями, работа прокуратуры по гражданским делам продолжает оставаться неудовлетворительной.

Подобного рода пассивность прокуратуры в судебно-надзорной работе по гражданским делам является тем более недопустимой, что имеет место непрерывный рост количества гражданских дел в суде и что процент отмены кассационными коллегиями решений судов первой инстанции чрезвычайно велик.

Основные недостатки судебно-надзорной работы прокуратуры по гражданским делам заключаются в следующем:

а) Со времени издания Прокуратурой Союза циркуляра об организации гражданских отделов на местах прошло уже свыше 8 месяцев. Однако, отделы эти до сих пор в ряде мест еще не созданы, а в подавляющей части не укомплектованы надлежащим образом.

б) При незначительном количестве дел, возбуждаемых прокуратурой в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, одновременно имеют место неправильные случаи возбуждения дел, когда характер последних вовсе не требует обязательного участия прокуратуры.

В то же время серьезные, имеющие политическое значение гражданские дела, затрагивающие интересы государства и трудящихся, проходят без участия прокуратуры (колхозные дела, трудовые, об истребовании детей и т. п.).

в) Прокурор, как правило, в кассационных коллегиях не участвует; в заседаниях же президиумов судов участие прокуратуры совершенно недостаточно и в большинстве случаев носит формальный характер, не оказывая должного влияния на качество работы президиума

и на принципиальность выносимых им судебных решений.

г) Качество приносимых прокуратурой протестов низко.

Правовая сторона дела не подвергается анализу, нарушения закона не отмечаются или затрагиваются в протесте совершенно поверхностно. Нередко прокурор в своем протесте предлагает суду вынести решение с нарушением действующего закона; содержание дела зачастую излагается в протесте неверно, а порой безграмотно.

д) Принесенные прокуратурой протесты зачастую не поддерживаются лично прокурором в судебных инстанциях; при неправильном отклонении протеста надзор прокуратуры не доводится до конца, даже гражданские отделы прокуратуры союзных республик не ставят перед Прокуратурой Союза вопроса о принесении в Верховный суд Союза протестов, неправильно отклоненных верховными судами союзных республик (за весь 1936 г. было только 3 случая таких обращений).

е) Надзор за законностью разъяснений президиумов верховных судов и постановлений пленумов тех же судов не осуществляется прокуратурами союзных республик; остаются в большинстве своем неопротестованными со стороны органов прокуратуры отдельные незаконные постановления президиумов краевых и областных судов.

ж) При осуществлении надзора за работой судебных исполнителей прокуроры нередко вмешиваются в существо работы последних, подменяя собой народных судей и нарушая закон о порядке рассмотрения жалоб на действия судебных исполнителей (ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

з) Один из важнейших участков работы прокуратуры — рассмотрение жалоб трудящихся не стоит еще в центре внимания и в отдельных случаях сопряжено с волокитой и незначительным отношением к материально-правовым интересам трудящихся. Заключение по жалобе последних представляются нижестоящими прокурорами по поручениям вышестоящих прокуроров очень часто в неудовлетворительном виде, без исчерпывающей мотивировки отказов жалобщикам и без ссылки на законы, которыми прокурор руководствовался, вынося свое постановление об отказе.

и) Районные и краевые (областные) прокуроры нарушают часто действующее законодательство о надзорных сроках, в течение которых они вправе истребовать из суда дела и приносить протесты в порядке надзора. Подобная практика приводит к подрыву устойчивости судебных решений.

к) Гражданские отделы республиканских и краевых (областных) прокуратур не занимаются изучением отдельных категорий гражданских дел, что не дает возможности устранить допускаемые на местах ошибки и обеспечить правильный инструктаж местных прокуроров.

л) Совершенно неудовлетворительна в ряде случаев дисциплина со стороны нижестоящих прокурорских органов. Поручения вышестоящих прокуратур не выполняются. Сообщения о принятых мерах в назначенный для ответа срок не присылаются. Остаются без ответа иногда по месяцам даже поручения Прокуратуры Союза.

В соответствии с изложенным совещание считает необходимым провести в жизнь следующие мероприятия:

Обязать прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей:

1) Обеспечить, в соответствии с приказом прокурора Союза от 7 апреля 1936 г. в течение квартала 1937 г. повсеместную организацию доукомплектования гражданско-судебных отделов прокуратуры, обратив особое внимание на опыт и квалификацию подбираемых для этих отделов работников.

2) Неукоснительно проводить в жизнь циркуляр прокурора Союза от 3 июня 1936 г. за № 37/23 по вопросу о порядке рассмотрения жалоб трудящихся в связи с решением 3 пленума Комиссии советского контроля. Необходимо решительным и коренным образом перестроить всю систему и методы работы по рассмотрению жалоб и добиться устранения волокиты и бюрократизма в их прохождении.

3) Обеспечить участие прокуратуры в гражданском процессе по ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующим статьям ГПК других союзных республик в таком направлении, чтобы были охвачены наиболее ответственные и политически важные категории дел с точки зрения интересов государства и трудящихся.

Так, прокурор, как правило, должен участвовать: в делах, затрагивающих крупные материальные интересы государства; в делах, имеющих особо важное политическое или принципиальное значение, а также в делах, в которых одна из сторон нуждается в особой защите со стороны суда и прокуратуры.

Надлежит организационно обеспечить такую взаимную информацию суда и прокуратуры, чтобы последняя заранее могла знать о предстоящем рассмотрении указанных категорий дел.

4) Установить такой порядок, чтобы гражданско-судебные отделы республиканских и краевых (областных) прокуратур обязательно принимали участие в кассационной инстанции при рассмотрении дел, по коим в суде первой инстанции выступал прокурор. Кроме того, в целях создания большей устойчивости судебных решений, вступивших в законную силу, и во избежание излишнего впоследствии надзорного производства обязать гражданские отделы в выборочном порядке участвовать в кассационной инстанции и давать заключения по наиболее важным делам, с точки зрения защиты интересов государства и трудящихся.

5) Обеспечить, при принесении протестов в порядке надзора, строгое соблюдение прокурорами ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик в смысле жесткого отбора конкретных дел, когда действительно требуется приостановление ис-

полнения решений, вступивших в законную силу, и принесение протестов в высшие судебные инстанции; установить, как правило, что в случае неосновательного отклонения подаваемых протестов соответствующий прокурор добивается через вышестоящие звенья прокуратуры их удовлетворения в вышних судебных инстанциях.

Считать обязательным участие прокурора во всех судебно-надзорных инстанциях.

6) Строго соблюдать при принесении надзорных протестов установленные действующими ГПК союзных республик сроки. В случае необходимости, когда этого требуют интересы дела, краевой (областной) прокурор спрашивает каждый раз санкцию прокурора союзной республики на истребование дела и приостановление исполнения решения, а равно на принесение протеста.

7) Запретить прокурорам оперативное вмешательство в текущую работу судебных исполнителей, выражающееся в самостоятельном предоставлении отсрочки исполнения решения, в непосредственном определении порядка взъяснения, наложения ареста на имущество и т. п. Руководство действиями судебных исполнителей принадлежит исключительно народному суду. Прокуратура в порядке надзора обязана принимать меры против волокиты, злоупотреблений и незаконных действий органов исполнения судебных решений путем принесения соответствующих протестов в суд и привлечения виновных к ответственности.

8) Осуществлять повседневный надзор за постановлением и разъяснением президиумов и пленумов верховных судов и краевых (областных) судов, опротестовывая каждый раз те из них, которые вынесены с нарушением действующего законодательства.

9) Обеспечить решительное повышение качества работы прокуроров в направлении квалифицированного отбора дел для активного вмешательства прокуратуры и составления политически выдержанных и юридически грамотных протестов и заключений по отдельным делам.

10) Принять энергичные меры к укреплению служебной дисциплины в деле выполнения нижестоящими прокурорами распоряжений и поручений вышестоящих органов прокуратуры как по отдельным делам, так и по вопросам общего порядка.

11) Обязать начальников гражданско-судебных отделов прокуратуры приступить к планомерному обобщению своей практики по отдельным категориям дел, реализуя свои выводы в форме конкретных указаний периферии и постановки перед вышестоящими органами вытекающих из этих обобщений общих вопросов и предложений.

Сводка

важнейших постановлений правительства Союза ССР

за декабрь 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О ликвидации Главного управления пушно-мехового и охотничьего хозяйства (Главпуш-лина) Народного комиссариата внешней торговли — постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г., № 61, ст. 454).

2. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 455).

3. Об образовании Общесоюзного Народного комиссариата оборонной промышленности — постановление ЦИК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 63, ст. 461).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

4. О формах первичного учета в сельских советах в 1937 г. — постановление СНК СССР от 9 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 63, ст. 462).

2. Транспорт

5. О размере процентов, начисляемых по претензиям и искам, возникшим из перевозки грузов и багажа железнодорожным и водным транспортом — постановление СНК СССР от 16 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 64, ст. 467).

III. ФИНАНСЫ

6. Об утверждении «Правил добровольного сверхокладного страхования посевов зерновых и бобовых культур» (СЗ 1936 г., № 61, ст. 453).

7. О фонде директора в предприятиях Народного комиссариата водного транспорта — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 62, ст. 457).

8. О дополнении правил взимания земельной ренты — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г., № 64, ст. 465).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

9. Об утверждении инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке приведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.» — постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г., № 60, ст. 452).

10. Инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.», утвержденная постановлением СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

11. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 26 декабря 1935 г. «О порядке подписания сделок по внешней торговле» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 459).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

12. Об изменении ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры» — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 456).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

13. О порядке взыскания штрафов, наложенных органами Государственной санитарной инспекции — постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 458).

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА,

выпущенная б. Государственным издательством „Советское законодательство“

ТЮРЬМА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Сборник статей под ред. **А. Я. ВЫШИНСКОГО**

Издательство „Советское законодательство“ 1937 г. Стр. 248.

Цена в переплете **5 руб. 20 коп.**

Сборник состоит из статей, посвященных истории и современному состоянию тюрем в капиталистических странах и колониях, а также тюрьмам царской России.

СОДЕРЖАНИЕ:

- С. Я. БУЛАТОВ** — Лишение свободы в буржуазной уголовной политике.
М. Б. ГЕРНЕТ — Царская тюрьма.
М. М. ИСАЕВ — Тюремная политика буржуазии в колониях.
М. А. ЖЕССЛЕР — Труд в царской тюрьме.
Б. С. УТЕВСКИЙ — Тюремная политика фашизма.
Ф. ГАЛЛЕ — Международный конгресс уголовного права и тюремоведения и его политическое и уголовно-политическое значение.

Продажа в книжных магазинах и киосках КОГИЗа.

При отсутствии на местах, почтовые заказы направляйте в ближайшие областные (краевые) отделения КОГИЗа, а также по адресу: **Москва, КОГИЗ „Книга-почтой“**

Юридическое издательство Наркомюста СССР

Государственное издательство «Советское законодательство», входившее в систему ОГИЗ'а, ликвидировано. На его базе создано Юридическое издательство Наркомюста СССР. Юридическое издательство будет выпускать: кодексы, официальную литературу, комментарии и систематику, учебники и учебные пособия для правовых вузов и для заочного обучения, учебники и учебные пособия для юридических курсов и правовых школ НКЮ, пособия и руководства для судей, прокуроров, следователей.

Юридическое издательство будет выпускать научно-исследовательскую, инструктивную, массовую и популярно-инструктивную литературу, а также монографии.

Всего в 1937 году предполагается выпустить 100 книг.

Кроме книг Юридическое издательство НКЮ СССР выпускает журналы: «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Арбитраж», «Советское государство», «Собрание узаконений РСФСР», «Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР» и «Собрание законов СССР» первый и второй отделы.

Первый отдел «Собрания законов СССР» печатается на русском, украинском, белорусском, армянском, грузинском, узбекском, туркменском, тюркском, таджикском, казахском и киргизском языках.

В 1937 г. Издательство выпустит ряд книг на национальных языках. Управляющим издательством назначен тов. Татаркин Д. Ф.

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Редакционная коллегия: Г. И. Волков (зам. отв. редактора), Г. И. Едвабный, Г. М. Сегал, М. С. Строгович

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 8.II 1937 г.

Сдано в производство 11.II 1937 г.

Подписано к печати 2.III 1937 г. 10,5 п. л.; 26,5 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72 × 110/16

Ю—4 п.; № 189

Уполном. Главлита Б—5050

Заказ № 227.

Тираж 2000 экз

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 декабря 1936 г. под № 717 (семьсот семидесятым)

Монтажная к-ра при ГЛАВЛЕГМАШЕ НКТП СССР,

находящаяся в ведении Главлегмаша НКТП СССР.

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 16, тел. 1-97-52

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в госуд. реестре юрид. лиц 17 сентября 1936 г. под № 603 (шестьсот третьим).

Контора материально-технического снабжения „Стройтехснаб“ строитель- но-монтажного треста „Транс- нальсвязьстрой“ НКПС,

находящаяся в ведении «Транснальсвязьстрой» НКПС
Москва, Гороховская, д. 8, тел. К-1-06-10, доб. 2-19-23

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
4	—	1 снизу	примером	пример	корректоров изд-ва
6	правая	36 и 37 сверху	доканалы	доканалы	»
13	»	4 снизу	начинают	начинает	»
20	»	8 »	троцкистско	троцкистско	»
22	»	34 »	мом П. Киевского вы- ступает, как сложив- шийся	ным с антиленинской платформой по во- просу	типографии
23	»	21 сверху	социализма	социализма	корректоров изд-ва
27	»	30 »	«Главный	Главный	»
28	левая	11 снизу	торцкистско	троцкистско	»
32	правая	3 сверху	ших помощников—Ра- тайчака, Норкина; Му-	центр в составе испы- танных троцкистов: Му-	»
40	»	8 »	вместо	вместе	»
48	»	31 снизу	реждения	рождения	»
54	левая	22—23 сверху	покровительствовали	покровительствовал	»
54	»	25 сверху	приказами	приказам	»
57	»	29 »	предани	предании	»
59	»	33 снизу	системы	система	»

Соцзаконодательство № 2

лиц 28 августа 1936 г. под № 704 (семьсот четвертым)

Московская государственная организа- ция по розничной торговле промтова- рами „МОСТОРГ“,

находящаяся в ведении Мосгоринторга
Петровка, 10, тел. 3-68-29

лиц 31 июля 1936 года под № 691 (шестьсот девяносто первым)

Ростокинский районный ДОРОЖНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении президиума Ростокин-
ского райсовета

Адрес: Москва, Рождественка, 12, тел. 5-34-72

Юридическое издательство Наркомюста СССР

Государственное издательство «Советское законодательство», входившее в систему ОГИЗ'а, ликвидировано. На его базе создано Юридическое издательство Наркомюста СССР. Юридическое издательство будет выпускать: кодексы, официальную литературу, комментарии и систематику, учебники и учебные пособия для правовых вузов и

Издатель: Юридическое издательство НКЮ СССР

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 8. II 1937 г.

Сдано в производство 11. II 1937 г.

Подписано к печати 2. III 1937 г. 10,5 п. л.; 26,5 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72 × 110_{1/8}

Ю-4 п.; № 189

Уполном. Главлита Б-5050

Заказ № 227.

Тираж 20 000 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 декабря 1936 г. под № 717 (семьсот семнадцатым)

Монтажная к-ра при ГЛАВЛЕГМАШЕ НКТП СССР,

находящаяся в ведении Главлегмаша НКТП СССР.

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 16, тел. 1-97-52

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юрид. лиц 13 октября 1936 г. под № 742 (семьсот сорок вторым)

Советская районная контора по очистке домовладений,

находящаяся в ведении Президиума Советского райсовета

Москва, ул. Горького, 27, вход с Брюсовского пер., тел. К-4-91-01

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собран. закон. и распоряжен. правительства СССР» 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в госуд. реестре юридических лиц 14 декабря 1936 г. под № 727 (семьсот двадцать седьмым)

Московское городское отделение главного аптечного Управления Наркомздрава РСФСР,

находящееся в ведении Глав аптекоуправления НКЗ РСФСР

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 19

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 28 августа 1936 г. под № 704 (семьсот четвертым)

Московская государственная организация по розничной торговле товарами „МОСТОРГ“,

находящаяся в ведении Мосгорвиуторга Петровка, 10, тел. 3-68-29

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистриров. в госуд. реестре юрид. лиц 17 сентября 1936 г. под № 603 (шестьсот третьим).

Контора материально-технического снабжения „Стройтехснаб“ строительно-монтажного треста „Трансигнальсвязьстрот“ НКПС,

находящаяся в ведении «Трансигнальсвязьстрот» НКПС

Москва, Гороховская, д. 8, тел. К-1-06-00, доб. 2-19-23

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юрид. лиц 15 ноября 1936 г. под № 690 (шестьсот девяностым)

НКТП СССР Главное Управление Метизной промышленности „ГЛАВМЕТИЗ“, МОСКОВСКАЯ КОНТОРА,

находящаяся в ведении Главметиза НКТП

Москва, Рыбный пер., д. 3, тел. 5-75-35

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юрид. лиц 1 авг. 1936 г. под № 572 (пятьсот семьдесят вторым)

Контора материально-технического снабжения строительно-монтажного треста „ЦЕНТРОСТРОЙПУТЬ“,

находящаяся в ведении Центрального государственного Строймонтажного треста по ж. д. стр-ву «Центростройпуть»

Москва, ул. 25 Октября, № 10, тел. К-5-71-95

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 31 июля 1936 года под № 691 (шестьсот девяносто первым)

Ростокинский районный ДОРОЖНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении президиума Ростокинского райсовета

Адрес: Москва, Рождественка, 12, тел. 5-34-72

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительств СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хоз. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в госуд. реестре юридич. лиц 14 окт. 1936 г. под № 640 (шестьсот сороковым)

И-ра по проектированию и монтажу электромеханического оборудования для театрально-зрелищных предприятий СССР

„ГОСТЕАМОНТАЖ“,

находящаяся в ведении Центрального театрально-производственного комбината ЦТПК Москва, Ветшинный пер., 11, пом. 7, тел. К-4-21-19

9

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряж. правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 августа 1936 г. под № 696 (шестьсот девяносто шестым)

Кооперативно-промышленная производственная артель

„ЛИНОКСИЛЬ“,

находящаяся в ведении Мособлхипромсоюза Москва, Яузская ул., 1/15

Телефоны: Ж-1-79-13, Ж-1-87-32

10

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 5 августа 1936 г. под № 695 (шестьсот девяносто пятым)

Кооперативно-промышленная производственная артель

„ЭЛЕКТРОМЕТПРОМ“,

находящаяся в ведении Моссантехпромсоюза Москва, Лужниковская ул., 8, тел. В-1-65-55

11

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 сентября 1936 г. под № 599 (пятьсот девяносто девятым)

Московская контора по снабжению ГЛАВГИДРОЭНЕРГОСТРОЯ,

находящаяся в ведении „Главгидроэнергостроя“ (Москва, ул. Куйбышева, 4, пом. 24). Тел. 5-60-11. Расчетный счет № 40426 в МОК Госбанка

12

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 9 октября 1936 г. под № 630 (шестьсот тридцатым)

Московская контора (агентство)

„ГЛАВСТРОЙПРОМ“ по сбыту

и под № 631 (шестьсот тридцать первым) Моск. и-ра Главстройпрома по снабжению, находящаяся в ведении Главстройпрома НКТП СССР, Арбат, 20. Телефон Г-1-02-91

13

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в реестре юридических лиц под № 661 (шестьсот шестьдесят первым)

Транспортно-складская база снабжения

„ГЛАВМОСЛЕНХЛОПРОМ“,

находящаяся в ведении Главмосленхлопрома Адрес: Москва, Каланчевская ул., 1, тел. 5-46-66

14

НКЮ СССР

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ

Вл. Громов. „СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА В ПРИМЕРАХ“

(убийство, поджог, террор, грабеж и разбой)

Пособие (следственные упражнения) для следователей и правовых школ.

Предисловие Э. Э. Левентона

